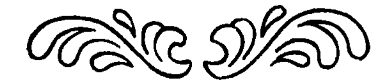
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН

КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО

Издание подготовили
Е. С. КАЛМАНОВСКИЙ и В. М. СЕЛЕЗНЕВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Б. Ф. ЕГОРОВ

С 4702010103-568 / 042(02)-89 Без объявл.

ISBN 5-02-027966-8

КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО

писал с натуры

А. СУХОВО-КОБЫЛИН

Wer die Natur mit Vernunft ansieht,
den sieht sie auch vernünftig an.

Hegel. Logik.[1]

Как аукнется, так
и откликнется.

Русский перевод.

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

Комедия в трех действиях

ДЕЛО

Драма в пяти действиях

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

Комедия-шутка в трех действиях

КАРТИНЫ ПРОШЕДШАГО

ПИСАЛЪ СЪ НАТУРЫ

А. СУХОВО-КОБЫЛИНЪ.

> Wer die Natur mit Vernunft ansieht,
> den sieht sie auch vernünftig an.
> *Hegel. Logik.*
>
> Какъ аукнется такъ и откликнется.
> *Русскій переводъ.*

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1869.

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО [2]

КОМЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

(Играна в первый раз
на Императорском Московском Театре
28 ноября 1855 года)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Константиныч Муромский — зажиточный ярославский помещик, деревенский житель, человек лет под 60.

Лидочка — его дочь.

Анна Антоновна Атуева — ее тетка, пожилая женщина.

Владимир Дмитрич Нелькин [3] — помещик, близкий сосед Муромских, молодой человек, служивший в военной службе. Носит усы.

Михаил Васильич Кречинский — видный мужчина, правильная и недюжинная физиономия, густые бакенбарды; усов не носит; лет под 40.

Иван Антоныч Расплюев — маленький, но плотненький человечек; лет под 50.

Никанор Савич Бек — ростовщик.

Щебнев — купец.

Федор — камердинер Кречинского.

Тишка — швейцар в доме Муромских.

Полицейский чиновник.

Слуги.

Действие происходит в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро. Гостиная в доме Муромских. Прямо против зрителя большая дверь на парадную лестницу, направо дверь в покои Муромского, налево — в покои Атуевой и Лидочки. На столе, у дивана, накрыт чай.

ЯВЛЕНИЕ 1

А т у е в а *(выходит из левой двери, осматривает комнату и отворяет дверь на парадную лестницу)*. Тишка! эй, Тишка!

Т и ш к а *(за кулисами)*. Сейчас-с. *(Входит в ливрее, с широкой желтой перевязью, нечесаный и несколько выпивши.*)*

А т у е в а *(долго на него смотрит)*. Какая рожа! . .

Молчание.

Отчего головы не чесал?

Т и ш к а. Никак-с нет, Анна Антоновна, я чесал.

А т у е в а. И рожи не мыл? . .

Т и ш к а. Никак нет, мыл; как есть мыл. Как изволили приказать, чтоб мыть, так завсегда и мою.

А т у е в а. Колокольчик немец принес? [4]

Т и ш к а. Принес, сударыня; он его принес.

А т у е в а. Подай сюда да принеси лестницу.

Тишка несет колокольчик и лестницу.

Ну, теперь слушай. Да ведь ты глуп: ты ничего не поймешь.

Т и ш к а. Помилуйте, сударыня, отчего же не понять? Я милости вашей все понимаю.

А т у е в а. Коли приедет дама, ты звони два раза.

Т и ш к а. Слушаю-с.

А т у е в а. Коли господин, ударь один раз.

Т и ш к а. Слушаю-с.

А т у е в а. Коли так, какая-нибудь дама или женщина — не звонить.

Т и ш к а. Можно-с.

А т у е в а. Коли магазинщик или купец какой, тоже не звонить.

---

* Автор находит неизбежным заметить, что предосудительное во всяком случае состояние Тишки нисколько не есть грубо-пьяный вид, который, к сожалению, нередко воспроизводится и на сцене, а только некоторая приятная настроенность организма, выражающася усердием исполнить свой долг, плоды которого, однако, бывают горьки, певучестию речи, едва заметным поискиванием равновесия и, главное, невозмущаемым спокойствием духа супротив вспыльчивости и трезвой раздражительности Анны Антоновны.

Тишка. И это, Анна Антоновна, можно.

Атуева. Понял?

Тишка. Я понял, сударыня, я очень понял.... А докладывать ходить уж не прикажете?

Атуева. Как не докладывать? непременно докладывать.

Тишка. Так перво прикажете звон сделать, а потом уж доложить?

Атуева. Этакий дурак! Вот дурак-то! Ну как же можно, глупая рожа, чтобы сперва звонить, а потом доложить!

Тишка. Слушаю-с.

Атуева. Ну, лезь прибивай.

Тишка с молотком и колокольчиком лезет по лестнице.

Стой.... так!

Тишка *(наставив гвоздь с колокольчиком)*. Так-с?

Атуева. Повыше.

Тишка *(подымаясь еще)*. Так-с?

Атуева. Повыше, тебе говорю.

Тишка *(вздергивает руку кверху)*. Так-с?

Атуева *(торопливо)*. Стой, стой.... куда?.. ниже!

Тишка *(опускает руку вниз)*. Так-с?

Атуева *(начинает сердиться)*. Теперь выше! Ниже!! Выше!!!. Ниже!!. Ах, ты, Боже мой! А, да что ты, дурак, русского языка не понимаешь?..

Тишка. Помилуйте, как не понимать!.. Я понимаю-с, я очень, сударыня, понимаю.

Атуева *(нетерпеливо)*. Чтó ты там болтаешь?..

Тишка *(снимает колокольчик вовсе с места и поворачивается к Атуевой)*. Я, сударыня, на тот счет, как вы изволите говорить, что я не понимаю, то я, сударыня, очень, очень понимаю.

Атуева. Чтó ж, ты прибьешь или нет?

Тишка. Как, матушка, приказать изволите.

Атуева *(теряет терпение)*. Аааа-ах ты, Боже мой!.. Да тут никакого терпенья не хватит!.. ты пьян!!!..

Тишка. Помилосердуйте. Я только, сударыня, о том докладываю, что вы изволите говорить, что я не понимаю, а я очень, сударыня, милости вашей понимаю.

Атуева *(складывая крестом руки)*. А! ты, разбойник, со мною шутку шутишь, что ли?.. Что ж, ты нарочно туда влез разговоры вести.... а? Прибивай!..

Тишка. Где милости вашей....

Атуева *(выходит совершенно из себя и топает ногою)*. Прибивай, разбойник, куда хочешь прибивай.... ну постой, постой, пьяная бутылка, дай мне срок: это тебе даром не пройдет.

Тишка *(немедленно наставляет гвоздь в первое попавшееся место и колотит его со всей мочи)*. Я понимаю.... я очень.... Матушка.... барын.... ту, ту, ту.... ууух!!!.. *(Свертывается с лестницы; она падает)*.

Шум. Вбегают слуги.

Атуева *(кричит)*. Боже мой! . . Батюшки! . . Он себе шею сломит.

Тишка *(очутившийся на ногах, улыбается)*. Никак нет-с, помилуйте.

Слуги подставляют лестницу и устраивают колокольчик.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Муромский, в халате, с трубкою, показывается из двери направо.

Муромский. Чтó это? чтó вы делаете?

Атуева. Ничего не делаем. Вот Тишка опять пьян.

Муромский. Пьян?

Атуева. Да! Воля ваша, Петр Константиныч: ведь он с кругу спился.

Тишка. Помилуйте, батюшка Петр Константиныч! Изволят говорить: пьян. Чем я пьян? Когда б я был пьян, где б мне с этакой махинницы свалиться да вот на ноги стать? . . Стал, сударь, гвоздь вгонять, обмахнулся, меня эдаким манером и вернуло.

Муромский *(смотрит на него и качает головою)*. Вернуло, тебя вернуло? . . Пошел, болван, в свое место.

Тишка выходит с крайнею осторожностию; слуги выносят лестницу.

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский и Атуева.

Муромский *(смотря вслед уходящему Тишке)*. Разумеется, пьян. . . . Да чтó тут за возня у вас?

Атуева. Колокольчик навешивали.

Муромский *(с беспокойством)*. Еще колокольчик! Где? что такое? . . *(Увидев навешенный колокольчик)*. Чтó это? здесь? в гостиной! . .

Атуева. Да.

Муромский. Да чтó ж, здесь в набат бить? . .

Атуева. Нынче везде так.

Муромский. Да помилуйте, ведь это глупость! ведь это черт знает что такое! . . А, да что и говорить! . . *(Ходит.)* Тут человеческого смысла нет. . . . Ведь это всякий раз себе язык прикусишь! . .

Атуева. И, полноте, батюшка, пустяки выдумывать! Отчего же тут язык прикусить? . . Пожалуйста, уж оставьте меня; я лучше вас знаю, как дом поставить.

Молчание. Муромский ходит по комнате. Атуева пьет чай.

Петр Константиныч! Надо будет вечеринку дать.

Муромский *(остановясь против Атуевой)*. Вечеринку? какую вечеринку? О какой вы вечеринке говорите?

Атуева. Обыкновенно о какой. Будто не знаете! ну балик, что ли. . . . вот как намедни было.

Муромский. Да ведь вы мне говорили, что вот последняя будет, уж больше не будет.

Атуева. Нельзя, Петр Константиныч, совсем нельзя: приличия, свет того требуют.

Муромский. Хорош ваш сахар — свет: требует! .. Да, как же, провались он в преисподнюю. . . . требует! .. у кого? у меня, что ли, требует? .. Полно вам, сударыня, егозить! Что вы это как умом рехнулись?

Атуева. Я умом рехнулась? ..

Муромский. Да! Вытащили меня в Москву: пошли затеи, балы да балы, денежная трата всякая, знакомство. . . . суетня, стукотня! .. Дом мой поставили вверх дном; моего казачка Петрушку [5] — мальчик хороший был — сорокой одели. Вот этого дурака Тишку, башмачника, произвели в швейцары, надели на него епанчу [6] какую-то; вот *(указывает на колокольчик)* колоколов навесили! звон такой идет по всему дому! ..

Атуева. Разумеется, звон. Я вам говорю,сударь: у всех людей так. . . .

Муромский. Матушка! ведь у людей дури много — всего не переймете! .. Ну что вы тут наставили! *(показывает на вазу с карточками)* какую кружку? какое благо собираете?

Атуева. Это? .. Визитные карточки.

Муромский *(покачав головою)*. Поголовный список тараторок, болтунов. . . .

Атуева. Визитные-то карточки?

Муромский. Праздношатаек, побродяг всесветных, людей, которые, как бухарцы [7] какие, слоняются день-деньской из дому в дом и таскают сор всякий, да не на сапогах, а на языке.

Атуева. Это светские люди?

Муромский. Да!

Атуева. Ха, ха, ха! и смех и горе! ..

Муромский. Нет! горе.

Атуева. Ну, что вы, Петр Константиныч, судите да рядите: ведь вы свету не знаете?

Муромский. И знать его не хочу!

Атуева. Ведь вы век целый торчали у себя в Стрешневе.

Муромский. Торчал, сударыня, торчал. Не вам жаловаться; на мое торчанье балики-то даете.

Атуева. Это, сударь, ваш долг.

Муромский. Балы-то давать?

Атуева. Ваша обязанность.

Муромский. Балы-то давать?!!

Атуева. У вас дочь невеста!

Муромский. Сзывать людей? *(Машет руками)*. Сюда! Сюда! .. И они же, благодетели, наедут, объедят, обопьют да нас же на смех подымут! ..

Атуева. Так с мужиками толковать лучше?

Муромский. Лучше. Когда с мужиком толкуешь, так или мне польза, или ему, а иное дело — обоим. А от вашего звону кому польза?

Атуева. Нельзя же все для пользы жить.

Муромский. Нельзя? .. Надо!

Атуева. Мы не нищие.

Муромский. Так будем нищие. . . . *(Махнув рукой.)* Да что с вами говорить!

Атуева. А вам бы вот забиться в захолустье да там и гнить в болоте, с какими-нибудь чудаками!

Муромский. Э, матушка! такие же чудаки, как и мы.

Атуева. Ну, уж не знаю. Понатерпелась я от них муки на прошедшем нашем бале! Ваша Степанида Петровна такой чепец себе взбрякала. . . . сама-то толстая, сидит на диване, что на самую ведь средину забилась. Как взгляну, так мне сердце-то и щемит, так и щемит! . .

Муромский. Что ж? она прилично была одета; она женщина хорошая.

Атуева. Да что в том, сударь, что хорошая? Об этом не спрашивают. . . . Прилично! . . Да о ней всякий спрашивал, кто, говорят, такая? Просто, я хоть бы сквозь землю провалилась.

Муромский. Что ж тут худого, что спрашивают, кто такая? Я тут худого не вижу. А вот что худо: девочка молоденькая — чему она учится? что слышит? Выйдет в двенадцатом часу из спальни — пойдет визитные карточки вертеть. . . . Вот тебе и занятие! Потом: гонять по городу; там в театр, там на бал. Ну, какая это жизнь? К чему вы ее готовите? чему учите? а? вертушкой быть? шуры-муры, коман ву порте ву?*

Атуева. Так как же, по-вашему, надо ее воспитывать? Чему учить?

Муромский. Делу, сударыня, порядку.

Атуева. Так возьмите немку.

Муромский. В своем доме занятию. . . .

Атуева. Чухонку!

Муромский. Экономии. . . .

Атуева. Экономку! . . шлюху!!

Муромский *(расставив руки)*. Помилосердуйте, сударыня! . .

Атуева. Что? правда-то глаза колет? . . то-то. . . . А вы скажите-ка мне решительно, хотите дать вечеринку или нет?

Муромский. Не хочу!

Атуева. Так я на свои деньги дам: свое состояние имею!

Муромский. Давайте! Я вам не указчик!

Атуева. Из ваших капризов не сидеть же девочке в углу, без кавалеров. Вам вот только чтоб расходов не было. Без расходов, сударь, девочку замуж не отдашь.

Муромский. Вона! . . эка ведь им гиль[8] в голову села: без расходов девочку замуж не отдашь! Сударыня! когда знают, что девочка скромная, дома хорошего, да еще приданое есть, так порядочный человек и так женится; а с расходами да с франдыбаченьем вашим так отдашь, что после наплачешься.

Атуева. Так, по-вашему, и упечь ее за какого-нибудь деревенского чучелу?

Муромский. Не за чучелу, сударыня, а за человека солидного. . . .

* Как вы поживаете? (от *франц.* comment vous portez-vous?)

Атуева *(перебивая его)*. Да, чтоб солидный человек ее в деревне и уморил? Уж вы насильно отдайте, свяжите по рукам и по ногам. . . .

Муромский. Переведите-ка, матушка, дух.

Атуева. Что-с? . .

Муромский. Духу, духу возьмите! . .

Атуева. Что же вы это, сударь. . . .

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Лидочка, очень разряженная, подходит к отцу.

Лидочка. Здравствуйте, папенька!

Муромский (*повеселев*). Ну вот и она. Кралечка ты моя! (*Берет ее за голову и целует.*) Баловница!

Лидочка *(подходит к тетке)*. Здравствуйте, тетенька!

Муромский. Ну, что же ты делала, с кем танцевала вчера?

Лидочка. Ах, папа, много! . .

Атуева. Мазурку с Михаилом Васильевичем!

Муромский. С Кречинским?

Лидочка. Да, папа.

Муромский. Помилуй, матушка! ему бы пора и бросить.

Атуева. Отчего это?

Муромский. Ну, уж человек в летах: ему ведь под сорок будет.

Атуева. С чего вы это взяли? лет тридцать с небольшим.

Лидочка. А как он ловко танцует! . . это чудо! . . особливо вальс.

Атуева. И молодец уж какой!

Муромский. Не знаю, что вам дался этот Кречинский. Конечно, мущина видный, — ну, приятный человек; зато, говорят, как в карты играет!

Атуева. И, мой отец, всего не переслушаешь. Это ваш все Нелькин жужжит. Ну, он где слышит, где бывает? Ну кто нынче не играет? Нынче все играют.[9]

Муромский. Игра игре рознь. А вот Нелькин карт в руки не берет.

Атуева. А вот вам Нелькин дался! Вы бы его в свете посмотрели, так, думаю, другое бы сказали. Ведь это просто срамота! Вот вчера выхлопотала ему приглашение у княгини — стащила на бал. Приехал. Что ж, вы думаете? Залез в угол, да и торчит там, выглядывает оттуда, как зверь какой: никого не знает. Вот что значит в деревне-то сидеть!

Муромский. Что делать! застенчив, свету мало видел. Это не порок.

Атуева. Не порок-то, не порок, а уж в высшем обществе ему не быть. Ведь непременно подцепит Лидочку вальсировать! Танцует плохо, того и гляди, ляпнется он с нею со всего-то маху — ведь осрамит!

Муромский *(вспыхнув)*. Сами-то. . . . широко очень плывете. . . . Не ляпнуться бы вам со всего-то маху.

Атуева. Ну, уж не ляпнусь.

Муромский *(уходя)*. Посередь-то высшего общества не сесть бы в лужу.

Атуева. И в лужу не сяду!

Муромский *(уходя)*. То-то, не сядьте.

Атуева. Не сяду. . . . не сяду.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же без Муромского.

Лидочка. Что́ это, тетенька, вы все папеньку сердите.

Атуева. Не могу, право, не могу. Вот дался ему Нелькин!

Молчание.

Лида! а что ты это с Кречинским говорила за мазуркой? Вы что-то очень говорили?

Лидочка *(нерешительно)*. Так, тетенька.

Атуева. По-французски?

Лидочка. По-французски.

Атуева. До смерти люблю. Вот сама-то я не очень, а ужасно люблю. Ну, а ты теперь порядочно?

Лидочка. Да, порядочно, тетенька!

Атуева. А какой у него — хороший выговор?

Лидочка. Да, очень хороший.

Атуева. У него это как-то ловко выходит, и он этак говорит часто, часто, так и сыплет! А как он это говорит: parbleu,* очень хорошо! Отчего это ты, Лидочка, никогда не говоришь parbleu?

Лидочка. Нет, тетенька, я иногда говорю.

Атуева. Это очень хорошо! Да что ты такая скучная?

Лидочка. Тетенька! я, право, не знаю, как вам сказать. . . . .

Атуева. Что, милая, что?

Лидочка. Тетенька! он вчера за меня сватался.

Атуева. Кто? Кречинский? Неужели? Что ж он тебе говорил?

Лидочка. Право, тетенька, мне как-то совестно. . . . только он говорил мне, что он меня так любит! . . *(Останавливается.)*

Атуева. Ну ты что ж ему сказала?

Лидочка. Ах, тетенька, я ничего не мо́гла сказать. . . я только спросила: «точно ли вы меня любите?»

Атуева. Ну а еще что?

Лидочка. Я больше ничего не могла сказать.

Атуева. То-то я видела, что ты все какую-то ленту вертела. Что ж? Неужто ты ему так-таки ничего больше и не сказала? Ведь я же тебе говорила, как надо сказать.

Лидочка. Да, тетенька, я ему сказала: parlez à ma tante et à papa.**

Атуева. Ну, вот так. Ты, Лидочка, хорошо поступила.

Молчание.

---

* Черт возьми (*франц.*).

** Поговорите с моей тетушкой и отцом (*франц.*).

Лидочка. Ах, тетенька, мне плакать хочется.

Атуева. Плакать? Отчего? Разве он тебе не нравится?

Лидочка. Нет, тетенька, очень нравится. *(Кидается ей на шею и плачет)*. Тетенька, милая тетенька! я его люблю! . .

Атуева. Полно, мой друг, полно! *(Отирает ей платком глаза.)* Ну что же? Он человек прекрасный. . . . знакомство большое. . . Ведь он всех знает?

Лидочка. Всех, тетенька, всех; со всеми знаком: он на бале всех знает. . . . Я только боюсь папеньки: он его не любит. Он все говорит, чтоб я вышла за Нелькина.

Атуева. И, мой друг, это все вздор. Ведь отцу потому хочется за Нелькина, что он вот сосед, живет в деревне, имение рядом, что называется, борозда к борозде: вот почему ему хочется за Нелькина.

Лидочка. Папенька говорит, что он очень добрый.

Атуева. Дак, как же! И, моя милая, в свете все так: кто глуп, тот и добр; у кого зубов нет, тот хвостом вертит. . . . А если выйдешь за Кречинского — как он дом поставит, какой круг сделает! . . Ведь у него вкус удивительный. . . .

Лидочка. Да, тетенька, удивительный! . .

Атуева. Как он наш солитер [10] обделал — это прелесть! Вот лежала вещь у отца в шкатулке; а ведь теперь кто увидит, все просто в восхищении. . . . Я вот переговорю с отцом.

Лидочка. Он мне говорил, тетенька, что ему надо ехать из Москвы.

Атуева. Скоро?

Лидочка. На днях.

Атуева. Надолго?

Лидочка. Не знаю, тетенька.

Атуева. Так, стало, ему надо ответ дать?

Лидочка *(со вздохом)*. Да, непременно надо.

Атуева. Ну, так я с отцом переговорю.

Лидочка. Тетенька! не лучше ли, чтобы он сам? Вы знаете, какой он ловкий, умный, милый. . . . *(Задумывается)*.

Атуева *(обидясь)*. Ну, делай, как хочешь. Ведь я тебе не мать.

Лидочка. Ах, тетенька, что́ вы это? Не оставляйте меня. Вы мне — мать, вы мне — сестра, вы мне — всё. Вы знаете, что я его люблю. . . . *(целует ее)* как я его люблю. . . . *(Останавливается.)* Ах, тетенька, какое это слово — люблю!

Атуева *(усмехаясь)*. Ну, полно, полно.

Лидочка. Я даже не знаю, что со мною делается. У меня сердце бьется, бьется и вдруг так и замрет. Я не знаю, что это такое.

Атуева. Это ничего, мой друг, это пройдет. . . . Вот, никак, отец идет. Мы сейчас и за дело.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Муромский.

Муромский. Ну, что вы? Вот тащит меня ваш Михаил Васильич на бег. Ну, что мне там делать? До рысаков я не охотник.

Атуева. Ну что ж? Вы хоть людей посмотрите.

Муромский. Каких людей? лошадей едем смотреть, а не людей.

Атуева. Что это, Петр Константиныч, ничего вы не знаете! Там теперь весь бомонд.*

Муромский. Да провались он, ваш бом.... *(Здоровый удар звонка).* Ай!.. Ах ты, черт возьми! что за попущение такое! Я этому Тишке все руки обломаю: терпенья нет. Матушка, я вам говорю *(указывая на колокольчик)*, извольте эти звонки уничтожить.

Атуева. Нельзя, Петр Константиныч, воля ваша, нельзя: во всех домах так.

Муромский *(кричит)*. Да что же вы, в самом деле? Ну, не хочу, да и только!

Атуева. Ах, батюшка, что вы это кричите? Господи! *(Указывая на дверь, тихо.)* Чужих-то людей постыдились бы.

Муромский оглядывается.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Нелькин, входит, раскланивается и жмет Муромскому руку.

Муромский. Где же вы это, Владимир Дмитрич, пропали? Я уж стосковался по вас.

Нелькин. Да, Петр Константиныч *(махает рукой)*, загулял совсем: все вот балы.... *(Оглядываясь на дверь.)* Ну, Анна Антоновна, какой вы резкий колокольчик-то повесили.... ого!..

Муромский. Ну, вот, видите: не я один говорю.

Нелькин. А впрочем, Петр Константиныч, я вам скажу: вчера на бале, у княгини, тоже того *(вертит головой)*... только что подымаюсь на лестницу.... освещено, знаете, как день; дома-то я не знаю; прислуги гибель,— все это в галунах.... подымаюсь, знаете, на лестницу, да и посматриваю: куда, мол, тут? Как звякнет он мне над самым ухом, так меня как варом обдало! Уж не чувствую, как меня в гостиную ноги-то вкатили.

Атуева. Зато они вас хорошо и вкатили....

Муромский *(перебивая)*. А я вам, сударыня, говорю, что вы меня этими колоколами выгоните из дому.

Нелькин. Да вы, Петр Константиныч, как собираетесь в Стрешнево?

Атуева. И не собираемся, батюшка! Разве после масленицы, а прежде — что в деревне-то делать?

Муромский. Да, вон видишь! Что в деревне делать? Толкуй вот с ними!.. Распоряжение, сударыня, надобно сделать к лету,— навоз вывезти: без навозу баликов давать не будете.

Атуева. Так что же у вас Иван-то Сидоров делает? Неужели же он и навоз-то на воза покласть не может?

Муромский. Не может.

* Бомонд — избранное общество (от *франц.* beau monde).

Атуева. Не знаю,— чудно, право.... Так неужели сам помещик должен навоз накладывать?

Муромский. Должен.

Атуева. Приятное занятие!

Муромский. Оттого все и разорились.

Атуева. От навозу!

Муромский. Да, от навозу.

Атуева. Ха, ха, ха! Петр Константиныч, вы, батюшка, хоть другим-то этого не говорите: над вами смеяться будут.

Муромский. Я, матушка, об этом не забочусь, что....

Такой же удар колокольчика. Все вздрагивают. Муромский перегибается назад и вскрикивает пуще прежнего.

Ай!.. Ах, Царь Небесный! Да ведь меня всего издергает. Я этак жить не могу.... *(Подходя к Атуевой.)* Понимаете ли, сударыня, я этак жить не могу! Что ж, вы меня уморить хотите?..

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Кречинский, входит бойко, одет франтом, с тростью, в желтых перчатках и лаковых утренних ботинках.

Кречинский. Петр Константиныч, доброе утро! *(Поворачивается к дамам и раскланивается.)* Mesdames! *(Идет, жмет им руки.)*

Нелькин *(стоя в отдалении, в сторону)*. Во! ни свет ни заря, а уж тут....

Кречинский что-то рассказывает с жестами и шаркает.

Скоморох, право, скоморох. Что тут делать? забавляет, нравится....

Дамы смеются.

Во!.. О женщины! Что вам, женщины, нужно? желтые нужны перчатки, лаковые сапоги, бакенбарды чтоб войлоком стояли и побольше трескотни!

Кречинский идет к углу, кладет шляпу и палку, снимает перчатки и раскланивается молча с Нелькиным.

Ах, Лидия, Лидия! *(Вздыхает.)*

Кречинский *(показывая на колокольчик)*. Анна Антоновна! а это что у вас за вечевой колокол повесили?

Атуева *(робко)*. Вечевой? как вечевой?

Кречинский. Громогласный какой-то.

Муромский *(идет к Кречинскому и берет его за руку)*. Батюшка Михайло Васильич! отец родной! спасибо, от души спасибо! *(К Атуевой.)* Что, Анна Антоновна, а? Да я уж и сам чувствую, что не в меру.

Кречинский. Что такое?

Муромский. Помилуйте! как что? Да ведь это напущение адское! болен сделался. Именно вечевой. Вот здесь как вече какое собирается.

Кречинский *(идет к колокольчику, все идут за ним и смотрят).* Да, велик, точно велик. . . . А! да он с пружинкой, à marteau. . . . .* знаю, знаю! . .

Нелькин *(в сторону).* Как тебе колоколов не знать: это по твоей части.

Атуева *(утвердительно).* Это мне немец делал.

Кречинский. Да, да, он прекрасный колокольчик; только его надо вниз, на лестницу. . . . его надо вниз.

Муромский. Ну вот оно! как гора с плеч. . . . *(Отворяет дверь на лестницу.)* Эй, ты, Тишка! епанча! пономарь пустой колокольни! поди сюда! . .

Является Тишка.

Поди сюда! сымай его, разбойника!

Тишка снимает колокольчик и уносит.

Кречинский *(очень развязно).* Лидия Петровна! как вы отдохнули после вчерашнего бала?

Лидочка. У меня голова что-то болит.

Кречинский. А ведь чудо как было весело!

Лидочка. Ах, чудо как весело!

Кречинский *(бойко).* Ну, Петр Константиныч, а какая Лидия Петровна была хорошенькая, да какая свеженькая, да какая миленькая. . . . . просто залюбоваться надо!

Лидочка *(несколько смутясь).* Михайло Васильич! остерегитесь: вы ведь себя немного хвалите.

Муромский. Как себя? Вота! . .

Лидочка. Разумеется, папенька! Ведь Михайло Васильич весь мой туалет придумывал. Мы ведь его с тетенькой к совету брали.

Муромский. Что ты? неужели? Скажите, батюшка! Как это вас на все станет? И дело вы всякое знаете, и пустяк всякий знаете!

Кречинский. Что делать, Петр Константиныч! такой уж талант. А вот теперь не угодно ли пожаловать на двор да обсудить мой талант по другой части. *(Берет Муромского под руку.)*

Муромский. Чтó, чтó такое? Куда на двор?

Кречинский *(любезничая).* А забыли?

Муромский. Право, не знаю.

Кречинский. А я вот даром что туалеты советую, а помню. А бычка-то?

Муромский. А, да, да, да! Ну что же? Вам его привели из деревни?

Кречинский. Да, уж он тут. Он у вас на дворе с полчаса бунтует.

Муромский *(берет шапку).* Любопытно, любопытно взглянуть.

Кречинский. Mesdames, мы сейчас. *(Берет развязно Муромского под руку и уводит.)*

---

* С молоточком *(франц.)*.

ЯВЛЕНИЕ IX

Атуева, Лидочка и Нелькин.

Атуева *(указывая на уходящего Кречинского)*. Вот что называется, Владимир Дмитрич, светский человек! .. Charmant, charmant.*

Нелькин. Да, он человек, того. . . . разбитной, веселый. . . . Ну, а уж хорошего о нем мало слышно.

Атуева. Где, батюшка, слышно? в какой щели слышно?

Нелькин. Страшный, говорят, игрок.

Атуева *(с досадой)*. Ну, уж вы, батюшка, с вашими рассказами и понаскучили мне. . . . извините меня. Кроме сплетней городских, ничего от вас и не слышно. Ведь вы Москву не знаете: ведь что вам первый встречный скажет, то и несете. Так, батюшка, жить в городе нельзя. Вы человек молодой; вы должны осмотрительно говорить, да и в знакомстве быть поразборчивее. Ну, с кем вы это намедни в театре сидели? Кто такой?

Нелькин. Это так, Анна Антоновна, один здешний купец.

Атуева. Купец?!! Извольте, вот с купцом знакомство свели!

Нелькин. Помилуйте, Анна Антоновна! он очень богатый купец. . . . у него дом какой! . .

Атуева. А что́, что у него дом? И у мещанина дом. Разве купец вам компания? да и в публике! Ну, теперь из высшего общества-то кто вас увидит, вот вас принимать-то и не станут.

Нелькин. Да ведь я, Анна Антоновна, за этим не гонюсь.

Лидочка *(вспыхнув)*. К чему же вы это говорите? Кто ж за этим гонится?

Нелькин *(спохватясь)*. Лидия Петровна! позвольте: я это так сказал, уверяю вас; я не хотел что-нибудь сказать. . . .

Атуева. Ну, хорошо, хорошо! Бог с вами, мой отец! а вы уж лучше перестаньте о людях дурное говорить. Таков свет, батюшка: хороши вы, так скажут, что не в меру глуп; богаты — урод; умны — объявят негодяем или чем и краше того. Таков уж свет. Бог с ними! что человек есть, то он и есть.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, Кречинский и Муромский входят скоро.

Муромский. Любезный мой Михайло Васильич! *(Берет его за руку.)* Благодарю, благодарю! Да того. . . . мне, право, совестно.

Кречинский. Полноте, пожалуйста!

Муромский. Ей-ей, совестно. . . . Как же это? Лида, Лидочка! . .

Лидочка. Что, папенька?

Муромский. Да вот, смотри, ведь мне Михайло Васильич бычка-то подарил. . . .

Лидочка *(ласкаясь к отцу)*. Что ж, хорош, папенька?

---

* Очаровательно, прелестно (*франц.*).

Муромский (*зажмуривается*). Уди-ви-тельный! .. Вообрази себе: голова, глаза, морда, рожки! .. (*Опять зажмуривается.*) Удивительный.... Так он из вашего симбирского имения?

Кречинский. Да, из моего симбирского имения.

Муромский. Так у вас в Симбирске имение?

Кречинский. Да, имение.

Муромский. И скотоводство хорошее?

Кречинский. Как же, отличное.

Муромский. Вы и до скотины охотники?

Кречинский. Охотник.

Муромский. О, Господи! и насчет укопу таки тово....

Кречинский (*усмехаясь*). Таки тово.

Муромский. А вот уж до деревни, кажется, нет....

Кречинский (*горячо*). Кто вам сказал? Да я обожаю деревню.... Деревня летом — рай.[11] Воздух, тишина, покой! .. Выйдешь в сад, в поле, в лес — везде хозяин, все мое. И даль-то синяя и та моя! Ведь прелесть!

Муромский. Вот так-то я сам чувствую.

Кречинский. Встал рано, да и в поле. В поле стоит теплынь, благоухание... Там на конный двор, в оранжереи, в огород...

Муромский. А на гумно?

Кречинский. И на гумно.... Все живет; везде дело, тихое, мирное дело.

Муромский (*со вздохом*). Именно тихое, мирное дело... Вот, Анна Антоновна, умные-то люди как говорят!

Кречинский. Занялся, обошел хозяйство, аппетиту добыл — домой! .. Вот тут что нужно, Петр Константиныч, а? скажите, что нужно?

Муромский (*весело*). Чай, решительно, чай.

Кречинский. Нет, не чай: нужнее чаю, выше чаю.

Муромский (*в недоумении*). Не знаю.

Кречинский. Эх, Петр Константиныч! вы ли не знаете?

Муромский (*подумав*). Право, не знаю.

Кречинский. Жена нужна! ..

Муромский (*с увлечением*). Правда, совершенная правда!

Кречинский (*продолжая*). Да какая жена? (*Смотрит на Лидочку.*) Стройная, белокурая, хозяйка тихая, безгневная. Пришел, взял ее за голову, поцеловал в обе щеки.... «Здравствуй, мол, жена! давай, жена, чаю! ..»

Атуева. Ах, батюшка! Вот манеры-то! Этак жене-то хоть и не причесываться.

Кречинский. Полноте, Анна Антоновна! Жены не сердятся, когда им мужья прически мнут; когда не мнут — вот обида.

Муромский смеется.

А самовар уж кипит. Смотришь, вот и старик-отец идет в комнату; седой как лунь, костылем попирается, жену благословляет; тут шалунишка внучек около него вьется, — матери боится, а к дедушке льнет. Вот это я

называю жизнь! Вот это жизнь в деревне. . . . *(Оборачиваясь к Лидии.)* Что ж, Лидия Петровна, вы любите деревню?

Лидочка. Очень люблю.

Атуева. Да когда же ты деревню любила?

Лидочка. Нет, тетенька, я люблю. Я, Михайло Васильич, очень люблю голубей. Я их сама кормлю.

Кречинский. А цветы любите?

Лидочка. Да и цветы люблю.

Атуева. Ах, мой Создатель! теперь она все любит.

Кречинский. Однако мы заболтались. *(Смотрит на часы.)* Уж час, Петр Константиныч! Нам пора: опоздаем. Да вы принарядитесь: народу ведь гибель будет.

Муромский *(в духе)*. А что? . . Ну, что ж, пожалуй, и мы тряхнем деревенщиной. . . . Отказать-то нельзя: человек любезный.

Лидочка *(подбегая к отцу)*. И точно, принарядитесь, папашенька, право, принарядитесь. Что вы в самом деле стариком прикинулись! . . Ангельчик вы мой *(целует его)*. . . . пойдемте. . . . душенька моя. *(еще целует)*. . . .

Кречинский *(почти в то же время)*. Браво, Лидия Петровна, браво! . . так его, так. . . . хорошенько. . . . Что он, в самом деле. . .

Муромский *(смеется и ласкает дочь)*. Я-то прикинулся. . . . а? . . какова шалунья? . .

Лидочка его уводит. Нелькин выходит за ними в покои Муромского.

ЯВЛЕНИЕ XI

Атуева и Кречинский.

Кречинский *(осматривается)*. Как же вам, Анна Антоновна, нравится моя картина деревенской жизни?

Атуева. Неужто вы точно любите деревню?

Кречинский. Кто? я? что вы! Да я нарочно.

Атуева. Как нарочно?

Кречинский. Да почему же не повеселить старика?

Атуева. Да это ему такое удовольствие, когда деревню хвалят.

Кречинский. Вот видите! А я желаю, Анна Антоновна, чтоб вы узнали истинную причину моих слов.

Атуева. Какую же это причину?

Кречинский. Анна Антоновна! Кто вас не оценит, кто не оценит воспитания, какое вы дали Лидии Петровне?

Атуева. Вот, Михайло Васильич, представьте себе, а Петр Константиныч все бранит меня.

Кречинский. Кто? старик-то? Ну, Анна Антоновна, его извинить надо: ведь он хозяин; а эти хозяева, кроме скотных дворов и удобрений, ничего не видят.

Атуева. А ведь действительно, он мне вот нынче утром говорил, что все разорились оттого, что о навозе не хлопочут.

Кречинский. Ну, так и есть! видите, какие понятия! Теперь ваш дом ведь прекрасный дом. В нем все есть; одного нету — мущины. Будь теперь у вас мущина, знаете, этакий ловкий, светский, совершенный comme il faut,*[12] — и дом ваш будет первый в городе.

Атуева. Я это сама думаю.

Кречинский. Я долго жил в свете и узнал жизнь. Истинное счастие — это найти благовоспитанную девочку и разделить с ней все. Анна Антоновна! прошу вас. . . . дайте мне это счастие. . . . В ваших руках судьба моя. . . .

Атуева *(жеманно)*. Каким же это образом? Я вас не понимаю.

Кречинский. Я прошу руки вашей племянницы, Лидии Петровны.

Атуева. Счастие Лидочки для меня всего дороже. Я уверена, что она будет с вами счастлива.

Кречинский *(целуя у Атуевой руки)*. Анна Антоновна! как я благодарен вам!

Атуева. Вы еще не говорили с Петром Константинычем?

Кречинский. Нет еще.

Атуева. Его согласие необходимо.

Кречинский. Знаю, знаю. *(В сторону.)* Оно мне колом в горле стало.

Атуева. Как вы говорите?

Кречинский. Я говорю. . . благословение родительское — это такой. . . как бы вам сказать? . . камень, на котором все строится.

Атуева. Да, это правда.

Кречинский. Как же нам с ним сделать?

Атуева. Я, право, в нерешимости.

Кречинский. А вот что: теперь, кажется, минута хорошая; я сейчас еду на бег: меня там теперь дожидается все общество; с князем Владимиром Бельским у меня большое пари. А вы его задержите здесь, да и введите в разговор. Скажите ему, что я спешил, боялся опоздать, что меня там все дожидаются. Да к этому-то и объясните мое предложение. *(Берет шляпу.)*

Атуева. Хорошо, понимаю.

Кречинский *(жмет ей руку)*. Прощайте! Поручаю вам судьбу мою.

Атуева. Будьте уверены; я все сделаю. Прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Кречинский один, потом Нелькин.

Кречинский *(думает)*. Эге! Вот какая шуточка! Ведь это целый миллион в руку лезет. Миллион! Эка сила! Форсировать или не форсировать — вот вопрос![13] *(Задумывается и расставляет руки.)* Пучина, неизведомая пучина. Банк! Теория вероятностей — и только.[14] Ну, а какие здесь вероятности? Против меня: папаша — раз; хоть и тупенек, да до фунда-

* Человек хорошего тона, точно отвечающий светским правилам (*франц.*).

менту охотник. Нелькин — два. Ну, этот, что говорится, ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец. Теперь за меня: вот этот вечевой колокол — раз; Лидочка — два и. . . да! мой бычок — три. О, бычок — штука важная: он произвел отличное моральное действие.

Нелькин выходит из боковой двери и останавливается.
Кречинский надевает шляпу.

Как два к трем. Гм! надо полагать, женюсь. . . . *(утвердительно)* женюсь! *(Уходит.)*

Нелькин *(в изумлении)*. Женюсь?!! Господи! не во сне ли я? На ком? на Лидии Петровне. . . Ну, нет. Хороша ягодка, да не для тебя зреет. . . . Давеча уж и голубя пустил. . . . «Жена, говорит, нужна жена», и черт знает чего не насказал. Остряк! лихач! разудаль проклятая! . . А старика все-таки не сшибешь: он, брат, на трех сваях сидит, в четвертую уперся; да вот я помогу; так не сшибешь. Что ты нам с парадного-то крыльца рысаков показываешь; — мы вот на заднее заглянем, нет ли там кляч каких. Городская птица — перед кармазинный, а зад крашенинный.[15] Постой, постой, я тебя отсюда выкурю! У тебя грешки есть; мне уж в клубе сказывали, что есть. . . .

Муромский *(за кулисою)*. Напиши, сейчас напиши!

Нелькин. *(уходя)*. То есть всю подноготную дознаю, да уж тогда прямо к старику; что мол, вы, сударь, смотрите? себя-то берегите!

Муромский *(показывается в дверях)*. Владимир Дмитрич! у нас, что ли, обедаешь?

Нелькин *(из дверей)*. У вас, Петр Константиныч, у вас. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

Муромский, во фраке, со шляпою в руке, входит скоро, с озабоченным видов; потом Атуева.

Муромский. Я их знаю: им только повадку дай — копейки платить не будут. *(Идет к двери и кричит.)* Кондратий! Слышишь? так и напиши: всех в изделье![16] Михаил Васильич! Где же он? Я так и знал. *(Опять идет к двери.)* Ты Акиму-то напиши. Я и его в изделье упеку. Он чего смотрит? Брюхо-то ростит! Брюхо на прибыль, а оброк на убыль — порядок известный. . . . Михайло Васильич!

Входит Атуева.

Вот вам, сударыня, и московское житье!

Атуева. Что такое?

Муромский. А вот что: по Головкову семь тысяч недоимки!

Атуева. Серебром?

Муромский. Во, во, серебром![17] *(Кричит.)* Что вы! совсем уже рехнулись!

Атуева. Да что́ ж у вас Иван Сидоров-то делает?

Муромский. А вот вы съездите к нему, да и спросите *(пискливо)*: что́ ты, Иван Сидоров, делаешь? .. У — вы!! *(Оборачивается.)* Михайло Васильич! Да где же он?

Атуева. Он уехал, заспешил так; говорит: опоздаю.

Муромский. На бег уехал?

Атуева. Да, на бег. Его там все дожидаются: рысаки, члены. У него пари какое-то. . . .

Муромский. Ну, я его там найду.

Атуева. Мне с вами надо словечко сказать: вы останьтесь.

Муромский. Во! теперь останьтесь. Что я вам как пешка дался: то ступай, то не езди.

Атуева. Мне до вас дело есть.

Муромский. Дело? какое дело? Опять пустяки какие-нибудь.

Атуева. Вот увидите. Положите-ка шляпу. Я сейчас имела продолжительный разговор с Михайлом Васильичем Кречинским.

Муромский. Да вы всякий день с ним имеете продолжительные разговоры — всего не перескажете.

Атуева. Очень ошибаетесь. Я удивляюсь, что вы ничего не понимаете.

Муромский. Ни чорта не понимаю.

Атуева. Однако человек ездит каждый день. . . . прекрасный человек, светский, знакомство обширное. . . .

Муромский. Ну, он с ним и целуйся.

Атуева. У вас, сударь, дочь.

Муромский *(смотря в потолок)*. Я двадцать лет знаю, что у меня дочь; мне ближе знать, чем вам.

Атуева. И вы ничего не понимаете?

Муромский. Ничего не понимаю.

Атуева. Ох, Господи!

Муромский *(спохватясь)*. Что такое? уж не сватовство ли какое?

Атуева. А разве Лида ему не невеста?

Муромский. Уж он человек в летах.

Атуева. Разумеется, не молокосос.

Муромский. Да Лидочка за него не пойдет.

Атуева. Не пойдет, так не отдадим, а если пойдет — что вы скажете?

Муромский. Кто? я?

Атуева. Да.

Муромский. Скажу я. . . . *(посмотря на нее и скоро)* таранта!

Атуева. Что ж это такое таранта?

Муромский. Бестолковщина, вздор, сударыня!

Атуева. Не вздор, сударь, а я у вас толком спрашиваю.

Муромский. А толком спрашиваете, так толком надо и подумать.

Атуева. Что ж тут думать? Вы думаньем дочь замуж не отдадите.

Муромский. Так что ж! Очертя голову, первому встречному ее и нацепить на шею? Надо знать, кто он такой, какое у него состояние. . . .

Атуева. Что ж, у него пачпорт спрашивать?

Муромский. Не пачпорт, а знать надо. . . .

Атуева. А вы не знаете? Ездит человек в дом зиму целую, а вы не знаете, кто он такой. Видимое, сударь, дело: везде принят. . . . в свете известен. . . . князья да графы ему приятели.

Муромский. Какое состояние?

Атуева. Ведь он вам сейчас говорил, что у него в Симбирске имение, да и бычка подарил.

Муромский. Какое имение? имение имению рознь.

Атуева. Да уж видно, что хорошее имение. Вон его нынче целое общество дожидается: без имения общество дожидаться не будет.

Муромский. Вы говорите, а не я.

Атуева. Да что ж вы-то говорите?

Муромский. Какое у него имение?

Атуева. Да что вы, батюшка, ко мне пристали?

Муромский *(нетерпеливо)*. А вы что ко мне пристали?

Атуева. Что вы, батюшка, кричите? Я не глухая. Вы мне скажите, Петр Константиныч, чего вам-то хочется? . . Богатства, что ли? . . У Лидочки своего-то мало? Что это у вас, мой отец, за алчность такая? Копите, — а все мало. Лишь бы человек был хороший.

Муромский. А хороший ли он?

Атуева. Могу сказать: прекрасный человек.

Муромский. Прекрасный человек! а послушаешь, так в карты играет, по клубам шатается, должишки есть.

Атуева. Может, и есть; а у кого их нет?

Муромский. Кто в долгу, тот мне не зять.

Атуева. Право? Ну, так поищите.

Муромский. Что ж делать! поищу!

Атуева. Уж сами и поищите.

Муромский. Сам и поищу.

Атуева. А дочери в девках сидеть?

Муромский. Делать нечего: сидеть. Не за козла же ее выдать.

Атуева. Ну, Михайло-то Васильич козел, что ли?

Муромский. Переведите, матушка, дух!

Атуева. Что-о-о?

Муромский. Духу, духу возьмите.

Атуева. Что же это, сударь! я вам шутиха досталась, что ли? Говорить-то вам нечего. . . . то-то.

Муромский. Нечего? . . мне говорить нечего? . . Так я вам вот что скажу: вам он нравится и Лидочке нравится, да мне не нравится — так и не отдам.

Атуева *(горячась)*. Ну, вот, давно бы так: вот оно и есть! Так, по вашим капризам, дочери несчастной быть? . . Отец! . . Что же вы ей такое? злодей, что ли?

Муромский *(запальчиво)*. Кто это злодей? я, что ли? . . я-то? . .

Атуева *(так же)*. Да, вы, вы! . .

Муромский. Нет, так уж вы! . .

Атуева *(указывая на него пальцем)*. Ан вы! . .

Муромский *(указывая на нее пальцем)*. Нет, вы! . .

Атуева. Ан вы! . . Что же вы меня пальцем тычете? . .

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Лидочка, вбегает.

Лидочка. Тетенька, тетенька! . .

Атуева *(с тем же жаром)*. Нету, нету моего терпения! . . Делай, матушка, как хочешь.

Лидочка. Что это, что, папенька?

Муромский *(присмирев)*. Ничего, мой дружочек: мы так с теткой говорили. . . .

Атуева *(с новым жаром)*. Что тут — дружок? какой дружок! Вы дружку-то своему скажите, что́ вы такое говорили. . . . Что ж вы стихли? . .

Муромский. Я, сударыня, не стих, мне стихать нечего.

Лидочка. Тетенька! милая тетенька! пожалуйста, прошу вас! . .

Атуева. Да что ты меня, матушка, уговариваешь? Ведь я не дура. . . . Ну, что же вы, сударь, стали? спрашивайте! . . Ведь он ответу ждет!

Лидочка смотрит на обоих и начинает плакать.

Муромский. Ну, вот я и спрошу: скажи мне, Лида, пойдешь ли ты замуж против моей воли?

Лидочка. Я, папенька? . . Нет! . . нет! никогда! . . *(Бросается к Атуевой на шею.)* Тетенька! видите? . . *(Сквозь слезы.)* Я, тетенька, в монастырь пойду. . . . к бабушке. . . . мне там лучше будет. . . . *(Плачет.)*

Муромский. В монастырь? . . Господь с тобой! . . что ты это! . . *(Хлопочет около нее.)*. Ну, вот, погоди, мы подумаем. . . . *(Обтирает ей слезы.)* Не плачь. . . . мы подумаем. . . . Господи! что это такое? . .

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и Кречинский, быстро входит.

Муромский. О Боже мой! Михайло Васильич!

Кречинский *(развязно)*. Ну, Петр Константиныч, бег мы прогуляли. . . . *(Останавливается.)*

Муромский шепчется с Лидочкой.

(Тихо Атуевой.) Что такое?

Атуева. Да вот, все говорит: хочу подумать.

Кречинский. А вы рассердились?

Атуева *(поправляет чепец)*. Нет, ничего.

Кречинский. Петр Константиныч! скажите, что это у вас? . . Позвольте с вами поговорить откровенно; ведь это лучше. Я человек прямой: дело объяснится просто, и никто из нас в претензии не будет. Ведь это ваш суд, ваша и воля.

Муромский. Да мы это промеж себя; у нас так, разговор был совсем о другом.

Кречинский *(смотря на всех)*. О другом? не думаю и не верю. . . . По-моему, в окольных дорогах проку нет. Это не мое правило: я прямо

действую. Вчера я сделал предложение вашей дочери, нынче я говорил с Анной Антоновной, а теперь и сам перед вами.

Муромский. Но ведь это так трудно, это такая трудность, что я попрошу вас дать нам несколько времени пораздумать.

Кречинский. А я полагал, что вы имели время раздумать.

Муромский. Нет. Мне Анна Антоновна только что сообщила. . . .

Кречинский. Да я не об этом говорю: я уже несколько месяцев езжу к вам в дом, — и вы имели время раздумать. . . .

Муромский. Нет, я ничего не думал.

Кречинский. Вина не моя, а ваша. Вольно вам не думать, когда вы знаете, что без особенной цели благородный человек не ездит в дом и не компрометирует девушку.

Муромский. Да, конечно. . . .

Кречинский. Поэтому я буду просить вас не откладывать вашего решения. На этих днях мне непременно надо ехать. Я об этом говорил Лидии Петровне.

Муромский *(в нерешимости)*. Как же это, я, право, не знаю.

Кречинский. Что вас затрудняет? мое состояние?

Муромский. Да, ну и о состоянии.

Кречинский. Да вы его видите: я не в щели живу. Я поступаю иначе: о приданом вашей дочери не спрашиваю.

Муромский. Да что ее приданое! она ведь у меня одна.

Кречинский. И я у себя один.

Муромский. Все это так, Михайло Васильич, согласен; только, знаете, в этих делах нужна, так сказать, положительность.

Кречинский. Скажу вам и положительность: мне своего довольно; дочери вашей своего тоже довольно. Если два довольно сложить вместе, в итоге нужды не выйдет?

Муромский. Нет, разумеется, нет.

Кречинский. Так вы богатства не ищете?

Муромский. Нет, я богатства не ищу.

Кречинский. Так чего же? Вы, может быть, слышали, что мои дела расстроены?

Муромский. Признаюсь вам, был такой разговор.

Кречинский. Кто же из нас, живучи в Москве, не расстроен? Мы все расстроены. Ну, сами вы устроили состояние с тех пор, как здесь живете?

Муромский. Куда, помилуйте! омут!

Кречинский. Именно омут. Нашему брату, помещику, одно зло — это город.

Муромский. Великую вы правду сказали: одно зло — это город.

Кречинский. Я из Москвы еду.

Муромский. Неужели в деревню?

Кречинский. Да, в деревню.

Муромский. Вы разве любите деревню? . .

Кречинский *(с движением)*. Эх, Петр Константиныч! есть у вас верное средство, чтоб вокруг вас все полюбили деревню! *(Берет Лидочку*

за руку.) Друг друга мы любим, горячо любим, так и деревню полюбим. Будем с вами, от вас ни шагу; хлопотать вместе и жить пополам.

Лидочка. Папенька! милый папенька! . .

Кречинский. Помните, что я говорил давеча: седой-то старик со внуком — ведь это вы. . . .

Лидочка. Папенька, папенька! ведь это вы. . . .

Приступают к нему.

Муромский *(попячиваясь)*. Нет, нет, позвольте! Как же это? . . позвольте. . . . я и не думал. . . .

Атуева. Ничего вы, Петр Константиныч, больше не придумаете: это, батюшка, судьба, воля Божия! . .

Муромский *(поглядев на всех и вздохнув)*. Может, и действительно воля Божья! Ну, благослови, Господь! Вот, Михайло Васильич, вот вам ее рука, да только смотрите. . . .

Кречинский. Что?

Муромский. Вы сдержите слово о седом-то старике?

Кречинский *(подводя к нему Лидочку)*. Вот вам порука! Что? верите?

Муромский. Дай-то Господи!

Кречинский. Анна Антоновна! *(Подводит к ней Лиду.)* Благословите нас и вы.

Атуева. Вот он же меня не забыл. *(Подходит к Кречинскому и Лидочке.)* Дети мои! будьте счастливы.

Лидочка *(целуя ее)*. Тетенька, милая тетенька! Боже мой! Как мое сердце бьется. . . .

Атуева. Теперь ничего, мой друг! это к добру.

Муромский *(подходит к Лидочке и ласкает ее)*. Ну, ты, моя душенька, не будешь плакать? а?

Лидочка. Ах, папенька! как я счастлива!

Кречинский. Ну, Петр Константиныч, а какой мы скотный двор сделаем в Стрешневе. Увидите, ведь я хлопотун.

Муромский *(весело)*. Ой ли?

Кречинский. Ей-ей! Слушайте меня *(говорит будто по секрету)*: всю тирольскую заведем.[18]

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Нелькин, входит и останавливается у двери в изумлении.

Муромский. Да ведь она того. . . . нежна очень. . . .

Кречинский *(целуя руки у Лидочки)*. Нет, не нежна.

Муромский. Право, нежна.

Нелькин *(подходит быстро)*. Что? что это? Кто нежна?

Кречинский *(оборачивается к Нелькину)*. Скотина!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Квартира Кречинского.

ЯВЛЕНИЕ I

Утро. Кабинет, роскошно убранный, но в большом беспорядке, столы, бронза. С одной стороны сцены бюро, обращенное к зрителю; с другой — стол. Федор медленно убирает комнату.

Федор. Эх, хе, хе, хе, хе! *(Вздыхает глубоко и медленно.)* Вот какую нанесло. . . . вот какую нелегкую нанесло — поверить невозможно. Четвертый день уж и не топим; и покои холодные стоят, а что́ делать, не топим. . . . *(Помолчав.)* А когда в Петербурге-то жили — Господи, Боже мой! — что денег-то бывало! какая игра-то была!. . И ведь он целый век все такой-то был: деньги — ему солома, дрова какие-то. Еще в университете кутил порядком, а как вышел из университету, тут и пошло и пошло, как водоворот какой! Знакомство, графы, князья, дружество, попойки, картеж. И без него молодежь просто и дыхнуть не может. Теперь: женский пол — опять то же. . . . Какое количество у него их перебывало, так этого и вообразить не можно! По вкусу он им пришелся, что ли, только просто отбою нет. Это письма, записки, цыдулии всякие, а там и лично. И такая идет каша: и просят-то, и любят-то, и ревнуют, и злобствуют. Ведь была одна такая, — такая одна была: богатеющая, из себя, могу сказать, красоточка! Ведь на коленях перед ним по часу стоит, бывало, ей-ей, и богатая, руки целует, как раба какая. Власть имел, просто власть. Сердечная! Денег? Да я думаю, тело бы свое за него три раза прозакладывала! Ну, нет, говорит, я бабьих денег не хочу; этих денег мне, говорит, не надо. Сожмет кулак — человек сильный — у меня, говорит, деньги будут; я, говорит, гулять хочу! И пойдет и пойдет! Наведет содом целый, кутит так, что страхи берут. До копейки все размечет. . . . Ведь совсем истерзалась и потухла, ей-ей. Слышно, за границей и померла. . . . Было, было, батюшки мои, все было, да быльем поросло. . . . А теперь и сказать невозможно что такое. Имение в степи было — фию! ему и звания нет; рысаков спустили, серебро давно спустили; даже одежи хватили несколько. . . . Ну, просто как омут какой: все взяла нелегкая! Хорошие-то товарищи, то есть бойцы-то, поотстали, а вот навязался нам на шею этот Расплюев. Ну, что из него толку-то? что, говорится, трем свиньям корму не раздаст. . . .

Звонят.

Во! ни свет ни заря, а ты уж корми его, колоды ему подбирай, как путному. «Мне, братец, нельзя, я, говорит, в таком обществе играю». А какое общество?. . Вчера отправился куда-то, ухватил две колоды, то есть что есть лучшего подбора. . . . Ну, может быть, и поработали. . . . Дай-то Господи!. .

Звонят.

Эх, хе, хе, хе! пойдти впустить.

ЯВЛЕНИЕ II

Расплюев и Федор.

Расплюев *(небрежно одетый, расстроенный, с измятою на голове шляпою)*. Что ж? ты уж и пускать не хочешь, что ли?

Федор. Виноват, Иван Антоныч, недослышал.

Расплюев *(идет прямо к авансцене и останавливается, задумавшись)*. Ах ты, жизнь!

Федор *(в сторону)*. Что-то не в духе.

Расплюев. Боже ты мой, Боже мой! что ж это такое? Вот, батюшки, происшествие-то! Голова, поверите ли? Вот что. . . . *(Показывает руками.)* Деньги. . . . карты. . . . судьба. . . . счастие. . . злой, страшный бред! . . Жизнь. . . . Было времечко, было состояньице: съели, проклятые. . . . потребили все. . . . Нищ и убог!. .

Федор *(подходит к Расплюеву)*. Что ж, Иван Антоныч, была игра, что ли?

Расплюев *(смотрит на него долго)*. Была игра,[19] — ну, уж могу сказать, была игра! . . *(Садится)*. О-о-ох, ой, ой, ой! Боже ты мой, Боже мой! . .

Федор. Да что это вы? Разве что вышло?

Расплюев *(посмотрев ему в глаза и плюнув)*. Тьфу! . . вот что вышло!

Молчат.

Ну, что делать! каюсь. . . . подменил колоду. . . . попался. . . . Ну, га, га, го, го, и пошло! . . Ну, он и ударь, и раз ударь, и два ударь. Ну, удовольствуй себя, да и отстань! . . А это, что эта такое! Ведь до бесчувствия![20] Вижу я, дело плохо! приятели-то разгорелись, понапирают; я было и за шляпу. . . . Ты Семипядова знаешь?

Федор. Что-то не припомню-с!

Расплюев. Богопротивнейшая вот этакая рожа. *(Показывает богопротивнейшую рожу.)* Ведь и не играл. . . . Как потянется из-за стола, рукава заправил. «Дайте-ка, — говорит, — я его боксом». Кулачище вот какой! *(Показывает, какой кулак.)* Как резнет! Фу-ты, Господи!. . «Я, — говорит, — из него и дров и лучины нащеплю». *(Расставил руки.)* Ну и нащепал. . . .

Федор *(наставительно)*. Иван Антоныч! в карты, сударь, играть — не лапти плесть. Вот и поучили!

Расплюев. Какое ж ученье?. . Собаки той нет, которая бы этакую трепку вынесла: так это уж не ученье. — Просто денной разбой.

Федор. Гм. . . . разбой? В чужой карман лезете, так — как не резнуть: всякий резнет. . . .

Расплюев. А уж какая силища! Ннну!. . Бывал я в переделах — ну, этакой трепки, могу сказать, не ожидал. Бывало, и сам сдачи дашь, и сам вкатишь в рыло, потому — рыло есть вещь первая! . . Ну, нет, вчера не то. . . . нет, не то!

Из боковой двери, в халате, показывается Кречинский. Расплюев не замечает его.

У него, стало, правило есть: ведь не бьет, собака, наотмашь, а тычет кулачищем прямо в рожу. . . . Ну, меня на этом не поймаешь: я, брат, ученый; я сам, брат, сидел по десять суток рылом в угол, без работы и хлеба насущного, вот с какими фонарями. . . . *(показывает, какие фонари)* так я это дело знаю. . . .

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Кречинский.

Кречинский *(подходя к Расплюеву, сурово его осматривает)* Ты опять продулся?

Расплюев. Я продулся? С чего вы это взяли?

Кречинский. Уж я слышу. Ты мне не финти, пустая голова!

Расплюев. Чем же я пустая голова? За что вы меня каждодневно ругаете? Господи! что́ за жизнь такая!

Кречинский. Эх ты, простоплёт, колесо холостое! Мели воду-то, мели: помолу не будет. *(Помолчав.)* Стоишь ли ты хлеба? На харчи-то себе выработал ли, а? Осел!! ведь я не из человеколюбия тебя держу; ведь я не член благотворительных обществ. Так за мой хлеб мне надо деньги. Их и подавай, черт возьми! понял? Что уткнул нос-то в землю? Говори, где был вчера?

Расплюев. Даааа! я. . . как их. . . вот тут. . . *(Тыкает пальцем.)*

Кречинский. Денег принес?

Расплюев. Нет, не принес.

Кречинский. Так подай, что взял намедни на игру.

Расплюев *(расставя руки)*. Лишен, всего лишен!

Кречинский. Как лишен?

Расплюев. Отняли, все отняли!. .

Кречинский *(перебивая)*. Чурбан! . . Вижу, и деньги взяли, и поколотили. *(Сердито.)* Эх! тряхнул бы тебя так, чтобы каблуки-то вылетели. *(Начинает в беспокойстве ходить по комнате.)*

Расплюев *(жалобно)*. Не беспокойтесь, Михайло Васильич: их уж нет — вылетели. Уж тряхнули! Довольно будет. А уж какая, я вам скажу, силища — ну-уу!! Я, говорит, его боксом!. . Гм! боксом!

Кречинский в задумчивости ходит по комнате. Молчание.

Михайло Васильич! позвольте, однако, спросить, что́ это такое бокс?

Кречинский. Тебе бы знать надо. А вот это *(делает рукою жест)*. . . это-то и есть, Иван Антоныч, бокс. . . . а́нглийское изобретение.[21]

Расплюев *(делает жест)*. Так это бокс! . . английское изобретение! . . Ах, Боже мой; *(Качает головою.)* Скажите. . . . а? . . Англичане-то, образованный-то народ, просвещенные мореплаватели. . . .

Кречинский. Надо мне достать денег! непременно, во что бы то ни стало, надо денег и денег!

Расплюев *(равнодушно)*. А не знаю, Михайло Васильич, денег нет, и достать их негде. *(Задумывается, вдруг вытягивает голову.)* Ну, не ожи-

дал!. . *(Поднимает палец.)* Англичане. . . . образованный народ. . . . мореплаватели. . . . а?

Кречинский *(продолжая ходить)*. Как ты говоришь?

Расплюев. Я говорю: образованный-то народ, англичане-то! а?

Кречинский. Да ты совсем уж ум потерял. Ему о деле говорят, а он чорт знает что мелет! Слушай! Я весь тут, весь по горло: денег, просто денег. Ступай и достань во что ни стало. Все будущее, вся жизнь, все, все зависит от каких-нибудь трех тысяч рублей серебром. Ступай и принеси. Слышишь: душу заложи. . . . да что душу. . . . украдь, а принеси!! Ступай к Беку, к Шпренгелю, к Старову, ко всем жидам: давай проценты, какие хочешь. . . . ну, сто тысяч положи, а привези мне деньги! да смотри, не являйся с пустыми руками. Я те, как курицу, задушу. . . . Чтоб были. . . . Дело вот в чем: я женюсь на Муромской. . . . знаешь? Богатая невеста. Вчера дано слово, и через десять дней свадьба.

Расплюев *(обомлев)*. Мих. . . . Мих. . . . Михайло Васильич! что вы говорите?. .

Кречинский. У меня в руках тысяча пятьсот душ,[22]— и ведь это полтора миллиона, — и двести тысяч чистейшего капитала. Ведь на эту сумму можно выиграть два миллиона! и выиграю, — выиграю наверняка; составлю себе дьявольское состояние, и кончено: покои, дом, дура жена и тихая, почтенная старость. Тебе дам двести тысяч. . . . состояние на целый век, привольная жизнь, обеды, почет, знакомство — всё.

Расплюев *(кланяется, трет руки и смеется)*. Двести тысяч. . . . обеды. . . . Хе, хе, хе. . . . Мих. . . .

Кречинский. Только для этого надо денег: надо дотянуть нашу канитель десять каких-нибудь дней. Без трех тысяч я завтра банкрут! Щебнев, Гальт подадут ко взысканию, расскажут в клубе, выставят на доску, — и все кончено!. . Понял ли?. . *(в запальчивости берет его за ворот)* понял ли, до какой петли, до какой жажды мне нужны деньги? Выручай!

Расплюев. Михайло Васильич! Батюшка! от одних слов ваших все мои косточки заговорили!. . Иду, иду. . . . ой, ой, ой. . . . *(Схватывается.)* Боже мой. . . . *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Кречинский *(один)*.

Кречинский *(ходит по комнате)*. Ну, я думаю, он это дело обделает: он на это таки ловок — обрыщет весь город. Эти христопродавцы меня знают. . . . Неужели не найдет! а?. . Боже! как бывают иногда нужны деньги!. . *(Шевелит пальцами.)* Какие бывают иногда минуты жизни, что решительно все понимаешь. . . . *(Думает.)* А коли их нет? коли Расплюев не принесет ни копейки? а? коли этот сытый миллион сорвется у меня с уды от какой-нибудь плевой суммы в три тысячи рублей, когда все сделано, испечено, поджарено — только в рот клади. . . . Ведь сердце ноет. . . . *(Думает.)* Скверно то, что в последнее время связался я с такой шушерой,

от которой, кроме мерзости и неприятностей, ничего не будет. Порядочные люди и эти чопорные баре стали от меня отчаливать: гм, видно, запахло!.. Пора кончить или переменить декорации. . . . И вот, как нарочно, подвертывается эта благословенная семейка Муромских. Глупый тур вальса завязывает самое пошлейшее волокитство. Дело ведено лихо: вчера дано слово, и через десять дней я женат! Делаю, что называется, отличную партию; у меня дом, положение в свете, друзей и поклонников куча. . . . Да что и говорить! *(радостно)* игра-то какая, игра-то! С двумястами тысяч можно выиграть гору золота!.. Можно? Должно! Просто начисто обобрать всю эту сытую братию! Однако к этому старому дураку я в дом не перееду. Нет, спасибо! Лидочку мне надо будет прибрать покрепче в руки, задать, как говорится, хорошую дрессировку, смять в комок, чтоб и писку не было; а то еще эти писки. . . . Ну, да, кажется, это будет и не трудно: ведь эта Лидочка — чорт знает что такое! какая-то пареная репа, нуль какой-то!.. а самому махнуть в Петербург! Вот там так игра! А здесь что? так, мелюзга, дребедень. . . .

ЯВЛЕНИЕ V

Федор *(входит)*.

Федор. Михайло Васильич! купец Щебнев. . . . Прикажете просить?

Кречинский *(остановясь)*. Вот она, действительность-то! Э, дуралей! сказал бы, что дома нет.

Федор. Нельзя, Михайло Васильич! Ведь это народ не такой: он ведь спокойно восемь часов высидит в передней, — ему ведь все равно.

Кречинский. Ну, проси.

ЯВЛЕНИЕ VI

Щебнев и Кречинский.
Щебнев одет по моде, с огромной золотой цепью, в бархатном клетчатом жилете и в весьма клетчатых панталонах.

Кречинский *(развязно)*. Здравствуйте, Тимофей Тихомирыч!

Щебнев. Наше почтение, Михайло Васильич! все ли в добром?..

Кречинский. Да что-то не так здоровится.

Щебнев. Маленько простудились?

Кречинский. Должно быть.

Щебнев. По вчерашней игре с вами счетец есть. Прикажете получить?

Кречинский. Ведь я вам вчера сказал, что доставлю к вам лично.

Щебнев. Да это точно так, Михайло Васильич; только, право, нам деньги нужны. Так сделайте одолжение, прикажите получить.

Кречинский. Право, по чести вам говорю, теперь у меня денег нет. Я ожидаю денег с минуты на минуту и доставлю вам немедленно, будьте покойны.

Молчание.

Ну, что́ в клубе делается?

Щ е б н е в. Ничего-с.

К р е ч и н с к и й. Кто вчера после меня играл?

Щ е б н е в. Да все те же. Так как же, Михайло Васильич? Уж вы сделайте одолжение.

К р е ч и н с к и й. Однако странный вы человек, Тимофей Тихомирыч! Ну судите сами, могу я разве вам отдать, если у меня денег нет? ну, просто нет. Кулаком, что ли, мне их из стола вышибить?

Щ е б н е в. Так-с. . . . как вам угодно. . . . как вам угодно. . . . так вы не обидетесь, Михайло Васильич, если мы нынче. . . . того. . . . по клубу. . . . занесем в книжечку?

К р е ч и н с к и й *(с беспокойством)*. Как в книжечку? то есть в книгу запишете?

Щ е б н е в. Да-с. Да ведь это уж дело обыкновенное.

К р е ч и н с к и й. Как обыкновенное? Это значит человека осрамить, убить на месте. . . . Ведь об этом нынче будет знать весь клуб, [23] а завтра — весь город!. .

Щ е б н е в. Да уж конечно-с. Это дело обыкновенное.

К р е ч и н с к и й *(вскакивая со стула)*. Обыкновенное для вас, да необыкновенное для меня. Я всю жизнь свою расплачивался честно и аккуратно и на вас, именно на вас, милостивый государь, ждал по три месяца деньги. Помните?. .

Щ е б н е в. Это точно-с, Михайло Васильич! мы вам завсегда благодарны. А уж вы теперь не беспокойте себя, сделайте одолжение, прикажите получить.[24] А то чтó ж делать? Необходимость.

К р е ч и н с к и й. Да какая же необходимость? Позвольте. . . . разве вы теряете право записать меня в книгу завтра и послезавтра? Ведь вы его не теряете?. .

Щ е б н е в. Да, это точно так-с.

К р е ч и н с к и й. Так зачем же нынче?

Щ е б н е в. Да так уж порядок требует-с: получения нет, — ну, мы и в книжечку.

К р е ч и н с к и й. Да что вы, в самом деле? Разве я вам в платеже отказываю? Я прошу вас из чести подождать два, три дня. Ведь я ждал же на вас деньги три месяца.

Щ е б н е в. Это истинно. . . . это точно так. А уж теперь, право, Михайло Васильич, прикажите лучше сделать расчетец. Ей-ей, нужда!

К р е ч и н с к и й. Да камень вы этакой, черт возьми! Или вы нарочно пришли дурака разыгрывать, что я вам не могу вдолбить в голову, что теперь, сию минуту, у меня денег нет и отдать их не могу! . . не имею никакой возможности! *(Наступая на Щебнева.)* Поняли? . .

Щ е б н е в *(встав)*. Что же, Михайло Васильич, горячиться изволите? Дело обыкновенное. . . . *(Кланяется.)* Как вам угодно. . . . *(Помолчав, раскланивается и уходит к двери.)* Наше почтение-с!. . Однако я нынче вечером, едучи в клуб, заверну к вам по дороге; а вы уж, сделайте одолжение, прикажите приготовить.

К р е ч и н с к и й. Что приготовить?

Щ е б н е в. То есть опять насчет денег. Наше почтение-с. *(Хочет уйдти.)*

Кречинский *(быстро берет его за руку)*. Стойте! Этак делать нельзя. Ведь я сел с вами играть как с порядочным человеком. Порядочный человек, сударь, без нужды не душит другого, без крайности бревном другого не приваливает. За что же вы меня душите? за что? Что я вам сделал? Ну, скажите, что я вам сделал?

Щебнев. Как вам угодно.

Кречинский *(кротко)*. Послушайте! Ведь если б вы были тоже без денег, как и я, ну, конечно, иное дело; а ведь вы капиталист, у вас деньги лежат в ломбарде; вам они сейчас не нужны; ведь я вам ничего не сделал; я сам их ждал на вас, тогда как вы на них проценты брали.

Щебнев. Помилуйте! что вы?.. Ей-ей!

Кречинский. Ну, да не в том дело. За что же вы меня так безжалостно жмете? долбней по голове приканчиваете.... за что?..

Молчание.

Щебнев. Наше вам почтение, Михайло Васильич! *(Вздыхает, кланяется и проползает тихо в дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Кречинский *(один)*.

Кречинский *(ему вслед)*. Жид! *(Помолчав.)* Запишет! Как пить даст, запишет; влепит своим хамским почерком имя мое в книгу, и как гром какой разразится по Москве весть! и кончено, и все кончено! Свадьба пошла на фуфу; от этого проклятого миллиона остается дым какой-то, чад, похмелье и злость.... да, злость!.. *(Сложа руки.)* Ну, признаюсь, не советовал бы я.... *(Махнув рукою.)* Вздор и пустяки!.. Не пришлось бы вот мне, с кульком за плечами, улепетнуть за заставу, в предупреждение вот этого.... *(Берет себя за ворот, помолчав.)* Побродяга, а? фу!.. тяжело!!.. *(скидает с себя халат)* душно!.. *(Начинает ходить в волнении.)* Все, все зависит от Расплюева.... а?.. *(Садится к бюро, берет лист бумаги и пишет карандашом.)* Сосчитать, что́ тут надо?.. Тому — полторы; ну, этому *(показывая на дверь)* — тысячу двести. Ну, теперь тому волку — непременно тысячу: несытую-то глотку заткнуть, а то ведь ревет.... ха-а! горло-то вот какое.... Ну, мелочных — пятьсот.... шестьсот *(считает)*. Да тут просто никаких денег не хватит.

Федор *(у двери)*. Михайло Васильич, извощик пришел! Он там, сударь, просит денег.

Кречинский. В шею!.. *(продолжает считать)* то есть вот как: три тысячи серебром повернуть некуда: как капля в море.... А свадьба-то, свадьба? Да на что́ же я свадьбу-то сделаю? Ведь тут расходы, неизбежные расходы!.. Всякому дураку подарки давай; всякий скот на водку просит. Тут эти букеты, конфекты, дичь всякая, какие-то бессмысленные корзинки.... дурь безмерная.... и все деньги, все деньги!.. *(подумав)* деньги.

Федор *(входит)*. Михайло Васильич, прачка пришла: денег просит.

Кречинский *(считая)*. В шею!

Федор. Михайло Васильич, вон дровяник тоже часа два стоит.

Кречинский *(подымая голову)*. Да ты с ума сошел, что ли? дела не знаешь?.. Что ты лезешь ко мне с пустяками?

Федор. Воля ваша! никаких даже средств нет.... я уж всячески....

Кречинский *(приподымаясь со стула)*. Ну!

Федор исчезает в дверь. В передней слышен шум голосов, потом все умолкает. Молчание.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Расплюев входит, поворачивает прямо в угол, кладет шляпу и медленно снимает перчатки.

Кречинский *(встает, смотрит на него внимательно, потом поворачивается, медленно складывает руки и смотрит в партер)*. А?.. так и знал! *(Потупляет голову.)* А?! *(Ерошит себе волосы.)* А?!! *(Медленно подходит к Расплюеву со сжатыми кулаками; тот пятится за кулисы, Кречинский берет его обеими руками за ворот.)*

Расплюев *(оробев)*. Михайло Васильич, позвольте.... залог требуют.... под зало....

Кречинский начинает его сильно качать взад и вперед.

Кречинский *(редко)*. Да ведь я.... тебе.... приказал.... достать.... мне.... денег....

Расплюев. Залогов....залогов.... *(У него замирает дух.)* Мих.... Мих....

Кречинский. Ведь я тебе, разбойнику, велел украсть.... *(запальчиво)* обворовать!!! *(душит его)* и достать мне денег!..

Расплюев кричит; Кречинский толкает его на диван и останавливается, с изменившимся лицом, в углу сцены.

А? .. он говорит: нет денег! Врет! .. В каждом доме есть деньги.... непременно есть.... надо только знать, где оне.... где лежат.... *(задумывается и шевелит пальцами)* гм! где лежат.... где лежат....

Расплюев *(медленно поднимается на ноги и осматривает свой сюртук)*. Вона!.. *(Ищет на полу пуговицы.)* Так это, стало, в двадцать четыре часа по две трепки. Ведь этак жить нельзя *(поднимает пуговицу)*, этак всякая собака со двора сбежит.... *(поднимает другую)*, вот теперь — пудель, верная собака, и тот сбежит *(ищет)*. Ну, положим, та была бокс — английская.... ну, эта какая? это уж, кажется, самодельщина!

Кречинский *(ударив себя в голову)*. А!!!

Расплюев *(увидев еще пуговицу)*. А, а, а!!! *(Идет и поднимает.)* Эх, куда махнула! *(Кладет в карман.)* Ишь, горячий какой налетел....

Кречинский. Что тут делать.... что тут делать?

Расплюев. Первое — не дерись....

Кречинский садится за бюро, Расплюев — на другом конце сцены ищет пуговиц. Молчание.

Боже мой! Родятся люди в счастии, в довольстве, во всех приятностях жизни и живут себе, могу сказать, пиршествуют. Ну, народится же такой барабан, — и колотят его с ранней зари и до позднего вечера!. . Вот как видите *(становится пред публикой)*. Ну, народись я худенький, тоненький, хиленький, ведь не жить бы. . . . ей-ей, не жить! Вот как скажу: от вчерашней трепки, полагаю, не жить; от докучаевской истории *(утвердительно)* не жить; от попойки третьего года, в Курске, то есть ни, ни, ни, ни под каким видом. . . . и вот — невредим, жив и скажу: ну, дайте только пообедать да задать, что называется, храповицкого, то есть как встрепанный. . . . *(Останавливается и смотрит на Кречинского, который открывает ящик в бюро.)* А денег-то, брат, нет. . . .

Кречинский открывает другой.

и тут нет. . . .

Третий ящик.

да уж нет. . . . а дерешься!. . что, взял?

Кречинский начинает в нем рыться.

Ну, что он роется? что он роется в старом хламе? Денег ищет. . . . голубчик! ведь я знаю, чтó там: там ничего нет. Старые заемные письма,[25] неплоченные счеты.

Кречинский вынимает булавку довольно большой величины.

Вот стразовую побрякушку[26] ухватил. . . . она грош стоит. . . .

Кречинский *(вдруг вскрикивает)*. Баа!. . Эврика!. .

Расплюев. Ого! *(прижимается к стене)* дурь понес. . . . видно, жутко. . . . *(вздыхает)* нужда не свой брат.

Кречинский *(держа в руке булавку)*. Эврика! . . Эврика! . .[27]

Расплюев. Родители! . . да он спятил! . . ей-ей, спятил. . . .

Кречинский *(вдруг задумывается и говорит медленно)*. Эврика. . . . значит по-гречески. . . . нашел! . .

Расплюев. По-гречески?! фии-ю. . . . *(Покачав головою.)* Покончилось наше земное странствие. . . . Голубчик!. . Свезут тебя, друга милого, в Преображенскую[28] и посадят тебя, раба Божия, на цепуру. *(Опять покачав головою.)* И покончилось наше земное странствие.

Кречинский в глубокой задумчивости водит пальцем туда и сюда и произносит неясные слова. Расплюев следит за ним.

Плоховато. . . . плоховато. . . . Однако не качнул бы он меня с безумных-то глаз. . . . вишь, мне судьба какая. Уберусь я от него подобру-поздорову. . . . да и голо стало. *(Берет шляпу и пробирается на цыпочках к двери.)* Дединьки мои, дединьки! . . *(Уходит.)*

Кречинский. Так ли?. . Верно ли?. . *(Трет себе лоб.)* Не ошибаюсь ли? *(Опять думает.)*

Расплюев и Федор показываются в дверях.

Расплюев. Посмотри, брат, какие колена строит. . . .

Кречинский. Так, так и так. . . . *(вскакивает)* браво!. . ура! нашел, решительно нашел!. .

Расплюев *(спрятавшись за дверь).* Важно!. . Каково коленцо!. . ведь это что? Я тебе говорю: рехнулся, до фундаменту рехнулся!. .

Федор *(подходит робко и смущенно).* Батюшка Михайло Васильич! что вы? Выкушайте стакан воды. Что с вами, батюшка? Или лодеколоню извольте? Ну, что вы, батюшка! Не в этаких переделах бывали. . . . выберемся и отсюда. . . . слово скажите, на себе вынесу. . . .

Кречинский *(вслушиваясь, ласково).* Что ты, Федор, что ты? я ничего. . . . *(Громко.)* Гей, Расплюев!

Расплюев вздрагивает всем телом.

Ступай, знаешь, к этому. . . . как его?. . к Фомину, — вот на Петровке, и закажи сейчас бальный букет, самый лучший, чтоб весь был из белых камелий. . . . понимаешь? чтоб только одни белые были. Ступай и привези сию минуту.

Расплюев *(жалобно показывает Федору на Кречинского).* А что я тебе говорю, Федор? а? копейки сущей нет, а он, голубчик, целковых в пятьдесят букет ломит! *(Ходит взад и вперед.)* Ох, ох, ох! батюшки мои, батюшки. Что делать-то, Федорушка? что нам, сиротинкам, делать?

Кречинский *(походив, останавливается).* Ну, что ж? Ты еще здесь? У тебя, может, уши заложило? Я ототкну! слышал ли?. . *(идет на него)* слышал ли, что приказано?

Расплюев *(отступая от него к стене).* Ми. . . . Ми. . . . Михайло Васильич! помилуйте! да на какие деньги? копейки сущей нет. Помилуйте! что вы? Да на что я вам куплю букет?

Федор. Ступайте, Иван Антоныч, ступайте! Слышите, что барин приказывает? Ступайте.

Расплюев. Да на что́ я куплю? где деньги? копейки сущей нет.

Кречинский *(берет со стола свои часы с цепью).* Вот тебе деньги. . . . Чтоб чрез полчаса был у меня вот здесь на столе. Слышал? . . Ну! . .

Расплюев уходит.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же без Расплюева.

Кречинский. Теперь, теперь, да, теперь надо написать письмо к Лидочке, чтоб было готово. Время дорого: за дело! *(Садится и начинает писать у бюро.)*

Федор *(в сторону, посматривая искоса на Кречинского).* Врет Иван Антоныч: не рехнулся барин; соколом сидит барин, а не рехнулся. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Кречинский *(один)*.

Кречинский *(пишет письмо; останавливается)*. Не то! *(Рвет бумагу, опять пишет.)* Не туда провалил. *(Еще рвет, опять пишет.)* Эка дьявольщина! Надо такое письмо написать, чтобы у мертвой жилки дрогнули, чтобы страсть была. Ведь страсть вызывает страсть. Ах, страсть, страсть! где она? *(Усмехается.)* Моя страсть, моя любовь. . . . в истопленной печи дров ищу. . . . хе, хе, хе! А надо, непременно надо. . . . *(Сочиняет письмо, перечитывает, марает, опять пишет.)* Вот работка: даже пот прошиб. *(Отирает лицо и пробегает письмо.)* Гм. . . м. . . м. . . м. . . Мой тихий ангел. . . . милый. . . . милый сердцу уголок семьи. . . . м. . . м. . . м. . . нежное созвездие. . . . чорт знает, какого вздору!. . чорт в ступе. . . . сапоги всмятку, [29] и так далее. *(Запечатывает и надписывает адрес.)* А вот что: мой тихий ангел! пришлите мне одно из ваших крылушек, вашу булавку с солитером *(пародируя)*, отражающим блеск вашей небесной отчизны. Надо нам оснастить ладью, на которой понесемся мы под четырьмя ветрами: бубновым, трефовым, пиковым и червонным, по треволненному житейскому морю. Я стану у руля, Расплюев к парусам, а вы будете у нас балластом!. . А этот. . . . Расплюев нейдет. . . . экая. . . .

ЯВЛЕНИЕ XI

Кречинский и Расплюев *(входит)*.

Кречинский. А. . . . ну, вот он. . . .

Расплюев *(с букетом в руке. Несет его бережно; к публике, показывая на букет)*. Двадцать пять серебряных рублей за веник! тьфу!

Кречинский. Эй, сюда, покажи. *(Смотрит.)* Хорош, ладно. Сдачи сколько?

Расплюев *(с сокрушением)*. Сдачи? пятидесятирублевая. *(Подает ему деньги.)*

Кречинский. Теперь ты слушай да подбери, братец, губы — дело резкое. Вот, видишь, это письмо к моей невесте, Лидии Петровне Муромской, вот тут сейчас на бульваре. . . . знаешь?. .

Расплюев *(оживает)*. Знаю, Михайло Васильич, знаю. Вот только за угол повернуть — большой белый домина, с подъездом.

Кречинский. Ну да. Теперь скоро час?

Расплюев *(подпрыгивая к часам)*. Первого сорок пять минут.

Кречинский. Ну да. Старика теперь дома нет: об эту пору он всегда таскается по городу на своих доморощенных клячах. Ты отправляйся и отдай букет Лидии Петровне лично. Поздравь от меня с добрым утром, этак, половчее, повальяжнее, отрекомендуйся. . . . понимаешь? Да уберись хорошенько. Надень мой сюртук. . . . Федор!

Федор входит.

Подай ему мой сюртук!. . Если старик дома, букет отдай, а записки ни-ни. Я прошу в ней, между прочим, чтоб она прислала мне ее солитер, что я обделывал в булавку. . . . помнишь?

Федор подает Расплюеву сюртук.

Расплюев *(надевает и оправляется)*. Знаю, помню; двадцать карат [30] — тридцать тысяч стоит.

Кречинский. Я пишу ей, что вчера был у меня о нем спор с князем Бельским и состоялось о нем большое пари.

Расплюев. Тс, тс, тс, тс. . . .

Кречинский. Получи вещь и принеси аккуратнейшим образом. *(Грозит ему)*. Об этом пари можешь и сам приврать что-нибудь.

Расплюев. Я привру, Михайло Васильич, я охотно привру.

Кречинский. Или нет, не ври: у тебя во вранье всегда передел бывает. Беги; а получа вещь — лети! Берегись старика; остальное пойдет как по маслу. . . . Понял?

Расплюев *(вполголоса)*. Понял, Михайло Васильич *(подымая брови и палец, значительно)*, понял! лечу!. . *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XII

Кречинский *(один)*.

Кречинский. Понял, понял. . . . Ничего, дурак, не понял. Он думает, что я красть хочу, что я вор. Нет, брат: мы еще честью дорожим; мы еще вот в этом кармане *(показывая на голову)* ресурсы имеем. Однако к делу! *(Кричит.)* Федор! гей! Федор!

Федор врывается в дверь с маху.

Где ты сидишь? спишь?

Федор. Я вот, сударь, только что. . . .

Кречинский. Ну?! Двух ног мало, подставь третью!. . На, вот деньги. Первое — истопить комнаты. Да ты смотри: ты с радости так нажаришь, как в пёкле: так это еще рано. Во-вторых, у меня нынче вечером для шести персон чай: невеста с ее родными, господин Нелькин и, может, еще кто-нибудь. Чтоб все было отлично. . . .

Федор. Слушаю-с. Десерт прикажете?

Кречинский. Чтобы все было отлично. Зажги карсели, канделябров не зажигать, [31] убрать комнаты; накурить духами. Транспаранты [32] везде. Прием семь часов. . . .

Федор. Ливреи [33] прикажете?

Кречинский. Ливрей не нужно. Услуга в черных фраках; галстуки и жилеты белые; да гардины опустить, — опустить гардины. А то у вас что порядочный человек вечер делает, что купчиху замуж отдают — все равно.

Федор. Слушаю-с. *(Уходит скоро.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

Кречинский *(один)*.

Кречинский. Теперь надо мне две этакие бумажки, чтобы капля в каплю были. Постой, постой! *(Роется в бюро.)* Та, та, та. Заемные письма! всего лучше! *(Накладывает их одно на другое и режет ножницами пополам.)* Чудесно! *(Напевает из «Волшебного стрелка»)*:

Что бы было без вина?
Жизнь печалями полна.
Вся тоской покрыта (bis).

Эх, «Волшебный стрелок»! [34] врешь, братец, не то: пой так:

Что бы было без ума?
Жизнь печалями полна,
Наготой покрыта,
С ним *(т. е, с умом)* несчастье лишь обман.
Коль сегодня пуст карман,
Завтра мы богаты (bis).

(Кончает самой невероятной руладой.)

И как дойдешь до богаты, закатывай рулады, какие хочешь, неси дичь страшную: все хорошо, все ладно. . . . Все — ум, везде — ум! В свете — ум, в любви — ум, в игре — ум, в краже — ум!. . Да, да! вот оно: вот и философия явилась. А как Расплюева таскал, ведь философии-то не было: видно, и она, Сократова дочь, [35] хорошую-то почву любит. . . . Только. . . . как бы Расплюев чего не подпакостил: уж полчаса, если не более. А теперь, в эту минуту, в эту великую минуту, мы переходим Рубикон, причаливаем к другому берегу или проваливаем в омут!. . Да, вот она! вот она, решительная минута!

Слышен шум. Расплюев вбегает в шубе запыхавшись. Кречинский вскакивает и идет к нему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Расплюев, за ним Федор, снимает с него шубу.

Кречинский. Что, Расплюев, виктория? [36]

Расплюев. Виктория, Михайло Васильич, виктория! Вот она, на уде, хватила! *(Держит высоко булавку и передает ему.)*

Кречинский *(весело)*. Ну, Расплюев, перейден Рубикон! [37]

Расплюев *(припрыгивая)*. Перейден!

Кречинский. Рубикон!

Расплюев. Рубикон!

Кречинский. Дурак!

Расплюев. Дур. . . . ну, нет, не дурак, нет, Михайло Васильич! вот как обделал — удивительно. Приезжаю. . . . приезжаю-с, этак спрашиваю:

что барин, мол, дома? Нет, говорят, дома; говорю: барышня дома? Говорят, дома. Где, говорю? Говорят, у себя. Говорю, доложи; говор. . . .

Кречинский. Ну, это видно: гениально. . . . *(Отходит к бюро.)*

Расплюев подходит к Федору и рассказывает ему с жестами. Кречинский рассматривает обе булавки.

Как одна! *(Завертывает их отдельно каждую в приготовленные бумажки).* Не сорвется! *(Кладет их в бумажник, к Расплюеву.)* Ну, Расплюев! Теперь бежать!!!. .

Расплюев *(поворачиваясь к нему, быстро).* Бежать?!! Что ж, я готов бежать. . . .

Кречинский. Бери, захватывай, что́ можно. Живо, скорей!. . *(Федору.)* Давай одеваться!

Расплюев *(бегает по комнате).* Федор, бери, захватывай, братец, что можно. Живо! *(Схватывает какие-то вещи, бежит мимо Кречинского и падает.)*

Кречинский *(одевается).* Скорей, братец, скорей! чемодан давай сюда, чемодан!

Расплюев бежит в другую комнату и несет чемодан.

Стой! нельзя!

Расплюев останавливается как вкопанный.

Если за нами пошлют фельдъегеря,[38] ведь сейчас догонит.

Расплюев. Кто? Курьер? Курьер сейчас нагонит.

Кречинский. Нас сцапают, и по Владимирке.[39]

Расплюев. Уж коли сцапают, так по Владимирке.

Кречинский. Так что́ ж с ней делать?

Расплюев. Да, Михайло Васильич, что́ ж с ней делать?

Кречинский. Федор!

Расплюев. Федор!

Кречинский. Подай мне шубу!

Расплюев. Подавай Михайлу Васильичу и мне шубу!

Кречинский *(надевает быстро шубу)*: Нет, любезный, тебе не шубу, а, по всякой справедливости, серую сибирку, с бубновым тузом на спине! [40] *(Уходит; в дверях, Федору.)* Федор! не выпускать его отсюда никуда, слышишь?

Федор. Слушаю, сударь! *(Становится у двери и затворяет ее под нос Расплюеву.)*

ЯВЛЕНИЕ XV

Расплюев останавливается как вкопанный.

Расплюев. Стойте! Что вы? Михайло Васильич!. . *(Во весь голос.)* Михайло Васильич!. . Да куда ж он? Постой, пусти, пусти, пусти, говорят! Что ты? *(толкает Федора от двери)* да что ж ты?

Ф е д о р *(отводя его рукой)*. Извольте, сударь, остаться. Слышали, не приказано-с.

Р а с п л ю е в *(потерявшись)*. Как?! Да это. . . . это, стало, разбой!. . измена! ай, измена!!! *(Идет опять к двери и толкает его.)* Пусти, пусти, разбойник! пусти, говорю!. .

Федор запирает дверь на ключ.

Ах, батюшки светы! Режут, ох, режут!. . Караул! Карау. . . . *(Притихает.)* Шш. . . . что я? На себя-то? сейчас налетят орлы. . . . *(Стихает.)* Пусти меня, Федорушка! Пусти, родимый! Тебе ведь все равно; ну что тебе мою грешную душу губить? Ведь сейчас полиция придет, сейчас хватятся! Как старик вернется, так и хватятся. Кто, скажут, приезжал? Скажут, приезжал Иван Антоныч. Ну, скажут, его, мошенника, сюда и подавай. Барин большой, богатый; вот меня этак. . . . *(берет себя за ворот)* на буксир, да к генерал-губернатору, да в суд, да и скомандуют по нижегородской дороге![41] Ох, ох, ох, ох, ох! *(Садится на чемодан и плачет.)* Федорушка! Разве тебе радость какая или добыча будет, если меня в непутном-то месте отстегают?. .

Ф е д о р. Помилосердуйте, Иван Антоныч! дворянина? что вы!. .

Р а с п л ю е в. Какой я дворянин? Все это пустяки, ложь презренная. Пиковый король в дворяне жаловал — вот-те и все. Федор, а Федор! Пусти, брат! Ради Христа Создателя, пусти! Ведь у меня гнездо есть; я туда ведь пищу таскаю.

Ф е д о р. Что вы это? Какое гнездо?

Р а с п л ю е в. Обыкновенно, птенцы; малые дети. Вот они с голоду и холоду и помрут; их, как паршивых щенят, на улицу и выгонят. Ведь детище — кровь наша!. .

Ф е д о р. Да полно вам, Иван Антоныч, право, себя тревожить. Ну, куда барину уйти?

Р а с п л ю е в. Как куда? Да на все четыре ветра.

Ф е д о р. Ну такой ли он человек, чтобы ему уйти? Он и здесь цел будет. Поехал дело какое делать, а не ушел.

Р а с п л ю е в. Нет, ушел, непременно ушел. Что ему, о нас, что ли, думать? Ведь эта вещь, говорят, сорок тысяч стоит, — вот какая вещь! Да чего тут? Сам-то я как влез с этой проклятой вещью в сани да как понюхал свежего воздуха, ну, так меня и позывает! Да ведь тем и устоял только, что думаю себе: ну, куда, мол, мне? куда? ведь он орел: как шаркнет за мною, так только пищи!. . А ему теперь что? везде дорога, везде тепло. Катит себе. . . .

Ф е д о р. Да какой ему расчет бежать, да еще и с краденой вещью? Дураку надо бежать, а не ему!

Р а с п л ю е в. Так, по-твоему, с нею лучше по городу шататься?

Ф е д о р. Да какая ж она краденая?

Р а с п л ю е в. Ведь мы ее обманом у Муромской взяли. Чего с нею больше делать? Марш, да и только!

Ф е д о р. Ну. . . . заложить поехал.

Расплюев. Заложить? Да ведь ныне вечером ее надо отдать, а то через полицию возьмут, да и в сибирку посадят.[42] Так этого не захочется. Нет, брат, ушел, просто ушел! Уйдем, Федор, и мы!

Федор. А мне что? я при своем месте.

Расплюев. Ведь в тюрьме умрешь.

Федор. А за что? я ничего не знаю: мету комнаты, сапоги чищу, знать не знаю и ведать не ведаю — вот и ответ. Да, впрочем, оно дело темное; может, Михайло Васильич и отлучился куда. Кто его знает?

Расплюев. Отлучился?.. стало, бежал?!! *(Берет себя за голову и суется по комнате.)* Ох, ох, ох! *(Останавливается и собирается с духом.)* Ну, Федор, спросят — смотри: ведь ты сам, братец, видел, как я ему ее отдал.

Федор. Чего-с?..

Расплюев *(кричит)*. Я говорю, что ты видел, как вот здесь, на этом самом месте, я отдал булавку этому разбойнику, твоему барину.

Федор. Ну, Иван Антоныч, позвольте: вы в евто дело меня не вводите. Мне, сударь, нестать: я сапоги чищу, комнаты мету, а ваших делов я не знаю.

Расплюев *(с ужасом)*. Иуда!.. Как не знаешь? Да ведь я сию минуту вот при тебе ему отдал.

Федор. Помилуйте! Почем мне знать, что вы ему отдали. Вы нешто говорили мне, что вы ему отдали?

Расплюев. Ах, Хам! Хам! *(Бьет себя по лбу.)* Зарезал!!..Ааа! чертова шайка! вижу, вижу.... Так вы меня под обух!.. Нет, постой! *(Наступает на него в азарте.)* Пусти, говорю, пусти, бездушник! *(Подбирается к нему.)* Слышишь, говорю: пусти! *(Кидается на него; борются молча и пыхтят.)*

Федор подбирает Расплюева под себя.

Федор. Эх, брат, врешь, Иван Антоныч! эх, брат, врешь! Ишь, ишь вертишься.... постой.... постой.... *(Душит его.)*

Расплюев *(тяжело дышит)*. Ох, ох, ох! Оставь! смерть моя.... смерть!.. Оставь.... ах, батюшки.... батюшки....

Федор *(потискивая Расплюева)*. Не приказано, так сиди смирно....

Расплюев *(вырывается, отходит к авансцене и оправляется)*. У, ах, тьфу, тьфу! А! *(к публике)* что бы вы думали? ведь он, дурак, рад до смерти задушить. *(Подумав.)* А? третья! Ей-ей, третья! *(Складывает руки.)* Судьба! *(Громче.)* Судьба! за что гонишь? За что гон.... *(Взглянув на Федора.)* Нет, каков леший! рожа, рожа-то какая! Стал опять в дверях, как столб какой; ему и нуждушки нет.

Федор равнодушно на него смотрит. Расплюев посматривает по сторонам.

Ох, ох, ох, ох, ох! А время идет! идет время! И сюда, может, уж идут! А я в западне! Молчать должен, ждать беды! тюрьмы!! наказания ждать и молчать!! Господи Боже! как томит сердце!.. ноет как! вот здесь какая-то боль, духота!!! Детки мои! голы вы, холодны.... увижу ли вас?.. Ваня,

дружок! *(Плачет. Удар звонка.)* Ай!.. вот они!.. вот они!.. Полиция в доме, полиция!! *(Мечется по комнате. Еще удар звонка. Федор идет отворять.)* Идут!!! Ух!! ух!! *(Кидается в отчаянии на чемодан.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Кречинский, входит быстро; Федор идет за ним и что-то говорит ему тихо.

Кречинский *(в духе)*. Ха, ха, ха! Ну, и очень хорошо сделал. *(Расплюеву.)* Что, брат? вы, кажется, с Федором-то погрелись? Что ж, ничего: оно от скуки можно. Только вот что худо: все ты, Иван Антоныч, торопишься: в свое время все, братец, будет; это закон природы — и полиция будет, и Владимирки не минешь, — в свое время все будет; об этом тебе хлопотать нечего. *(Отходит к бюро и развязывает пачку.)* А теперь вот возьми да займись покуда делом. *(Отдает ему пачку денег.)* Сочти вот деньги да разложи, братец, на кучи. Отдать надо. Это наша обязанность, священный долг. А булавку *(кладет ее на стол)* вот надо вечером возвратить тому, кому принадлежит. Вот как честные люди делают. Эх, ты!

Расплюев *(совершенно растерянный, подходит к столу)*. То есть просто ничего не вижу *(трет себе лоб)*: пестрота какая-то. *(Делает жест.)* Фу! Деньги.... это деньги.... а вот это.... булавка.... точно, булавка! *(Берет деньги и начинает считать.)* Сто.... двести.... четыреста.... девятьсот.... четырнадцать.... тьфу! *(Кладет и начинает считать опять деньги на столе; к публике.)* Вот вам скажу, был здесь в Москве *(вздыхает)* профессор натуральной магии и египетских таинств господин Боско: [43] из шляпы вино лил красное и белое *(всхлипывает)*; канареек в пистолеты заряжал; из кулака букеты жертвовал, и всей публике; — ну, этакой теперь штуки, закладываю вам мою многогрешную душу, исполнить он не мог; и выходит он, Боско, против Михайла Васильича мальчишка и щенок.

Кречинский *(пишет у стола)*. Ну довольно! считай! а то ведь ты рад воду толочь. У него какая-то чувствительность: ведь пень целый, кажется, а сейчас и размякнет.

Расплюев *(в восторге)*. Господи Боже мой! какое масло разливается по сердцу, какой аромат оступает меня со всех сторон! жасмины какие-то пахнут, и вообще полагать надо, что такую теперь чепуху порю, что после самому стыдно будет.

Кречинский. Ха, ха, ха! я думаю.

Расплюев. Смейтесь, смейтесь! Что вам? Вам ведь только и смеяться в жизни.... что вам? Вы вон как вертите; всем вертите, просто властвуете! А вы вот в мою шкуру-то влезьте, так иное дело. Да! Вы вон Федора спросите: я без вас потерялся совсем; помрачился ум; сижу вот тут.... *(указывая на чемодан)* да волком и вою.

Кречинский. Послушай, ведь я дожидаюсь.... это долго будет?

Расплюев. Что ж, Михайло Васильич, неужели и порадоваться-то нельзя? *(Разбирает деньги.)* Вот они, родимые-то! Голубчики, ласточки мои! Вот это: пеструшечки пучок, другой, третий.... а вот это малиновки:

пучок, другой, трррретий, четверррр. . . .тый. . . . ха, ха, ха! хи, хи, хи! Господи Боже мой! Ну, чего бы я не сделал, чего бы не свершил для этакого благополучия!. . *(Садится и считает.)*

Молчание.

Кречинский *(надев шляпу и шубу, подходит к Расплюеву)*. Ну, чадушко, кончил?

Расплюев *(торопливо)*. Сейчас. . . . сейчас. . . . сейчас.

Кречинский *(берет одну пачку)*. Эти деньги я отвезу сам; а вот эти *(отдает ему остальные деньги)* развези ты — да часы мне выручи. Вот записка, кому и сколько надо отдать. Смотри: исполнить аккуратным образом.

Расплюев *(берет деньги и завертывает их бережно в бумагу)*. Михайло Васильич. . . . как же это?. . Ведь эти деньги от Бека, от Никанора Савича.

Кречинский. Да, от Бека.

Расплюев. А булавка-то. . . . Стойте. . . . *(Рассматривает булавку.)* Да ведь это моя крестница! Ведь это та самая, что я получил от Лидии Петровны? а?

Кречинский. Ну разумеется; ее нынче вечером надо Лидии Петровне возвратить. *(Берет булавку из рук Расплюева и запирает в бюро.)*

Расплюев *(берет шляпу)*. Как разумеется? Чорт тут разумеет! Как же это? а? И деньги и булавка! *(Федор накидывает ему шубу.)*

Кречинский. Гончая ты собака, Расплюев, а чутья у тебя нет. . . . Эхх ты!

Уходят.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Кречинского. Вечер. Все освещено и убрано.

ЯВЛЕНИЕ I

Федор, в черном фраке, белом галстуке, жилете и перчатках, ставит лампы и обмахивает мебель. Расплюев входит, завитой, во фраке и в белых перчатках.

Расплюев. Ха, ха, ха. . . . ха, ха, ха. . . . ха, ха, ха. . . . ой, довольно. . . . ха, ха, ха!. . Вот как разобрало!. . *(Кладет шляпу.)* Как представлю себе эту подлую рожу, как сидит он, христопродавец, со стеклышком; караулит его; хранит Иуда за семью замками кусок хрусталя, в два гроша меди; так меня. . . . ха, ха, ха!. . и разбирает. . . . фу. . . . *(оправляется)* небось руки трет, шесть тысяч серебром дал! ведь куш какой! Он думает: Кречинский, мол, лопнет, и солитер мой. . . . А, Федор? А Михайло Васильич ведь Наполеон? Подай-ка мне карандаш.

Федор подает ему карандаш.

Постой, запишу! Так Эврика или Эдрика, как он говорил-то?

Ф е д о р. Кажется, Эврика.

Р а с п л ю е в. Ну, так ин будь Эврика. Первая легавая собака, какая будет, назову Эврика. Фио! эй, ты, Эврика! хорошо, ничего. Вот он, Федор, кричал-то, что нашел, ан он точно нашел.

Ф е д о р. То-то и есть, Иван Антоныч! а вы вот хоть сейчас его взять и в желтый дом вести.

Р а с п л ю е в. Что делать, братец, пас. А ты знаешь, как он эту вещь обделал?

Ф е д о р. Почем мне знать! Признаться вам сказать, дураком не был, а тут и ума не приложу; мерекаю и так и этак, ну, нет: просто разум не берет.

Р а с п л ю е в. А вот я тебе разгадаю, братец, разга-а-даю!. . Только смотри, дело вот какое: секретнейшее.

Ф е д о р. Помилуйте!

Р а с п л ю е в. Вот видишь. . . . (*Поправляет фрак и делает жест пальцами.)* Как взял он это дело себе в голову, как взял он дело, кинул так и этак. . . . Ну, говорит, Расплюев, выручай. Я, говорю, готов, Михайло Васильич, на все готов. Вот, говорит, что: прозакладывай ты, говорит, Расплюев, свою душу, а достань мне от Муромских их солитер, что я ныне, по осени, отдавал оправлять в булавку; помнишь, говорит, вот по той модели, что у меня в бюро валяется. Я этак и задумался.

Ф е д о р. Вы-то?

Р а с п л ю е в. Да, я-то. Трудновато, говорю, трудновато. Однако отправился и, как ястреб какой, чрез четверть часа тащу его на двор: вот, мол, он, голубчик! Он, например, берет его и модель-то берет. . . . слышишь, модель-то, по которой уделывали. . . . да в бумажник обе и запустил.

Ф е д о р. В бумажник! . .

Р а с п л ю е в. В бумажник! Ведь вор-человек; побрякушки не бросил. . . . а?. . а вот она и дело сделала. Взял он их да прямо в Киселев переулок, к Никанору Савичу Беку бац!. Денег, говорит, давай, жид, денег. Денег? какие у меня деньги? Денег нема. А под залог — ма? Под залог, говорит, ма. А сколько ты мне, например, говорит, Иуда, дашь денег под это детище?. . Того так и шелохнуло, и рот разинул: загорелись глаза, лихорадка так и треплет. Туда, сюда, на стекло, на вески, вертит, пробует. . . . Ну, видит, вещь первая. . . . Четыре. . . . Четыре!. . Собачий ты, говорит, сын, ведь она десять стоит. . . . а?. . Что ты, дурака, что ли, нашел? Подай назад; не хочу! . . Тот разгорелся, из рук-то выпустить не может; вырвал да опять в бумажник. Семь дашь? *(Пискливым голосом.)* Нет, не могу, не могу: пять! — Хочу семь! — Ни! — Ну, шесть! — Ни! — Ну, прощай, да, смотри, не поминай лихом; мне Шпренгель восемь даст. Дрожит Хам, трепещет; взалкал волчьим-то горлом: ведь хищник! Ух!. . бери, говорит. По рукам, что ли? По рукам!. . Давай, говорит, сургуч да коробку. Как коробку? Да видимое дело, что коробку. Мы туда его, голубчика, уложим собственноручно; а я вот печати наложу, так и сохранно будет, а тебе, говорит, Иуда, этакое сокровище не дам. . . . слышишь? . . Ого! . .

Федор. Так, так, так! *(Кивает головой.)*

Расплюев *(продолжает)*. Побежал перепелкою за коробкою; тащи, говорит, и деньги.... Тащит и деньги. Вот, говорит, смотри! Вытянул из бумажника, да уж не ту, а модель-то, модель.... Ведь это что? вертит ему в глазах-то.... ведь это Бразилия целая.... а? Голконда [44].... а?..

Федор. О, Господи!

Расплюев *(с жаром)*. А у него глаза-то кровью, кровью-таки и налились! Раз, два... бултыхнули в коробку, наложили печати.... тот ему деньги; этот ему коробку.... Приехал, да как хлыснет мне на стол вот какую пачку!.. На, говорит, получи, да Михайла Васильича помни!..

Федор *(складывая руки)*. Ах ты, Господи!

Оба стоят в благоговении. Молчание.

Расплюев *(в необыкновенном духе)*. Наполеон, говорю, Наполеон! великий богатырь, маг и волшебник! Вот объехал так объехал; оболванил человека на веки вечные.... человека?.. нет; ростовщика оболванил — и великую по себе память оставит.

Федор *(расставив руки)*. Ну, точно, обделано дело. Господи! вот дело обделано!

Расплюев. Да как еще обделано — диво! Деньги тут, и солитер тут; нынче вечером мы его с благодарностию.... *(С внутренним увлечением.)* Под семью печатями и за семью замками лежит стекло, и привалил его жид своим нечестивым туловищем! И следа нет! следа-то нет! По клубу уплатит сполна; свадьбу справит лихо; возьмет миллион, да и качнет; то есть накачает гору золота и будет большой барин, велик и знатен, и нас не забудет.... а? Федор?.. ведь не забудет?..

Федор. Хорошо, как не забудет.

Расплюев. Он мне двести тысяч обещал.

Федор. Когда обещал, так хорошо. Хохлы говорят: обещал пан кожух дать, так и слово его тепле.

Расплюев. Что-о-о? Откуда ты сыскал эту поговорку? Обещал; разумеется, обещал.

Звонок.

Вот, никак, Михайло Васильич изволит звонить.... Он и есть. *(Подымает благоговейно руки.)* Великий богатырь, маг и волшебник! *(Почтительно идет ему навстречу.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Кречинский.

Кречинский *(входит и кладет шляпу)*. Экой день!.. а?.. Дай стул, Федор: устал!.. А?.. первый раз в жизни устал; видно, старо стало.... Ну, у вас здесь все исправно? *(Садится. Расплюев и Федор стоят перед ним.)*

Федор. Все исправно, Михайло Васильич, по приказанию, все исправно.

Кречинский *(осматривает гостиную)*. Вижу. Хорошо. Вот сюда еще карсель. Экой важный апартамент какой; хоть какому жениху не стыдно. *(Расплюеву, строго.)* Ну, ты все исполнил?

Расплюев. Все, Михайло Васильич, все, как приказали, все, до ниточки. Угодно вам расписки получить?

Кречинский. Вестимо; не на веру же. *(Берет у него расписку и читает.)* Гм!.. хорошо.... Федор!.. На, запри в бюро....

Расплюев. Вот и часы ваши, Михайло Васильич, и цепочка. Все тут. *(Передает ему.)* Извольте видеть, как все уделано.

Кречинский *(берет часы)*. Ладно!.. Фу, устал!.. *(Надевает на себя часы.)* В клубе пообедал отлично. Давно такого аппетита не было. Был там этот дурак Нелькин. Как уставился на меня, словно сова какая. Смотри, мол, брат, смотри; проглядел невесту; теперь на меня глаза пялить нечего; с меня, приятель, взятки гладки; я подковы гну....

Расплюев. Я тоже, Михайло Васильич, исполнив приказания, завернул в Троицкой..[45]

Кречинский. Ага, не позабыл?

Расплюев. Как же, помилуйте!.. Вхожу, этак, знаете, сел посреди дивана, подперся так.... Гм! говорю: давай ухи; расстегаев, говорю, два; поросенка в его неприкосновенности! Себе-то не верю: я, мол, или не я?.. Подали уху единственную: янтари этак так и разгуливают. Только первую ложку в рот положил, как вспомню о Беке, как он болтуна высиживает, да как фукну.... так меня и обдало!.. залил все, даже вот жилетку попортил.... ей-ей! какая досада.

Кречинский. Ну, хорошо, хорошо!.. Слушай: когда приедут гости, ты мне займи разговором старика: болтай ему там черт знает что; а я останусь с бабами и сверну эту свадьбу в два дня. Да ты, смотри, не наври чего. Ты ведь, пожалуй, сдуру-то так брехнешь....

Расплюев *(жалобно)*. Отчего же брехнуть? зачем брехнуть? Кажется, я все дело делаю, а вам вот никогда не угодно мне и одобрение дать.

Кречинский. Да черт тебя одобрит! видишь, какой пень уродился!.. *(Задумывается.)* Постой.... исправно ли ты принарядился?

Расплюев. А я, Михайло Васильич, из Троицкого завернул к французу, завился — а-ла мужик.... Вот извольте видеть, перчатки — полтора целковых дал:... белые, белые, что есть белые....

Кречинский. Совсем не нужно.

Расплюев. Как же, помилуйте! как же-с! без белых перчаток нельзя; а теперь вот в ваш фрак нарядился.... извольте взглянуть.

Кречинский. Ха, ха, ха!.. хорош, очень хорош. Смотри, пожалуй! а? целая персона стала. *(Повертывает его.)*

Расплюев. Что же, Михайло Васильич, отчего же не персона? Ведь это все деньги делают: достатку нет, обносился, вот и бегай; а были б деньги, так сам бы рассылал других да свое неудовольствие им бы оказывал.

Кречинский. Ну, ну, ну, хорошо, хорошо. Теперь на ноги живо! Федор!

Федор вбегает.

Чтоб все было отлично, чинно, в услуге без суматохи и без карамболей под носами; [46] два официанта у приемной, сюда еще карсель; зеленый стол [47] вот здесь. *(Смотрит на часы.)* Сейчас гости! Конец — и делу венец! Постой, постой! Эй, Федор! Там в коридоре я видел портрет какого-то екатерининского генерала. . . . Вот этакая рожа *(делает гримасу)*. Сейчас обтереть, принесть и повесить над моим бюро. Это для генеалогии.

Несут карсель, стол, портрет, ставят и вешают. Звонок.

Ну, вот они. Я иду принять; а ты, Расплюев, садись вот здесь, на диване, этак повальяжнее; возьми газету. . . . газету, дурак, возьми. . . . развались!. . Эх ты, пень!. . *(Уходит.)*

Расплюев. Ну, вот видите, вот опять корить пошел; а говорит: хорош, хорош. Ты мне, брат, двести тысяч обещал. Да!

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский, Атуева, Лидочка, Кречинский и Расплюев. Кланяются и жмут друг другу руки.

Муромский *(осматриваясь)*. Какая у вас прекрасная квартира!

Атуева. Да, прекрасная, прекрасная квартира! Какой у него вкус!. . во всем, во всем. . . .

Лидочка. Да, очень хороша.

Кречинский. Для меня, mesdames, она только с этой минуты стала хороша. *(Целует у Лидочки руку.)*

Атуева. Как он всегда мило отвечает! Какой, право, милый человек. . . . Знаете что, Михайло Васильич? я об одном жалею.

Кречинский *(вежливо)*. О чем это, Анна Антоновна?

Атуева. Что я не молода: право, я бы в вас влюбилась.

Кречинский. Ну, стало, мне надо жалеть, что я не стар.

Лидочка. Это только не комплимент мне.

Атуева. Лидочка! да ты ревнива?

Кречинский *(берет у Лидочки руку и целует)*. За то, что вы ревнивы, целую вашу ручку; а несправедливой быть нехорошо.

Лидочка. Отчего же несправедливой?

Кречинский. Я сказал: мне надо жалеть; а между тем, что́ надо и что́ есть, — большая разница.

Лидочка *(отходит в сторону и манит Кречинского)*. Михайло Васильич! послушайте.

Кречинский. Что такое?

Лидочка. Секрет. *(Отводит его еще.)* Вы меня любите?

Кречинский. Люблю.

Лидочка. Очень?

Кречинский. Очень.

Лидочка. Послушайте, Мишель; я хочу, чтоб вы меня ужасно любили. . . . без меры, без ума *(вполголоса)*, как я вас люблю.

Кречинский *(берет ее за обе руки)*. И душою и сердцем.

Лидочка. Нет, я хочу сердцем.

Кречинский *(в сторону)*. Да какая она миленькая бабёночка будет!

Атуева *(подкрадываясь к ним)*. О чем вы тут советуетесь?

Лидочка. Так, одно дело есть.

Атуева. Пари держу, о платье.

Лидочка. Проиграете, тетенька!

Атуева. Так о чем же?

Кречинский *(показывая на сердце)*. О том, что под платьем, Анна Антоновна!

Атуева. Как что под платьем? *(Отводя Лидочку.)* Что же это ты, матушка, с ним о белье-то говоришь?

Лидочка *(смеется)*. Нет, тетенька, не о белье. *(Говорит ей на ухо.)*

Кречинский *(подбегая к Муромскому)*. Петр Константиныч! что же вы не садитесь? сделайте одолжение! Какие вам кресла — с высокою спинкой или с низкой? Кресла, Иван Антоныч, кресла!

Расплюев тащит кресла.

Муромский. Нет, я вот здесь на диване: здесь вот хорошо. *(Садится.)*

Кречинский. Позвольте мне вам представить доброго приятеля и соседа, Ивана Антоновича Расплюева.

Расплюев *(оставив кресла, раскланивается и конфузится)*. Честь. . . . честь. . . . имею. . . .

Муромский *(встав)*. Ах, очень приятно. *(Жмет Расплюеву руку и садится на диван.)*

Расплюев берет стул и садится на самый кончик, подле Муромского, Кречинский — с другой стороны сцены, с дамами.
Подают чай. Молчание.

Муромский *(берет чашку)*. В военной службе изволите служить или в статской?

Расплюев *(берет чашку)*. В стс. . . в ст. . . в воен. . . в статской-с. . . в статской-с. . .

Муромский *(очень вежливо)*. Жить изволите в Москве или в деревне?

Расплюев. В Москве-с, в Москве, то есть иногда. . . . а то больше в деревне.

Муромский. Скажите, в какой губернии имеете поместье ваше?

Расплюев. В Симбирской-с, в Симбирской.

Муромский. А уезд какой?

Расплюев *(скоро)*. Какой уезд?

Муромский *(кивая головою)*. Да-с.

Расплюев. Как бишь его *(нагибается и думает)* того. . . . то есть ох. . . . как его?. . *(В сторону.)* Да я в этом захолустье ни одного уезда

4*

не знаю. *(Вслух и пощелкивает пальцем.)* Вот так на языке и вертится.... Эх.... Господи.... Михайло Васильич! да как его уезд-от?

Кречинский. Какой уезд?..

Расплюев. Да наш уезд.

Кречинский. А! в Ардатовском.

Расплюев *(делает жест рукой Муромскому)*. Ну, вот!..

Муромский. В Ардатовском?

Расплюев *(прихлебывает чая и кивает утвердительно головою)*. Симбирской губернии, Ардатовского уезда-с.

Муромский. Да Ардатовский уезд в Нижегородской губернии.

Расплюев *(фыркнув в чашку)*. В Нижегородской? Как в Нижегородской? Ха, ха, ха, ха!.. Михайло Васильич! что ж это такое? Они говорят, что Ардатовский уезд в Нижегородской губернии.... ей-ей! ха, ха, хе, хе!..

Кречинский *(нетерпеливо)*. Да нет! их два: один Ардатов Нижегородской губернии, другой Симбирской.[48]

Расплюев *(делает рукой к Муромскому)*. Ну, вот!..

Муромский *(делает рукой жест)*. Да, точно, именно: один Ардатов в Нижегородской, а другой — в Симбирской.

Расплюев *(делая также жест)*. Один-то Ардатов в Нижегородской, а другой — в Симбирской. *(Оправляется.)*

Муромский. Извините, извините, ваша правда. *(Молчание.)* Скажите, а предводителем у вас кто?

Расплюев. А? *(В сторону.)* Да это дурак какой-то навязался? Что ж это будет? *(Махнув рукою.)* Эх, была, не была!.. *(Вслух.)* Бревнов.

Муромский. Как-с?

Расплюев. Брррревнов-с!

Муромский. Не знаю.... не имею чести знать....

Расплюев *(в сторону)*. Я думаю, что не знает.

Муромский. И хороший человек?

Расплюев. Предостойнейший! мухе — и той зла не сделает.

Муромский. В наше время это редкость.

Расплюев. Гм! Редкость! нет, Петр Константиныч, решительно скажу, таких людей нет.

Муромский. Ну, однако....

Расплюев *(горячо)*. Уверяю вас, нет. Поищите!..

Муромский *(с участием)*. Вы, как заметно, имели от людей и огорчения в жизни.

Расплюев. Имел! *(Поправляя на себе фрак.)* Такие, могу сказать, задавались мне огорчения в жизни, что с иного, могу сказать, все бы обручи полетели, — и вот невредим, жив и....

Муромский *(со вздохом)*. Бывает, все бывает в жизни.... А как у вас земля?

Расплюев. А что земля! земля ничего.

Муромский. У вас там должен быть чернозем? точно: ведь Симбирская черноземная губерния.

Расплюев. Да, да, да, как же! чернозем, — удивительный чернозем, то есть черный, черный....[49] у! вот какой!

Муромский. И, скажите, урожаи должны быть отличные?

Расплюев. Урожай? да я в этом захолустье обобрать хлеб не могу *(хохочет)*.... ей-ей, не могу.

Муромский. Неужели?

Расплюев. Право, не могу. Да мне черт с ним! мне его даже не жалко.... *(Хохочет.)*

Муромский *(тоже смеется)*. А степные-то помещики каковы? Скажите: умолот как у вас бывает?..

Расплюев *(в сторону)*. Да он нарочно... *(Подняв глаза.)* Господи, что ж это будет?.. *(Обтирает пот.)* Ну.... об умолоте я вам не скажу ничего, потому...

Кречинский *(оборачиваясь)*. Помилуйте, Петр Константиныч! да что вы его спрашиваете? Ведь он только по полям с собаками ездит; ведь он по хозяйству ни в зуб толкнуть....

Муромский. Скажите, Михайло Васильич, имение ваше в Симбирской губернии, а родственники ваши живут в Могилевской губернии.

Кречинский. Симбирское — это у меня материнское имение.

Муромский. А! понимаю. А матушка ваша как была урожденная?

Кречинский *(протяжно)*. Колховская.

Муромский. А, старинный род.

Кречинский. Вот портрет моего старика-деда, то есть отца моей матери.

Муромский *(смотрит на портрет)*. А, да, вот.

Кречинский. Вот, Иван Антоныч его знал по соседству. *(Подмаргивает Расплюеву и выходит с дамами в боковую дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Расплюев и Муромский.

Расплюев. А.... да, да, как же, еще мальчиком.... как теперь вижу: добрейший был старик, почтенный, — этакой, знаете, был тучный, и вот как две капли воды он. *(Со вздохом.)* Ах, ах, ах....

Муромский. Он уж умер?

Расплюев. Где ж, помилуйте! он.... *(показывая на портрет)* да он давно умер.

Муромский *(помолчав)*. Ну нет, милостивый государь, попробовали бы вы похозяйничать у нас, в Ярославской губернии, так другое бы заговорили: у нас агрономия нужна; без агрономии ничего не сделаешь.

Расплюев. Неужели без агрономии ничего не сделаешь?

Муромский. Посудите сами: у нас, сударь, земля белая, холодная, без удобрения хлеба не дает.

Расплюев *(с удовольствием)*. Неужели так-таки и не дает? Что ж это она?

Муромский. Да, не дает. Так тут уж поневоле примешься за

всякие улучшения, да и в журналы-то заглянешь. . . . Вот пишут, какие урожаи у англичан, так что ваши степные.

Р а с п л ю е в *(горячо)*. Англичане! хе, хе, хе! Помилуйте! да от кого вы это слышали? Какая там агрономия? все с голоду мрут — вот вам и агрономия. Ненавижу я, сударь, эту нацию. . . .[50]

М у р о м с к и й. Неужели?

Р а с п л ю е в. При одной мысли прихожу в содрогание! Судите: у них всякий человек приучен боксу. А вы знаете, милостивый государь, что такое бокс?

М у р о м с к и й. Нет, не знаю.

Р а с п л ю е в. А вот я так знаю. . . . Да! у них нет никакой нравственности! любовь к ближнему. . . . гм, гм, нет, уж как с малолетства вот этому научат *(делает жест рукой)*, так тут этакого ближнего любить не будешь. *(Поправляет на себе фрак.)* Нет, уж тут любви нет. Впрочем, и извинить их надо; ведь они потому такими и стали, что у них теснота, духота, земли нет, по аршину на брата не приходится: так поневоле стали друг друга в зубы поталкивать.

М у р о м с к и й. Однако все изобретения; теперь фабрики, машины, пароходы. . . .

Р а с п л ю е в. Да помилуйте! это голод, это, батюшка, голод: голодом все сделаешь. Не угодно ли вам какого ни есть дурня запереть в пустой чулан, да и пробрать добре голодом, — посмотрите, какие будет штуки строить! Петр Константиныч! посмотрите вы сами, да беспристрастно, батюшка, беспристрастно. Что у нас коровы едят, а они в суп. . . . ей-ей! Теперь это. . . .

ЯВЛЕНИЕ V

Т е ж е и Н е л ь к и н, весьма расстроенный, входит скоро и осматривается.

М у р о м с к и й. А, Владимир Дмитрич, друг милый! насилу-то! *(Расплюеву.)* Честь имею представить: Владимир Дмитрич Нелькин, наш добрый сосед и друг нашего дома. *(Обворачиваясь к Нелькину.)* Иван Антоныч Расплюев.

Раскланиваются.

Р а с п л ю е в. Я уже имел честь. . . .

Н е л ь к и н. Имел эту честь и я. . . .

М у р о м с к и й. Что же вы, Владимир Дмитрич, так поздно?

Н е л ь к и н. Задержало одно дело.

М у р о м с к и й. Полно, батюшка, в восемь часов вечера какие дела! . .

Н е л ь к и н. Петр Константиныч, такое дело, просто горит *(осматривается)*, жжет — вот какое дело!

Р а с п л ю е в. Да я вижу, Владимир Дмитрич деловой человек-с; а деловой человек — все равно что ртуть.

М у р о м с к и й. Послушайте-ка, Владимир Дмитрич, как Иван-то Антоныч англичан режет.

Р а с п л ю е в. Язвительная, язвительная-с нация, никакого благородства, никакого. . . .

Нелькин. Вы? Вы находите?

Расплюев. *(весело)*. Нахожу-с, нахожу-с.

Нелькин. Ха, ха, ха!

Расплюев. Ха, ха, ха, ха, ха! Признаюсь! .. ха, ха, ха!

Нелькин. Как вас зовут?

Расплюев. Иван Антоныч.

Нелькин. Фамилия ваша?

Расплюев. Расплюев.

Нелькин *(подходит к нему и берет его за пуговицу)*. Где нет зла, господин Расплюев? Где его нет?

Расплюев. О, нет! я не этого мнения: зло надо искоренять, надо, непременно надо.

Нелькин *(не замечая)*. Где и какое зло — вот вопрос. Вот, например, подлость и мошенничество в сермяге, в худом сюртучишке подьячего [51] жалки, гадки, да неопасны. Вот страшно, когда подлость в тонком фраке.... в белых перчатках.... чужим добром сытая.... катит на рысаках, раскланивается в обществе, входит в честный дом, на дуван подымает честь....[52] спокойствие! .. все! .. Вот что страшно!

Расплюев. А что вы думаете, Петр Константиныч, ведь, действительно, это, как они говорят, бывалое дело, уверяю вас! Я вот вам расскажу: пример, сударь был....

Нелькин. Да примеров много! Вот что страшно! Что мудреного, что под сермягою — черная рубаха; нет! вот как под фраком-то *(показывая на фрак Расплюева)* черная рубаха.... грязь....

Расплюев *(в сторону)*. Куда он воротит? все фрак да фрак.... *(Поправляет фрак, несколько сконфузясь.)* А вот, скажу вам, этакие выходцы и часто с нами, барсуками, такие-то штуки отливали. Каторжник, сударь: уйдет он от себя да к нам перелетной пташкой и явится, — и куда тебе! таким фоном разгуливает, тон задает....

Нелькин *(смотря на него пристально)*. Задает?

Расплюев. Задает-с.

Нелькин *(указывая на него)*. Мошенник-то тоны задает. Ха, ха, ха!

Муромский весело смеется.

Расплюев *(старается смеяться)*. Да, представьте себе, мошенник-с — и вдруг тоны задает, ведь потеха-с. *(В сторону, сжав губы.)* Так бы тебя и перервал.... *(Встряхивается.)*

Нелькин *(говорит редко)*. Да, говорят, бывало. Ну, еще страшнее, Петр Константиныч, когда на нашей родной стороне свои бездельники, русские, своих родных братьев обкрадывают и грабят, как басурманов....

Муромский. Вот вопрос-то! эк он их цепляет!

Нелькин *(в сторону)*. Что ж это такое? Он совсем ослеп! Что делать? *(Муромскому решительным тоном.)* Петр Константиныч! мне надо вам два слова сказать.

Муромский *(встает)*. Что, батюшка, что? *(Отходит в сторону.)*

Нелькин. Где вы?

Муромский. Что-о-о? Недослышу, братец!

Нелькин. Я спрашиваю, где вы?

Муромский. Как где? здесь, ну, вот здесь.

Нелькин. Где здесь?

Муромский *(рассердившись)*. Фу ты, пропасть! ну, здесь! Да что это, братец, с тобою ладу нет? Ну, разве ты не знаешь, что мы теперь у Кречинского, у Михайла Васильевича, в его дому.... Ну?

Нелькин. Вы в дому воров!

Муромский. У, у! что ты, спятил.... с ума сошел!..

Нелькин. Не я с ума сошел, а вы ослепли!.. Ведь у вас крадут дочь; вы не видите?.. а?..

Муромский *(отводит его в сторону)*. Ну, послушай, Владимир Дмитрич, ведь этих слов говорить нельзя: про моего будущего зятя говоришь ты это. Опомнись, братец!

Нелькин. Опомнитесь вы! Ведь вы стоите на краю пропасти. Осмотритесь: вас подымают на фуфу! у вас крадут дочь!.. в вашу семью, в вашу честную семью, как змея, ползет картежник, разорившийся шулер и вор!..

Расплюев *(вслушавшись)*. Шулер и вор? это не о нас ли?

Муромский. Однако послушайте, сударь! Какое же вы имеете право?..

Нелькин. Стало имею.... Слушайте меня....

Муромский. Что такое?

Нелькин. Где ваш солитер?

Муромский. Какой солитер? Это Лидочкина булавка?

Нелькин. Именно!

Муромский. У нее.

Нелькин. Верно вы знаете?

Муромский. Верно.

Нелькин. Ее у дочери вашей нет.

Муромский. Ну, вот, вот и вышло вранье.

Нелькин. Стойте, Петр Константиныч, стойте! я вам говорю: солитера вашего в доме вашем нет. Он в других руках.

Муромский. Где ж он?

Нелькин. У ростовщика! в залоге!..

Муромский. Пустяки.... Помилуйте!.. я его вчерашнего дня еще видел....

Нелькин. Вчера — не нынче.

Муромский. Послушай, Владимир Дмитрич....

Нелькин *(перебивая его)*. А я вам говорю, что ваш солитер заложен Кречинским у ростовщика!..

Расплюев *(вслушиваясь)*. Плоховато, плоховато! пойдти шепнуть.... *(Уходит.)*

Муромский. Как же он попал к Кречинскому?

Нелькин. Да разве вы не знаете, что нынче утром он его взял?

Муромский. Взял?.. Как взял?..

Нелькин. Да вот этот *(указывает на Расплюева)* за ним ездил.

Муромский. Кто это? Расплюев?

Нелькин. Да, Расплюев.

Муромский. Как так?

Нелькин. Нынче утром приезжаю я к вам, и уж он тут сидит с Анной Антоновной. Смотрю, Лидия Петровна выносит ему вещь. Так меня и толкнуло.... Ба! думаю, тут нет ли штуки: ну, как этакую вещь просить? да я бы, кажется, ее и в руки не взял.... Он с нею в сани.... Я за ним.... туда, сюда.... мотал, мотал по городу-то, и вот до сего часа....

Муромский. Ну.... ну, что ж?..

Нелькин. Ну, я вам говорю: заложил ее ростовщику Беку.

Муромский. Да быть не может: тут что-нибудь не то.

Нелькин. Да я сейчас от него.

Муромский. От ростовщика?..

Нелькин. От ростовщика. Хотите, поедемте, он все скажет.

Муромский *(в замешательстве)*. Что ж это такое?.. Господи!.. Что это такое? Лида! Лида! Лидочка!..

Лидочка *(вбегает из соседней комнаты с кием в руках)*. Ах, папа, что вы?

Муромский. Поди сюда! *(Вполголоса.)* Скажи мне, Лида, твой солитер цел.... а?..

Лидочка. Цел, папа, цел. Ах, папа, ну, можно ли? зачем вы меня отрываете от партии? Я играю с Мишелем, и он мне все поддается.... так весело, что чудо.

Нелькин. Вы ошибаетесь, Лидия Петровна: он пропал!..

Лидочка. Как пропал?

Нелькин. Ведь вы его отдали....

Лидочка. Так что же? *(Смотрит на него с удивлением.)* Нынче поутру, папа, я отослала его Мишелю: он держал о нем пари.

Муромский. Что?.. что?..

Лидочка. Он держал пари с князем Бельским, о каратах там, что ли, уж я не знаю.

Нелькин *(Муромскому)*. Ложь!

Лидочка. Боже мой! да он у него: он мне сейчас говорил, что он у него!..

Муромский *(с беспокойством)*. Ну?

Лидочка. Ну что же, папа? Он мне его и отдаст.

Нелькин. Ну, не думаю....

Лидочка *(вспыхнув)*. Что вы говорите? Как вы, сударь, можете?..

Нелькин. Лидия Петровна! ради Бога, не гневайтесь на меня. Что ж мне делать? Виноват ли я? Я готов умереть за вас.... муки вынести.... но я должен, честию моею клянусь, должен!..

Лидочка *(в испуге)*. Боже мой! что это такое? Папенька! мне страшно! *(Прижимаясь к Муромскому.)* Папенька, папенька!

Муромский. Полно, мой друг, полно! Я сам не знаю, чтó это такое?

ЯВЛЕНИЕ VI

Атуева, за нею Кречинский и Расплюев выходят скоро.

Атуева. Что ты, дружок? что ты? что с тобой? *(Нелькину.)* Это вы, батюшка? Что вы тут плетете? Чего нанесли? Опять сплетни да рассказы.

Молчание. Все в замешательстве. Кречинский смотрит на всех внимательно.

Муромский *(нерешительно)*. Пожалуйста, Михайло Васильич, того. . . . мы хотим. . . . поговорить семейно, одну минуту.

Кречинский. Семейно? Ну, что ж, извольте: я семье вашей не чужой.

Муромский. Да оно, конечно; только я бы попросил вас.

Нелькин. Да что тут, Петр Константиныч! начистоту так начистоту: милостивый государь! мы говорим о солитере.

Кречинский. О каком солитере, Петр Константиныч?

Муромский. Да о том солитере, что вы нам обделали в булавку. Вы его нынче. . . . у дочери моей взяли?

Кречинский. Взял. Ведь она вам говорила, что взял.

Муромский. Ну, теперь он у вас или нет?

Кречинский. Ага. . . . Вот что. . . . *(Обводит всех глазами и смотрит долго на Нелькина, потом повертывается к Муромскому.)* Так вот что! Скажите мне, с кем я и где я? . . Скажите мне, какой глупец, какой враль. . . . или какой бездельник. . . .

Суматоха.

осмелился. . . .

Нелькин порывается к Кречинскому, Атуева его удерживает.

Дальше, говорю я вам, — я вам сорву голову! . .

Нелькин *(кричит)*. Нет, я вам ее сорву. . . .

Кречинский *(делает быстрое движение к Нелькину и вдруг удерживается; голос его дрожит)*. Петр Константиныч. . . . солитер Лидии у меня. . . . понимаете ли? я говорю вам: у ме-ня! . .

Муромский. Да я никогда не имел мысли. Ну, вот пришел он, говорит, что я дочь свою топлю, что вы нас обманываете, что солитер взят вами и заложен ростовщику. . . . ну, судите сами. . . .

Кречинский. Ааа. . . . теперь понимаю. . . . Ну, а если он солгал. . . . а? . . ну, а если он, как под. . . . извините. . . . сказал вам подлейшую ложь? . . что тогда?! . .

Муромский разводит руками в замешательстве.

. . . .тогда: я хочу. . . . слышите, хочу! . . что вы по шее выгнали его вон из дому. . . . даете мне в этом слово? . . а? . . Возьмите же ее! *(Берет из бюро булавку.)* Возьмите ее! *(Отдает Лидочке булавку, другую руку протягивает к Муромскому.)* Петр Константинович! теперь ваше слово.

Лидочка *(отталкивает булавку)*. Нет.... не мне....

Булавку берет Атуева. Все кидаются к ней. Общая суматоха, шум. Все говорят почти вместе.

Нелькин. Что это? Не может быть! я вам говорю! не может быть.

Атуева *(показывает булавку Нелькину)*. Ну, вот она! видите, батюшка, вот она!..

Кречинский. Петр Константиныч! ваше слово, говорю я; я требую, я хочу!..

Муромский *(потерявшись и расставив руки)*. Даю! *(Нелькину.)* Вот, сударь, что значит вранье! *(смотрит на булавку)* и сомнения нет: она!

Нелькин *(как бы опомнясь)*. Боже мой! где я? Кто это играет мною? *(Подходит к Лидочке и берет ее за рукав.)* Лидия Петровна! выслушайте!

Кречинский. Прочь! *(Отряхивает Лидочке платье.)* Ты ее мараешь!..

Нелькин *(берет себя за голову)*. Боже мой! что же это? Боже мой!..

Муромский *(Нелькину)*. Да кто же вам такой вздор сказал? где вы его слышали?..

Кречинский *(перебивая его)*. Позвольте, позвольте! Теперь уж расспросам не место. Разговоры кончены. Здесь дело, сударь, а не рассказы.... Ваша ли это вещь?

Муромский *(оторопев)*. Моя.

Кречинский *(указывая Нелькину на дверь)*. Вон!..

Муромский *(Нелькину)*. Что ж вам больше здесь делать? Ступайте вон.

Нелькин *(берет шляпу и подходит к Кречинскому)*. Я к вашим услугам....

Кречинский указывает на дверь. Нелькин подступает к нему ближе и кричит.

«Сию минуту.... и насмерть!..»

Суматоха. Муромский, Лидочка, Атуева, Расплюев обступают Кречинского, Нелькин стоит один. Говорят почти вместе.

Лидочка. Нет, нет, никогда! я не хочу. *(Нелькину.)* Подите, подите!

Атуева. Подите, батюшка, Господь с вами, подите.

Муромский. Оставьте, господа, прошу вас!

Кречинский *(выходит из группы)*. Что-о-о-о? *(Складывая руки.)* А, вот что!.. Сатисфакция....[53] Какая? В чем? В чем? я вас спрашиваю? Вы хотите драться.... Ха, ха, ха, ха.... Я же дам вам в руки пистолет и в меня же будете целить?.. Впрочем, с одним условием извольте: что на всякий ваш выстрел я плюну вам в глаза. Вот мои кондиции. Коли хотите, хоть завтра; а нынче.... гей! кто тут?

Расплюев. Гей! кто тут? Вот так-то лучше.

Входит Федор и за ним двое слуг.

Кречинский. Возьмите его за ворот и вышвырните за ворота.

Нелькин. Боже мой! Сон это? Жив я? *(Щупает себя, горько.)* Правда, правда! где же твоя сила? *(Растерянный выходит вон.)*

Расплюев *(затворяя за Нелькиным дверь)*. Адью!! хи-хи-хи! Вот чего захотел! *(Отходит в сторону.)* Помилуйте! Этак бы по миру идти! Поищи правду-то, милый; ты еще молод, поищи!

Молчание. Муромский в замешательстве; Лидочка стоит недвижима; Атуева посматривает на Муромского гневно.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Нелькина.

Кречинский *(помолчав)*. Ну, довольны вы, Петр Константиныч?

Муромский. Совершенно, совершенно доволен. Помилуйте! просто с ума сошел.

Кречинский. Ну, и я доволен. Что ж, теперь и мы можем кончить.

Муромский *(с недоумением)*. Как кончить?

Кречинский. Как кончают. У нас вышла пасквильная история; я вами же скомпрометирован. С этим пятном какой же я муж вашей дочери? Петр Константиныч! я должен возвратить вам ваше слово, а вам, Лидия, ваше сердце. Возьмите его, будьте счастливы и.... забудьте меня.

Лидочка. Что вы хотите сказать?.. Мишель! что вы говорите? Я не понимаю вас. Сердце назад не отдается; мое сердце — ваше.... Папенька! что же вы молчите? Ради Бога! что же вы молчите? Виноваты мы. *(В отчаянии.)* Папенька! мы виноваты!..

Муромский *(торопясь)*. Да, я.... да помилуйте, Михайло Васильич, что вы? Я никогда.... он совсем полоумный. Ну, можно ли обращать внимание на его слова?

Кречинский. А как же вы-то поступаете? а? Если мог оскорбить меня этот сплетник, вы-то сами насколько меня оскорбили? Вам завтра придут сказать, что я картежник, что я шулер, и вы все это будете слушать, наводить справки!

Муромский. Михайло Васильич! что вы?

Кречинский. Знаю я эти мещанские правила. Но знайте и вы, что моя гордость их не допускает. Я или верю человеку, или не верю; середины тут нет. Не солитеры мне ваши нужны и не деньги ваши. Деньгами вашими я выхлестну всякому глаза.

Лидочка *(берет его за руку)*. Мишель! ради Бога! Если вы меня еще сколько-нибудь любите....

Муромский. Михайло Васильич! прошу вас, простите меня; простите меня, прошу вас....

Кречинский *(задумывается, в сторону)*. Он бросился теперь к Беку.

Лидочка. Вы молчите? вы оскорблены? Я знаю, у вас в сердце нет ни прощенья, ни жалости.... Чего хотите вы? мы на все готовы....

Кречинский *(с движением берет ее за руки)*. Ах, какое у вас сердце, Лидия! какое доброе сердце! .. Стою ли я его? ..

Лидочка. Мишель! не грешно ли вам? ..

Кречинский. Ну, Петр Константиныч! давайте руку.

Муромский. Ну, вот так-то. *(Жмет ему руку.)* Ну, вот так-то.

Кречинский. Слушайте: свадьбу мы делаем завтра, чтоб всем сплетням положить конец.

Муромский. Хоть завтра.

Кречинский. И сейчас в Стрешнево.

Муромский. Да, именно в Стрешнево.

Кречинский. Нелькина вы больше на глаза к себе не пустите.

Муромский. Бог с ним! что мне с ним теперь делать?

Кречинский. Даете мне слово, клятву?

Муромский. Что хотите, я на все согласен. У меня в голове вот что. *(Показывает круговорот.)* Мне ведь одно.... вот она.... *(Изменившимся голосом.)* У меня ведь только....

Кречинский *(посмотрев на часы)*. Однако десять часов: вам пора домой. *(К Лидочке.)* Лидия, вы расстроены!

Лидочка. Нет, ничего. *(Берет его за руку.)* Вы все забыли.... а? скажите — да!

Кречинский *(держа ее руку)*. Да, сто раз да! Все забыл.... помню одно только — вы принадлежите мне; завтра вы моя собственность.... вы моя....

Лидочка. Да, ваша, Мишель, ваша! Скажите мне еще раз, что вы меня любите!

Кречинский *(смотрит на нее)*. Вы не верите?

Лидочка. Это не оттого; а мне хочется еще раз слышать это слово: в нем что-то особенное! .. я не знаю.... страх и боль какая-то.

Кречинский *(с беспокойством)*. Боль? .. Отчего же это?

Лидочка. Не бойтесь.... эту боль не отдам я ни за какие радости. Ну что же? скажите: любите? ..

Кречинский *(шепотом)*. Люблю...

Лидочка *(берет его за руку и другою закрывает глаза)*. Знаете, Мишель, вот у меня сердце совсем замерло.... не бьется. Скажите: это любовь?

Кречинский. Нет, мой ангел, это ее половина.

Лидочка *(улыбаясь)*. Половина? .. Какой вы обманщик.... когда я теперь уж готова за нее все отдать....

Кречинский целует ее руку.

Да, все, все.... *(вполголоса)* весь мир.

Кречинский *(поцеловав еще руки Лидочки, Муромскому)*. Ну, Петр Константиныч! вам пора домой.

Муромский. Ну что ж! мы хоть сейчас.

Кречинский. Ступайте, ступайте, да, пожалуйста, уложите Лидочку в постель: ей надо отдохнуть. Лидия! завтра вы будете свежи,

румяны, хороши, как невеста. . . . *(Подумав.)* Или нет: я лучше сам отвезу вас и все устрою.

Муромский, Атуева и Лидочка собираются.

Расплюев *(Кречинскому)*. Именно, Михайло Васильич, вы все это сами лучше устройте.

Кречинский *(отводит Расплюева в сторону)*. Ты смотри, останься здесь. Да коли этот Нелькин толкнется, ты его прими да хоть бревном навали. . . . понимаешь? . . а покуда я вернусь, не выпускай. . . . смотри! . .

Расплюев. Будьте покойны, будьте покойны: я этого перепела накрою.

Кречинский. А там все в моих руках. У Муромских его не пустят. Я это улажу сам: он туда не влезет.

Муромский. Ну, Михайло Васильич, едемте; мы готовы.

Кречинский. Едемте, едемте. *(Быстро берет шляпу. Порывистый удар звонка; все останавливаются как вкопанные.)* А? что? что это? а? *(Кричит.)* Гей! люди! Кто это? Не принимать никого. . . . слышите?

Шум, еще удар колокольчика. Голоса.

Гааа! Вот оно!

Входит слуга.

Что такое? Кто тут?

Федор. Господин Нелькин. . . . с ним еще кто-то. Кричит, чтоб отперли двери.

Голоса: «Отоприте двери! отоприте двери! . .»
Еще несколько ударов в колокольчик.

Кречинский *(порывисто)*. Так он хочет, чтоб я его убил на месте?

Отламывает ручку у кресла. Муромский и Лидочка ухватывают его за руку.

Лидочка. Мишель! Мишель! . .

Муромский. Михайло Васильич, ради Бога, успокойтесь! Что вы?

Окружают Кречинского.

Кречинский *(Расплюеву)*. Поди, выгони его по шее.

Расплюев *(бежит к двери)*. Сию минуту. *(Ворочается от двери, к Кречинскому.)* Михайло Васильич! да он, пожалуй, там сам-пят! их, пожалуй, там пять человек!

Кречинский *(наступая на него)*. Пошел! умри, когда приказываю.

Расплюев. Умри, умри! Михайло Васильич! помилуйте! Разве это легкое дело умирать?

Шум продолжается. Слышны голоса: «Отоприте двери! ломи! . .»

Кречинский *(вырываясь от Муромского и Лидочки, бежит к двери)*. Пустите меня: без меня это не кончится. *(Сжав зубы.)* Я его убью, как собаку.

Федор. Михайло Васильич! частный пристав [54] приказывает нам отпереть двери.

Кречинский *(забывшись)*. Стой, не отпирать!! Первый, кто с места, я ему разнесу голову! *(Держит в руках ручку, останавливается.)* Полиция! *(Глухим голосом.)* А! *(Кидает в угол ручку от кресла.)* Сорвалось!!! [55] *(Отходит в сторону.)* Отоприте. . . .

Шум. Отпирают двери.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Нелькин вбегает и бросается к Лидочке; Бек вбегает за ним в шубе, ищет глазами Кречинского, бросается к нему и становится против него, раскинув руки; в дверях показывается полицейский чиновник.

Бек. Вот он, разбойник! разбойник! Ох ты, разбойник; стекло заложил! под стекло деньги взял, разбойник! *(Бегает.)*

Кречинский стоит покойно, сложа руки.

Берите его: вот он! берите, берите же!

Лидочка *(пронзительно взвизгивает)*. Ай!!!

Нелькин, Муромский и Атуева кидаются к ней. Кречинский хочет также к ней подойти.

Бек. Стой, стой! Куда, разбойник? ах, разбойник!

Расплюев прячется за Кречинского.

Полицейский чиновник. Никанор Савич! успокойте себя, сделайте одолжение, успокойте себя! *(Кречинскому.)* Позвольте узнать ваше имя и фамилию?

Кречинский. Михайло Васильевич Кречинский.

Полицейский чиновник *(Расплюеву)*. Ваше имя и фамилия?

Расплюев *(совершенно потерявшись)*. М. . . . .и. . . . хайло Ва. . . . ч. . . . .а? Михайло Васильич. . . .а?

Кречинский смотрит ему в глаза.

Я. . . . у. . . . у. . . .ме. . . . ня. . . . нет фамилии. . . . я так. . . . без фамилии.

Полицейский чиновник. Я у вас спрашиваю ваше имя и фамилию.

Расплюев. Да, помилуйте, когда я без фамилии. . . .

Кречинский *(спокойно)*. Его зовут Иван Антонов Расплюев.

Полицейский чиновник отходит к другой группе и говорит тихо с Муромским почти до конца пьесы. Кречинский делает движение.

Бек *(кричит)*. Стой, стой! Держи, держи его! Ай! ай! держи! *(Становится пред ним, расставив руки.)*

Полицейский чиновник. Никанор Савич! я вас прошу! успокойтесь!

Бек *(кричит)*. Да ведь это зверь! ведь он зверь! уйдет! Держи! Моих шесть тысяч за стекло выдано, за фальшивую булавку! .. Подлог! .. В тюрьму его, в тюрьму! ..

Лидочка *(отделяется от группы, переходит всю сцену и подходит к Беку)*. Милостивый государь! оставьте его! .. Вот булавка. . . . которая должна быть в залоге: возьмите ее. . . . это была *(заливается слезами)* ошибка!

Муромский и Атуева. Лидочка, что ты? Лидочка!

Бек. А? что, сударыня? *(Смотрит на булавку.)* Она, она! а? Господи! девушка-то! доброта-то небесная! ангельская кротость. . . .

Лидочка закрывает лицо руками и рыдает.

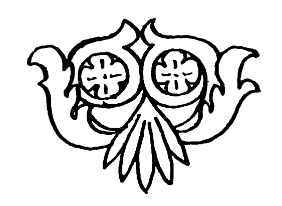
Кречинский *(в сторону, стоя к публике)*. А ведь это хорошо! *(Прикладывает руку ко лбу.)* Опять женщина!

Атуева. Батюшка Петр Константиныч! что ж нам-то делать?

Муромский. Бежать, матушка, бежать! от срама бегут!

Лидочка стремительно выходит вон, за нею Нелькин, Муромский и Атуева.

Занавес опускается.

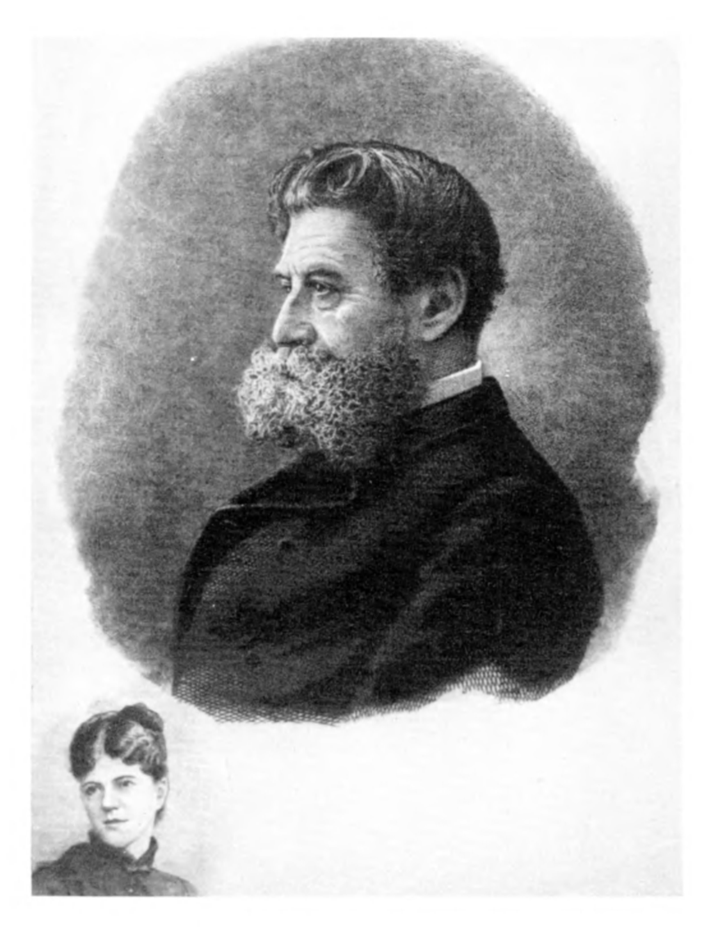

А. В. Сухово-Кобылин. Портрет начала 1850-х гг. ЦГАЛИ.

Зак. 711

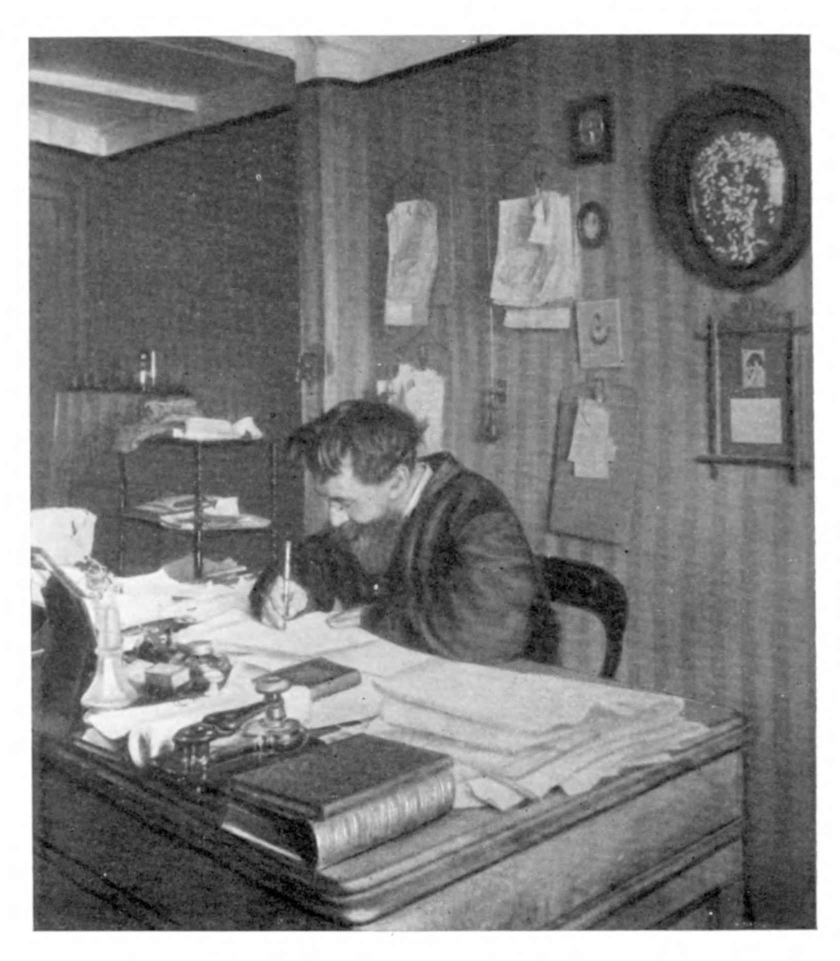
А. В. Сухово-Кобылин. Фото 1880-х (?) гг. Музей ИРЛИ.

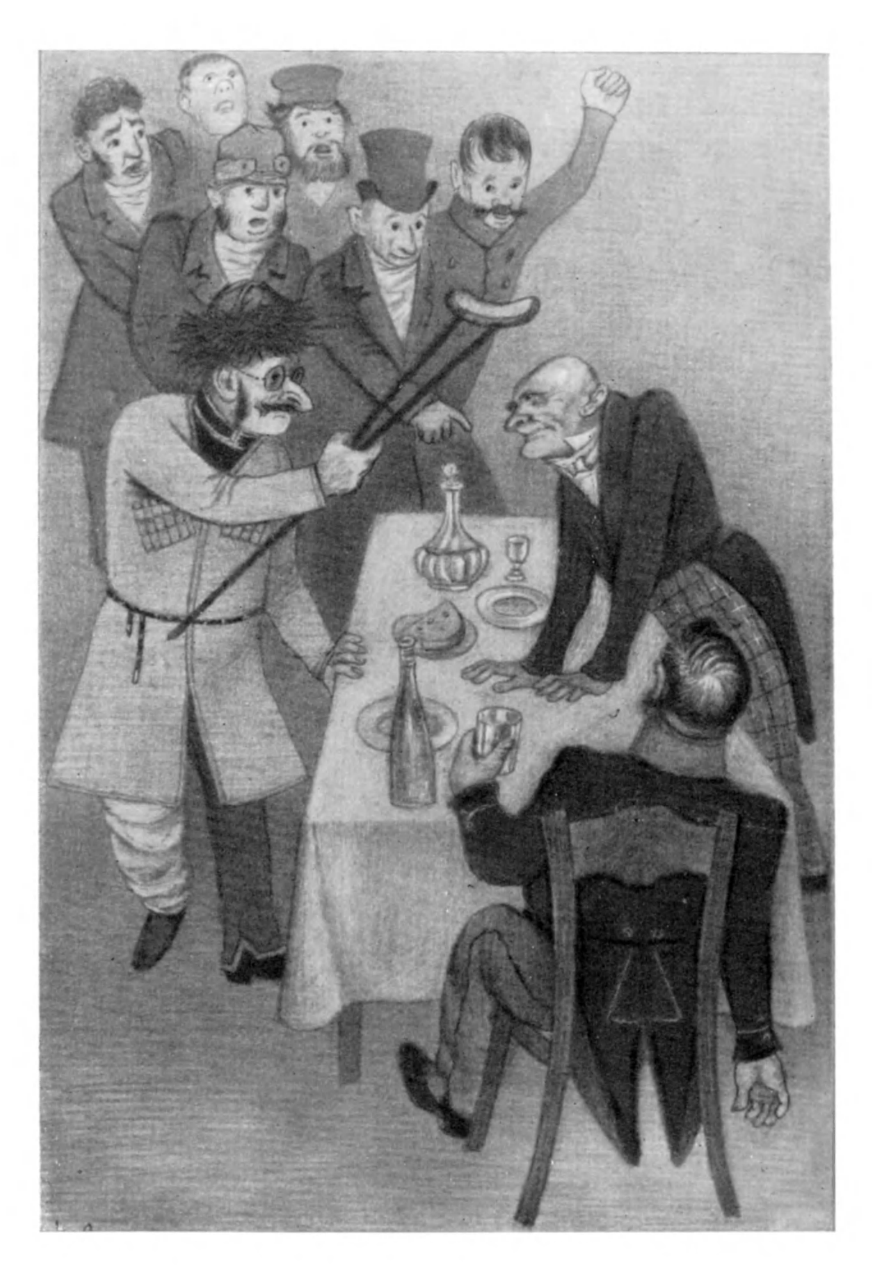
А. В. Сухово-Кобылин. Внизу слева — его дочь
Луиза де Фальтан. Портрет 1890-х (?) гг. Гравирован в 1903 г.
Музей ИРЛИ.

А. В. Сухово-Кобылин. Фото 1890-х (?) гг. Музей ИРЛИ.

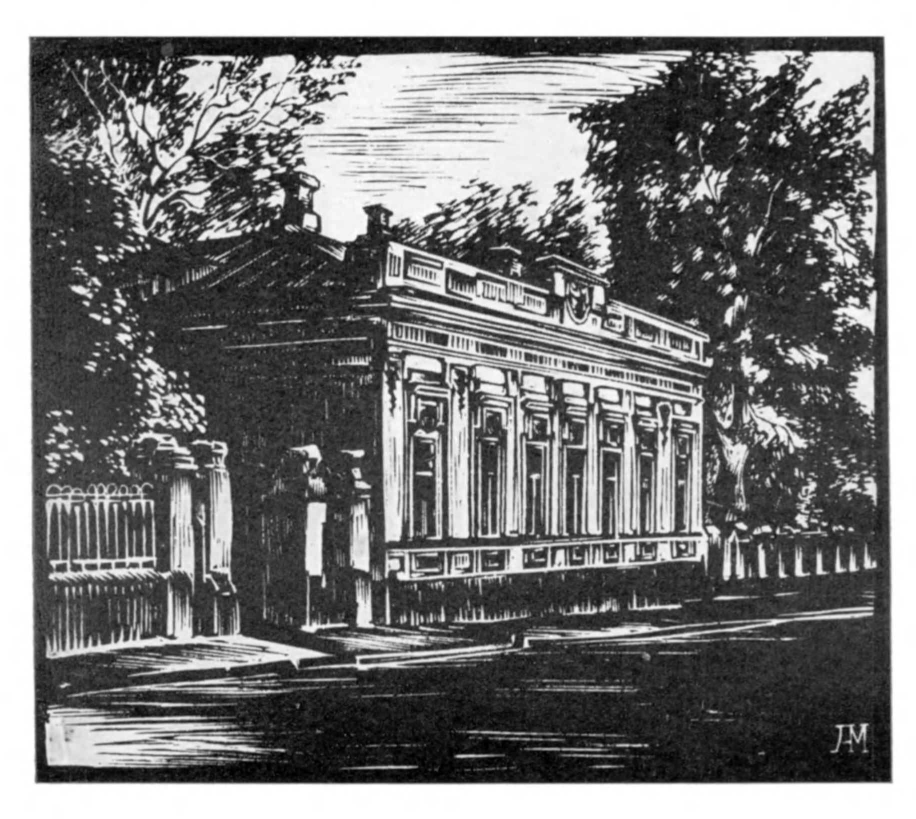
А. В. Сухово-Кобылин в своем кабинете в Кобылинке.
Фото 1898 (?) г. ГЛМ.

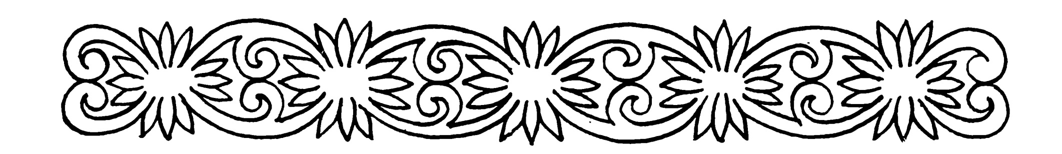
«Смерть Тарелкина». Рисунок Н. И. Альтмана. ГЛМ.
Публикуется впервые.

«Смерть Тарелкина». Рисунок Н. И. Альтмана. ГЛМ.
Публикуется впервые.

Дом в Москве, принадлежавший А. В. Сухово-Кобылину в 1849—1868 гг.
Гравюра Ал. Мищенко. Музей ИРЛИ.

ДЕЛО

ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

К ПУБЛИКЕ

(*Писано в 1862 году*)

Предлагаемая здесь публике пиеса *Дело* не есть, как некогда говорилось, *Плод Досуга*, ниже, как ныне делается *Поделка литературного Ремесла*, а есть в полной действительности сущее, из самой реальнейшей жизни с кровью вырванное *дело*.

Если бы кто-либо — я не говорю о классе литераторов, который так же мне чужд, как и остальные четырнадцать,[1] но если бы кто-либо из уважаемых мною личностей усомнился в действительности, а тем паче в возможности описываемых мною событий; то я объявляю, что я имею под рукою факты довольно ярких колеров, чтобы уверить всякое неверие, что я ничего невозможного не выдумал и несбыточного не соплел. Остальное для меня равнодушно.

Для тех, кто станет искать здесь сырых намеков на лица и пикантных пасквильностей, я скажу, что я слишком низко ставлю тех, кто стоит пасквиля, и слишком высоко себя, чтобы попустить себя на такой литературный *проступок*.

Об литературной, так называемой, расценке этой Драмы я, разумеется, и не думаю; а если какой-нибудь Добросовестный из цеха Критиков[2] и приступил бы к ней с своим казенным аршином и клеймеными весами, то едва ли такой официал Ведомства Литературы и журнальных Дел может составить себе понятие о том равнодушии, с которым я посмотрю на его суд . . . . Пора и этому суду стать публичным.[3] Пора и ему освободиться от литературной бюрократии. Пора, пора публике самой в тайне своих собственных ощущений и в движениях своего собственного нутра искать суд тому, что на сцене хорошо и что дурно. Без всякой литературной Рекомендации или другой какой Протекции, без всякой Постановки и Обстановки, единственно ради этих внутренних движений и сотрясений публики, Кречинский уже семь лет правит службу на русской сцене, службу, которая вместе есть и его суд. Я благодарю публику за такой лестный для меня приговор, я приветствую ее с этой ее зачинающеюся

самостоятельностию, — и ныне мое искреннее, мое горячее желание состоит лишь в том, чтобы и это мое Дело в том же трибунале было заслушано и тем же судом судимо.

Марта 26 д. 1862 г.
Г а й р о с.[4]

P. S. протекло шесть лет! но мое желание не могло исполниться, и теперь я с прискорбием передаю печати то, что делал для сцены.

1868 г. февраля 21 д.
К о б ы л и н к а.[5]

ДАННОСТИ

Со времени расстроившейся свадьбы Кречинского прошло шесть лет.

Действие происходит в Санкт-Петербурге, частию на квартире Муромских, частию в залах и апартаментах какого ни есть ведомства.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

I. НАЧАЛЬСТВА

Весьма важное лицо. Здесь всё, и сам автор, безмолвствует.

Важное лицо. По рождению Князь; по службе тайный советник.[6] По клубу приятный человек. На службе зверь. Есть здоров, за клубничкой охотится, но там и здесь до пресыщения, и потому геморроидалист.

II. СИЛЫ

Максим Кузьмич Варравин.[7] Правитель дел и рабочее колесо[8] какого ни есть ведомства, действительный статский советник, при звезде.[9] Природа при рождении одарила его кувшинным рылом,[10] Судьба выкормила ржаным хлебом; остальное приобрел сам.

Кандид Касторович Тарелкин. Коллежский советник[11] и приближенное лицо к Варравину. Изможденная и всячески испитая личность. Лет под сорок. Одевается прилично; в белье безукоризнен. Носит парик, но в величайшей тайне; а движения его челюстей дают повод полагать, что некоторые его зубы, а может быть, и все, благоприобретенные, а не родовые. Говорит как Демосфен именно тогда, когда последний клал себе в рот камни.[12]

Иван Андреевич Живец. Этот совершил карьеру на поле чести. Получив там несколько порций палкою и от этого естественно выдвинувшись вперед, он достиг обер-офицерского звания.[13] Теперь усердствует Престол-Отечеству как экзекутор.[14]

III. ПОДЧИНЕННОСТИ

Чибисов. Приличная, презентабельная[15] наружность. Одет по моде; говорит мягко, внушительно и вообще так, как говорят люди, которые в Петербурге называются теплыми,[16] в прямую супротивность Москве, где под этим разумеются воры.

Ибисов. Бонвиван, супер[17] и приятель всех и никого.

Касьян Касьянович Шило.[18] Физиономия Корсиканского разбойника. Клокат. Одет небрежно. На всех и на вся смотрит зло. От треволнений и бурь моря житейского страдает нравственною морскою болезнию, и от чрезмерной во рту горечи посредь речи оттягивает, а иногда и вовсе заикается.

Чиновники: Герц, Шерц, Шмерц — Колеса, шкивы и шестерни бюрократии.[19]

Чиновник Омега.[20] Имеет и состояньице, и сердце доброе; но слаб и в жизни не состоятелен.

IV. НИЧТОЖЕСТВА, ИЛИ ЧАСТНЫЕ ЛИЦА

Петр Константинович Муромский. Та же простота и непосредственность натуры, изваянная высоким резцом покойного М. С. Щепкина.[21] В последние пять лет поисхудал, ослаб и поседел до белизны почтовой бумаги.

Анна Антоновна Атуева. Нравственно поопустилась; физически преуспела.

Лидочка!.. Как и на чьи глаза? Для одних подурнела; для других стала хороша. Побледнела и похудела. Движения стали ровны и определенны; взгляд тверд и проницателен. Ходит в черном, носит плед Берже и шляпку с черной густой вуалеткой.

Нелькин. Вояжировал[22] — сложился. Утратил усики, приобрел пару весьма благовоспитанных бакенбард, не оскорбляющих, впрочем, ничьего нравственного чувства. Носит сзади пробор, но без аффектации.

Иван Сидоров Разуваев. Заведывает имениями и делами Муромского; прежде и сам занимался коммерцией, торговал, поднялся с подошвы и кое-что нажил. Ему теперь лет за шестьдесят. Женат. Детей нет; держится старой веры; с бородою в византийском стиле. Одет, как и все прикащики: синий двубортный сюртук, сапоги высокие, подпоясан кушаком.

V. НЕ ЛИЦО

Тишка, и он познал величия предел! После такой передряги спорол галуны ливрейные, изул штиблеты от ног своих и с внутренним сдержанным удовольствием возвратился к серому сюртуку и тихим холстинным панталонам.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Муромских; гостиная. Три двери: одна направо — в комнату Лидочки и Атуевой, другая налево — в кабинет Муромского, третья прямо против зрителей — в переднюю. Бюро; диван; у окна большое кресло.

ЯВЛЕНИЕ I

Атуева пьет чай, входит Нелькин.

Нелькин *(кланяясь)*. Доброе утро, Анна Антоновна!

Атуева. Здравствуйте, здравствуйте.

Нелькин *(осматриваясь)*. Не рано ли я?

Атуева. И нет; у нас уж и старик встает.

Нелькин. А Лидия Петровна еще не встала?

Атуева. Это вы по старине-то судите; нет, нынче она раньше всех встает. Она у ранней обедни, сей час воротится.

Нелькин *(садится)*. Давно мы, Анна Антоновна, не видались; — скоро пять лет будет.

Атуева. Да, давно. Ну где ж вы за границей-то были?

Нелькин. Много где был, а всё тот же воротился. Всё вот вас люблю.

Атуева. Спасибо вам, а то уж нас мало кто и любит. . . . одни как перст остались. Доброе вы дело сделали, что сюда-то прискакали.

Нелькин. Помилуйте, я только того и ждал, чтобы к вам скакать — давно б вы написали, видите — не замешкал. . . .

Крепко обнимаются; Атуева утирает слезы.

Ну полноте — что это все хандрите?

Атуева. Как не хандрить?!

Нелькин. Да что у вас тут?

Атуева *(вздыхая)*. Ох, — нехорошо!

Нелькин. Да что ж такое?

Атуева. А вот это Дело.

Нелькин. Помилуйте, в чем дело? Какое может быть тут дело?

Атуева. Батюшка, я теперь вижу: Иван Сидоров правду говорит — изо всего может быть Дело. Вот завязали, да и на поди; проводят из мытарства в мытарство; тянут да решают; мнения да разногласия [23] — да вот пять лет и не знаем покоя; а все, знаете, на нее.

Нелькин. На нее? Да каким же образом на нее?

А т у е в а. Всякие, — видишь, подозрения.

Н е л ь к и н. Подозрения?! В чем?

А т у е в а. А первое, в том, что она, говорят, знала, что Кречинский хотел Петра Константиновича обокрасть.

Н е л ь к и н *(покачав головою)*. Она-то!

А т у е в а. А второе, говорят, в том, что будто она в этом ему помощь оказала.

Н е л ь к и н *(подняв глаза)*. Господи!

А т у е в а. А третье, уж можно сказать, самое жестокое и богопротивное, гворят, в том, что и помощь эту она оказала потому, что была, видите, с ним в любовной интриге; она невинная, видите, жертва, — а он ее завлёк. . . .

Н е л ь к и н. Так, стало, этот подлец Кречинский. . . .

А т у е в а *(перебивая)*. Нет, не грешите.

Н е л ь к и н. Нет уж, согрешу.

А т у е в а *(перебивая)*. Позвольте. . . . в самом начале теперь дела. . . .

Н е л ь к и н *(перебивая)*. Неужели вы от этой болезни еще не вылечились?

А т у е в а. От чего мне лечиться? — дайте слово сказать.

Н е л ь к и н *(махая руками)*. Нет, — не говорите.

А т у е в а *(вскочив с места)*. Ах, Создатель! . . *(Берет из бюро бумагу.)* Так вот нате, читайте.

Н е л ь к и н *(вертит бумагу)*. Что читать?

А т у е в а. А вот это письмо, которое по началу Дела писал Кречинский к Петру Константиновичу.

Н е л ь к и н. Кречинский!?! Письмо! Так разве вы меня выписали из-за границы, чтоб Кречинского письма читать. Знаете ли вы, что я этого человека ненавижу. Он Каин! — Он Авеля убил!! [24]

А т у е в а. Да не он убил! Читайте!

Н е л ь к и н *(читает)*. «Милостивый Государь Петр Константинович! — Самая крайняя нужда заставляет меня. . .» *(останавливается)*. . . . ну так и есть; опять какая-нибудь штука.

А т у е в а. Думали мы, что штука; да не то вышло. . . . Читайте, сударь.

Н е л ь к и н *(читает сначала равнодушным голосом, но потом живо и с ударением)*. «Милостивый Государь Петр Константинович! — Самая крайняя нужда заставляет меня писать к вам. Нужда это не моя, а ваша — и потому я пишу. С вас хотят взять взятку — дайте; последствия вашего отказа могут быть жестоки. Вы хорошо не знаете ни этой взятки, ни как ее берут; так позвольте, я это вам поясню. Взятка взятке розь: есть *сельская*, так сказать, пастушеская, аркадская взятка; [25] берется она преимущественно произведениями природы и по стольку-то с рыла; — это еще не взятка. Бывает *промышленная* взятка; берется она с барыша, подряда, наследства, словом, приобретения, основана она на аксиоме — возлюби ближнего твоего, как и самого себя; приобрел — так поделись. — Ну и это еще не взятка. Но бывает *уголовная* или *капканная* взятка, — она берется до истощения, догола! Производится она по началам и теории Стеньки

Разина и Соловья Разбойника; совершается она под сению и тению дремучего леса законов, помощию и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, расставляемых по полю деятельности человеческой, и в эти-то ямы попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый. . . . Такую капканную взятку хотят теперь взять с вас; в такую волчью яму судопроизводства загоняют теперь вашу дочь. Откупитесь! Ради Бога, откупитесь! . . С вас хотят взять деньги — дайте! С вас их будут драть — давайте! . . Дело, возродившееся по рапорту квартального надзирателя[26] о моем будто сопротивлении полицейской власти, о угрозе убить его на месте и о подлоге по закладу мною вашего солитера, принимает для вас громовой оборот. Вчера раскрылась передо мною вся эта каверза; вчера сделано мне предложение учинить некоторые показания касательно чести вашей дочери. Вы удивитесь; — но представьте себе, что я не согласился! Я отвечал, что, может, и случилось мне обыграть проматывающегося купчика или блудно расточающего родовое имение дворянина, но детей я не трогал, сонных не резал и девочек на удилище судопроизводства не ловил. Что делать? У всякого своя логика; своей я не защищаю; но есть, как видите, и хуже. Примите и пр.

Михаил Кречинский».

Атуева. И что ж, вы полагаете, Петр-то Константиныч послушался?

Нелькин *(отдавая письмо)*. Естественно не поверил.

Атуева *(запирает письмо в бюро)*. Именно. Эге, говорит, это новая штука; тех же щей, да погуще влей — ну и не поверил; правые, говорит, не дают, виновные дают. Я было к нему пристала; так он знаете как: а вы, говорит, заодно с Кречинским-то, что ли? Ну что ей могут сделать? Я тут, говорит, отец, так мой голос первый; а вышел-то его голос последний; потому, говорят, он свое детище обвинять не станет.

Нелькин. Так все же я понять не могу, каким образом это развилось.

Атуева. Очень просто; как только Кречинский на эту штуку не пошел, они Расплюева подвели; этот как им надо, так и показал.

Нелькин. Что же Расплюев показал?

Атуева. А, видите, что была, говорит, любовная интрига; что шла она через него; что он возил и записочки, и даже закутанную женщину к Кречинскому привозил; но какую женщину — он не знает. Только, видите, поначалу все это тихо было; мы уехали в деревню и ровно ничего об этом не знали; сперва одного из наших людей вытребовали, потом другого; смотрим, и весь дом забрали; расспрашивали, допрашивали — ну можете себе представить, какая тут путаница вышла.

Нелькин. Да еще как путать-то хотели.

Атуева. Стало быть, и пошло уж следствие об Лидочке — а не о Кречинском, потому на нем только одна рубашка осталась. Однако от людей наших ничего особенного они не добились, а выбрался один злодей, повар Петрушка, негодяй такой; его Петр Константиныч два раза в солдаты возил — этот, видите, и показал: я, говорит, свидетель! Смотрим, и Лидочку вытребовали — а зачем мы еще не знаем; а он все упрямится,

да так-таки упрямится, да и только; твердит одно: пускай ее спросят, она дурнного не сделала.

Нелькин. Что ж, конечно.

Атуева. Ну, делать нечего, приехали и мы из деревни. Да как узнал он, что ей очные ставки хотят дать; да очные ставки с Петрушкой, да с Расплюевым, да с Кречинским; да как узнал он, о чем очные-то ставки, — так тут первый удар ему и сделался. Тут только увидел, что правду ему Кречинский писал. Вот он, батюшка мой, туда сюда. Взял стряпчего,[27] дал денег — ну уладили. . . . Только я вам скажу, как дал он денег, тут и пошло; кажется, и хуже стало; за одно дает, а другое нарождается. Тут уж и все пошло: даст денег, а они говорят, мы не получали; он к стряпчему, а стряпчий говорит, я отдал; вы им не верьте — они воры; а стряпчий-то себе половину. Тут и дальше, и няню-то, и ту спрашивали; и что спрашивали? Не хаживал ли Кречинский к барышне ночью; да не было ли у барышни ребенка. . . .

Нелькин *(всплеснув руками)*. Ах, Боже мой? ! ! .

Атуева. Так она, старуха, плюнула им в глаза да антихристами и выругала. Да уж было!. . Я вам говорю: что было, так и сказать нельзя. Следствие это одно тянули они восемь месяцев — это восемь месяцев таких мучений, что словами этого и не скажешь.

Нелькин. Что ж вы ни к кому не обратились? — ну просили бы. . . .

Атуева. Как уж тут не обратиться — только вот беда-то наша: по городу, можете себе представить, такие пошли толки, суды да пересуды, что и сказать не могу: что Лидочка и в связи-то с ним была, и бежать-то с ним хотела, и отца обобрать — это все уж говорили; так что и глаза показать ни к кому невозможно было. Потом в суд пошло, потом и дальше; уж что и как я и не знаю; дело накопилось вот, говорят, какое *(показывает рукою)*; из присутствия в присутствие [28] на ломовом возят — да вот пять лет и идет.

Нелькин *(ходит по комнате)*. Какое бедствие — это. . . . ночной пожар.

Атуева. Именно пожар. А теперь что? — разорили совсем, девочку запутали, истерзали, да вот сюда на новое мучение и спустили. Вот пять месяцев здесь живем, последнее проживаем. Головково продали.

Нелькин. Головково продали?!

Атуева. Стрешнево заложили.

Нелькин *(с ужасом)*. Так что ж это будет?

Атуева. А что будет, и сама не знаю.

Нелькин. Ну что ж теперь дело?

Атуева. А что дело? . . Лежит.

Нелькин. Как лежит?

Атуева. Лежит как камень — и кончено! А мы что? Сидим здесь, как в яме; никого не знаем: темнота да сумление. — Разобрать путем не можем, кого нам просить, к кому обратиться. Вот намедни приходит к нему один умнейший человек: Петр, говорит, Константиныч, ведь ваше дело лежит. Да, лежит. — А ему надо идти. Да. . . . надо, говорит, идти. Ну, стало, ждут.

Нелькин. Чего же ждут?

Атуева. Обыкновенно чего — *(показывает пальцами)*. . . . денег.

Нелькин. Аааа!

Атуева. А он все жмется: да как-нибудь так, да как-нибудь этак. Этот человек говорит ему: Петр Константиныч, я честен! Я только для чести и живу: дайте мне двадцать тысяч серебра — и я вам дело кончу! Так кáк вспрыгнет старик; чаем себя обварил; что вы, говорит, говорите, двадцать тысяч? да двадцать тысяч что? да и пошел считать; — а тот пожал плечами, поклонился, да и вон. . . . Приходил это сводчик один, немец, в очках и бойкий такой; — я, говорит, вам дело кончу — только мне за это три тысячи серебром; и знаете, так толково говорит: я, говорит, ваших денег не хочу; отдайте, когда все кончится, а теперь только задатку триста рублей серебром. Есть, говорит, одно важное лицо — и это лицо точно есть — и у этого лица любовница — и она что хотите, то и сделает; я вас, говорит, сведу, — и ей много, много, коли браслетку какую. Тут Лидочка поднялась; знаете, фанаберия этакая: как, дескать, мой отец да пойдет срамить свою седую голову, — ну да и старик-то уперся; этак, говорит, всякий с улицы у меня по триста рублей серебром брать станет; — ну и не сладилось.

Нелькин. Чему тут сладиться?

Атуева. Вот теперь отличный человек ходит — ну и этот не нравится; а какой человек — совершенный ком-иль-фо,[29] ну состояния, кажется, нет; и он хочет очень многим людям об нас говорить — и говорит: вот вы увидите.

Нелькин. Да это Тарелкин, который вчера вечером у вас сидел; как я приехал.

Атуева. Ну да.

Нелькин. Да он за Лидией Петровной ухаживает?

Атуева. Может быть; что ж, я тут худого не вижу. Он. . . . хорошо. . . . служит и всю знать на пальцах знает. Даже вот у окна сидит, так знает, кто проехал: это вот, говорит, тот, — а это тот; что ж, я тут худого не вижу. А то еще один маркер приходит.

Нелькин. Как маркер?!

Атуева. А вот что на бильярде играет.

Нелькин. Что же тут маркер может сделать?

Атуева. А вот что: этот маркер, мой батюшка, такой игрок на бильярде, что, может, первый по всему городу.

Нелькин. Все же я не вижу. . . .

Атуева. Постойте. . . . и играет он с одним важным, очень важным лицом, а с кем — не сказал. Только Тарелкин-то сказал — это, говорит, так. А играет это важное лицо потому, что дохтура велели: страдает он, видите, геморроем. . . . желудок в неисправности — понимаете?

Нелькин. Понимаю.

Атуева. Этот теперь маркер во время игры-то всякие ему турусы на колесах да историйки и подпускает, да вдруг и об деле каком ввернет, — и, видите, многие лица через этого маркера успели.

Нелькин. Ну нет, Анна Антоновна, — это что-то нехорошо пахнет.

Атуева. Да вы вот вчера приехали из-за границы, — так вам и кажется, что оно нехорошо пахнет; — а поживете, так всякую дрянь обнюхивать станете.

Нелькин *(вздохнувши)*. Может, оно и так.... Скажите-ка мне лучше, что Лидия Петровна? Она очень похудела; какие у нее большие глаза стали — и такие мягкие; знаете, она теперь необыкновенно хороша.

Атуева. Что же хорошего, что от худобы глаза выперло.

Нелькин. Она что-то кашляет?

Атуева. Да. Ну, мы с дохтуром советовались — это, говорит, ничего.

Нелькин. Как она все это несет?

Атуева. Удивляюсь; — и какая с ней вышла перемена, так я и понять не могу. Просьб никаких подавать не хочет; об деле говорить не хочет — и вы, смотрите, ей ни слова; будто его и нет. Знакомых бросила; за отцом сама ходит и до него не допускает никого!!.. В церковь — так пешком. Ну, уж это я вам скажу, просто блажь, — потому — хоть и в гóре, а утешения тут нет, чтобы пехтурой в церковь тащиться....

Нелькин. Ну уж коли ей так хочется — оставьте ее.

Атуева. И оставляю — а блажь. Был теперь у нас еще по началу Дела стряпчий и умнейший человек — только бестия; он у Петра Константиныча три тысячи украл.

Нелькин. Хорош стряпчий!

Атуева. Ну уж я вам говорю: так умен, так умен. Вот он и говорит: вам, Лидия Петровна, надо просьбу подать. Ну хорошо. Написал он эту ей просьбу, и все это изложил как было, и так это ясно, обстоятельно; — принес, сели мы, стали читать. Сначала она все это слушала — да вдруг как затрясется.... закрыла лицо руками, да так и рыдает....

Нелькин *(утирая слезы)*. Бедная — да она мученица.

Атуева. Смотрю я — и старик-то: покрепился, да за нею!.. да вдвоем!.. ну я мигнула стряпчему-то, мы и перестали. Потом, что бы вы думали? Не хочу я, говорит, подавать ничего. Я было к ней: что ты, мол, дурочка, делаешь, ведь тебя засудят; а она с таким азартом: меня-то?!!.. Да меня уж, говорит, нет!.. Понимаете? Ну я, видя, что тут и до греха недалеко, — оставила ее и с тех пор точно вот зарок положила: об деле не говорить ни полслова — и кончено.

Нелькин. Ну, а об Кречинском?

Атуева. Никогда! Точно вот его и не было.

Нелькин *(взявши Атуеву за руку)*. Она его любит!!.. А об этом письме знает?

Атуева. Нет, нет; мы ей не сказали.

Нелькин *(подумавши)*. Так знаете ли что?

Атуева. Что?

Нелькин. Бросьте все; продайте все; отдайте ей письмо; ступайте за границу, да пусть она за Кречинского и выходит.

Атуева. За Кречинского? Перекреститесь! Да какая же он теперь ей партия? Потерянный человек.

Нелькин. Для других потерянный — а для нее найденный.

Атуева. Хороша находка! Нет, это мудрено что-то. . . . а по-моему, вот Тарелкин — почему бы ей не партия — он, видите, коллежский советник, служит, связи имеет, в свете это значение.

Нелькин. Полноте, Анна Антоновна, — посмотрите на него: ведь это не человек.

Атуева. Чем же он не человек? —

Нелькин. Это тряпка, канцелярская затасканная бумага. Сам он бумага, лоб у него картонный, мозг у него из папье-маше — какой это человек?! . . Это особого рода гадина, которая только в Петербургском болоте и водится.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же. Входит Лидочка, в пледе, в шляпке, в руке у нее большой ридикюль и просвира.

Лидочка. Ах, Владимир Дмитрич! Здравствуйте! *(Жмет ему руку.)*

Нелькин *(кланяясь)*. Здравствуйте, Лидия Петровна.

Лидочка. Как я рада! — Ну — вы чаю не пили? Вот мы вместе напьемся, а вы моему старику ваши путешествия рассказывайте. Здравствуйте, тетенька. *(Подходит к ней и целует ее в лоб.)* Что, отец встал?

Атуева. Встал.

Лидочка. А я как спешила. . . . боялась опоздать, — ему пора чай давать, — он любит, чтобы все было готово. . . . *(Снимает скоро шляпку, кладет просвиру и ридикюль.)*

Атуева. Тишка, эй, Тишка!

Тишка входит.

Накрывай чай.

Лидочка. Тетенька — вы знаете, я сама ему чай накрываю, — *(Тишке)* не надо, Тихон, подай только самовар. . . .

Тишка уходит.

Атуева. Самодуришь, матушка!

Лидочка *(собирая чай)*. Тетенька, я уже несколько раз вас просила — оставьте меня; если это мое желание. . . .

Атуева. Ну делай, сударыня, как хочешь.

Лидочка. Владимир Дмитрич — давайте сюда к окну стол и большое кресло.

Несут стол и придвигают кресло.

Вот так. . . . подушку. . . .

Нелькин подает ей подушку.

Так — ну теперь чай. *(Накрывает скатерть, собирает чай.)*

Тишка ставит самовар.

Постойте, ему вчера хотелось баранок — посмотрите, там у меня в мешке. . . .

Нелькин подает ей баранки — она заваривает чай.

Атуева. Что ж, матушка, ты эти баранки сама купила?

Лидочка *(заваривая чай)*. Да, тетенька *(улыбается)*, сама.

Атуева *(Нелькину)*. Видите! Сама баранки на рынке покупает! — это она мне назло! . .

Нелькин *(унимая ее)*. Полноте, что вы!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Муромский, выходит из своего кабинета в халате.

Муромский *(Лидочке)*. Здравствуй, дружок. *(Целует ее. Увидя Нелькина)*. Ба, ба, ба. . . . уж здесь; вот так спасибо, обнимемся, любезный!

Обнимаются.

Нелькин. Как здоровье ваше, Петр Константиныч?

Муромский. Помаленьку; а ты вчера к нам сюрпризом явился. Ты по пароходу?

Нелькин. По пароходу-с.

Муромский. Ну что же, рассказывай, где был, что видел?

Лидочка *(подходя к отцу)*. Нет! Позвольте, папенька, позвольте! *(Ведет его к чайному столу.)* Сначала садитесь, а то чай простынет — вот здесь, — *(усаживает отца)*, вот подушка — что, хорошо?

Муромский *(усаживаясь и смотря на дочь)*. Хорошо, мой ангел, хорошо!

Лидочка. Вот так — я вот подле вас. . . . *(садится)* а вы, Владимир Дмитрич, напротив.

Нелькин садится.

Вот вы теперь и рассказывайте — да, смотрите, так, чтоб весело было. *(Наливает чай.)* Ну, папа, чай, думаю, отличный, сама выбирала.

Муромский. Вот спасибо, а мне нынче чаю что-то хочется. *(Пьет.)* Я уж у себя в комнате поджидал: что-то, мол, моей Лидушечки не слышно? Слушаю — ан и запела. . . . птичка ты моя *(целует ее)*, голубушка. . . . *(пьет чай.)* Славный, Лидушечка, чай, славный.

Лидочка. Ну я очень рада.

Муромский ищет чего-то.

А. . . . вот она! *(Подает ему просвиру.)*

Муромский. Ах, ты мой ангел. . . . *(Нелькину.)* Прочитай-ко, брат; ты, я думаю, живучи у бусурманов-то, давно этого не читал. *(Передает ему просвиру.)*

Нелькин *(читает)*. О здр. . .авии. . . ра. . .ба. . . Бо. . .жия. . . Пе. . .тра.

Муромский. Поверишь ли: вот она мне от ранней обедни каждый день это носит. А? *(Разламывает просвиру и дает половину Нелькину)*.

Лидочка *(разливая чай)*. Что ж, папа, каждый день за ранней обедней я вынимаю о здравии вашем часть и молюсь Богу, чтобы он сохранил мне вас цела и здрава. . . . Бог милосерд, Он мою молитву видит да вас своим покровом и покроет; — а вы вот кушаете чай, да и видите, что ваша Лидочка за вас уж Богу помолилась. *(Целует его.)*

Атуева. Стало, вместе с бедными дворянками просвиру-то подаешь.

Лидочка. Не могу вам, тетенька, сказать — потому там нет ни бедных, ни богатых, ни дворянок.

Муромский. Полно вам, Анна Антоновна, ее пилить. — Ведь она дурного дела не делает. *(Нелькину.)* Поверишь ли, я вот только утром подле нее часок и отдохну; — а если б не она, да я бы, кажется, давно извелся. Что, она переменилась?

Нелькин. Нисколько.

Муромский. Ну нет; похудела.

Нелькин. Так — немного. . . . мне все кажется, что вы белокурее стали, светлее; на лице у вас тишина какая-то, будто благодать Божия на вас сошла.

Лидочка. Полноте; это вы грех говорите. . . . рассказывайте лучше папеньке, что видели, где были.

Муромский. И в самом деле рассказывай — где ж ты был?

Нелькин. Много потаскался, глядел, смотрел, — ну и поучился.

Лидочка. Не верьте, папаша, а вы вот спросите-ка его о Париже, что он там делал? — Отчего он там зажился?

Нелькин *(смеясь)*. Ну, что ж делал, Лидия Петровна, — приехал, поселился скромно, au quartier Latin.*

Муромский. Что ж это?

Нелькин. В Латинском квартале.

Муромский. Там, стало, и гризеточки [30] по-латыне говорят — а?

Нелькин *(не слушая)*. С Сорбонной [31] познакомился. . . .

Муромский. А это кто ж такая?

Нелькин. Тамошний университет.

Муромский. Сорбонна-то? *(Грозя ему пальцем.)* Врешь, брат; не актриса ли какая?

Нелькин. Помилуйте!

Муромский. То-то. Да ты малый-то важный стал; поубрался, похорошел. . . .

Тишка *(входит)*. Петр Константиныч! Иван Сидоров приехал.

Атуева. Ну, вот он! —

Муромский. Насилу-то, — зови.

---

* В Латинском квартале (*франц.*).

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Иван Сидоров, одет по-дорожному.

Муромский. Здравствуй, что ты это как замешкал?

Иван Сидоров *(высматривает образ и молится; потом кланяется всем по очереди)*. Здравствуйте, батюшко Петр Константинович *(кланяется)*, здравствуйте, матушка Анна Антоновна — *(кланяется)*, здравствуйте, матушка наша барышня *(кланяется)*.

Лидочка. Здравствуй, Иван Сидоров.

Иван Сидоров. Позвольте, барышня вы наша, ручку поцеловать. *(Подходит и целует у нее руку — она целует его в лоб)*. Добрая, добрая наша барышня.

Лидочка. Ну что Марья Ильинишна, здорова?

Иван Сидоров. А что ей, сударыня, делается? Слава Богу, здорова. Вот вы что-то поисхудали.

Муромский. Ну, что у нас там?

Иван Сидоров. Слава Богу. Вы, сударь, как здоровьем-то?

Муромский. Ничего. Ну, что хлеб?

Иан Сидоров. Рожь убрали. Рожь всю убрали — вот замолотная ведомость вашей милости.

Лидочка. Владимир Дмитрич, пойдемте к тетеньке — папенька теперь и без нас наговорится.

Муромский. Да, ступайте, ступайте.

Атуева, Лидочка и Нелькин выходят в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ V

Муромский и Иван Сидоров.

Муромский. Ну, что с головковцами совсем простился?

Иван Сидоров. Простился, сударь, да уж хоть бы и не прощаться. Ей-ей; у меня так и нутро все изныло; а они сердечные так и ревут — да уж такая судьба крестьянская.

Муромский *(вздыхая)*. Да. Испокон века за нами стояла вотчина, а вот пришлось откупщику [32] за полцены отдать. Что ж там все расплаты-то исполнил?

Иван Сидоров *(вздыхая)*. Как же, сударь, исполнил; да вот вашей милости достальные привез. *(Вытягивает из-за пазухи кожаный мешок и вынимает из него пачку.)* Вот и счет; угодно будет проверить?

Муромский *(вынимая из кармана ключ)*. На-тко вот, положи их в конторку; вечерком поверим.

Иван Сидоров запирает деньги в бюро.

....Иван!.. я уж Стрешнево заложил.

Иван Сидоров *(возвращая ему ключ)*. Господи!!..

Муромский. А что делать?! .. просто съели — как есть съели! — Господи Творец Милосердный! *(Крестится и вздыхает.)*

Иван Сидоров *(также вздыхая)*. Все в руках Господних, батюшко, — в руках Господних!

Муромский. Что ж теперь делать, Иван? Я и ума не приложу.

Иван Сидоров. Господь вразумит, что делать, а нет, так и сам сделает. Ты только веруй, да спокоен будь.

Муромский *(вздыхая)*. Господи Батюшко; жил, жил; — хлопотал, трудился; все устроил; дочь вырастил; только бы мне ее, мою голубушку, озолотить да за человека выдать; — и вот налетело воронье, набежали воры, запалили дом, растащили достояние — и сижу я на пепелище, хилый, да вот уголья перебираю. . . .

Иван Сидоров. Не крушися, мой отец, — ей, не крушися; все в руках Господних! Случалось и мне на моем веку, и тяжко случалось. Иное дело, посмотришь, и Господи, напасть какая; кажется, вот со всех сторон обложило, а Бог только перстом двинет — вот уж и солнышко. . . .

Муромский. Здравствуй, что ты это как замешкал?

Иван Сидо́ров *(высматривает образ и молится; потом кланяется* жил у купца в прикащиках; скупали мы кожи, сало, — ну, скотиной тоже торговали. Однако умер хозяин — что делать? Дай, мол, сам поторгую — сам хозяин буду. Деньжёнки были кое-какие; товарища приискал; люди дали; — поехали в Коренную.[33] Ходим мы, батюшко, с товарищем по ярмарке день; ходим два — нет товара на руку; все не по силам; а сами знаете, барыши брать, надо товар в одних руках иметь. Ходили, ходили — купили лубки! [34] По десяти рублев начетом сотню; сколько было, все купили. Товар приняли, половину денег отдали, а остальные под конец ярмарки. Обыкновенно — лубки, товар укрывать. Живем. Погода стоит вёдряная; жар — терпенья нет; на нёбе — ни облачка; живем. . . . Ни одного лубка не покупают! Тоска взяла! Ярманка на отходе; товарищ спился! .. Утро помолюсь — вечер помолюсь — и почину не сделал! .. Пятого числа июня праздник Богоматери Коренныя. . . .[35] Крестный ход. . . . народу куча. . . . несут икону. . . . Мать!! Помоги!!! .. Прошел ход — смотрю: от Старого Скола товар показался!!! .. Туча — отродясь не видывал; я к лабазу, — от купца Хренникова бежит прикащик: лубки есть? — Есть. — Почем цена? — Сто рублей сотня. — Как так? — Да так. — Ты с ума сошел? — Еще сутки, так бы сошел. — Ты перекрестись! — Я крестился; вы хорошо пожили; ели, пили, спали сладко? А я вот — пузом на пол-аршин земли выбил. . . . Повертелся, повертелся, ведь дал; — да к вечеру и расторговались. . . . Так вот: все в руках Господних! Господь труд человека видит и напасть его видит — ой, видит.

Муромский. Так-то это так. . . . только мне теперь, Иван, круто приходит: пять месяцев я здесь живу, последнее проживаю — а дело ни с места!

Иван Сидоров. Стало, ждут. Что, сударь, делать; приехал, так дай. Зачем ты, отец, сюда-то толкнулся?

Муромский. Судейцы насоветовали.

Иван Сидоров. Волки-то сыромахи — эк, кого послушал! Чего они тебе сделают?

Муромский. Как чего? — Засудят; дочь мою, кровь мою засудят, чести лишат.

Иван Сидоров. Не можно этому, сударь, быть, чтоб честного человека кто чести лишил. При вас ваша честь.

Муромский. Ты этого, братец, не понимаешь: честь в свете.

Иван Сидоров *(покачав головою)*. О, Боже мой — Свет, что вам, сударь, Свет? . . Вавилонская любодеица — от своей чаши опоила вас! [36] Кто в вашем-то свете господствует — соблазн; кто властительствует — Жены.[37] Развожжали вы, сударь, ваших баб — вот оно у вас врозь и поехало; разъезжают оне по балам да по ассамблеям — плечи голые, груди голые, студ позабывают, да мужскую похоть распаляют; а у похоти очи красные, безумные. Ну суди ты, батюшко, сам: чего тут от Света ждать? Если жена этакое сокровенное, да всем на площади показывает, стало, студа-то у нее и нет, — а жена бесстудная чья посуда — сам знаешь. . . . Прости меня, отец, — я правду говорю; мне на это снование безумное смотреть болезно. Что ваши жены? Ни оне рукодельем каким, ни трудом праведным не занимаются; опустел дом, печь стоит холодная; гоняют по городу, сводят дружбу со всяким встречным — вот, по слабоумию своему, и набегают. — А винность-то чья? Ваша, батюшко. Вы закона не держитесь; закон забыли. Дом дело великое; у нас в дому молятся; а ваш-то дом шинком стал, прости Господи. Кому поесть да попить — сюда! Кто празднословить мастер, плясать горазд — сюда! Цимбалы да пляски — Содом и Гомор! [38]

Муромский. Нет, Иван, ты этого не понимаешь.

Иван Сидоров. Ну оно, может, что по-вашему-то и не понимаю; — я, батюшко, вас люблю, я у вас пристанище нашел; я ваши милости помню и весь ваш род. Для вас я готов и в огонь и в воду — и к Ваалову-то Идолу [39] и к нему пойду.

Муромский. Спасибо тебе, спасибо. . . . Кто ж это, Идол-то Ваалов?

Иван Сидоров. А кумир-то позлащенный, чиновник-то, которому поклониться надо!

Муромский. Да; надо поклониться — вот. . . .не обошло и меня. . . .

Иван Сидоров. Всякому, батюшко, своя череда. Ведь и на мою долю тоже крепко хватило *(покрутив головою)*.

Муромский. А до тебя когда ж хватило?

Иван Сидоров. Да уж тому десятка два годов будет; прислали меня сюда от общества, от миру, своя братия. — Уже по какому делу, не про то речь, а только правое дело, как свято солнце — правое. Сложились мы все — кому как сила — и сирота и вдова дала — всяк дал; на, говорят, Сидорыч, иди; ищи защиту. Ну, батюшко, я вот в этот самый город и приехал; — а про него уже и в Писании сказано: Тамо убо море. . . . великое и пространное — идеже гадов несть числа! . . Животные малые с великими! . . корабли переплывают. . . .[40] ведь оно точно так и есть.

Муромский. Именно так.

Иван Сидоров. Приехавши в этот город, я к одному такому животному великому и направился. Звали его Антон Трофимыч Крек — капитальнейшая была бестия!

Муромский. Кто ж тебе его указал?

Иван Сидоров. А само, сударь, дело указало. Прихожу: — живет он в палатах великих; что крыльцо, что двери — Боже мой! Принял; я поклон, говорю: Ваше, мол, Превосходительство,[41] защитите! А он сидит, как зверь какой, суровый да кряжистый; в разговор вошел, а очами-то так мне в пазуху и зазирает; поговорил я несќолько да к столу, — и выложил, и хорошо, сударь, выложил; так сказать, две трети, и то такой куш составило, что вы и не поверите. Он это и пометил — стало, ведь набитая рука. Как рявкнет он на меня: мужик, кричит, мужик! .. Что ты, мужик, делаешь? За кого меня принимаешь! — А? . . . Я так на колени-то и сел. Да знаешь ли ты, козлиная борода, что я с тобою сделаю? — Да я те, говорит, туда спущу, где ворон и костей твоих не зазрит. . . . Стою я на коленях-то да только и твержу — не погубите! — за жандармом, кричит, за жандармом. . . . и за звонок уж берется. . . . Ну, вижу я, делать нечего; встал — да уж все и выложил; и сертук-то расстегнул: на вот, мол, смотри. Он и потишел. Ну, говорит, — ступай, да вперед помни: я этого не люблю! .. Вышел, сударь, я — так верите ли: у меня на лбу-то пот, и по вискам-то течет, и с носу-то течет. Воздел я грешные руки: Боже мой! Зело искусил мя еси: Ваалову Идолу принес я трудовой рубль, и вдовицы лепту, и сироты копейку и на коленях его молить должон: прими, мол, только, кумир позлащенный, дар мой.

Муромский. Ну и взял?

Иван Сидоров. Взял, сударь, взял.

Муромский. И дело сделал?

Иван Сидоров. И дело сделал. Как есть, — как махнул он рукой, так вся сила от нас и отвалилась.

Муромский. Неужели как рукой снял?

Иван Сидоров. Я вам истинно докладываю. Да что ж тут мудреного? Ведь это все его Воинство; ведь он же их и напустил.

Муромский. Пожалуй.

Иван Сидоров. Верьте Богу, так. Да вы слышали ли, сударь, какой в народе слух стоит?

Муромский. Что такое?

Иван Сидоров. Что антихрист народился.

Муромский. Что ты?

Иван Сидоров. Истинно. . . . и сказывал мне один старец. Ходил он в дальние места, где нашей, сударь, веры есть корень. В тех местах, говорит он, до верности знают, что антихрист этот не то что народился, а уже давно живет и, видите, батюшко, уже в летах, солидный человек.

Муромский. Да возможно ли это?

Иван Сидоров. Ей-ей. Видите — служит, и вот на днях произведен в действительные статские советники — и пряжку [42] имеет за тридцатилетнюю беспорочную службу. Он-то самый и народил племя обильное и хищное — и все это большие и малые советники, и оное племя всю нашу

христианскую сторону и обложило; и все скорби наши, труды и болезни от этого антихриста действительного статского советника, и глады и моры наши от его отродия; и видите, сударь, светопреставление уже близко

Слышен шум.

(оглядывается и понижает голос), а теперь только идет репетиция....

За дверью опять шум и голоса.

Муромский. Что за суматоха такая; никак, приехал кто? — Пойдем ко мне.

Уходят в кабинет Муромского.

ЯВЛЕНИЕ VI

За дверью шум, голоса. Тарелкин, несколько расстроенный, в пальто с большим, поднятым до ушей, воротником, быстро входит и захлопывает за собою дверь.

Тарелкин *(прислушиваясь)*. Негодяй!.. как гончая гонит.... в чужое-то место.... а? *(В дверь кто-то ломится — он ее держит.)*

Голос *(за дверью)*. Да пустяки!.. я не отстану.... ну, не отстану!..

Тарелкин *(запирает дверь на ключ)*. Какое мучение!!..

Тишка *(входит из боковой двери)*. Вас, сударь, просит этот барин к ним выйти.

Тарелкин *(сконфуженный)*. Скажи ему, что некогда.... занят.

Тишка. Они говорят, чтоб вы вышли; а то я, говорит, силой войду.

Тарелкин. Ну что ж, а ты его не пускай.

Тишка уходит.

Это называют.... Дар Неба: Жизнь! Я не прочь; дай мне, Небо, Жизнь, но дай же мне оно и средства к существованию.

Тишка *(входит)*. Опять, сударь, требуют.

Тарелкин *(сжав кулаки)*. У-у-у-у!!.. скажи ему, чтобы он шел!..

Тишка. Я говорил.

Тарелкин. Ну что ж?

Тишка. Да хоть до завтра, а я, говорит, его не выпущу.

Тарелкин. А у вас есть задняя лестница?

Тишка. Есть.

Тарелкин. Как же он меня не выпустит?!.. — Ну — ты ему так и скажи.

Тишка уходит.

Голос *(за дверью)*. Слушайте; где б я вас ни встретил, я вас за ворот возьму....

Тарелкин. Хорошо, хорошо.

Голос. Я вас на дне помойной ямы достану, чтобы сказать вам, что вы: свинья.... *(Уходит.)*

Тарелкин. Ах, анафема.... в чужом-то месте.... *(Прислушивается.)* Никак, ушел? .. Ушел! .. Какова натурка: сказал другому свинью — и удовлетворен; пошел, точно сытый.... Фу.... *(оправляется)*.... Истомили меня эти кредиторы; жизнь моя отравлена; дома нет покоя; на улице.... и там места нет!! .. Вот уж какое устройство сделал *(поднимает воротник)*.... тарантасом назвал.... да как из засады какой и выглядываю *(выглядывает)*.... так пусть же кто посудит, каково в этой засаде жить!! .. *(Откидывает воротник, снимает тарантас и вздыхает.)* Ох, охо, ох! .. *(Выходит в переднюю.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Муромский входит, за ним Иван Сидоров.

Муромский *(осматриваясь)*. Да кто же тут?

Тарелкин входит.

Ах, это вы, Кандид Касторович?

Тарелкин. Я — это я. Идучи в должность, завернул к вам пожелать доброго утра.

Муромский. Очень благодарен. *(Осматриваясь)*. С кем это вы так громко говорили?

Тарелкин. Это? .. *(указывая на дверь)* а так.... пустой один человек.... мой приятель.

Муромский. Что же такое?

Тарелкин *(мешаясь)*. Да вот.... так.... знаете.... малый добрый.... давно не видались.... ну.... так и сердится; и престранный человек.... изругал ругательски, да тем и кончил.

Муромский. Неужели?

Тарелкин *(оправляясь)*. Право. Потому — очень любит, а видимся-то редко, так и тоскует: я, говорит, тебя на дне.... *(ищет)* как его.... морском! .. достану — такой ты сякой — да так и срезал.

Муромский. Нехорошо.

Тарелкин. Скверно! .. Вот у нас, у русских, эта ходкость на бранные слова сожаления достойна; в этом случае иностранцам надо отдать преимущество; и скажет он тебе — и все это скажет, что ему хочется, а этого самого и не скажет, а наш русский по-медвежьему-то так те в лоб и ляпнет. Позвольте, почтеннейший, кофейку спросить.

Муромский. Сделайте милость. *(Идет к двери. Тарелкин его предупреждает, высовывается в дверь и приказывает Тишке.)*

Иван Сидоров *(отводя Муромского в сторону)*. Кто ж это, сударь, такой?

Муромский. Здешний чиновник, коллежский советник Кандид Касторыч Тарелкин....

Иван Сидоров. Понимаю, сударь, это здешний жулик.

Муромский. Тссссс.... Что ты! .. *(показывает на мундир и ленточки)*.... видишь.

Иван Сидоров. Они по всем местам разные бывают. А где служит-то?

Муромский. А там, братец, и служит, где дело, у Максима Кузьмича Варравина.

Иван Сидоров. А знакомство он с вами сам свел?

Муромский. Сам, сам.

Иван Сидоров. Так это подсыл.

Муромский. Неужели?

Иван Сидоров. Всенепременно. Так чего же лучше: вы у него и спросите.

Муромский. А как спросить-то?

Иван Сидоров. Просто спросите.

Муромский. Вот! Вдруг чорт знает что спросить. Спроси лучше ты: тебе складнее.

Иван Сидоров *(усмехаясь)*. Да тут нешто хитрость какая — извольте. *(Подходит к Тарелкину и кланяется.)* Батюшко Кандид Касторыч, позвольте, сударь, словечко спросить.

Тарелкин. Что такое?

Иван Сидоров. Вы, батюшко, ваше высокоблагородие; [43] простите меня— мы люди простые. . . .

Тарелкин *(посмотрев ему в глаза и приосанясь)*. Ничего, братец, говори; я простых людей люблю.

Иван Сидоров. Ну вот и благодарение вашей милости. *(Понизив голос)*. Дело-то, батюшко, наше у вас?

Тарелкин *(тоже понизив голос)*. У нас.

Иван Сидоров. Его-то превосходительство, Максим Кузьмич, ему голова, что ли?

Тарелкин. Он голова, я руки, а туловище-то особо.

Иван Сидоров. Понимаю, сударь; Господь с ним, с туловищем.

Тарелкин *(в сторону)*. Не глуп.

Иван Сидоров. И они все могут сделать?

Тарелкин. Все.

Иван Сидоров. А как их видеть можно?

Тарелкин. Когда хотите.

Иван Сидоров *(глядя ему в глаза)*. Мы-то хотим.

Тарелкин *(в сторону)*. Очень неглуп. *(Вслух.)* У него прием всегда открыт.

Иван Сидоров. Так они примут-с?

Тарелкин. Отчего не принять? . . С удовольствием примут. . .

Тишка подает ему кофе.

Иван Сидоров. Ну вот и благодарение вашей милости *(кланяется)*, я барину так и скажу.

Тарелкин. Так и скажи *(смакует кофе)*. . . . с удовольствием. . . . мол. . . . примет. . . . хе, хе, хе. . . .

Иван Сидоров отходит в сторону.

Люблю я простой, русский ум: ни в нем хитрости, ни лукавства. Вот: друг друга мы отроду не видали, а как на клавикордах [44] сыграли. *(Подслушивает.)*

Иван Сидоров *(Муромскому)*. Ну вот, батюшко, видите, примет.

Муромский. Кого примет? Что примет?

Иван Сидоров. Обыкновенно что. Сами сказали: примет, с удовольствием, говорит, примет.

Муромский. Сам сказал?

Иван Сидоров. Сами сказали. Вы их поблагодарите.

Тарелкин *(в сторону)*. Э. . . . да это птица! Я б ему прямо Станислава повесил.[45] *(Поставив чашку.)* Петр Константинович! Вы, кажется, заняты; а мне в должность пора. Мое почтение-с.

Муромский *(подходя к нему)*. Батюшко Кандид Касторыч. . . . как я благодарен вам за ваше. . . . к нам. . . . расположение. *(Протягивает ему руку.)*

Тарелкин *(развязно кланяется и несколько теснит Муромского)*. За что же, помилуйте; я всегда готов. *(Берет его обеими руками за руку.)*

Муромский *(жмет ему руку)*. За ваше. . . . это. . . . участие. . . . это. . . .

Тарелкин *(в сторону)*. Тьфу. . . . подавись ты им, тупой человек. *(Уходит в среднюю дверь.)* Мое почтение-с.

Иван Сидоров *(быстро подходит к Муромскому)*. Да вы, сударь, не так.

Муромский *(с досадою)*. Да как же?

Иван Сидоров. Вы дайте.

Муромский *(с испугом)*. У-у-у. . . . что ты? !

Иван Сидоров *(подбежав к двери, кричит)*. Ваше высокородие! . . *(Быстро ворочается — к Муромскому, тихо.)* Где у вас деньги-то? Пожалуйте. . . .

Муромский. После, братец, после бы можно. *(Отдает ему деньги.)*

Иван Сидоров *(подбежав к двери кричит)*. Ваше высокородие!! . . *(Берет со стола листок бумаги и завертывает деньги.)*

Муромский *(скоро подходит к Ивану Сидорову)*. Что ты!! — Что ты!

Иван Сидоров. Да как же, сударь? — ехать хотите — а колес не мажете! . . *(Кричит)*. Ваше высокородие!! — Кандид Касторович!!! . . *(Идет к двери.)*

Тарелкин *(входит)*. Что вам надо — вы меня зовете?

Иван Сидоров *(сталкивается с ним и подает ему пакет, тихо)*. Вы, ваше высокородие, записочку обронили.

Тарелкин *(с удивлением)*. Нет. Какую записочку?

Иван Сидоров *(тихо)*. Так точно — обронили. Я вот сейчас поднял.

Тарелкин *(щупая по карманам)*. Да нет, братец, я никакой записочки не знаю.

Муромский *(в замешательстве)*. Творец Милосердый — да он мне историю сделает. . . .

Иван Сидоров *(смотрит твердо Тарелкину в глаза)*. Да вы о чем беспокоитесь, сударь? Вы обронили, мы подняли *(с ударением)*, ну — и извольте получить! . .

Тарелкин *(спохватясь)*. А — да, да, да! *(Берет пакет и быстро выходит на авансцену.)* О,о,о, это птица широкого полета! . . Уж не знаю, на него ли Станислава или его на Станиславе повесить. *(Кладет деньги в карман.)* Ну: — с этим мы дело сделаем. . . . *(Раскланивается и уходит. Иван Сидоров его провожает, Муромский стоит в изумлении)*.

Тарелкин и Иван Сидоров *(кланяются и говорят вместе, голоса их сливаются)*.

Благодарю, братец, благодарю.

Всегда ваш слуга. Мое почтение, мое почтение.

Помилуйте, сударь, обязанность наша.

Мы завсегда готовы. Наше почтение, завсегда, завсегда готовы.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Муромский и Иван Сидоров.

Иван Сидоров *(запирает за Тарелкиным дверь)*. Вы мне, сударь, не вняли, что говорил поблагодарить-то надо.

Муромский. Да как это можно так рисковать. Другой, пожалуй, в рожу даст.

Иван Сидоров. В рожу?! Ка же он, сударь, за мое добро мне в рожу даст?

Муромский. Ведь не судеец же какой — а все-таки лицо.

Иван Сидоров. О Боже мой! — Да вы разумом-то внемлите: вот вы говорите, что они лицо.

Муромский. Вестимо лицо: коллежский советник, делами управляет.

Иван Сидоров. Слушаю-с. А сапожки по их званию лаковые — изволили видеть?

Муромский. Видел.

Иван Сидоров. А перчаточки по их званию беленькие — изволили видеть?

Муромский. Видел.

Иван Сидоров. А суконце тоненькое английское; а воротнички голландские, а извощик первый сорт; а театры им по скусу; а к актрисам расположение имеют — а вотчин у них нет, — так ли-с?

Муромский. Так.

Иван Сидоров. Чем же они живут?

Муромский. Чем живут? . . Чем живут?! . . Ну — Государево жалованье тоже получают.

Иван Сидоров. Государева, сударь, жалованья на это не хватит; Государево жалованье на это не дается. Честнóй человек им жену прокор-

мит, ну, матери кусок хлеба даст, а утробу свою на эти деньги не нарадует. Нет! Тут надо другие. Так вот такому-то лицу, хоть будь оно три лица, и все-таки вы, сударь, оброчная статья.

Муромский *(с досадою)*. Стало уж, по-твоему, все берут.

Иван Сидоров. Кому как сила.

Муромский. Ну, все ж таки знатные бары не берут; ты меня в этом не уверишь.

Иван Сидоров. А на что им брать-то? Да за что им брать-то?

Муромский. Так вот я к ним и поеду.

Иван Сидоров. Съездите.

Муромский. Вот говорят, этот Князь — справедливый человек, нелицеприятен — и нрава такого, что, говорит, передо мной все равны.

Иван Сидоров. Да как перед хлопушкой мухи. Что мала — муха, что большая — всё единственно.

Муромский. Вот увижу.

Иван Сидоров. Ничего, батюшко, не увидишь. Стоишь ты перед ним с твоим делом; искалечило оно тебя да изогнуло в три погибели, а он перед тобою во всех кавалериях, да во всей власти, да со всеми чиноначалиями, как с неба какова, и взирает. . . . Так что тут видеть? По-моему: к большим лицам ездить — воду толочь. А коли уж малые лица на крюк поддели, да сюда приволокли — так дай.

Муромский. Все вот дай! — Деньги-то не свои, так куда легко; — оне у меня не богомерзкие какие, не кабацкие, не грабленые.

Иван Сидоров. Знаю, мой отец, знаю. Что делать?! Дадим, да и уедем; почнем опять хлопотать — боронить да сеять. Господь пособит — все вернем.

Муромский *(с досадою)*. Я не знаю, кому дать? — Сколько дать?

Иван Сидоров. Да уж кому давать, как не этому Варравину — ведь дело у него, — слышали: он голова, а этот руки.

Муромский. Стало, к нему и ехать?

Иван Сидоров. К нему, сударь, к нему. Только когда у него будете, вы помечайте: сначала он поломается, а потом кидать станет; куда кинет — значит, так и есть. Вы не супротивничайте и спору не заводите: — Неокентаврий владеет нами;[46] власть его, а не наша.

Муромский. Так когда же ехать-то?

Иван Сидоров. Да хоть завтра. Я вот забегу к Кандиду Касторычу; теперь он человек свой — так пускай его предупредит и дело устроит *(берет шапку и хочет уйти)*, а без этого соваться нельзя.

Муромский. Да нет, постой. . . . Вот что: завтра праздник, завтра и в лавках не торгуют.

Иван Сидоров *(кланяясь)*. В лавках, сударь, не торгуют, а в присутственных местах ничего, торгуют. *(Уходит.)*

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала канцелярии. Столы и чиновники. У самой авансцены стол с бумагами, за которым сидит Тарелкин; далее в глубине театра другие столы. Направо дверь в кабинет начальника, налево дверь в прихожую; прямо против зрителей дверь в прочие комнаты канцелярии отворена — видны еще столы и еще чиновники. Некоторые из них пишут, другие козируют.*

ЯВЛЕНИЕ 1

Тарелкин, Чибисов, Ибисов, Шило, Омега, Герц, Шерц, Шмерц и другие чиновники.

Тарелкин *(сидит за своим столом и напевает арию из «Elisir»)*.[47] Ci-e-lo-si-pu-o-mo-sir. . . .

Ибисов *(с другого стола)*. Тарелкин, вы вчера в Итальянской-то были?[48]

Тарелкин *(качает головой и заливается)*. Si-si-si-si-non-ci-e-do.

Ибисов. Какой шанс у человека! . . И Максим Кузьмич был? . .

Тарелкин *(та же игра)*. Si-si-si-non-ci-e-eeee. . . . — тьфу, опять не вышло!

Ибисов. Как, бывало, Сальви валял эту арию в Москве — так мое почтение. Вы что там ни толкуйте, а Марио до него далеко.[49]

Тарелкин *(поет и машет ему рукою)*. . . . Si-si-non-cie. . . .

Ибисов. Нет, далеко.

Тарелкин *(остановясь)*. Да замолчите.

Ибисов. Я свое мнение имею.

Тарелкин. Что ваше мнение? У вас сколько чувств?

Ибисов. Пять.

Тарелкин. А тут шесть надо.

Чиновники смеются.

Шило *(с своего места)*. Прибавьте на бедность седьмое, чтобы так дел не вести.

Тарелкин *(посмотрев на него через плечо)*. Каких там дел?

Шило. Да вот хоть бы дело Муромских: пять лет тянут! Пять месяцев здесь лежит. Ведь со слезами просят — пощадите, батенька!

Чибисов *(перебивая)*. А какое это дело?

Ибисов. А об девочке — помните? О противузаконной связи одной помещичьей дочери с каким-то губернским секретарем.[50] Оно идет к докладу.

Шерц *(таинственно на ухо Шиле)*. До крайности щекотливое дело. Максим Кузьмич сами рассматривают.

Шмерц *(с другой стороны.та же игра)*. А Тарелкин записку составляет.

Шило *(громко)*. Кандид Касторыч, вы составили записку по делу Муромских?

---

* Козируют — болтают (от *франц.* causer).

Тарелкин *(поет и бьет такт)*. Не состааааа-вил. . . . не состаааа. . . не состаааа-вил. . . .

Ибисов также подхватывает. Хор.

(Остановясь.) Откуда?

Ибисов. Постойте, постойте. . . . из Гугенотов! [51]

Тарелкин. Так.

Шило. Ведь это сущий вздор.

Тарелкин. Гугеноты-то?!! . .

Шило. Нет, свои Гугеноты — доморощенные. Ведь это избиение Муромских ровно ни на чем не основано. Вся интрига девочки с Кречинским — чистое предположение.

Ибисов. Ну, этого не говорите.

Шило. Я дело видел.

Ибисов. А я вам скажу, что интрига была; она с ним и бежать собиралась; — я это вернейшим образом знаю; они и бриллианты захватили. Видите, у князя есть гувернантка, которой ихняя-то гувернантка все это и рассказывала.

Шило. Да у них гувернантки не было.

Ибисов. Была, Кастьян Кастьянович, была.

Шило *(с нетерпением)*. Да из дела, сударь, видно.

Тарелкин. Толкуйте там — вас не переговоришь. У вас это болезнь; вам бы на воды ехать — полечиться. . . . *(Зевает.)* Нет, представьте себе, господа, сижу я вчера у Максима Кузьмича в ложе, лорнирую этак — и что же: во втором ярусе над бельэтажем — кто бы вы думали? — Оранженьский! — а каков идол?

Ибисов. Зато у него дом повыше второго яруса.

Шило. А все вор и грабитель.

Тарелкин. Что это, дружище, все у вас воры да грабители; — не сломили бы они вам шею?

Шило. У меня, сударь, шеи нет, а голова есть — так не страшно. Вот у кого головы нет, а шея есть — ну тому рисково.

Тарелкин. Вот кунсткамера какая!

Шило. А вы заприметили, в кунсткамере есть животные, у которых все тело — шея; вот их-то пресмыкающимися и зовут.

Тарелкин *(отходит и в сторону)*. Собака.

ЯВЛЕНИЕ II

Максим Кузьмич Варравин, с бумагами, показывается из боковых дверей направо. По канцелярии водворяется тишина; все садятся и примаются за дело. Максим Кузьмич подходит к столу, отдает бумаги, делает замечания и наконец достигает стола Тарелкина.

Тарелкин *(встает)*. Ваше Превосходительство — дело есть.

Максим Кузьмич садится на его место, раскрывает дело и листует; Тарелкин ему указывает, разговор идет вполголоса.

Варравин. Ну, что?

Тарелкин *(тихо)*. От Муромских гонец.... Готово!..

Варравин. Как медленно.... *(листует дело)*.

Тарелкин *(докладывает тихо)*. Что делать! Истинное мучение: и дочь-то любит, и деньги-то любит; и хочется и колется....

Варравин. Надо через третьи руки.

Тарелкин. Ни, ни. Сам, говорит, или ничего.

Варравин. Вот как!

Тарелкин. Третьего лица, говорит, не хочу. Украдет.

Варравин. Так он эту азбуку знает?

Тарелкин. Знает. Он все мытарства прошел. Как порассказал мне его управляющий. — Боже мой, чего с ним не делали: давал он через третье лицо; третье лицо хватило его на полкуша. Стал сам давать — хуже. Кому даст — тот болен; на его место новый — мнение пишет. А тут еще какой случай вышел....

Варравин. Укажите!

Тарелкин *(спохватясь)*. Ах — да! *(листует дело, указывает и продолжает тихо)*.... изволите видеть: по вопросу о незаконной связи дочери с Кречинским выискался один артист, да и отмочалил *(гворит громко)* мнение: принимая, говорит, во внимание то и то, а с другой стороны обращая внимание на то и то, мнением полагаю *(тихо)* пригласить врачебную управу для медицинского, говорит, освидетельствования.... хи, хи, хи....

Варравин. Кого?!

Тарелкин *(в духе)*. Да ее!

Варравин. Дочь! — ха, ха, ха — ну? — *(Оба тихо смеются.)*

Тарелкин. Ну и взяли, что хотели.

Варравин. Вздор!.. как можно!..

Тарелкин. Да почему же? Ведь это мнение. За мнение никто не отвечает. Помилуйте! И за решение — и за то взыску нет!

Варравин. Этого в деле нет.

Тарелкин. Я знаю, что нет. С него, чтоб не согласиться, взяли раз, а чтоб и в деле не было — взяли два.

Варравин. Ну?

Тарелкин. Ну и раздели! на полсостояния хватили.

Варравин *(качая головой)*. Тссссс....

Тарелкин. Помилуйте! — и то умеренно!.. он бы все отдал.

Варравин. Так сколько же теперь?..

Тарелкин. Особенной массы нельзя! Взяли.... *(думает)*. Десять....

Варравин. По такому делу? Одна дочь! Вся жизнь. Тридцать!

Тарелкин. Нету!

Варравин. Достанет.

Тарелкин. Где достать?

Варравин. Дочери лишится.

Тарелкин. Хоть кожу сдерите.

Варравин. Имение заложит.

Тарелкин. Заложено.

Варравин. Ну, продаст.

Тарелкин. Продано.

Варравин *(с беспокойством)*. Неужели?

Тарелкин. Верно.

Варравин. Так что ж они это делают?!

Тарелкин. Вам известно, каковы люди: лишь бы силы хватило — не спустят!

Варравин *(сетует)*. Как же он теперь?

Тарелкин. Добавочные взял, имение продал — ну, тысчонок двадцать пять у него надо быть.

Варравин. Ну, делать нечего — двадцать пять.

Тарелкин. Ему тоже жить надо, долги есть.

Варравин. Долги подождут.

Тарелкин. Ждут, Ваше Превосходительство, да не долги. Вот я, видите, в мундире здесь сижу *(показывает на стол)*, а вон там *(указывает на прихожую)* уж наведываются. А частный человек что? — Частный человек — нуль! ха!

Варравин. Меньше двадцати тысяч дело не кончится. . . . Только скорее.

Тарелкин. Всё готово. — Дожидаются.

Варравин. Так вот что: князь сейчас едет в комитет, чиновников я распущу по случаю праздничного дня; следовательно, через час и его приму. *(Встает.)*

Тарелкин *(громко)*. Слушаю, Ваше Превосходительство.

Варравин *(громко)*. Вы сейчас и известите. *(Идет в кабинет.)*

В эту минуту двери кабинета размахиваются настежь; показывается Князь; Парамонов ему предшествует; по канцелярии пробегает дуновение бурно; вся масса чиновников снимается с своих мест и, по мере движения князя через залу, волнообразно преклоняется. Максим Кузьмич мелкими шагами спешит сзади и несколько бочит, так, что косиною своего хода изображает повиновение, а быстротою ног — преданность. У выхода он кланяется князю прямо в спину, затворяет за ним двери и снова принимает осанку и шаг начальника. Чиновники садятся.

Варравин (*остановясь посреди залы и посмотрев на часы*). Господа! Нынче праздник — можете кончить. До завтра. (*Кланяется и уходит в кабинет.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Шум. Чиновники подымаются и быстро убирают бумаги. Во все продолжение этого явления залы канцелярии постепенно пустеют. Тарелкин, Чибисов, Ибисов, Герц, Шерц, Шмерц, чиновник Омега и Шило, со шляпами в руках, составляют группу у авансцены.

Ибисов. Кандид Касторыч, едем вместе *(подмаргивая)*. Туда. . . .

Тарелкин. Нельзя, душа; — дело есть.

Голос Варравина *(за кулисою)*. Тарелкин!!

Тарелкин *(повертясь на каблуках)*. Я!! *(Бежит в кабинет)*.

Ибисов. А?! — Каков мой Кандид!

Омега. Да! Расцвел, как маков цвет! Вот: ни состояния, ни родства, а каково: Станислава хватил.

Шерц. В коллежские советники шаркнул.

Шмерц. Двойной оклад взял.

Омега. Чем вышел, это удивление.

Чибисов. В рубашке родился, господа.

Омега. Стало, по пословице: не родись умен, а родись счастлив.

Шило. Это глупая пословица — по-моему, это по стороне бывает. Вы заметьте: вот в Англии говорится: не родись умен, а родись купец; в Италии: не родись умен, а родись певец; во Франции: не родись умен, а родись боец. . . .

Шмерц. А у нас?

Шило. А у нас? Сами видите: *(указывает на дверь, где Тарелкин)* не родись умен, а родись подлец.

Чибисов *(с усмешкою)*. Изболели вы, батенька?

Шило. Изболел-с.

Ибисов. И много ведомств перешли?

Шило. В двух отказали — теперь в третьем.

Чибисов. Что же?

Шило. Откажут.

Ибисов. Ну, тогда-то как?

Шило. Хочу к купцу идти.

Чибисов. В прикащики — сальными свечами торговать.

Шило. Сальными свечами, да не сальными делами.

Чибисов *(берет Ибисова под руку)*. Пойдем, брат, прочь. *(Тихо.)* С удовольствием бы повесил.

Ибисов. А я бы веревку купил.

Уходят.

Омега *(подходит к Шиле и, взявши его за руку)*. Кастьян Кастьянович, — не зудите их; они вам зло сделают; — плюньте.

Шило. Пробовал! *(Заикнувшись.)* Слюны не хватает. . . .

Омега. Вы теперь куда?

Шило. Куда?! *(Заикнувшись)*. А на мою аттическую квартиру.[52]

Омега. Почему же аттическую?

Шило. А она *(та же игра)* не топленная.

Омега. Так не хотите ли ко мне — пообедаем вместе.

Шило. Хочу! . . Ведь я через день обедаю, а мне каждый день хочется.

Омега. Чудесно! . . А вы что любите?

Шило. Эва. . . . все! Только бы костей не было. . . . я пробовал. . . . *(Заикнувшись.)* Не съешь. . . .

Смеются, берутся под руки и уходят.

ЯВЛЕНИЕ IV

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин *(выходит из кабинета, держа двумя пальцами ассигнацию, и показывает ее)*. Благодетель! . . Чем обрадовал; мне ее на извозщика мало. *(Сует ее со злобою в портмоне.)* Вот толкуют о приказном

племени: зачем, говорят, это крапивное племя [53] развели; а этому племени что? Он чай вприкуску пьет; погулять — идет в полпивную; обедать — так съест на двадцать пять копеек серебром — уж и сыт. Ну, а я-то? Аристократ-то? Ведь в полпивную не пойдешь; обедать — все-таки у Палкина; [54] да мне другой раз на перчатки три целковых надо; выходит — петля! Я только долгами и живу, от долгов и околею. . . . [55] Боже мой — ну когда же такая каторга кончится? Ведь вот и тут ничего не будет, — ничего! Оберет он меня, каналья, оберет как липку; как обирал — так и оберет. Хоть бы в щель какую, в провинцию забиться; только бы мне вот Силу да Случай, да я таким бы взяточником стал, что с мертвого снял бы шкуру; право, бы снял — потому нужда! Так вот что удивительно: нет вот мне ни Силы, ни Случая. *(Задумывается.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Варравин выходит из кабинета. Тарелкин.

Варравин. Что ж вы еще не повестили?

Тарелкин. Сейчас, сейчас; ведь это вот здесь, недалеко (*садится и пишет*). А у нас, Ваше Превосходительство, опять язва завелась.

Варравин. Кто такой?

Тарелкин. Вот этот Шило, что недавно поместить изволили; его выгнать надо; он мне проходу не дает.

Варравин. А вы зачем с ним вяжетесь?

Тарелкин. Помилуйте; он карбонарий, [56] он ничего не признает. Кричит по всей канцелярии об этом деле; — ну, что же мне делать? *(Выходит в прихожую.)*

Варравин *(один, расставляет стулья, укладывает бумаги и садится за стол Тарелкина)*. Удивления достойно, что это за времена настали: или умен — ну, так такая ракалия, [57] что двух дней держать нельзя; или уж такая дрянь, что, как старая ветошь, ни на что не годен.

Тарелкин входит.

. . . .Признаться сказать, хороши и вы-то стали! Ну, на что вы годитесь? Истрепались да измотались — ни одного из вас человеком сделать нельзя. Нет, в мое время был у нас Антон Трофимыч Крек — так человек! . . Из себя был плотный, плечистый, неуклюжий, что называется худо скроен, да крепко сшит. Говорил мало; а если скажет что, точно гвоздем пришьет. Жил он довольно, а и заметить было нельзя; только раз на выходе из бани как хлыстнет его апоплексия — так только вот что сделал — *(кривит рот и делает гримасу)* — и весь тут! . .

Тарелкин. Я об нем, Ваше Превосходительство, очень много слышал.

Варравин. То-то, слышал. А ныне что вы за чиновники? Глисты какие-то; худые да больные; скрипит да кашляет, да весь протух; руку ему пожмешь, так точно мокрую плеть какую. Нет, в наше время как, бывало, Антон Трофимыч всю пятерню тебе представит, так задумаешься. Только

тебе ее сунет, а сам-то и жмет: — так как около тарантаса и ходишь. Вот так делал дело — не вам чета. Встанет в четыре часа, фукнет в кулак и сядет; да, как бык какой, так и прет. Никого не боялся, несказанное вершил, — ну и состояние оставил: домино какой на острове, да что наличности, да что безличности. А вы что? Белоручки, перчаточники, по театрам шататься, шалберить да балагурить, а деньги чтоб силой в карман лезли. . . . Нет, дружище, без работы не придут. Так что же выдумал: вы мне, говорит, чины-то дали, а состояния, говорит, не дали.

Тарелкин. Ваше Превосходительство, я не в том смысле.

Варравин. Знаю я прежде вас, в каком вы смысле. Состояние?! — А что, вы как думаете, — оно мне даром пришло — а? По́том да кровью пришло оно мне! Голого взял меня Антон Трофимыч Крек, да и мял. . . . и долго мял, пусто ему будь. Испил я из рук его чашу горечи; все терпел, ничем не брезгал; в чулане жил, трубки набивал, бегал и в лавочку — да! А как повесил он мне на шею Анну, [58] так с каждого получения четыре пая положит, бывало, в черновое, да только глазами в тебя вопрет — и слов-то не было.

Парамонов *(входит)*. Ваше Превосходительство, проситель — желает видеть.

Варравин. Допусти.

Парамонов уходит.

Ступайте себе; да не подслушивайте — не надо!

Тарелкин также уходит; Варравин окладывает себя кипами бумаг.

ЯВЛЕНИЕ VI

Варравин, уткнувшись в бумаги, пишет.
Муромский входит.

Муромский. Позвольте себя представить — Ярославский помещик, капитан [59] Муромский.

Варравин *(продолжая писать)*. Мое почтение.

Молчание.

Муромский *(несколько постоявши)*. Наслышан будучи о вашей справедливости, прошу принять участие.

Варравин *(пишет и указывает на стул)*. Садитесь.

Муромский садится; молчание.

Едва ли в чем могу быть полезен.

Муромский. Благосклонный ваш взгляд всегда полезен.

Варравин *(пишет)*. Ошибаетесь. В ведомстве нашем ход делопроизводства так устроен, что личный взгляд ничего не значит. *(Поворачиваясь к Муромскому и закрывая бумаги.)* Впрочем. . . в чем состоит просьба ваша?

М у р о м с к и й *(очень мягко)*. Вам, конечно, известно дело о похищении у меня солитера губернским секретарем Кречинским.

В а р р а в и н *(помягче)*. Оно находится у нас на рассмотрении и несколько залежалось. Не взыщите. Дел у нас такое множество, что едва хватает сил. Со всех концов отечества нашего стекаются к нам просьбы, жалобы и как бы вопли угнетенных собратов; дела труднейшие и запутаннейшие. Внимание наше, разбиваясь на тысячи сторон, совершенно исчезает, и мы имеем сходство с Титанами,[60] которые, сражаясь с горами, сами под их тяжестью погибают *(оправляется с удовольствием)*.

М у р о м с к и й. Потому-то я и стремлюсь обратить внимание ваше.

В а р р а в и н. По мере сил, сударь, по мере сил.

М у р о м с к и й. Дело по существу простое, но от судопроизводства получило такую запутанность, что я даже не могу порядком вам передать. . . .

В а р р а в и н. Прошу.

М у р о м с к и й. Извольте видеть: дочь моя получила в свете склонность к этому Кречинскому; и хотя мне то было прискорбно, но — я на брак их согласился. Это и была моя ошибка! *(Вздыхает.)*

В а р р а в и н (*также вздыхает*). Верю. . . .

М у р о м с к и й. Кречинский, нуждаясь в деньгах, взял у дочери моей солитер под предлогом показать его знакомым; и дочь моя оный ему вручила по детскости и большой к нему привязанности *(вздыхает)*. . . .

В а р р а в и н *(также вздыхает)*. Верю. . . .

М у р о м с к и й. Немедленно за сим Кречинский произвел у ростовщика Бека фальшивый залог, так что получил возможность возвратить камень этот моей дочери тем же днем. Стало, мы тут, как младенцы какие, ровно ничего и не подозревали (*вздыхает*). . . .

В а р р а в и н. Верю. . . .

М у р о м с к и й. Только в эту минуту один близкий мне человек предупредил меня, а вскоре явился и сам ростовщик, у которого в залоге оказался камень подложный; — следовательно, все и открылось. Видя это, я всякие сношения с Кречинским прервал. Вот и все дело; и, поверите ли, такая простота и, с нашей стороны, натуральность по учиненному следствию является обнесенной всякими зазорными подозрениями.

В а р р а в и н. Верю, почтеннейший, верю. . . . однако замечу, что некоторые обстоятельства дела вы опустили.

М у р о м с к и й. Клянусь вам Богом. . . .

В а р р а в и н. Положение дела вашего по фактам следствия остается запутанным и, могу сказать, обоюдоострым. С одной стороны, оно является совершенно естественным и натуральным, а с другой — совершенно неестественным и ненатуральным.

М у р о м с к и й *(расставя руки)*. В чем же неестественным и ненатуральным, Ваше Превосходительство?

В а р р а в и н. А во-первых, спрашиваю: можно ли, чтобы дочка ваша такую драгоценную вещь отдала чуждому ей лицу без расписки и удостоверения? Ибо есть дамы, и я таковых знаю, которые и мужьям своим того не доверяют.

Муромский. Не могла ничего предполагать, Ваше Превосходительство.

Варравин *(продолжая)*. Во-вторых: по какой таинственной причине дочь ваша повторительно и собственноручно отдала камень этот ростовщику Беку и тем самым во второй раз вас его лишила, а себя явила участницею похищения?

Муромский. Хотела его спасти.

Варравин. Кого? — Преступника. Воспрещено законом!

Муромский. Да ведь он ей жених.

Варравин. Ну, нет; а по-моему бы, ей от него, этак *(делает жест)* с ужасом! а не выручать. Согласитесь: ростовщику Беку вы заплатили деньги единственно ради этого соучастия дочки вашей с Кречинским. Ведь это факт. Вы как думаете?

Муромский. Положим, что факт; но ведь я этих денег не ищу.

Варравин. Вы не ищете, но Закон-то? он неумолим! .. и ищет.

Муромский. Что же, ведь и закон неопытность принимает в соображение — она ребенок.

Варравин. По метрикам оказалась на девятнадцатом году.

Муромский. Так точно.

Варравин. Уголовное совершеннолетие.

Муромский. Уголовное!?! .. Побойтесь Бога! За то, что девушка из беды жениха выручает; да она кровь отдаст; примите в соображение ее привязанность, увлечение!

Варравин *(с усмешкою)*. Ну, вот вы сами и поймались.

Муромский *(тревожно)*. Где? .. Как? .. Я ничего не сказал.

Варравин. Сказали. . . . Вы не беспокойтесь; вы всегда скажете то, что нам нужно. *(Лукаво.)* Увлечение, говорите вы; — ну оно нами во внимание и принято. — Степень этого увлечения мы теперь хотим определить по закону.

Муромский *(смешавшись)*. Так позвольте. . . . я. . . . я. . . . не в том смысле.

Варравин. А в каком? .. А вам известно показание двух свидетелей об увлечении-то. . . . Да напрямик, что-де между дочкой вашей и Кречинским была незаконная связь! ..

Муромский *(со страданием)*. Пощадите! .. Пощадите. . . . это клевета, это подвод. . . . их купили. . . . эти два свидетеля выеденного яйца не стоят.

Варравин. Присяжные, сударь, показания. Сила! .. А тут как бы игралищем судьбы является и факт собственного сознания.

Муромский *(с жаром)*. Никогда! ..

Варравин. Дочь ваша, отдавая ростовщику солитер, сказала: это моя ошибка! .. Слышите ли?! *(Поднимая палец.)* Моя!! ..

Муромский. Нет — она не говорила: моя ошибка. . . . *(Бьет себя в грудь.)* Богом уверяю вас, не говорила! .. Она сказала: это была ошибка. . . . то есть все это сделалось и случилось по ошибке.

Варравин. Верю, но вот тут-то оно и казусно: все свидетели, бывшие при этой сцене, отозвались незнанием, окроме четырех. Четыре

эти разделились на две равные стороны: два. . . . и два. . . . утверждая противное. Свидетель Расплюев и полицейский чиновник Лапа[61] показали, что она употребила местоимение моя. . . .

Муромский *(перебивая)*. Не употребила! Не употребила! хоть в куски меня изрежьте — не употребила! . .

Варравин. Так точно: вы, сударь, и госпожа Атуева утвердились в показании, что она сказала: это была ошибка, опустив будто существенное местоимение моя. . . . где же истина, спрашиваю я вас? *(Оборачивается и ищет истину.)* Где она? где? Какая темнота! . . Какая ночь! . . и среди этой ночи какая обоюдуострость! . .

Муромский *(с иронией)*. Темнота. . . . Среди темноты ночь, среди ночи обоюдуострость. . . . *(Пожав плечами.)* Стар я стал, — не понимаю! . .

Варравин *(с досадою)*. А вот поймете. *(Твердо.)* В глазах, сударь, закона показания первых двух свидетелей имеют полную силу. Показание госпожи Атуевой, как тетки-воспитательницы, не имеет полной силы, а ваше собственное никакой.

Муромский. Почему так жестоко? . .

Варравин. Потому, сударь, что вы преданы суду за ложное показание о бычке тирольской породы, которого получили от подсудимого в дар! Помните? . .

Муромский. Помню. *(Покачивая головой.)* Стало, по вашему закону шулеру Расплюеву больше веры, чем мне. Жесток ваш закон, Ваше Превосходительство.

Варравин *(улыбаясь)*. Извините, для вас не переменим. Впрочем. . . пора кончить; я затем коснулся этих фактов, чтобы показать вам эту обоюдуострость и качательность вашего дела, по которой оно, если поведете туда, то и все оно пойдет туда. . . . а если поведется сюда, то и все. . . . пойдет сюда. . . .

Муромский (*с иронией*). Как же это так (*качаясь*) и туда и сюда?

Варравин. Да! И туда и сюда. Так, что закон-то при всей своей карающей власти, как бы подняв кверху меч *(поднимает руку и наступает на Муромского; — этот пятится),* и по сие еще время спрашивает: куда же мне, говорит, Варравин, ударить?! . .

Муромский *(с испугом)*. Боже милостивый! . .

Варравин. Вот это самое весами правосудия и зовется. Богиня-то Правосудия, Фемида-то, ведь она так и пишется: Весы и меч!

Муромский. Гм. . . . Весы и меч. . . . ну мечом-то она, конечно, сечет, а на весах-то? . .

Варравин *(внушительно)*. И на весах, варварка, торгует.

Муромский. А, а, а. . . . Понял. . . .

Варравин. То-то (*с иронией*), а говорите, стар стал — не пойму. . . .

Муромский. Уж я и не знаю, излагать ли мне вам мои опровержения.

Варравин. Достопочтеннейший, к чему? был и я молод, любил и я диспутоваться; теперь минуло; познал я жизнь; познал я и существен-

ность. Вы старину-то вспомните.... простую, задушевную.... Вот время-то было! об нем и в стихах так складно сказано:

Там, где сердце нараспашку,
Наголо, как в старину! ..[62]

Муромский *(живо)*. Нараспашку?! .. Наголо?! .. *(В сторону.)* Вот оно! .. Кидать стал. *(Вслух.)* То есть как же это наголо?

Варравин. А в старину не диспутовались; поговорят легонько, объяснятся нараспашку, да и устроят дело наголо! *(Делает жест.)*

Муромский *(с ужасом)*. Наголо! ..

Варравин. Да. Наголо! ..

Муромский *(в сторону)*. Вот он Антихрист действительный статский советник. *(Вслух.)* Ах, Ваше Превосходительство. Отцы вы наши! Благодетели! .. В старину легко было дело-то устраивать. В старину мы жили в палатах, приказные[63] — в комнатах; ныне мы живем в комнатах, а приказные — в палатах.

Варравин. Ну, а сколько б, вы думали, в старину взял бы приказный с вас за это дело?

Муромский *(шелохнувшись)*. Я, право, не знаю. Я по этим торгам — неопытен.

Варравин. Ну, вы для шутки.

Муромский. Право, неопытен.

Варравин. Ах, Боже мой — *(настойчиво)* ну, шутите.

Муромский *(нерешительно)*. Тысчонки бы три взял.

Варравин *(ему на ухо)*. Тридцать тысяч! *(Повертывается и отходит.)*

Муромский *(вздрогнув)*. Как! .. как вы это сказали?

Варравин. Да, тридцать тысяч и ни копейки бы меньше приказный этот не взял. Да, слышите: не на ассигнации, а на серебро.

Муромский. На серебро!!! Силы небесные — да ведь это сто тысяч — это гора!!! .. Состояние! Жизнь человеческая! — Сто тысяч.... Да помилуйте, за что ж бы он их взял? Ведь и дело-то в сущности пустое.

Варравин. Однако.

Муромский. Если б тут степь какая, громадина была в спорности или заводина какой — железноделательный — а то ведь что? — только одно мнение — так — фу — воздух.

Варравин. Положим, что и воздух.... только воздухом-то этим вас поистомило. А старинные, сударь, люди так не рассуждали.... Старинные люди говорили: первое благо в мире — это мое спокойствие.

Муромский *(с особенною мягкостию)*. Да, это так, Ваше Превосходительство.... Но не сто же тысяч, Ваше Превосходительство! ..

Варравин *(так же с мягкостию)*. Согласен! .. Согласен! .. Время всё изменяет: ныне люди и помягче стали.

Муромский *(с любопытством)*. То есть как же это?

Варравин *(смотря ему в глаза)*. Утверждают.... Философы.... будто они на.... на двадцать процентов мягче стали....

Муромский *(в сторону скоро считает)*. Десять копеек — три тысячи....

Варравин (*продолжает*). Теплоты душевной стало, говорят, более. . . .

Муромский (*та же игра*). Да, десять копеек — еще три тысячи. . . . шесть тысяч долой. . . .

Варравин. Сочувствия к нуждам ближнего — все это развилось, усилилось.

Муромский (*та же игра*). Стало, двадцать четыре тысячи серебром.

Варравин. Вот это самое они прогрессом и называют.

Муромский (*вслух*). По чести, Ваше Превосходительство, приказный бы этого не взял.

Варравин (*нежно*). Взял бы, достопочтеннейший. — Взял бы. . . .

Муромский (*твердо*). Нет, он бы этого не взял.

Варравин (*сухо*). Как вам угодно. (*Берет со стола бумаги.*)

Муромский (*мягче*). Право. . . . того. . . . а я бы полагал. . . . десять.

Варравин (*кланяясь и резко*). Имея по должности моей многосложные занятия, прошу извинить. (*Уходит в кабинет.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

Муромский (*один*).

Муромский (*подумавши*). Двадцать четыре тысячи — это — это — восемьдесят четыре тысячи начетом! Где я их возьму? Их у меня нет, видит Бог, нет. . . . Что же, стало, Стрешнево продавать? Прах-то отцев — дедов достояние. . . . а дочь по миру. . . . Так нет! Не отдам! . . Еду! К кому ни есть еду! Лбом отворю двери, всю правду скажу! (*Стихает.*) Кротко, складно скажу, Лидочку с собой возьму; не камни же люди; за правого Бог! (*Уходит скоро.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Варравин выходит из одних дверей, Тарелкин из других.

Тарелкин. Каков, Ваше Превосходительство, уперся! Ну, я от него такой невежливости не ожидал.

Варравин (*с досадою*). И что же! Вздумал предложение делать на третью долю.

Тарелкин. Однако таки предложение сделал. Эх, Ваше Превосходительство! махнуть бы вам рукой.

Варравин. Я сказал, нельзя.

Тарелкин. Он вот ехать хочет.

Варравин. Куда?

Тарелкин. Не знаю. Не камни, говорит, люди; за правого Бог.

Варравин (*соображая*). Я полагаю, он бросится к Князю.

Тарелкин. Другой дороги нет, как к Князю.

Варравин *(думает)*. А как обставлено у вас это дело; всё ли исправно?

Тарелкин. В величайшем порядке.

Варравин. Распутие-то мне приготовлено ли?

Тарелкин. В лучшем виде. Я за этим, по приказу вашему, особое наблюдение имел и даже своевременно с тятинькой списывался.[64]

Варравин. Ну, что же тятинька?

Тарелкин. Он развалил их на три партии.

Варравин. Так.

Тарелкин. Одни пошли на выпуск: оправдать и от суда освободить.

Варравин. Так.

Тарелкин. Вторые — оставить Муромскую относительно любовной связи в подозрении. Третьи — обратить дело к переследованию и постановлению новых решений, не стесняясь прежними.

Варравин. Ну вот и хорошо, вот и распутие! Вот когда мне три путя вы уготовали — да когда к ним подведешь начальство, так куда хочешь, туда его и поворачивай!

Тарелкин. Окроме этих мнений, и солисты оказались.

Варравин. Пускай.

Тарелкин. И одно мнение по новой формуле.

Варравин. По какой это?

Тарелкин. А не не-веро-ятно! . .

Варравин. А — да! В каком же смысле? . .

Тарелкин. Изволите видеть: относительно незаконной связи Муромской с Кречинским вопрос подвинут далее, а именно, что при такой-де близости лиц и таинственности-де их отношений *(поднимая палец)* не не-веро. . . .ятно. . . . что мог оказаться и ребенок. . . .

Варравин. Н-да, это можно.

Тарелкин. Очень можно, а старику куда щекотливо кажется; так вот его как шилом в бок — так и подымает.

Варравин *(подумав)*. Гм. . . . подымает. . . . это хорошо! . . Ну, стало, пусть его к Князю и едет. Хорошо бы, если бы его так направить, чтобы он явился к нему утром, ранёхонько, пока тот по залам разминается да содовую пьет. . . .

Тарелкин. Это можно, Ваше Превосходительство.

Варравин. Да чтоб он в самую содовую попал! . .

Тарелкин. В самую содовую и попадет! . .

Варравин. А если попадет, то он неизбежно там напорется. . . . и как только тот по своей натуре на него крикнет, так он опять у нас и будет.

Тарелкин. Будет, Ваше Превосходительство, непременно опять здесь будет.

Варравин. Так и делайте. *(Хочет идти.)*

Тарелкин *(принимая просительную позу)*. Ваше Превосходительство.

Варравин *(вспыхнув)*. Как? . . Опять?! . .

Тарелкин *(та же игра)*. Сил нет!

Варравин. Да вы на смех!

Т а р е л к и н. Помилуйте *(показывая на горло)*. Я воооот как сижу.

В а р р а в и н. Да вы что показываете мне? Разве это новое; вы целый век вооот как *(тот же жест)* сидите.

Т а р е л к и н. Будьте милостивы, выкупите меня разочек; не морите измором, ради Бога! Я совершенно потерялся, жизнь в горечь обратилась; ведь меня на улицах, как зайца, травят. . . .

В а р р а в и н. Кто вас травит?

Т а р е л к и н. Кто? — Кредиторы. Вы как думаете — я кругом должен, я и дворнику, и ему должен. Как только сунусь на улицу — пырь мне в глаза — кто? — Кредитор. Я уж куда попало; в переулок, так в переулок, в магазин, в лавку, раз в полпивную вскочил; ну что, помилуйте, ведь себя компрометируешь. А портной, да к тому же немец. . . . так совершенно остервенился! У меня, изволите видеть, кухарке приказ строжайший; дома нет и кончено — хоть тресни. . . . Так верите ли Богу, немедни силою ворвался. Слышу — ломятся, а у меня этак трюмо, — ну я, делать нечего, залез туда, скорчился и сижу. . . . Так что же: поискал он меня да подметил, видно, как харкнет за трюмо-то — прямо мне в рожу! . .

В а р р а в и н. Ну! . .

Т а р е л к и н. Ну и плюнул. — Ха! что возьмешь-то? Вышел, подлец, в сени, да, не говоря дурного слова, и кухарке в рожу. . . . ну помилуйте, ну, ей-то за что?

В а р р а в и н *(берет со стола бумаги)*. Однако как же можно?

Т а р е л к и н. Ну судите сами, Ваше Превосходительство, как же это можно? Так я к тому говорю: что же это за существование? Всякий и говорит-то тебе с омерзением. Ну помилуйте, это, почитай, первая вещь, до которой каждый добивается; ты что хочешь себе думай, а почтение мне окажи.

В а р р а в и н *(уходя в кабинет)*. Ну это конечно, я с этим согласен, а почтение он таки окажи.

Т а р е л к и н *(следуя за ним)*. Да! А почтение ты мне, подлец, все-таки окажи. . . .

З а н а в е с о п у с к а е т с я.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Квартира Муромских. Утро. Декорация первого акта, посреди комнаты стоит стол с бумагами.

ЯВЛЕНИЕ I

Л и д о ч к а сидит за пяльцами. И в а н С и д о р о в выходит из кабинета и поспешно перебирает на столе бумаги.

Л и д о ч к а. Чего ты ищешь, Сидорыч?

И в а н С и д о р о в. Да вот, сударыня, записку, что писарь переписывал. Мы вот там *(указывает на кабинет)* с Кандид Касторычем весь кабинет изрыли.

Лидочка. Да вот она. *(Встает и отдает ему бумагу.)* Что вы делаете?

Иван Сидоров. С Кандидом Касторычем совет держим, сударыня; едет папенька ваш к Князю подать ему записку; так толкуют теперь, как с этим лицом говорить надо.

Лидочка. Ах, Иван Сидоров, а мне сдается, что это добром не кончится; у меня какая-то тоска.... Сердце ноет.... Ну что же, папенька ездил к этому чиновнику?

Иван Сидоров. Ездил, сударыня.

Лидочка. Ну что же?

Иван Сидоров. Не сошлись. Да по правде сказать, как и сойтиться? Ведь не то что взять хотят — а ограбить. Народ всё голь, живет хищением; любого возьмите: получает он от Царя тысячу, проживает пять, да еще нажить хочет — так как тут сойтиться? Вот около нашей вотчины один, сударыня, судеец самым сверхъестественным грабительством — миллион нажил; купил пятьсот душ вотчину,[65] два завода поставил. Так что ж? теперь, видите, пятьдесят тысяч рублей доходу получает, и стал уж он большой барин. Вот вы и судите, матушка, что́ один такой нечестивец на всю землю нашу соблазну делает!

Лидочка. Да, страшный свет.

Иван Сидоров. Теперь, матушка, из них всякий не то что на прожиток взять или бы благодарность какую: Бог бы с ним, мы за это не стоим; а смотрит, чтобы сразу так цапнуть; чтобы, говорит, и себе было, и детки бы унаследовали. Ну, и стало оно грабительство крупное, маховое; сидят они каждый на своем месте, как звероловы какие, да в свои силки скотинку Божию и подкарауливают. Попадет кто — они вот этою сетью *(указывает на записку)* опутают — да уж и тешатся.

Лидочка. Точно сетью!.. Ах, Сидорыч, как у меня сердце-то ноет.

Иван Сидоров. Как ему и не ныть, матушка. Было на землю нашу три нашествия: набегали Татары, находил Француз, а теперь чиновники облегли; а земля наша что? и смотреть жалостно: проболела до костей, прогнила насквозь, продана в судах, пропита в кабаках, и лежит она на большой степи неумытая, рогожей укрытая, с перепою слабая.

Лидочка. Правда твоя. Я так иногда думаю: всего бы лучше мне умереть; всё бы и кончилось — и силки бы эти развязались.

Иван Сидоров. Что вы это, матушка, Бога гневите. Посылает Бог напасть, посылает силу, посылает и терпение.

Лидочка. Нет, Сидорыч, я уж слышу: ослабли мои силы, истощилось терпение, истомилась я! — только об том и молю я Бога, чтоб прибрал бы он к Себе мою грешную душу.... Смотри — если я умру, похороните вы меня тихонько, без шума, никого не зовите, ну — поплачьте промеж себя.... чего мне больше.... *(плачет)*.

Муромский *(из кабинета)*. Иван Сидоров, а — Иван Сидоров!

Иван Сидоров *(торопливо)*. Извините, сударыня. Сейчас, сейчас! *(Бежит в кабинет)*.

ЯВЛЕНИЕ II

Лидочка *(одна)*.

Лидочка. Я бы только хотела одного: чтобы и он приехал, — чтобы и он заплакал. — Ведь он любил меня. . . . по-своему. . . . нет! не любил он меня. Почему бы ему не прийти да не сказать, что вот ему деньги нужны! Боже мой — деньги! Когда я ему всю себя отдавала. . . . и так рада была, что отдавала. . . . *(Плачет и кашляет.)* Вот надеюсь, что у меня чахотка — а всё пустое, никакой чахотки нет; а как бы хорошо мне умереть. . . . благословить бы всех. . . . Ведь вот что в смерти хорошо, что кто-нибудь — и ребенок и нищий, а всякого благословить может, потому отходит. . . . я бы и его благословила. . . . я бы сказала ему: вот моими страданиями, чахоткой. . . . этой кровью, которая четыре года идет из раненой груди, я искупила все, что сделано, — и потому что искупила — благословляю вас. . . . Я протянула бы ему руку. Он бросился бы на нее, и целый поток слез прошиб бы его и оросил бы его душу, как сухую степь, какую заливает теплый ливень! . . А моя рука уж холодная. . . . Какие-то сумерки тихо обступили меня, и уже смутно слышу я: «ныне отпущаеши, владыко, рабу твою с миром» — я бы сказала ему еще раз. . . . Ты. . . . Мишель. . . . прости. . . . вот видишь там. . . . *(горько плачет)*. . . . в такой дали, какую я себе и представить не могу, об тебе. . . . об твоем сердце. . . . буду я. . . . мо. . . . молиться *(плачет)*.

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский во фраке и орденах выходит из кабинета, за ним Иван Сидоров, держа в руках записку, свернутую в трубку и перевязанную ленточкой, шляпу и перчатки; наконец Атуева и Тарелкин, занятые разговором.

Муромский. Лида, — а — Лида, — где же ты?

Лидочка *(оправляясь)*. Я здесь, папенька.

Муромский. Прощай — дружок. Да ты это что? а? — Ты плакала? . .

Лидочка. Кто, я? — Нет, папенька. А вы это что в параде?

Муромский. О-о-о-х, мой друг, — вот ехать надо.

Лидочка. Ехать — куда?

Муромский. Да вот, решили к Князю ехать; просить, подать вот записку.

Лидочка. Так постойте. *(Уходит в свою комнату.)*

Тарелкин *(обертываясь к Муромскому)*. Петр Константинович, не медлите, прошу вас — не медлите. Я вам говорю, теперь самый раз; он теперь свободен, никого нет, и вам будет ловко на досуге объяснить все эти обстоятельства.

Атуева. Ну разумеется: не ахти какая радость об таком деле, да еще при людях толковать.

Тарелкин. Именно — ведь я для вас же советую.

Лидочка входит.

Муромский. А ты что это?

Лидочка. Я с вами.

Тарелкин *(в сторону)*. Ах, коза проклятая! .. — да она все испортит.

Муромский *(Тарелкину)*. Она вот со мной.

Тарелкин. Невозможно, невозможно. *(Муромскому, значительно.)* Им неприлично.

Атуева. Полно, матушка, видишь, говорят, нельзя.

Муромский. Ты, мой дружок, простудишься. . . .

Лидочка. Нет, папенька, не простужусь *(решительно)* — а впрочем, вы знаете, я вас без себя никуда не пущу.

Муромский. Да, ангел ты мой. . . .

Лидочка. Ведь я с вами только в карете; кто же мне запретит, папенька, с вами в карете быть.

Тарелкин. Да, — так вы наверх к Князю не взойдете.

Лидочка *(посмотрев на Тарелкина)*. Не беспокойтесь — не взойду!

Тарелкин. Ну, этак можно — ступайте, ступайте.

Муромский берет шляпу и бумагу и уходит с Лидочкой; Атуева и Иван Сидоров провожают его за двери.

ЯВЛЕНИЕ IV

Тарелкин и Атуева, возвращаясь.

Атуева. Ну, вот так-то; насилу-то протолкали; и вам спасибо, добрейший Кандид Касторыч! .. Ну что, право; живет, живет, а ни на что не решается. Вот теперь и мне как будто легче стало.

Входит Иван Сидоров.

Ну что? — Вы что думаете?

Тарелкин. Я, сударыня, ничего не думаю.

Атуева. Да нет; я спрашиваю, что — успех-то будет? а?

Тарелкин. Никакого.

Атуева. Как же никакого?

Тарелкин. Так полагаю-с.

Атуева. Так неужели такому лицу нельзя объяснить свое дело? Ну, я сама поеду и объясню.

Тарелкин. Объяснить вы можете.

Атуева. Уж я вас уверяю. Да и в просьбе-то всю подноготную пропишу.

Тарелкин. И подноготную прописать можете.

Атуева. Так подать не могу?

Тарелкин. Еще бы; даже приемные дни назначены.

Атуева. Ну, вот видите — сами говорите, приемные дни. Вот я сама и поеду.

Тарелкин. Вот вы и поехали. Введут вас в зал, где уж торчит

человек тридцать просителей; вы садитесь на кончик стула и дожидаетесь. . . .

Атуева. Отчего же, сударь, на кончик? я и во весь стул сяду.

Тарелкин. Ну нет — во весь стул вы не сядете.

Атуева. Сяду. Я не экономка какая. Мой отец с Суворовым Альпийские горы переходил.

Тарелкин. Положим даже, что он их с Аннибалом переходил, [66] а все-таки во весь стул не сядете, ибо — дело, сударыня, имеете! . . Выйдет он сам! . . за ним чиновники, — заложит он этак руку за фрак. *(Закидывает руки и протяжно.)* Что вам угодно?

Атуева. А я ему тут все и выскажу.

Тарелкин *(сохраняя позу)*. Положим.

Атуева. Да так выскажу, что у него кровь в голову хватит.

Тарелкин. Не полагаю. Его Сиятельство страдает геморроем; а от рассказов этих у них оскобина, — зубки болят-с. Ведь это вам так кажется; а в сущности все одно да то же. Пятьсот просителей — и все тот же звон.

Атуева *(с жаром)*. Тот, да не тот.

Тарелкин. А он в самом-то пылу и спросит *(тот же голос):* записку имеете?

Атуева. А я ему и записку.

Тарелкин. Он примет, да чиновнику и передаст: вам поклон *(клянется),* значит, кончено; к другому — а их до полусотни, у всякого записка — воз; да по почте получен — другой; да всяких дел — третий; да у него в час заседение; да комитетов два; да званый обед на набережной; [67] да вечером опера, да после бал, да в голове-то уж вот что. . . . *(делает жест)*, так он вашу-то просьбу с прочими отдаст секретарю: рассмотрите, мол, и доложите. . . . Понимаете. . . . А секретарь передаст сделать справки — мне.

Иван Сидоров *(тихо Атуевой)*. И предаст тя соперник Судии. [68]

Тарелкин. А я отдам столоначальнику. [69]

Иван Сидоров. И предаст тя Судия слузе. . . .

Тарелкин. Вот вы туда же и попали. . . .

Иван Сидоров *(покачав головою, тихо Атуевой)*. Не изыдеши оттуда, дондеже не отдаси последний кодрант. [70]

Атуева *(раскинув руки)*. Не понимаю!! . .

Тарелкин. А секретарь-то, ведь он тоже власть. — А я-то, я ведь тоже власть; а у меня столоначальник, — ведь и он власть! . .

Атуева. Так, стало, — от столоначальника до Князя по всем и бегать.

Тарелкин. Зачем же так себя беспокоить, — в существе достаточно только к столоначальнику.

Атуева. Ну! не верю!

Тарелкин. Извольте, мы вам на счетах выложим. *(Ивану Сидорову.)* Дай-ко, брат, нам счеты. *(Иван Сидоров подает счеты.)*

Тарелкин *(становится в позу и кладет на счетах)*. В отечестве нашем считается, милостивая государыня, две столицы и сорок девять губерний. . . . [71]

ЯВЛЕНИЕ V

Муромский и Лидочка входят.

Тарелкин *(увидавши их, срывается с своего места)*. Что? что такое?

Муромский *(размахнув руками с сокрушением)*. Нет; — не принимает.

Тарелкин. Как не принимает, когда я вам говорю, что принимает.

Муромский. Мне курьер сказал.

Тарелкин. Да вы курьеру-то сунули?

Муромский. Как же, как же.

Тарелкин. И говорит — не принимает?

Муромский. Говорит — не принимает.

Тарелкин *(трет себе лоб)*. Это удивительно. — А вы сколько ему сунули?

Муромский. Полтинничек.

Тарелкин *(хлопнув по счетам)*. Ну, так вот отчего и не принимает. Ну помилуйте: ну можно ли такому курьеру полтинник давать?

Муромский *(с досадою)*. А сколько же такому курьеру давать?

Тарелкин. Пяти- или десятирублевую.

Муромский *(с ужасом)*. Тридцать пять рублей!

Тарелкин. Да вы на ассигнации считаете.

Муромский. Да ведь я ассигнациями оброк-то беру.

Тарелкин *(с досадою)*. Позвольте: у вас никто не спрашивает, получаете ли вы оброк и как вы его получаете: ассигнациями, медью или даже куньими деньгами.[72] Вы поймите это. Вам надо дело сделать — так ли-с? Вы зачем сюда приехали?

Муромский. Ну вы знаете.

Тарелкин. И скоро ехать хотите?

Муромский. Да если этак еще дней десять помаячу, — так и в гроб лягу.

Тарелкин. Опять не туда: до вашей смерти опять никому дела нет.

Лидочка *(с испугом)*. Ах, Боже мой! — Что вы. . . .

Тарелкин *(Лидочке)*. Позвольте, сударыня, — не об этом; *(берет Муромского за руку и подводит к окну)* посмотрите, много на Невском народу?

Муромский. Много.

Тарелкин. Кому из них дело, что вы из хлопот ваших умереть можете?

Муромский *(смотря в окно и покачав головою)*. Да, — никому обо мне дела нет. . . .

Тарелкин. Ну, вы сделайте опыт: крикните в окно, что, мол, я денег даю, — но смотрите, что будет? *(Хохочет.)*

Муромский *(в сторону)*. Тьфу, провались ты, проклятый человек.

Иван Сидоров. Справедливо говорят.

Тарелкин *(в духе)*. Да помилуйте — это ясно, как дважды два. *(Атуевой.)* Вам чего день стоит?

Атуева. Целковых двадцать стоит.

Тарелкин *(с форсом)*. И вы думаете, что курьер-то и не знает, что вам двадцать целковых день стоит? — а? — Он, бестия, знает. Ну вы дайте ему десять, а десять-то у вас в кармане останется. — Ведь здесь все так.

Иван Сидоров. Справедливо говорят-с.

Тарелкин *(продолжая)*. Здесь у людей даром ничего не берут, нахрапом или озорством каким, — никогда. Здесь все по доброй воле, и даже, скажу вам по справедливости, — пополам. Вам чего дело стоит — двести рублей, ну — сто дайте, сто себе возьмите.

Муромский *(Атуевой)*. Это, кажется, Кречинский писал, промышленная.

Атуева. Да, да.

Муромский *(Тарелкину)*. Это, стало, по правилу: «возлюби ближнего, как самого себя».

Тарелкин. Именно, — все наполовину. Согласитесь сами: всегда выгодно свой собственный расход купить за полцены.

Иван Сидоров. Выгодно, сударь, выгодно.

Тарелкин *(продолжая)*. Ну — и для расчета просто; всякий из своего дела видит, сколько дать.

Иван Сидоров. Хитро сделано.

Муромский. Ну — делать нечего. . . . поедем, Лида. *(Взявши шляпу, поднимает руки к небу.)* Боже мой! . . вот пытка-то.

Идут к двери.

Тарелкин. Ступайте, Петр Константинович; ступайте, пока есть время. . . . или нет, постойте.

Муромский и Лидочка останавливаются.

Я вас лучше сам свезу, а то вы опять не дойдете.

Иван Сидоров. Именно, ваше высокоблагородие, — опять не дойдут.

Муромский *(уходя)*. Ну и прекрасно; вот и мне как будто покойнее.

Уходит с Лидочкой и Тарелкиным, Атуева и Иван Сидоров их провожают.

Перемена декораций. Пространная комната. По стенам стулья, столы, на одном из них серебряный поднос с кувшином содовой воды и кружка. Налево от зрителей вхожая дверь, направо дверь в покои начальствующего лица, — прямо против зрителей дверь в канцелярию.

ЯВЛЕНИЕ VI

У средних дверей на стуле сидит курьер Парамонов, нюхает табак, тихо сморкается и чистит нос. Глубокая тишина. Чибисов входит с бумагами, на цыпочках.

Чибисов *(шепотом)*. Ну что?

Парамонов *(вертит головою)*. Нет еще.

Чибисов. А уж поздно.

Парамонов. Кто ж его знает. Все еще ходит да воду пьет *(показывает на кружку);* стало, не готов.

Ибисов *(входит с бумагами)*. Ну, Парамоныч, — как? Можно, что ли?

Парамонов *(нюхая табак)*. Тссс-с. . . .

Ибисов *(тихо)*. Эка штука. . . . А у меня дело спешное.

Парамонов. Попробуйте.

Ибисов. Чего пробовать; — я у тебя, братец, спрашиваю.

Парамонов. Видите — ни души нет; один, как буря, ходит.

Ибисов. Стало, еще не готов.

Парамонов *(шепотом, но открывая сильно рот)*. Не-го-то-в, — говоря-т вам, не го-то-в!! . .

ЯВЛЕНИЕ VII

Тарелкин и за ним несколько чиновников входят с бумагами.

Чибисов и Ибисов *(машут руками и удерживают)*. Не готов. . . . Господа, — не го-то-в!! . .

Тарелкин *(отводя Парамонова в сторону)*. Ну что? . . Как он нынче?

Парамонов. И-и-и-и. . . . туча тучей! . .

Тарелкин. Хорошо!!! . . Смотри, я просителя впущу, — ты его не тронь. . . . пускай попросит. . . . *(дает ему в руку)* понимаешь···

Парамонов *(подщурив глаз)*. Попарить, что ль, надо, — ай не гнется? Давайте, — мы попарим. . . .

ЯВЛЕНИЕ VIII

Из дверей направо показывается Князь в утреннем богатом костюме. Он движется медленно, погруженный в задумчивость, и слегка потирает желудок. Чиновники с глухим шумом теснятся в двери канцелярии; слышны голоса: «ах! господа, ох. . . . господа!». . . . наконец вся их масса проталкивается к двери; Парамонов их припирает.

Князь *(становясь посреди залы)*. Аааа — что это такое?

Парамонов. Чиновники, Ваше Сиятельство.

Князь. Аааа — что они?

Парамонов. Не желают беспокоить Ваше Сиятельство.

Князь. Аааа — хорошо. *(Наливает кружку содовой воды, пьет и медленно уходит. Парамонов садится)*.

ЯВЛЕНИЕ IX

Муромский показывается из вхожих дверей во фраке, перчатках, при орденах и с запиской, перевязанной ленточкой. Явно смешан.

Парамонов *(показывает ему на стул)*. Обождите здесь.

Муромский садится, тяжело дышит и вертит в руках записку; Парамонов искоса его осматривает и продолжает нюхать табак и чистить нос. Князь показывается снова в дверях; Муромский быстро встает, несколько раз кланяется.

Князь. Варравин! .. Варравин!! ..

Варравин вбегает и кланяется; Парамонов выходит.

Аааа — что это такое?

Варравин *(сохраняя наклоненное положение тела)*. Проситель, Ваше Сиятельство, — вероятно, проситель; нынче приемный день, Ваше Сиятельство.

Муромский *(подходя ближе и перебивая Варравина)*. Я. . . . я. . . . Муромский, Ваше Превосход. . . . Ваше Сиятельство — отставной капитан, помещик Муромский.

Князь. Аааа — что вам угодно?

Муромский. Мое дело. . . . то есть — не мое дело, а дело о похищении у меня солитера находится на рассмотрении Вашего Сиятельства.

Князь. Аааа. . . . Мы его рассмотрим.

Муромский. Я желаю, я прошу у лица Вашего защиты Вашего Сиятельства.

Князь. А-а — я защиты, сударь, делать не могу; я могу только рассматривать дело.

Муромский. Рассмотрите, Ваше Сиятельство, Богом умоляю вас, рассмотрите. Вопиющее дело!

Князь *(Варравину)*. Удивляюсь: вот не встретил ни одного просителя, чтобы не кричал о вопиющем деле.

Муромский. Кто страдает, тот и стонет, Ваше Сиятельство.

Князь *(взглянув на Муромского)*. Может быть, записку имеете? *(Протягивает руку.)*

Муромский. Имею; только я из дальней деревни затем собственно и приехал, чтобы лично объяснить вам мои невинные страдания.

Князь. Объясняйте: только дело — и не страдания. — Мы их не рассматриваем; на то есть врачебная управа.

Муромский. Имею я, Ваше Сиятельство, единственную дочь, — и пять лет тому назад проживал я с моим семейством в Москве; имел круг знакомства; словом, держал дом, какой фамилии моей надлежало,

Князь поднимает глаза к небу и потирает желудок.

и дочь моя всегда вела себя так, что, могу сказать, ежечасно молил я Господа Бога. . . .

Князь. Молитва относится, сударь, к Богу — а не к делу; объясняйте дело!

Молчание. Муромский сконфузился и трет себе лоб.

Ну-с извольте же. . . . *(Варравину.)* Что же это такое?

Муромский *(в замешательстве)*. О. . . . Когда. . . . а. . . . Теперь. . . . а. . . .

Варравин. Извольте объяснить Их Сиятельству ваше дело.

Муромский *(судорожно)*. Теперь. . . . когда. . . . Ваше Сиятельство, мною было. . . . предложение Кречинского принято, то дочь моя,

будучи уже невестой. . . . уже невестой··· действительно отдала ему этот камень, для того будто, чтобы показать его знакомым; ну только возьми он этот камень да и заложи ростовщику Беку, — то есть не этот камень, а подложный, Ваше Превосходительство, — изволите понимать — подложный. . . . Ну я, видя это, ростовщику Беку деньги отдал. То есть я деньги-то отдал после, а тут дочка моя настоящий-то камень ему отдала; ну — и он не ищет, и я не ищу; только тут и взялась полиция, да и ввернула нам следствие об этом подлоге.

Князь. Подлог, сударь, воспрещен законом. Где подлог, там и следствие. На что вы жалуетесь? Вам с дочкой оправдаться нужно, а вы жалуетесь.

Муромский. В чем же невинному человеку оправдываться?

Князь. Невинному, сударь, и оправдываться; а виновный у меня не оправдается — за это я вам отвечаю. Продолжайте.

Муромский. При допросе Кречинский показал, что это было и совершалось ошибкою — да мне что Кречинский; — только так и дочь моя сказала: «это была ошибка»; а бывший при этом случае полицейский донес, что будто она сказала: «это моя ошибка» — из этого и произошло все дело; моя, говорят, так, стало, ты! . . Несчастную эту девушку и заподозрили: кто говорит в соучастии, а кто говорит в знании о намерении совершения преступления.

Князь *(отдувается)*. Фу-у-у! . .

Варравин *(тихо Князю)*. Не дурно ли себя чувствовать изволите?

Князь Тяжело. . . .

Муромский *(ободрившись)*. Так тяжело, Ваше Сиятельство, что и сказать нельзя! . . стало, все и следствие ведено теперь о любовной будто связи моей дочери с Кречинским. Подвели и свидетелей: моего повара Петрушку да Расплюева, бродягу — они дочь мою и оговорили. Поступило в Суд. Ну, там вертели и наконец решили оставить, говорит, Муромскую в подозрении будто в незаконной связи. Помилуйте, Ваше Сиятельство, — лучше ее повесить.

Князь *(вздыхает и трет желудок)*. Фу-у-у! . .

Варравин *(тихо Князю)*. Не прикажете ли чего?

Князь. И сам не знаю, давно этак не случалось.

Муромский *(расставив руки)*. С тех пор как свет стоит, не случалось! . . Много в нем неправды бывало — ну этакого случая не найти! . . Вот как фокус какой: из ничего составилось дело, намоталось само на себя, да нас как. . . . мух каких в эту паутину и запутало. . . . благоволите выслушать далее.

Князь трет себе желудок.

Варравин *(тихо)*. Соды бы.

Князь *(указывает на стакан)*. Третий пью; не бык же я!

Муромский Бык?! . . а — да! Так точно о быке была речь, но и здесь ничего нет. Положим, Ваше Сиятельство, до скотины-таки я охотник. . . .

Князь. Кто же тут до скотины охотник?!! . .

Муромский. Я-то, — я, Ваше Сиятельство.

Князь *(Варравину)*. Он говорит, что он до скотины охотник.

Муромский. Так точно, — однако не мог же я на тирольского этого быка дочь сменять?!? . . Следователи мне запрос, где, говорят, этот бык? я, чтобы кончить такие пустяки, ответил — съел, мол, я его! . . Так ехидство какое! Взяли да залпом мне временное отделение в вотчину и наслали, [73] — ну и оказался этот бык жив! . .

Князь *(наливает себе стакан)*. Что это?! У него дочь *(пьет)*; дочь он будто сменял на быка — сомнительно *(пьет)*; быка съел — верю; а бык — жив! *(хлопает кружкой по столу)* не верю! приказная штука! не верю! . .

Муромский *(с напором)*. Жив!! . . Ваше Сиятельство! . .

Князь. Жив!! . . А. . . . Тьфу! *(Плюет.)*

Муромский. Этим самым быком я им и попался в лапы. Быка отдали они на особенное попечение местной власти, а меня предали суду за лживое, говорят, показание. . . .

Князь. У меня лоб трещит — я ничего не понимаю.

Муромский. И я тоже, Ваше Сиятельство, ничего не понимаю.

Князь. Вот те раз! . .

Муромский расставляет руки и трясет головою, они смотрят друг на друга.

Ну — стало, вы кончили?

Муромский *(заступая ему дорогу)*. Помилуйте — это только начало болезням! Когда поступило дело в Палату, [74] то она это решение отвергла. . . .

Князь *(тоскует)*. Да он меня уморит, — я умру! . .

Муромский *(настойчивее и громче)*. Решение это отвергла, ибо, говорит, нет законного основания, а мою оговорку: «запамятованием за старостию лет» приняла, — что ж, я и благодарен, а Сенат опять взошел, [75] сначала, говорит, обратить к переследованию — это значит опять на четыре года; а потом пошел на разногласия. Составилось по этому бедственному делу девять различных мнений, и из всего этого, как я имел честь доложить вам, возрос целый омут; — так меня с дочерью туда и засосало; пять лет живем мы с нею под судом; потеряли честь, потеряли достояние, протомились до костей — пощадите! Дочь-то, Ваше Сиятельство! освободите от этого пасквиля дочь! Ну, судите милостиво, зачем моей дочери бежать, да меня обкрадывать, когда я сам ее замуж отдавал. У вас у самих дети; вы сердцем внемлите; тут надо сердцем ощутить.

Князь. Мы, сударь, обязаны не ощущать, — а судить.

Муромский. Без этого и судить нельзя.

Князь. А вот попробуем. *(Хочет идти.)*

Муромский *(заступая ему дорогу)*. Что ж попробуете? — Невинную девушку загубите. Годы! — Золотые годы отымете, честь в комок сомнете и видите *(указывает вверх)*. . . . Богу ответ дадите! . .

Князь *(посмотрев на потолок)*. Ну при этом, полагаю, вы кончили.

Муромский. Нет, не кончил.

Князь. Ну, так извините, я кончил! *(Кланяется Муромскому и идет в двери; Варравин также кланяется и смотрит Муромскому в глаза.)*

М у р о м с к и й *(взволнованный идет за Князем)*. Ваше Сиятельство! .. Ваше Сиятельство! .. позвольте, позвольте. . . . умоляю вас — возвратите мне дочь! *(Берет его за рукав.)* Прошу вас, избавьте нас от этого мучения. . . .

К н я з ь *(остановившись и обернувшись)*. От чего мне вас избавить?

М у р о м с к и й. Я вам говорю: от ваших судов и от вашего губительного судопроизводства.

К н я з ь. Я тут ничего не могу — это Закон.

М у р о м с к и й. Да что вы все говорите — Закон, Закон, вы посмотрите, в чьих он руках? — вон у Палача в руках Закон-то — Кнут!

К н я з ь *(вспыхнув)*. А-а-а-а — какое вы имеете право так рассуждать?

М у р о м с к и й. Имею! — и неотъемлемое.

К н я з ь *(с иронией)*. Вот как! — какие же у вас на него, господин капитан, патенты? [76]

М у р о м с к и й. А вот они! *(показывает свои волосы)*. Да вот мое сердце *(показывает на сердце)*; да мои терзания. . . . слезы. . . . истома. . . . разорение всей моей семьи — вот мое право — да есть еще и выше!! ..

К н я з ь. И еще! .. не довольно ли?

М у р о м с к и й. Нет, не довольно! Дочь я свою защищаю!! .. Вот мое право, вот мои патенты; вы их читать-то умеете?

К н я з ь *(голос несколько дрожит)*. Хорошо, даже красноречиво; только я просительского красноречия, сударь, не признаю.

М у р о м с к и й. Отчего же так?

К н я з ь. Оттого, что тут плута от честного не отличишь.

М у р о м с к и й. Не отличите?

К н я з ь *(несколько улыбаясь)*. Нет-с, не отличу.

М у р о м с к и й *(резко)*. Так вы места вашего не занимайте.

Князь вздрагивает, Варравин пошатывается несколько в сторону.

К н я з ь. А — вы так думаете?

М у р о м с к и й. Так.

К н я з ь *(горячась)*. Ну, а я так думаю, что с вашими патентами и порядочные бывают пройды.

М у р о м с к и й *(также вздрогнув)*. Кто?!! —

К н я з ь. Позвольте, позвольте; не горячитесь — вы, я вижу, в военной службе служили — этак: Суворовский солдат — знаю, — знаю — так мы вас в бараний рог согнем; мы вот из дела-то посмотрим, что вы за лицо и как вела себя ваша дочка в этом невинном происшествии: путно или беспутно.

М у р о м с к и й *(забывшись)*. Моя дочь! .. беспутно! .. *(Подступая.)* За что же вы нас оскорбляете, Ваше Превосходительство, — за что?!! Разве за то, что я люблю свое дитя, а вы своих по целым неделям не видите?

К н я з ь. Как. . . . как?!

М у р о м с к и й. Или за то, что мне вот под Можайском *(указывает на голову)* проломили прикладом голову, когда я, простой армейский

капитан, принимал француза на грудь, а вас тогда таскала на руках французская мамка! . .

Князь *(наступая на Муромского)*. Позвольте — вы с ума сошли?

Варравин *(его удерживает)*. Ваше Сиятельство, Ваше Сиятельство — сделайте милость — у них головная рана — они в голову ранены. . . .

Муромский. Нет, чиновник, я в сердце ранен! Дочь я свою защищаю, мою честную дочь, преданную публичному поруганию Суда, так вы меня слушайте! Я не виноват, что ваше сановнинское сердце любит Анну да Станислава, а детей не любит.

Князь. А знаете ли вы, что я вас в полицию отправлю?

Муромский. Знать ничего не хочу. Кровь моя говорит во мне, а кровь не спрашивает, что можно сказать и чего нельзя. Я ведь не Петербургская кукла; я вашей чиновничьей дрессировки не знаю. Правду я говорю, — она у меня горлом лезет, так вы меня слушайте! Нет у вас Правды! Суды ваши — Пилатова расправа. [77] Судопроизводство ваше — хуже Иудейского! Судейцы ваши ведут уже не торг — это были счастливые времена — а разбой! — Крюком правосудия поддевают они отца за его сердце и тянут. . . . и тянут. . . . да потряхивают: дай, дай. . . и кровь-то, кровь-то так из него и сочится. За что меня мучают, за что? — За что пять лет терплю я страдания, для которых нет человеческого слова. . . .

Князь. А — коли так: эй! курьер!! . .

Варравин *(удерживая князя)*. Ради Бога. . . . Ваше Сиятельство. . . . вы видите *(показывает на голову)*.

Курьер входит.

Муромский *(ничего не замечая)*. Пусть слышит меня и курьер; пусть он пойдет в трактир, в овощную лавку, ну — в непотребный дом! [78] и пусть там — ну хоть там расскажет, что нашелся хоть один Дворянин на Руси, которого судейцы до тех пор мучили, пока не хлынула у него изо рта правда вместе с кровью и дых. . . . *(ему становится дурно — он качается)* дыханием!! . .

Князь *(вне себя кричит)*. Гей, курьер. . . . веди его вон. . . . Тащи его. . . . Тащи. . . .

Муромский. Не беспокойтесь, Ваше Сиятельство, — я и сам иду. *(Выходит, покачиваясь. — Парамонов его провожает.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, кроме Муромского. Князь остается несколько минут в неподвижности и смотрит вслед Муромскому; Варравин, сзади его, с признаками полного изумления.

Князь *(помолчав)*. Каков?!. . *(Молчание. Сильным жестом указывает на дверь, в которую вышел Муромский.)* Ведь это бунт! — Каковы гуси! вот мы говорим провинция, — нет вон как в провинции-то поговаривают. Да он сумасшедший, он помешан. . . .

Варравин. Сами изволите видеть.

Князь. Его бы надо взять да в съезжий дом [79] отправить. С чего ты это вздумал меня удерживать?.. Хороши эти приемные дни! Как, помилуйте, всякий с улицы! — Его Превосходительство справедливо говорит — драка будет.... [80] *(вдруг схватывается и уходит)*.

ЯВЛЕНИЕ XI

Варравин *(один)*.

Варравин. Ну.... адвокат! отчитал рацею!.. каково прибрал. Пилатова расправа.... Иудейское судопроизводство.... а Иудейское — .... ну и заплати.... Мы за словами не погонимся; *(подумав)* только.... вот что: не вышло бы тут какой разладицы; не очень ли он Его-то Сиятельство раздражил?.. Теперь, пожалуй, этот пойдет колобродить; подай, скажет, дело; да что это за дело, что проситель некоторым образом из собственной шкуры вон вылез? Пойдет он его вертеть; взойдет ему на ум самая противуестественная блажь — а ты, говорит, исполни!..

ЯВЛЕНИЕ XII

Варравин и Князь.

Князь *(остановясь в дверях)*. Эй! Максим Кузьмич!.. эй....

Варравин. Что такое, Ваше Сиятельство?

Князь делает утвердительный знак.

Неужели?..

Князь. Да!.. *(Входит.)*

Варравин. А я все боялся, что он вас обеспокоил.

Князь. Да нет, братец, нисколько: оно к лучшему вышло.

Варравин. К лучшему! — Как благополучно.

Князь. Ей-ей. Ведь какая штука: вчера в клубе вот какую стопу соды хватил — ну ничего.

Варравин. Этот факт надо будет, Ваше Сиятельство, доктору сообщить.

Князь. Непременно. Он в другой раз так и пропишет: на вечер принять соды, а поутру просителя *(хохочет)*.

Варравин *(тоже смеется)*. Очень, очень благополучно.

Князь. Однако скажите вы мне, что это за дело? Подперли его там в суде-то, что ли? Ведь там порядочная орда.

Варравин. Конечно, вымогательства с их стороны бывают; но Вашему Сиятельству известно, что решения их без рассмотрения вашего никакой существенности не имеют. Так что же — пускай их пишут, ведь они вреда не причиняют.

Князь. То-то, чтоб они у меня вреда не причиняли! Никак!.. Так что ж, он помешан, что ли? Он под Можайском в голову ранен? —

Варравин. В голову; — и рана-то давняя. Оно и заметно: несвязность в речах и черножелчие.

К н я з ь. Именно; это тонко вы заметили: несвязность в речах и черножелчие. Да покажите мне это дело; оно у вас готово?

В а р р а в и н. Готово, Ваше Сиятельство.

К н я з ь. Так изложите его вкратце.

В а р р а в и н. Изволите видеть: человек он вот какой, состояние большое; одна дочь; ну, можете себе представить, как он ее держал при этаком характере.

К н я з ь. Воображаю.

В а р р а в и н. Ну, а к девочке-то и подделался один франт, некто Кречинский, молодчина, косая сажень в плечах. . . .

К н я з ь. А, да — я его в клубе видал; он игрок.

В а р р а в и н. А следовательно, и легко себе представить можете, какие тут результаты.

К н я з ь. Воображаю: отец полоумный, а дочь беспутная.

В а р р а в и н. После этих результатов Кречинский подобрался и к бриллиантам, заложил их; ростовщика надул самым необычайным образом.

К н я з ь. Так. Это я в клубе слышал.

В а р р а в и н. Дошло до полиции, и по рапорту Квартального возникло следственное дело; а Квартальный этот, изволите видеть, сам присутствовал при ужаснейшей сцене; Кречинский чуть его не убил, ибо силач необыкновенный и характера самого буйного.

К н я з ь. Так что ж капитан-то на приступ лезет?

В а р р а в и н. Ну, уж характер такой; а к тому же и чванство. Мою, говорит, дочь не тронь.

К н я з ь. Вот как.

В а р р а в и н. Я, мол, сам большой барин. . . .

К н я з ь. Капитан-то?

В а р р а в и н. А тут еще какое обстоятельство вышло: девочка эта, как заметно, страстно врезалась в Кречинского; ну сами судите, Ваше Сиятельство, при таких сношениях ведь девчонка этакая всю свою душонку отдаст. . . .

К н я з ь. Воображаю!

В а р р а в и н. В самую минуту этой катастрофы она, видите, в совершенном отчаянии как бросится к Квартальному, с рыданием даже: — «э т о, говорит, м о я о ш и б к а! . .»

К н я з ь. Ааааа! Это Квартальный так и показал?

В а р р а в и н. Так и показал. Сами изволите понимать, что значит у такой начитавшейся всяких французских романов девочки слово ошибка!

К н я з ь. Как же, братец, знаю — une faute.* Так это дело очевидное, тут и читать нечего.

В а р р а в и н. А отец-то, изволите видеть, услышавши это, как ухватит ее — да и сам-то вне себя — от этого, говорит, сраму бежать, да и утащил ее за собою.

К н я з ь. Куда ж, братец, этот самодур из своего-то дома ее утащил?

---

* Ошибка, погрешность. Здесь: нравственное падение (*франц.*).

Варравин. Не из своего дома, Ваше Сиятельство, а все это происходило и совершилось на квартире у Кречинского.

Князь. У молодца-то! От часу не легче. Стало, отец застал ее, что называется en flagrant délit, — на месте преступления — хе, хе, хе. . . .

Варравин. Должно быть. А отец-то показывает, что он ее сам к Кречинскому привез.

Князь *(с удивлением)*. Сам! не может быть!. .

Варравин. Извольте в деле посмотреть.

Князь. Так он, братец, с дурью. . . . Его надо в желтый дом, а — молодца с девочкой — строжайше. . . . строжайше!. . Пребезнравственная история. Так извольте вы мне эти существенные факты из дела выбрать и составить по оному мое мнение — и построже.

Варравин. Впрочем, Ваше Сиятельство, я опять-таки заметить должен, что для составления формального мнения по делу юридических доказательств нет.

Князь. А что мне эта меледá [81] — юридические доказательства. А на результаты-то обращено ли при следствии внимание?

Варравин. Какие результаты, Ваше Сиятельство?

Князь. Какие?!? — Обыкновенно какие бывают результаты, когда какой-нибудь хватина, косая сажень в плечах, сойдется с дамским чувствительным сердцем.

Варравин. А. . . . понимаю, Ваше Сиятельство.

Князь. Разве у вас следователи этого не разъяснили?

Варравин *(припоминая)*. В деле есть постановление, что мамка Муромской, Семенова, отказалась сделать показания.

Князь. Отказалась; почему не принудили?

Варравин. Воспрещено законом.

Князь. Воспрещено?

Варравин. Как же, Ваше Сиятельство, воспрещено.

Князь. А — ну. . . . делать нечего. Однако если был ребенок, так надо обнаружить, где он? — Ну где же он? *(Молчание.)* Тут, стало, кроется другое преступление. . . . а?! *(поднимает значительно брови)*. Так вы извольте в мнении проставить, что вопрос этот по запирательству мамки не разъяснен — и все Дело *(думает)*. . . . все Дело обратить *(с решительностию)* к преследованию *(машет рукою)* и к строжайшему. . . . строжайшему. . . .

Варравин *(в сторону)*. Боже мой — он все изгадит! *(Вслух.)* Ваше Сиятельство — позвольте заметить: дело пять лет идет.

Князь *(остановившись)*. Пять лет. . . . а хоть десять! Мне нужна истина. . . .

Варравин. А между тем сами же изволите взыскивать за медленность делопроизводства.

Князь *(посмотрев строго на Варравина)*. Да что вы ко мне пристали?. . *(вертит пальцем)* ни, ни, ни. . . . сказал к преследованию и кончено!. . *(Строго.)* Составьте мнение, и сей же час. *(Смотрит на часы.)* О Боже! что это? Двенадцать часов, а у меня заседание да комитет. Давайте бумаги к подписанию; только поменьше, и сейчас, сейчас!. .

Варравин. Слушаю; я самонужнейшие представлю.

Князь. Да, да.... Гей, курьер!..

Парамонов вбегает.

Карету! — Просителей вон! Нынче не могу — занят.

Князь и Парамонов уходят в разные двери.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Варравин, один, потом Тарелкин.

Варравин *(с досадою)*. К переследованию!?! Какой тут смысл?! — А ты, говорит, пиши. Нынче всякий по-своему, просто хаос, смешение языков [82] *(качая головой)*. Последние времена настали *(вздыхает)*. А.... Изгажено дело. *(Отворяя дверь в канцелярию.)* Тарелкин!

Тарелкин входит.

Дело Муромских изгажено.

Тарелкин *(с ужасом)*. Как?

Варравин. Этот помещик того наговорил Князю, что лучше содовой воды подействовало; ну он теперь стал на дыбы, да так и ходит. Приказал все Дело обратить к переследованию. Пишите бумагу.

Тарелкин. Что же с Муромским-то делать?

Варравин. Приказал; вы его нрав знаете.

Тарелкин. Однако это всегда в ваших руках было.

Варравин. И приступу нет. Один раз так на меня глянул, что я и оттупился; черт, мол, с тобой.

Тарелкин. Вот не угодно было согласиться на первое предложение Муромского.

Варравин. Я сказал, нельзя. Пойдет к переследованию.

Тарелкин. Он умрет, вот увидите, скоро умрет. А дочка, за это отвечаю, — гроша не даст, у нее, видите, на все принципы.

Варравин и Тарелкин *(вместе)*. Тс.... ах....*(Тоскуют. Молчание.)*

Тарелкин. Стало, так он со своими деньгами домой и поедет.

Варравин. Так и поедет.

Тарелкин. Это невыносимо!.. Сколько лет.... что забот.... что хлопот; *(в сторону)* меня кредиторы завтра же за ворот возьмут. *(Вслух.)* Это невыносимо.

Варравин *(думает)*. Азартный человек — опасен. Если взять, а дела ему не сделать — он, пожалуй, скандал сделает. В нем совсем нет той скромности, как вот прочие просители. Ведь придет теперь проситель, точно овца Господня; что ты хочешь, то с ним и делай. А он так нет. Его Князь в Полицию хотел отправить — за помешанного принял.

Тарелкин. Неужели?.. За помешанного.... Гм. Ваше Превосходительство! — да если он помешанный *(смотрят внимательно друг на друга)*.... Ведь это уж лучше овцы Господней....

Варравин *(думает)*. Н-да.

Тарелкин. Ведь ему веры нет, как хочешь кричи. . . .

Варравин *(про себя)*. Есть для таких случаев оборот. . . . разве попробовать!. . *(Думает.)*

Тарелкин. Ей-Богу, Ваше Превосходительство, ведь он так уедет. . . .

Варравин *(решаясь)*. Хорошо!. . Пусть так!. . *(Тарелкину.)* Сей же час пишите мнение об обращении Дела к переследованию.

Тарелкин. Слушаюсь-с. *(Садится и быстро начинает писать.)*

Варравин. Пишите резко. Его Сиятельству так угодно. . . . Сначала как обыкновенно, потом идите так: «а потому принимая на вид: Первое. . . .»

Тарелкин *(пишет)*. Первое. . . .

Варравин. И проставьте здесь оные четырнадцать Пунктов о подозрении в любовной связи — знаете — из особого Мнения. . . .

Тарелкин. Знаю, Ваше Превосходительство. Ведь их тятинька составляли.

Варравин. Ну да. За сим идите так *(диктует)*: «и поставить следственной комиссии на вид обнаружить причины запирательства мамки Семеновой, и если потребуется, то приступить по закону, — к медицинскому освидетельствованию подсудимой». —

Тарелкин *(пишет)*. Подсудимой.

Варравин *(собирает бумаги)*. И тотчас в переписку, чтобы к докладу завтра было готово. Слышите?

Тарелкин *(продолжает писать)*. Слышу-с.

Варравин *(подходя к нему ближе и вполголоса)*. Между тем завтрашний же день утром вызовите к себе поверенного Муромских; да в глаза ему этим пунктом и пырните!. . Смотри, мол, борода, вот что грозит! Жизнь и смерть! Деньги!. . Двадцать пять тысяч, как один рубль. Чтоб тотчас были! Без проволочек и шатаний. . . . *(Идет в канцелярию.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Как же это? *(Думает.)* — Пишем мнение; — Дело идет к переследованию; с Начальством сладить не можем, — а деньги дай! — *(Прилежно пишет)*. Не понимаю. . . .

Варравин *(отворивши дверь в залу канцелярии)*. Господа! Бумаги к подписанию Его Сиятельства; только самонужнейшие и скорее.

Тарелкин *(останавливается писать и думает)*. Не понимаю. . . *(Махнув рукою.)* А, были бы деньги. . . . *(Прилежно принимается писать во все продолжение следующей сцены.)*

ЯВЛЕНИЕ XIV

Шум. Входит толпа чиновников с кипами бумаг, которые они от тесноты держат над головами и таким образом обступают Варравина. Вся сцена идет быстро.

Чибисов *(сдавая Варравину бумаги)*. Три бумаги по комитету, Ваше Превосходительство, да три отношения весьма спешные, — непременно надо.

Варравин *(быстро их пробегая)*. М-м-м-м-ма так, знаю. . . . хорошо *(берет их на руку)*.

Ибисов *(сдавая ему бумаги)*. Согласно вашему приказанию — весьма спешные.

Варравин *(пробегая)*. М-м-м-м-м. . . . Хорошо, м-м-м-м. . . . *(берет их на руку)*.

Герц *(скоро)*. Ваше Превосходительство, у меня весьма спешные бумаги.

Варравин. Самонужнейшие?

Герц *(складывая ему бумаги)*. Самонужнейшие.

Шерц *(также складывая ему бумаги)*. Самонужнейшие, Ваше Превосходительство.

Все чиновники *(вместе насыкаются*[83] *с бумагами)*. Самонужнейшие.

Варравин *(кричит)*. Тише! Что вы! Стойте! *(Топает.)* Больше ни одной бумаги не приму, — кончено!

Шмерц *(вывертывается из канцелярии и сваливает на Варравина целую кипу)*. Самонужнейшие, Ваше Превосходительство!. .

Варравин. Ай!!. . *(Исчезает под бумагами и кричит глухим голосом.)* Стойте!!. . Вы моей смерти хотите!. .

Чибисов и Ибисов бросаются к нему и его поддерживают. Картина.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Муромских. Утро.

ЯВЛЕНИЕ I

Лидочка сидит у окна за пяльцами, подле нее Нелькин; в другом углу комнаты Атуева. Молчание. Входит Муромский в халате, осматривает всех и начинает бродить по комнате.

Муромский *(остановясь против Атуевой)*. Ну. . . . что же вы думаете?

Атуева. Ничего не думаю; дивлюсь только, зачем же мы сюда приехали?

Муромский *(разведя руками)*. Ну — об этом уж говорили. . . . делать нечего, не вытерпел.

Атуева. Теперь придумывайте сами.

Муромский. Да вы-то промеж себя что-нибудь да советовались?

Атуева. Какое тут советование. Она вот нарочно не говорит со мною ни слова, — тем и кончили.

Муромский. Я послал Ивана Сидорова Тарелкина проведать.

Атуева. Чего тут посылать? После такого пассажа ему двери укажут, да тем и кончат.

Муромский *(смущенно)*. Что ж. . . . теперь делать? —

Атуева. Я не знаю.

М у р о м с к и й *(со страданием)*. Да вы меня, сестрица, не мучьте.... я право.... тово.... как в тумане *(делает жест)*.

А т у е в а. Вот точно ребенок. Накутил, да теперь и ходит за советом. Вам бы о дочери-то подумать, чем такую горячку пороть.

Лидочка и Нелькин быстро встают.

Л и д о ч к а. Тетенька, оставьте отца! Что вы его попрекаете! Неправда, отец хорошо сделал.

М у р о м с к и й. Да что, мой друг, сделал; я и сам не знаю, как это сделалось.

Л и д о ч к а. Поверьте, папенька, — все, что лучшего делается, — сам не знаешь, как делается. Пожалуйста, не думайте обо мне, а думайте о том, что выше меня, — о вашей чести; о том, что выше чести, — о вашей честности, — да так и действуйте. Я давно говорю: бросьте сделки, оставьте подсылы, перестаньте честной головою бесчестному туловищу кланяться. Лучше будет!..

Н е л ь к и н. Вы посмотрите, разве мало честных людей страдает? Разве мало их гниет по острогам, изнывает по судам? Разве все они должны кланяться силе, лизать ноги у насилия? Неужели внутри нас нет столько честности, чтобы с гордостию одеться в лохмотья внешней чести, которую располосовал в куски этот старый шут Закон, расшитый по швам, разряженный в ленты и повесивший себе на шею Иудин кошель!..

А т у е в а. Это что, батюшка, за трагедия такая? — Все это французские романы да слова.

Л и д о ч к а. Нет, тетушка, не слова это; а это голос чистой совести, который, поверьте, сильнее, чем весь этот гам бездушной толпы, от которой, слышите вы, я отрекаюсь навеки!.. Пускай я пойду пó миру, пойду нищая, да честная.... и всегда скажу, всем скажу — мой отец хорошо сделал.

М у р о м с к и й *(плачет и обнимает ее)*. Друг ты мой, дитя мое!..

Л и д о ч к а *(целуя отца и держа его в руках)*. Не плачьте, папенька, не крушитесь; смотрите, я покойна. Я знаю: вина этой беды не во мне, не в сердце моем; а такая беда не бесчестит и книзу не гнёт — а подымает выше.... и на такую гору, где уже ничьё жало не язвит....

М у р о м с к и й. Так чего же ты, дружок, хочешь? — Какой конец?

Л и д о ч к а *(с жаром)*. Конец унижениям.... Конец поклонам.... Я хочу видеть вас твердого и гордого в несчастии.

А т у е в а. А тебя и засудят.

Л и д о ч к а. Пускай.

А т у е в а. Что ж с тобою будет?

Л и д о ч к а. Со мною все уж было — со мною ничего не будет!!

М у р о м с к и й. Так, стало, ехать в деревню?

Н е л ь к и н. Нет! Ехать и требовать правду!

А т у е в а. Я говорю, романы да слова. Ну что вы, сударь, говорите-то? — Ну где она в свете правда? Где вы ее найдете?

Н е л ь к и н. Ну, а если ее точно в свете нет, так пусть ему и будет стыдно — а не мне....

ЯВЛЕНИЕ II

Иван Сидоров входит, кладет шапку на стул и останавливается у дверей.

Муромский. Ну вот и он *(идет к нему)*. Ну — что скажешь?

Иван Сидоров. Был, батюшко, видел.

Муромский. Кого?

Иван Сидоров. Да Кандида Касторыча.

Муромский. Ну что?

Иван Сидоров. Да позвольте, сударь *(отводит его в сторону)*, круто, круто что-то повели.

Муромский *(с беспокойством)*. Что такое? *(Нелькину.)* Владимир Дмитрич, подойди сюда.

Нелькин подходит.

Иван Сидоров. Видите, государи; Его-то Сиятельство разлютел так, что и нá поди; теперь они и обращают все дело сызнова, на новое переследование и, видите, самым строжайшим образом.

Муромский *(голос его дрожит)*. Господи милосердый. . .

Нелькин. Да верно ли?

Иван Сидоров. Он мне и черновое и беловое казал; идет, говорит, в доклад.

Нелькин. Ну пускай их следуют: — делать нечего, пускай следуют.

Иван Сидоров. А вы знаете ли, как следовать-то будут?

Атуева подходит к Ивану Сидорову. Лидочка остается одна в стороне и плачет.

Нелькин. Ну как же? Нынче, слава Богу, пытки нет.

Иван Сидоров. Ан вот есть. Ведь яд-то какой! А потому принять, говорит, все меры к открытию истины. . . .

Нелькин. Пожалуй.

Иван Сидоров *(продолжает и тычет пальцем)*. . . . .и если, говорит, обстоятельства потребуют, то пригласить врачебную управу к медицинскому освидетельствованию.

Атуева
Муромский } *(вместе)*. Боже мой!! . .

Нелькин. Что, что такое? Я не понимаю!!. .

Иван Сидоров. Да Лидию Петровну в управе хотят свидетельствовать!

Нелькин *(у него вырывается крик)*. Ах!!. . Так это целый ад!!. . Петр Константинович *(махнув руками)*, отдавайте все!. .

Иван Сидоров. Позвольте, государи, — что за попыхи. По-моему, они этого сделать не могут. Закона нет.

Нелькин. Ха-ха-ха, — закона. . . . О чем стал говорить — о какой гили. . . . *(Муромскому.)* Вам больше делать нечего: отдавайте!! . . Что вы боретесь, — отдавайте все! . .

Лидочка *(подходит к ним)*. Что же это значит? Скажите мне?

Муромский *(в затруднении)*. Да вот, друг мой. . . .

Нелькин *(перебивая его)*. Стойте!.. и ни шагу! *(Лидочке.)* Здесь никто.... никто вам этого сказать не может.

Лидочка. Мы вот сейчас говорили....

Нелькин *(в самом расстроенном виде)*. Не-е-е-т, теперь не то!.. Теперь..... лопнули все границы, заглохнула совесть, ослеп разум; вы в лесу!.. На вас напали воры, — над вами держат нож — о нет!.. *(Закрывая лицо руками.)* Сто ножей!!! Отдавайте, Петр Константинович, отдавайте все: — до рубашки, до нитки, догола!!..

Муромский *(вынимает из бюро деньги)*. Да вот оне.... *(Кладет их на стол.)* Пропадай оне — чертово семя!..

Нелькин *(Сидорову)*. Сколько назначили?

Иван Сидоров. Тридцать тысяч.

Атуева. Как тридцать — говорили ведь двадцать.

Иван Сидоров *(пожав плечами)*. Хлопнул кулаком по столу: жизнь и смерть — ....Подавай, говорит, тридцать тысяч как один рубль!

Нелькин. Когда везти?

Иван Сидоров. В четыре часа чтоб были....

Нелькин *(Муромскому)*. Сколько тут?

Муромский. Двадцать.

Нелькин *(ощупывая карманы)*. Что делать? Что делать?

Муромский *(расставя руки)*. Я не знаю.

Общее молчание.

Лидочка. Владимир Дмитрич — у меня там есть бриллианты.... тысячи на три.

Нелькин. Давайте!

Лидочка выходит.

Атуева. Постойте, постойте — у меня тоже есть вещи.... Постойте. *(Скоро выходит.)*

Лидочка *(приносит несколько экранов * и кладет их на стол)*. Вот они.... только, пожалуйста, тут маменькино кольцо — я его не отдам.

Муромский *(отыскивает кольцо и отдает его дочери)*. Вот оно! — Это я ей, покойнице, подарил.... когда она.... тебя мне *(рыдает)* подарила....

Лидочка бросается к отцу на шею.... оба плачут.

Атуева *(приносит также вещи и экраны и кладет их в кучу)*. Вот.... все.... Бог с ними.... ведь для нее же берегла.

Все толпятся около стола, суматоха, разбирают вещи.

Муромский. Да что.... много ли тут?.. Как набрать такую сумму?.. Вот тут двадцать; да тех хоть три, двадцать три; да вот у сестрицы на две — двадцать пять; ну вот, стало, пяти тысяч все нет.

Молчание.

---

* Экраны — ларцы для драгоценностей (от *франц.* écrin).

Нелькин *(шарит по карманам)*. О Боже мой!.. Как нарочно весь истратился.... У кого занять? *(Думает.)* Кто меня здесь знает?.. Меня никто не знает!..

Иван Сидоров *(в продолжение этого разговора отходит в сторону, вытягивает из-за пазухи ладанку,*[84] *достает из нее билеты и подходит к Муромскому)*. Сколько вы, батюшко, нехватки-то сказали?

Муромский *(расставя руки)*. Пять тысяч!..

Иван Сидоров *(подает ему билеты)*. Так вот, сударь, теперь, должно быть, с залишком будет.

Муромский. Что это? — Ломбардные билеты! [85] Какие же это билеты?

Иван Сидоров. По душе, батюшко Петр Константинович, по душе.

Муромский *(рассматривая билеты)*. Неизвестные....

Иван Сидоров. Неизвестные, сударь, — все равно что наличность; еще лучше, в кармане-то не ершатся.

Муромский. Стало, братец, это твои деньги.

Все обращаются к Ивану Сидорову.

Иван Сидоров. Так точно. Что же, батюшко, мы люди простые; коли уж пошло на складчину — ну и даешь, сколько сердце подымет. Мое вот все подняло; что́ было, то и подняло.

Муромский *(тронутый)*. Добрый же ты человек.... хороший человек.

Лидочка *(быстро подходит к Ивану Сидорову)*. Иван Сидоров!.. Обними меня!..

Иван Сидоров *(обнимает ее)*. Добрая наша.... честная наша.... барышня....

Лидочка *(тихо Муромскому)*. Ему надо расписку дать.

Муромский. Да, мой друг, да.

Лидочка садится и пишет; Муромский, Иван Сидоров и Атуева считают деньги.

Нелькин *(оставшись один посреди комнаты)*. Боже мой! — А я-то?.. у меня ничего нет.... мне не за что и руку пожать!

Лидочка. Владимир Дмитрич! Вам грешно так говорить.

Иван Сидоров *(продолжая считать деньги)*. Ничего, сударь; — вы после отдадите.

Нелькин. Когда же я отдам?.. Кому?!

Иван Сидоров. Поживете — так случится. Вы тогда за меня отдайте; а теперь я за вас.

Нелькин *(с увлечением)*. Дай руку, Сидорыч, — отдам, братец, — отдам. *(Жмет ему руку.)*

Иван Сидоров *(тихо Лидочке)*. Сударыня, не надо.... не надо.

Лидочка. Что не надо, Сидорыч? —

Иван Сидоров. А бумажку-то, что пишете.

Лидочка. Да это расписка.

Иван Сидоров. Знаю, сударыня, что бумагу-то марать; Христос с нею, с распискою.

Лидочка. Так порядок требует.

Иван Сидоров. Ну нет, сударыня, порядок так не требует. Когда б вы их у меня просили — ну точно, оно было бы порядок; а ведь вы их, матушка, не просили; так что же вам? — дал я грош, дал я тысячу — это все единственно. Раздерите ее, сударыня, право, раздерите, а то обидно будет.

Лидочка рвет расписку.

Вот так; а по-нашему сказать надо: Бог дал, Бог и взял — буди имя Господне благословенно. . . . *(Обращаясь к Муромскому.)* Ну вот, батюшко, и слово благое на ум взошло. С ним да и в путь! *(Помогает Муромскому собирать деньги и вещи.)*

Муромский *(собирается слабо и рассеянно)*. Господи. . . . Господи. . . . Твоя воля. . . .

Иван Сидоров. Не тужи, мой отец, — не тужи. . . . посмотри, Господь всё вернет — вот помяни ты мои слова, что всё вернет.

Муромский. Да ведь, Иванушка. . . . не грабленые. . . .

Иван Сидоров. Знаю, мой отец, знаю. . . . Вернет — ты только веруй. . . .

Муромский. Да ты смотри, свои-то деньги в Стрешневе получи. . . . слышишь. . . .

Иван Сидоров. Слушаю, батюшко, получу.

Муромский. Лес, что ли, Бельковский продай.

Иван Сидоров. Там, сударь, видно будет; — а теперь мне надо к Кандиду Касторычу добежать да известить, что вы в четыре часа будете.

Муромский. Хорошо, хорошо. . . . *(Завернув вещи, показывает на них.)* Как же это, братец? — вот бриллианты-то ведь ему же. . . . тово. . . . их не везти так?

Иван Сидоров. Как можно. А вы вот заедете к ювелиру да ему и отдадите. Ведь копеек десять, больше не скинет.

Муромский. Так ты сперва со мною ступай, — а то я, брат, плохо. . . . в-и-и-и-жу. . . . да и на уме-то у меня что-то темно стало. . . . *(Трет себе голову.)*

Лидочка *(взявши его за руку)*. Папенька! Что с вами?. . Папенька!. .

Муромский. Нет, ничего, мой друг. . . . я ничего. . . *(Сбирается.)*

Лидочка. Голубчик вы мой. . . . *(помогает ему)* . . . .не беспокойте себя. . . . ради Бога, не беспокойте. . . . ну для меня. *(Обнимает его.)* Иван Сидоров, ты, смотри, с нами.

Муромский. Да, брат, с нами. . . . с нами. . . .

Иван Сидоров. Слушаю, матушка, с вами. *(Берет вещи, шапку и отворяет им двери. Лидочка ведет отца под руку. Атуева поддерживает его с другой стороны. Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Нелькин (*один*).

Нелькин *(смотрит им вслед и закрывает себе лицо; потом быстро выходит на авансцену)*. Боже мой! .. *(Ударив себя в грудь)*. Сердце пустое — зачем ты бьешься?! .. Что от тебя толку, праздный маятник? — колотишься ты без пользы, без цели? *(Показывает на место, где стоял Иван Сидоров.)* Простой мужик и полезен и высок — а я?! .. Месть! Великую месть всякой обиде, всякому беззаконию затаю я в сердце! .. Нет, не затаю — а выскажу ее всему православному миру! — На ее угольях накалю я клеймо и влеплю его прямо в лоб беззаконию!! .. *(Хочет идти.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Нелькин. Лидочка вбегает.

Лидочка. Владимир Дмитрич. ... Владимир Дмитрич, вы здесь?

Нелькин *(бросаясь к ней)*. Здесь! Здесь! — Что вы?

Лидочка. Дайте мне гофманские капли. ...[86]

Нелькин. А что? — Что случилось?!! *(Ищет капли.)*

Лидочка. Нет, нет, ничего не случилось — а я боюсь только! — он очень слаб.

Нелькин *(подает ей)*. Вот они! — Это ничего; Бог даст, ничего.

Лидочка *(уходя)*. Вы не уходите, пожалуйста! — Вы нас не оставляйте. ...

Нелькин. Господь с вами!. . Я ли вас оставлю?. . Да что я могу для вас? Видите, какое я создание — какая судьба! — Вот и теперь, ну на что я вам годен?

Лидочка. Да неужели же только одне деньги нужны; вы нас любите? — Правда ли?

Нелькин. О, правда! святая, чистейшая правда!. . Этою любовью я весь горю, я полон ею, ею только и живу. ...

Лидочка протягивает ему руку, он покрывает ее поцелуями, они выходят вместе.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната канцелярии. Дверь в кабинет отворена.

ЯВЛЕНИЕ I

Тарелкин (*один*).

Тарелкин *(стоит у авансцены и в раздумье, посмотрев на часы)*. Еще несколько минут, и ввалит он к нам с полным возом. Признаться, вижу я дело горячее — хватил тридцать!.. А он и сдался! Стало, дело-то сделал я, ей-Богу, я, — а не он!

Варравин также в раздумье проходит всю сцену, уставляется на Тарелкина и, постоявши несколько минут, удаляется обратно.

....Стало, по-настоящему, по истине от всего куша половина мне!.. Не даст.... Да что тут — отрежу ему начистоту, так и даст.... В этих случаях что нужно? Характер — да; характер и больше ничего. *(Трет руки.)* Пятнадцать тысяч!.. Ведь я богат! Как подумаешь, как это странно: был беден, ведь как беден: нет той сумы нищенской — ну — старых панталон, которые были бы беднее меня — и вдруг имею состояние — богат. И слово-то какое увесистое, точно оно на вате: богат. — Приятно! — Нет, что ни говори, а я уважаю этот закон природы; — именно закон природы: потому многочисленные опыты показывают — был беден, ничего не имел — и вдруг богат....

Варравин проходит снова по сцене и, постоявши, удаляется.

Рассвирепеет же и он! — ой, ой, ой, рассвирепеет; — а я в отставку — да мне что?.. Всего я насмотрелся, всего и напробовался.... Рвал я цветы на берегах Мойки, вил я венки на берегах Фонтанки — вкусил и сластей Невских! Цветы эти оказались то самое терние, которое Левиафан [87] безвредно попирал ногой; от венков вот что осталось *(поднимает парик и показывает совершенно лысую голову)*; от сластей Невских вставил моржовые зубы! Бог с ним, это величие. Укачу в матушку-Москву — город тихий, найму квартирку у Успенья на Могильцах, в Мертвом переулке,[88] в доме купца Гробова, да так до второго пришествия и заночую.

Варравин показывается опять, слышен шум в передней; Тарелкин кидается к нему.

Ваше Превосходительство! — Он!.. Он!!.. приехал!..

Варравин *(очень спокойно)*. Ну что же? — Примите его, одержите, да мне и доложите.

Тарелкин. Слушаю-с.

Варравин. Да смотрите, как я приказывал, позовите сейчас экзекутора!.. *(Уходит в кабинет.)*

Тарелкин *(бросается к своему столу, садится и листует бумаги)*. На какого черта ему экзекутор? — Зачем ему эта скотина экзекутор?.. Не понимаю....

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Муромский, несколько согнувшись, тяжело дышит, боковой карман у него туго набит. Тарелкин углубляется в бумаги и, выворотя белки, следит.

Муромский *(подходя к Тарелкину)*. Кандид Касторыч, — а Кандид Касторыч — это я!. .

Тарелкин. Ах, Боже мой, а я за делами вас и не заприметил.

Муромский. Все в трудах. . . . Можно, что ли?

Тарелкин. Занят — повремените. . . . не угодно ли. . . . *(Указывает ему на стул.)*

Муромский медленно садится и осматривается. Тарелкин углубляется в бумаги. Молчание.

Муромский. Батюшка, извините меня — нельзя ли стаканчик водицы? — что-то тяжело, горло пересыхает; все вот жажда мучит.

Тарелкин. Отчего же, помилуйте, сейчас. . . . *(Встает, в сторону.)* Точно перед операцией, все воду пьет. *(Уходит.)*

Муромский *(один)*. Вот чем кончилось! Боже мой! — все. . . . все. . . . даже и бриллианты!!. . Выходит, что Михайло-то Кречинский мне пророчество писал. . . .

Тарелкин *(входит с стаканом воды)*. А! Петр Константинович, мы ли вам не служим?

Муромский *(пьет и обтирает себе лицо)*. Благодарю вас, благодарю.

Тарелкин *(собирая бумаги в кучу)*. Я вот сейчас пойду с докладом и об вас скажу — да вы, смотрите, недолго, *(на ухо)* он уж все сделает — будьте покойны.

Муромский. Хорошо, хорошо.

Тарелкин. Ведь у него дел-то гора целая. *(Потряхивая бумагами.)* Видите! *(Идет в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский *(один)*.

Муромский *(слабым голосом)*. Господи *(осматривается)*, как Даниил, вверженный в ров львиный. . . .[89] вот она, волчья-то яма. *(Достает из кармана бумажник и вынимает бумагу.)* Ей-ей, — точно пророчество писал. . . . *(читает с выражением и ударением)*. . . . но бывает уголовная или капканная взятка, — она берется до истощения, догола́. . . . (*осматривает себя*). . . . догола́. . . . производится она по началам и теории Стеньки Разина и Соловья Разбойника; совершается она под сению и тению дремучего леса законов. . . . *(осматривает обстоящие его шкафы и читает)* свод законов. . . . свод законов. . . . так!. . *(продолжает)* помощию и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, — и в эти-то ямы *(опять осматривается)* попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый. . . .

Тарелкин *(выходя с бумагами)*. Пожалуйте.

Муромский складывает бумагу, кладет в бумажник и плетется в кабинет.

(Один.) Опять об экзекуторе? Что же он такое сделать-то хочет?.. *(Думает.)*.... Нет, стало, глуп, не понимаю... однако позвать надо. (*Уходит в среднюю дверь.*)

Сцена — минуту или две остается пустою.... Глубокая Тишина....

ЯВЛЕНИЕ IV

Тарелкин входит, за ним экзекутор Живец.

Тарелкин (*продолжая разговор*).... Не знаю, право, не знаю. Говорили Максим Кузьмич, что Его Превосходительству угодно сделать это экономическим путем.

Живец. Я не прочь! Я от экономического пути не прочь! Как Его Превосходительству угодно. *(Направляется к кабинету.)*

Тарелкин *(заступая ему дорогу)*. Нет, — обождите.

Живец. А что?

Тарелкин. У них проситель.

Живец. А — ну! это не по моей части.... *(начинает ходить по комнате)* ....и действительно, от этих подрядов, друг мой, Кандид Касторыч, одно только нарекание; верите ли, одно нарекание....

Тарелкин *(посматривая в кабинет)*. Очень верю, очень верю.

Живец. Ей-ей. Ведь оно только нарядно смотрит, что вот подрядчик! — а в сущности он, Иуда, выеденного яйца не стоит.... так-то, дружище!

Тарелкин *(та же игра)*. Очень верю, очень верю.

Живец. Жить нечем! — Потому это у них как: у каждого подрядчика свое место, другой уж и не суйся — ты, говорит, там, а я, говорит, здесь; у них эти места ведь по рукам разобраны. Хорошо. Вот я этак, по должности-то, смотрю, да и вижу, что он без малого рубль на рубль хватил; ведь хорошо? Так что же: норовит он, бестия, дюжину персиков тебе на подносе поднести или малины к Светлому Празднику. Ну судите сами, — служил я в военной службе — что ж мне Малина?.. У меня дети, что же мне Малина?.. Ведь я не млекопитающее?..

Тарелкин *(идет в кабинет и останавливается против Живца)*. Ну нет.... Вы млекопитающее. *(Проходит.)*

Живец *(оскорбившись)*. Я?.. Млекопитающее! — ну а ты свинья!..

Тарелкин *(подойдя к двери кабинета)*. Ваше Превосходительство! — Экзекутор Живец.

Варравин *(из кабинета)*. Очень хорошо. *(Раскланиваясь в дверях с Муромским.)* Будьте уверены — я рассмотрю ваше дело с полным вниманием *(кланяется)*, с полным вниманием. *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Муромский, Тарелкин и Живец.

Тарелкин *(тихо Муромскому)*. Ну что, батюшка?
Муромский. Обещал.
Тарелкин. Ну, — вы все объяснили?
Муромский. Да объяснил. . . .
Тарелкин. Передали все??
Муромский. Как следует.
Тарелкин. Ну так и будьте покойны — все будет сделано в лучшем виде *(кланяется)* — в лучшем виде.
Муромский *(тоже кланяется)*. Дай Бог, дай Бог. *(Выходя на авансцену.)* Как будто и полегче стало. . . . лишь бы мне ее, мою горлинку, душу-то мою увидеть спокойную. . . . *(Покачав головою.)* Господи! слепота человеческая!. . вот: копил, копил, про нее ведь копил; а вот куда. . . . последнее свез. . . . ну их, деньги!. . Будь оне прокляты — от них все вышло. (*Медленно уходит.*)
Живец *(Тарелкину)*. Теперь можно?
Тарелкин *(в духе)*. Теперь можно, можно.

Живец направляется в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ VI

Варравин выходит из кабинета и сталкивается с экзекутором. Тарелкин и Живец.

Варравин. Что вы?
Живец. Изволили требовать.
Варравин. А — да; погодите. Гей! Курьер! —
Тарелкин *(бежит к двери)*. Гей! Курьер! Парамонов!

Парамонов входит.

Варравин *(держит в руках пакет)*. Вороти этого просителя. — Скорей!

Парамонов бежит за Муромским.

Тарелкин *(в испуге)*. Ваше Превосходительство! Максим Кузьмич! Что вы? —

Варравин смотрит в упор на Тарелкина и остается неподвижен; Живец наблюдает за обоими; в дверях показываются Муромский и Парамонов.

ЯВЛЕНИЕ VII

Варравин, Тарелкин, Живец, Муромский и Парамонов.

Муромский *(Парамонову)*. Ты. . . . тово. . . . ошибаешься, друг. . . . это не меня.

Парамонов *(тесня собою Муромского)*. Их Превосходительство изволят требовать!..

Муромский *(мягко)*. Да не меня, — братец, не меня....

Парамонов. Пожалуйте; пожалуйте, — Их Превосходительство....

Муромский. Да ты ошибся, братец....

Варравин *(перебивая Муромского)*. Позвольте! — Я вас требую.

Муромский *(с изумлением)*. Меня?!..

Варравин. Да, — вас! Вы оставили у меня в кабинете вот этот пакет с деньгами *(показывает пакет)*, — так ли-с?

Муромский *(вздрогнувши)*. Я?.. Нет.... Ах, как нет!.. Оставил.... то есть — может быть.... позвольте.... я не знаю.... что же вам нужно?..

Варравин. Мне нужно заявить ваш поступок, вот — при свидетелях.

Муромский. Так что же это? *(Осматривается.)* Западня?!

Варравин. Вы меня хотели купить, так ли-с?

Муромский *(совершенно смешавшись)*. Да позвольте; тут, стало, недоумение какое.... извините... простите меня! ведь это вот они мне сказали *(указывает на Тарелкина)*.

Тарелкин *(также смешавшись)*. Что вы? Что вы?.. Ваше Превосходительство! — Я вот вам Христом распятым клянусь — ни-ни; никогда! Я их и в глаза не видал....

Варравин *(не обращая внимания на Тарелкина)*. Так знайте, что я денег не беру! Вы меня не купите! Вот они, ваши деньги! *(Кидает ему пакет на пол.)* Возьмите их! И убирайтесь вон с вашим пасквильным делом!..

Муромский. Не о пасквильном деле я прошу — позвольте.... *(Наступая на Тарелкина.)* Что это? — а? Да как же вы могли....

Тарелкин *(потерявшись)*. Помилуйте! — что вы меня путаете! Ваше Превосходительство! что же они меня путают!?..

Варравин *(перебивая его)*. Угодно вам взять эти деньги, или я прикажу вот экзекутору.

Живец порывается к деньгам; Варравин его держит за руку; Муромский поднимает пакет.

Я вас могу представить всей строгости законов — и только ваши лета — извольте идти *(указывает на дверь)*.

Муромский *(ощупавши пакет, выбегает на авансцену)*. Что это? А? — А? Где же деньги?.. *(Развертывает пакет и быстро смотрит деньги.)*

Варравин стоит с правой стороны, Тарелкин с левой, Живец позади Муромского, все смотрят на него с напряженным вниманием.

Варравин. Извольте идти, или я прикажу вас вывести.

Живец, Тарелкин *(переглянувшись и вместе)*. А-а-а! — вот оно!

Муромский *(забывшись, с силою)*. Так где же деньги, я говорю?! — Их тут нет! *(ощупает пакет.)* Нет.... Нет!.. Их взяли!!!.

Помогите!! . . Добрые люди! . . Помогите!! . . *(Обращаясь к Тарелкину.)* Помог. . . . *(Останавливается, обращаясь к Живцу.)* Помогит. . . . а-а-а-а-а! *(ударив себя по голове.)* Капкан!!!. .

Они обступают его ближе.

В а р р а в и н. Идите вон, я вам говорю! Я имею власть. . . .

М у р о м с к и й *(взявши себя за голову и совершенно забывшись)*. Разбой!.. Муромские леса!..[90] Разбой. . . .

В а р р а в и н *(голос его дрожит)*. Опомнитесь, — что вы? — Опомнитесь. . . .

М у р о м с к и й. Что это?.. а?.. *(приходя в себя)* здесь. . . . здесь. . . . грабят!.. *(Поднимая голову.)* Я вслух говорю — грабят!!!.

В а р р а в и н *(Тарелкину)*. Да что они? — Они, кажется, припадкам подвержены.

Т а р е л к и н *(потерявшись)*. Ничего, ничего, ничего не знаю; вы меня, Максим Кузьмич, не путайте — ради Бога, не путайте. . . . я ничего не знаю.

М у р о м с к и й. Да кто же тут *(осматриваясь)*, тут все одна шайка. . . . *(Вдруг выпрямляется.)* Стойте!!.. *(К Живцу.)* Ведите меня к Государю!

Ж и в е ц и Т а р е л к и н *(обступают его, машут руками и унимают)*. Ш-ш-ш-т-т-т. . . . успокойтесь. . . . Милостивый Государь. . . . успокойтесь. . . . что вы?.. ш-ш-ш-т-т-т. . . .

М у р о м с к и й *(стремительно выступая вперед)*. Я требую. . . . ведите меня к моему Государю!.. Давайте сюда жандармов!.. полицейских!.. по улице!. . без шапки!. . Мы сообщники!! Мы воры!!! . *(Хватает Варравина за руку и тащит его.)*. . . Пойдем!!. .

В а р р а в и н *(рвется у него)*. Что вы. . . . что вы?

М у р о м с к и й *(тащит его)*. Пойдем!! Мы клятвопреступники. . . . куйте нас! Слово и Дело!!..[91] куйте нас вместе *(его голос слабеет)*. . . . к Государю!! я Ему скажу. . . . Отец!.. Всех нас Отец. . . . Милостивый мой, Добросердый. . . . Государь!!.. *(У него занимается дух.)* Ва. . . . Ва. . . .ше Ва. . . .ше *(качается. Тарелкин его поддерживает)*.

Т а р е л к и н. Петр Константинович, батюшка, Петр Константинович — не тревожьтесь, — мы все устроим. . . .

М у р о м с к и й *(силится говорить)*. Ва. . а ше. . . Ве. . л. . . ич. . . *(Кидает пакет с деньгами в Варравина и опускается на руки Тарелкина.)*

Деньги рассыпаются по полу. Молчание. Варравин наблюдает Муромского. Живец подвигается к деньгам.

В а р р а в и н *(оттирая Живца)*. Позвольте; позвольте. . . .

Ж и в е ц *(жмется к деньгам)*. Нет, позвольте, Ваше Превосходительство, позвольте, — моя обязанность.

В а р р а в и н *(схвативши деньги)*. Позвольте!

Ж и в е ц *(ухватясь также за пакет)*. Позвольте!!. .

М у р о м с к и й *(срывает с себя ордена и галстук и бросает ими в Варравина)*. А—а—а— *(лишается чувств на руках Тарелкина)*.

В а р р а в и н *(в азарте тащит пакет к себе)*. Позвольте, говорю я вам! Я вам приказываю, как начальник!

Живец *(та же игра)*. Долг службы. . . .

Они стоят близко друг к другу у авансцены, голоса их шипят.

Тарелкин *(держа на руках Муромского, жалобно)*. Господа, господа, — ну — во имя Христа. . . . *(Укладывает Муромского на стул.)*

Варравин *(порывая пакет к себе)*. Прошу. . . .

Живец *(то же)*. Прошу. . . .

Варравин. Я должен сосчитать.

Живец *(указывая на его карман)*. Вот тут-то сосчитайте!..

Варравин. Что вы осмеливаетесь?..

Живец. И не осмеливаюсь. . . . Не дам! — Сам власть имею.

Варравин. Угодно вам молчать?

Живец. Почему же? — *(Запускает руку в деньги и тащит пук ассигнаций.)*

Варравин. Что вы делаете?

Живец. Молчу. — А как бы вы думали? *(Сует деньги в карман.)* Вот так-то. Ева!

Тарелкин *(оттащивши Муромского на стулья, подбегает к Варравину и Живцу; они расходятся)*. Ну, что же это такое, господа; — что же это такое?

Варравин *(оправив пакет, кидает его на пол; Живцу)*. Извольте, сударь, стоять здесь, — и ни с места.

Живец *(застегивается на все пуговицы)*. Слушаю, Ваше Превосходительство, будьте покойны. —

Варравин *(Тарелкину)*. А вы извольте послать тотчас за полицейским — и сдать ему просителя за повреждением умственных способностей. Понимаете меня?.. Чтоб он вот здесь же принял от экзекутора просителя и деньги для доставления по месту жительства.

Тарелкин *(умоляющим голосом)*. Ваше Превосходительство. . . .

Варравин *(качает головой и кричит)*. Для доставления по месту жительства. . . .

Тарелкин *(Живцу)*. Иван Андреич!

Живец. Кто, батюшка, млекопитающее-то?

Парамонов *(вбегая)*. Ваше Превосходительство. Их Превосходительство и Их Сиятельство!

Тарелкин *(несколько присев)*. Боже мой! Сам Страшный суд!!..

Варравин *(грозно)*. Молчать!!.. *(Живцу)*. Стойте тут, — и ни с места!! *(Кидается навстречу Важным лицам.)*

Живец *(оправляя мундир, несколько нараспев)*. Да, — я, батюшка, службу знаю. . . .

ЯВЛЕНИЕ VIII

Важное лицо и Князь входят.

Важное лицо *(увидев Муромского)*. Эттто что?! Что такое? —

Варравин *(раскинув руки)*. Самый необыкновенный случай, Ваше Превосходительство. Пришел, как по всему заметно, проситель; объясня-

ется как-то странно, не в чистоте сознания; я его по обязанности службы принял, и вдруг — он оставляет мне вот этот конверт с деньгами; случился экзекутор; послали курьера его воротить, и как стал я ему выговаривать, действительно с некоторою резкостию. . . .

Важное лицо *(перебивая его)*. Напрасно.

Варравин. Что делать, Ваше Превосходительство, — не вытерпел.

Важное лицо *(с нетерпением)*. Напрасно!!

Варравин. Ваше Превосходительство!.. пощадите. . . . обидно. . . . Тридцать лет служу! Никто взяточником не называл (*бьет себя в грудь*).

Князь. Я, Ваше Превосходительство, его положение понимаю, и, по моему мнению, этого бы просителя строжайше. . . . *(Подходит к Муромскому и его осматривает.)*

Важное лицо. Продолжайте.

Варравин *(оправляясь)*. В эту самую минуту ему вот здесь, при чиновниках, сделался припадок и дурнота. . . .

Князь. Эээ, — да это тот самый капитан, который ко мне являлся.

Варравин. Тот самый, Ваше Сиятельство.

Князь. Так бы вы и говорили. Он, Ваше Превосходительство, и ко мне приходил, — и у меня шум сделал.

Важное лицо. Так что же он такое?

Князь. Вероятно, как бывало в старину: Бурцов, буйный забияка. . . .[92] Впрочем, он под Можайском в голову ранен, и рана-то давняя — так у него, знаете, бессвязность этакая в речах и. . . . и. . . . *(смотрит на Варравина)* . . . . и. . . .

Варравин. И черножелчие, Ваше Сиятельство.

Князь. А, да! — и черножелчие.

Важное лицо. Что же здесь курьеры делают? Почему пускают всякого с улицы? курьер!!

Вбегает курьер.

Ты что делаешь? — а?

Курьер молчит.

Варравин. Конечно, оплошность, Ваше Превосходительство.

Важное лицо. Оплошность, — а ты знаешь ли, что я оплошностей не терплю.

Варравин. Осмеливаюсь доложить, что, впрочем, и заметить было невозможно.

Важное лицо. А он смотри.

Варравин. Даже наружность почтенная.

Важное лицо. А он смотри!!

Варравин. Приемный день-с.

Важное лицо. А он. . . . околотили вы мне руки с этими приемными днями. . . . Ну, однако, избавьте меня от этих сцен.

Молчание.

Уберите его.

Варравин *(Тарелкину)*. Уберите просителя! Курьер! *(Показывает глазами на Муромского.)*

Тарелкин и Парамонов его подымают.

Муромский (*открывает глаза*). Ва.... Ва.... Ва.... (*бьет себя в грудь*) Ва....

Важное лицо. Да он не в своем виде! *(Тарелкину.)* Что, от него пахнет?

Тарелкин *(обнюхивает Муромского)*. Пахнет, Ваше Превосходительство.

Важное лицо. Чем?

Тарелкин *(смешавшись)*. Не, не, не.... могу....

Важное лицо *(с нетерпением)*. Чем?!!

Тарелкин. А-а-а-а *(смешавшись)* рыбой....

Живец *(быстро вывертывается из-за Варравина, подходит к Муромскому и обнюхивает его)*. Спиртуозностию, Ваше Превосходительство.

Важное лицо. Ну так. *(Махнув рукой.)* Несите.

Живец *(проходя мимо Тарелкина, тихо)*. Кто, батюшка, млекопитающее-то? *(Становится опять у пакета с деньгами.)*

Муромского выносят.

Варравин. Ваше Превосходительство! благоволите допросить экзекутора, как очевидца при этом необычайном событии.

Важное лицо. Да я тут никакого и события не вижу! — Сорвался человек с цепи, пришел и сделал шум; ну что же тут? *(Живцу.)* Вы здесь были?

Живец *(навытяжке)*. Здесь, Ваше Превосходительство, — по долгу службы.

Важное лицо. Знаю. Ну, вы при этом находились?

Живец. По долгу службы должен всегда быть в видимости.

Важное лицо *(с нетерпением)*. Знаю!! Я спрашиваю — как это произошло. —

Живец. Это произошло здесь, в канцелярии, — Их Превосходительство изволили выйти и требовать просителя — и, упрекнувши их в дании денег, — возвратили — бросимши оные деньги на пол — чем по долгу службы стал здесь и при них нахожусь, как по силе присяги Закон повелевает.

Важное лицо. Эк заладил. Хорошо. *(Варравину.)* Кажется, ревностный.

Варравин. Весьма, Ваше Превосходительство, весьма.

Важное лицо. Это хорошо.

Живец. Находясь в военной службе, более привык исполнять распоряжения начальства, чем собственные свои....

Важное лицо *(перебивая его)*. Хорошо. Только отстань.

Варравин. Относительно самого события какое распоряжение угодно сделать?

Важное лицо. Обыкновенно — по форме; — пусть он по форме и отрапортует.

Князь. А там — не нарядить ли следствие, Ваше Превосходительство?

Важное лицо. Пожалуй, и следствие; — по форме.

Князь. И строжайше, строжайше.

Важное лицо и Князь хотят идти.

Варравин *(заступая дорогу)*. Ваше Превосходительство! Ваше Сиятельство! А деньги-то. Сделайте милость.

Важное лицо. Ну что же деньги, — возьмите их да при рапорте и представьте.

Варравин. Нет, Ваше Превосходительство, я до них не коснусь. Извольте их счесть и опечатать; ибо сумма в неизвестности; — так, по крайней мере, я и мои подчиненные будем вне нарекания.

Важное лицо. Ну это так. Вот это я люблю. *(Князю.)* Деликатно.

Князь. Деликатно.

Важное лицо *(Живцу)*. Сочти.

Живец считает деньги.

А вам, Ваше Сиятельство, не угодно ли будет принять их и приобщить к делу. *(Уходит в кабинет.)*

Живец *(сосчитав деньги, с крайней осторожностию кладет их в пакет и держит четырьмя пальцами)*. Тысяча триста пятьдесят рублей, Ваше Сиятельство.

Князь. Хорошо. Несите ко мне; а вы (*Варравину*) нарядите следствие — и строжайше! *(Уходит в кабинет. Живец несет перед ним деньги.)*

Варравин *(провожая его)*. Слушаю, а предложение, согласно приказанию вашему, об обращении этого дела к переследованию готово.

Князь. Ну, стало, все в порядке. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Варравин *(один)*.

Варравин *(думает)*. Да, все в порядке. . . . только. . . . у меня от этих порядков дух захватило. . . . Гм, гм. . . . Следствие?! . . Пожалуй, помещик-то и при следствии такой же жар окажет! — Или, может быть, к тому времени и поохолодает; потому он преспокойно показать может, что я-де действительно деньги эти на столе по неосмотрительности оставил, а что действительный статский советник Варравин принял их за подкуп, в том не виновен. Да если и горшее предположить: оставят в подозрении — эка штука! Я много кого оставил — все здоровы, еще и кланяться приказывают; доживают свой век в своих вотчинах и хорошими христианами умирают,

в должном раскаянии, посреди семейства.... Что ж, уберусь в свою и я.... княжеская была.... Сахарный завод поставлю — помещик буду, звание почтенное.... Конечно, не сановник — а все же почтенное.

ЯВЛЕНИЕ X

Варравин; входит Тарелкин.

Варравин *(в волнении идет к нему)*. Ну!.. что там?!

Тарелкин *(снимая тарантас — сухо и небрежно)*. Где там, Ваше Превосходительство?

Варравин. Ну там; — у Муромских?

Тарелкин *(та же игра)*. Там?.. Да ничего нет....

Варравин. Что-нибудь да делается?

Тарелкин. Ничего не делается!.. Уж сделалось!..

Варравин. Следствие нарядить приказано....

Тарелкин. Наряжайте что другое — а не следствие....

Варравин *(не понимая)*. Да в уме ли вы? —

Тарелкин *(поднявши палец кверху)*. Удивлен!! *(На ухо Варравину.)* Как по мановению совершается.

Варравин. Что же такое?

Тарелкин *(с увлечением)*. Умер!!!!

Варравин. Умер!!?! Кто?.. Как?!.. Проситель?!..

Тарелкин. Не довезли до дому — в карете и кончился.

Варравин. И кончился!!..

Тарелкин *(делает жест)*. И концы в воду... Мертво и запечатано!..

Варравин. Т-с-с-с!.. *(Приостановясь.)* Какой необыкновенный случай.... *(Медленно крестится.)* Дай Бог ему Царство Небесное.

Тарелкин *(вздохнув)*. Что же? Дай Бог ему Царство Небесное.... Я не прочь.... Ну — мне-то, горемыке, что?.. а? *(С форсом.)* Кто тут радел, кто действовал?.. Кто его отсюда вот *(показывает место)* на своих плечах выволок?.. Вы вот упоминаете, что на своем веку набивали трубки, бегали и в лавочку — ну, а такой товар на себе таскать изволили — ась?!.. Так я вот о чем прошу: извольте меня оценить: ни, ни, ни.... Извольте оценить.... Я отсюда без того не выйду — оцените!..

Варравин *(в замешательстве)*. Что вы ко мне пристали? Как мне вас оценить?

Тарелкин *(азартно)*. Как? Помилуйте! — дети знают; — да еще при таком окончании дела, где не токмо концы в воду, а все крючки и петельки потонули. *(Дерзко.)* Мое участие на половину простирается.

Варравин *(вспыхнув)*. На половину.... *(В сторону.)* Вот я тебя выучу. *(Вслух.)* Что ж, на половину, так на половину.... Скажите, что все вами сделано — и тут не спорю.

Тарелкин. Нет, я не в том смысле. Я насчет полученной суммы.

Варравин *(стиснув зубы)*. Гм!.. полученной?.. От кого же полученной?

Тарелкин. А — от покойника.

Варравин *(усмехаясь)*. Вы шутите — ведь я при вас ему ее возвратил.

Тарелкин. Как возвратили?!!!

Варравин. И за счастие считаю, что на этот поступок решился.

Тарелкин. Отцы мои! Что вы сказали?!!!

Варравин *(с иронией)*. Я говорю: какое счастие, что я от покойника денег не принял.... а?..

Тарелкин *(потерявшись)*. Не приняли!!.. Вы не приняли!!!. Не может быть!.. *(Бросается на колени)*.... Матинька, Ваше Превосходительство, друг, душа, благодетель — простите.... Богом умоляю, простите — я беден — я ведь это от бедности — у меня долги — я гол — мне есть хочется....

Варравин. Полноте, Тарелкин; — что за малодушие — встаньте!.. *(поднимает его)* — вы себя компрометируете. Судите сами: *(с злобною усмешкою)* прими я от него деньги, ведь всю жизнь попрекать себя должен; — совесть бы замучила.

Тарелкин *(оправляясь)*. А — а — так вы не взяли; ха, ха, ха, и не взяли оттого, что вас бы совесть замучила... ха, ха, ха! *(Заливается громким хохотом.)*

Варравин *(стиснув зубы)*. Смеетесь теперь, — не плакать бы после! *(Подступает к нему и говорит на ухо.)* Ведь я тихой смертью изведу.... знаете....

Тарелкин *(останавливается)*. Нет, — я ничего.

Варравин *(та же игра)*. Ведь я из бренного-то тела таким инструментом душу выну, что и не скрипнет.... *(Сверкнув глазами.)* Понимаете?..

Тарелкин *(оробев)*. Да помилуйте — что вы — я ничего....

Варравин. То-то! *(К публике мягко и тихо.)* Ей-ей. Как оставил он у меня на столе эти деньги — так точно кто меня под руку толкнул *(отступает с ужасом)*.... Я и не взял.... *(посмотрев искоса на Тарелкина)*.... Просто Бог спас — его великая милость.... *(Уходит в кабинет.)*

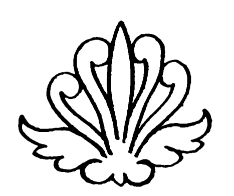
ЯВЛЕНИЕ XI

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин *(долго посмотревши на все четыре стороны)*. Дело! Люблю!!.. Всякую глупую башку учить надо. Мало того: по-моему, взять *(берет шляпу)*, да кулаком в ослиную морду ей и сунуть *(сует кулаком в шляпу)* — дурак, мол, ты, искони бе чучело — и по гроб полишинель!!..[93] *(Надевает помятую шляпу и оборачивается к кабинету.)* А! Ограбил. Всех ограбил!.. Я говорил, что оберет он меня, оберет как липку — и обобрал!!.. *(Повертывается и становится против тарантаса.)* Ну что же теперь, старый друг?.. А? Ну пойдем.... пойдем опять по миру, гольем шитые,

мишурою крытые, отхватывать наш чиновничий пляс. Думал я сим же днем спустить тебя на вшивом рынке. . . . Нет, и этого не судила судьба. *(Надевает тарантас.)* Эх — мечты, мечты! Провалитесь вы в преисподнюю. . . . *(Берет тросточку, напяливает перчатки и подходит к авансцене.)* Мечтал я, когда был молод. . . . прокатить по Невскому в коляске Баховой; мечтал, когда был зрел, схватить чин да кавалерию,[94] подцепить какую-нибудь воронопегую купчиху в два обхвата мерою и ее свиным, сонным жиром залить раны и истомы служебные. Мечтал вот тут хоть копейку сущую заручить на черный день — нет! нет! и нет!! говорит судьба. Зачем ты, судьба, держишь меня на цепи, как паршивую собаку? Зачем круг меня ставишь сласти да кушанья, а меня моришь голодом да холодом? Зачем под носом тащишь в чужой карман деньги, сытость, богатство? Проклята будь ты, судьба, в делах твоих! Нет на свете справедливости, нет и сострадания: гнетет сильный слабого, объедает сытый голодного, обирает богатый бедного! Взял бы тебя, постылый свет, да запалил бы с одного конца на другой, да, надемши мой мундиришко, прошелся бы по твоему пепелищу: вот, мол, тебе, чертов сын. *(Поднимает воротник тарантаса, застегивается и уходит, махая тросточкой.)*

З а н а в е с   о п у с к а е т с я.

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

КОМЕДИЯ-ШУТКА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Николаю Дмитриевичу Шепелеву [1]

Любезный Друг.

Не вместе ли с тобою еще юношами жили мы на высотах Альбано, в памятной нам Locanda Emiliana и зачитывались Гоголем до упаду.

Не твое ли чуткое артистическое чувство предрекло Кречинскому серьозный успех еще тогда, когда он писался *шутки ради*, и не от тебя ли слышал я тогда же первое и, могу с правом сказать, *единогласное* одобрение.

И теперь — несколько недель тому назад, озабоченный спешною отделкой «Смерти Тарелкина» — не к тебе ли обратился я за советом и не твоими ли верными указаниями Артиста наведен я на поправки, которые дали этой Пиесе целость и вложили в нее Логику Мотивов.

Право — старая наша дружба лишнего не сделала, когда она мне шепнула сделать тебе это посвящение и поставить *в головах* этой третьей и последней моей Пиесы твое, близкое мне, Имя.

Тебе преданный

А. Сухово-Кобылин.

1869 г.
февраля 20-го.
Москва.

К ЧИТАТЕЛЮ

Всякое, думаю, беспристрастие признает, что Судьба моих двух Пиес не могла обольстить меня на дальнейшую деятельность для сцены. По крайней мере, так влияли на меня события, сопровождавшие их появление, — и многое из набросанного a la prima * так в своих зародышах и замерло.

Деятельность моя перешла в другие, высшие сферы,[2] где, как и в верхних слоях Атмосферы, больше благодетельной для Духа Тишины и Свободы.

Однако, издавая в свет мои драматические опыты, мне хотелось, даже и в смысле аффирмации,**[3] удержать за ними столько и Действительности и Диалектике любезное число *Три*:

Немцы говорят:

Ein Mal ist kein Mal,
Drei Mal ist Ein Mal. ***

Мы, Русские, говорим: без Троицы и дом не строится, а потому:

Собравши несколько давно написанных мною сцен, втуне лежавших и имеющих своим Мотивом последний Монолог Тарелкина в Драме «Дело», я, скрепя сердце, связал их, как говорится, на живую нитку, озаглавил шуткою в 3-х Действиях и в таком полувыработанном виде не без робости передаю их Публике, прося ее отнестись к ним снисходительно.

Если сцены эти доставят ей несколько минут простого, веселого смеха и тем дадут случай на время забыть ту *Злобу*, которая, по словам Писания, каждому *Дневи довлеет*,[4] то я сочту себя вполне удовлетворенным.

31 октября.
1868 года.
Кобылинка.

---

* Раньше (*итал.*).

** Аффирмация — утверждение, укрепление (от *франц.* affirmation).

*** Один раз — не в счет, три — за один сойдет (буквальный перевод: один раз — ни разу, три раза — один раз) (*нем.*).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Максим Кузьмич Варравин }
Капитан Полутатаринов — военная шинель надета в рукава, зеленые очки и костыль. } одно лицо.

Кандид Касторович Тарелкин }
Сила Силич Копылов } одно лицо.

Антиох Елпидифорович Ох[5] — частный пристав.

Иван Антонович Расплюев — исправляющий должность квартального надзирателя.[6] Пораздобрел и приобрел некоторую осанку.

Чибисов }
Ибисов } чиновники.
Омега }

Флегонт Егорыч Попугайчиков — купец.

Помещик Чванкин.

Крестьян Крестьянович Унмеглихкейт[7] — доктор.

Людмила Спиридонова Брандахлыстова — прачка. Колоссальная баба лет под 40.

Мавруша — кухарка.

Пахомов — дворник.

Качала }
Шатала } мушкатеры * богатырских размеров.

Ваничка — сын Расплюева, писарь.

Кредиторы Тарелкина:

1-й Кредитор }
2-й Кредитор } азартного свойства.

3-й Кредитор — пиявкообразный человек сутяжного свойства.

4-й Кредитор — дюжая натура, с большими усами и крокодилообразным телом.

Еще Кредиторы ad libitum.** Все они одеты в самые фантастические шубы и шинели.

Чиновники.

Дети Брандахлыстовой.

---

* Примечание. Мушкатерами назывались прежде полицейские солдаты.
** По желанию, на выбор (*лат.*).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната: — в средине дверь в прихожую, направо дверь в кухню и на черный выход, налево постель за ширмами; беспорядок. Тарелкин входит, неся с собой всякое имущество. Сильно озабочен; расставляет мебель.

ЯВЛЕНИЕ I

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин. Решено! . . не хочу жить. . . . Нужда меня заела, кредиторы истерзали, Начальство вогнало в гроб! . . Умру. Но не так умру, как всякая лошадь умирает — взял, да так, как дурак, по Закону Природы и умер. Нет; — а умру наперекор и Закону и Природе; умру себе в сласть и удовольствие; умру так, как никто не умирал!.. Что такое смерть? Конец страданиям; ну и моим страданиям конец!.. Что такое смерть? Конец всех счетов! И я кончил свои счета, сальдировал долги,[8] квит с покровителями, свободен от друзей!.. Случай: на квартире рядом живут двое: Тарелкин и Копылов. Тарелкин должен, — Копылов не должен. Судьба говорит: умри, Копылов, и живи, Тарелкин. — Зачем же, говорю я, Судьба; индюшка ты, Судьба! Умри лучше Тарелкин, а живи счастливый Копылов. *(Подумав.)* Решено!.. Умер Тарелкин!.. Долой старые тряпки! *(снимает парик)*. Долой вся эта фальшь. Давайте мне натуру! — Да здравствует Натура! *(Вынимает фальшивые зубы и надевает пальто Копылова.)* Вот так! — *(Отойдя в глубину сцены, прилаживает пару бакенбард; горбится, принимает вид человека под шестьдесят и выходит на авансцену.)* Честь имею себя представить: отставной надворный советник Сила Силин Копылов. Вот и формуляр — *(показывает формуляр)*. Холост. Родни нет, детей нет; семейства не имею; никому не должен — никого знать не хочу; сам себе господин! Вот моя квартира, имущество!.. О вы, простите вы все!.. Прощайте, рыкающие звери Начальники, — прощайте, Иуды товарищи!.. Приятели мои, ямокопатели, предатели, — прощайте! Кредиторы мои, грабители, пиявки, крокодилы. . . . прощайте! Нет более Тарелкина. — Другая дорога жизни, другие желания, другой Мир, другое Небо!!.. *(Прошедшись по комнате.)* От теории перехожу к практике. Сейчас из Шлиссельбурга. Похоронил Копыловские кости; дело устроил; бумаги получил: там покончено!.. Теперь здесь, по Петербургу, надо устроить мою собственную, официальную несомненную смерть. Для этого

извещена Полиция; приглашены сослуживцы; окна завешены; в комнате царствует таинственный мрак; духота и вонь нестерпимые. . . . В гробу моя кукла, увитая ватой, в моем мундире, лежит, право, недурно. . . . с сурьезом и достоинством! Однако от любопытных глаз надо еще подбавить вони. *(В духе, кричит.)* Мавруша!! Разбойница Мавруша — где ты?

ЯВЛЕНИЕ II

Тарелкин, Мавруша входит.

Мавруша. Чего вам?

Тарелкин. Ты понимаешь ли, верный друг Мавруша, какую я бессмертную штуку играю?

Мавруша. Чего?

Тарелкин. Не — никогда твой чухонский мозг[9] этой высоты не поймет. . . . Ступай, купи еще тухлой рыбы.

Мавруша. Еще! Что ж мало?

Тарелкин. Да — не хватает — ступай!

Мавруша уходит.

(Ей вслед.) Скорее ступай.

ЯВЛЕНИЕ III

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин *(ходит по комнате)*. Все так. . . . да. . . . эту рыбу надо накласть в мою куклу в такой мере, чтобы их как поленом по лбу!.. Нет! *(соображает)* этого мало. Я хочу, чтобы Начальство похоронило меня на собственный счет! Хочу, чтобы эта бессмертная смерть мне не стоила медной полушки — так и будет! Все пойдет как по маслу, — надо только это хорошенько обставить. — Мавруша свой урок знает; вот уже месяц, как вся Варравинская интимнейшая переписка вот здесь *(указывает)*, у меня под сюртуком!! Он уже ее хватился, ищет и на меня злится. Следовательно, при первой вести он явится сюда во всей ярости и будет спешить похоронами, чтобы тотчас обыскать мою квартиру — ха, ха, ха, ха!.. А-а-а-а! — Это ты, разбойник, вогнал меня живого в гроб! ты уморил меня голодом. Нет тебе пощады. Мы бьемся по смерть. Ценою крови — собственной твоей крови выкупишь ты эти письма. Или нет! Ценою твоих денег, ворованных денег; — денег, которые дороже тебе детей, жены, самого тебя. Деньги эти я тихонько, усладительно, рубль за рублем, куш за кушем потяну из тебя с страшными болями; а сам помещусь в безопасном месте и смеяться буду — и сладко буду смеяться, как ты будешь коробиться и корчиться от этих болей. Боже! Какая есть бесконечная сладость в мести. Каким бальзамом ложится месть на рдеющую рану. . . . *(Вынимает из-под жилета пачку писем.)* Вот они, эти письма *(хлопает по пачке)*, лежат на самом сердце, его греют! — Это

моя плоть и кровь! — Это злейшие, ехиднейшие из всех дел Варравинских, букет, который самому Сатане можно поднести в знак любви и уважения. *(Бережно запрятывает бумаги под жилет и застегивается.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Тарелкин. — Мавруша входит.

Тарелкин *(идет ей навстречу)*. Скорей, скорей, Мавруша, — они скоро будут — время дорого. . . . *(Берет рыбу и заслоняет себе нос.)* Фу, черт возьми! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Мавруша *(одна)*, потом Тарелкин.

Мавруша. Вишь, черт, что задумал. . . . Помоги, говорит, мне; — а потом и надует — ведь такой уж плут родился! . . *(Прибирает комнату.)*

Тарелкин *(возвращается)*. Ну, смотри же, старая, — не наври чего — говори мало; — сиди себе да вопи, — одно тверди: ничего, мол, нет — жил честно — умер убого! Понимаешь? Денег, мол, нет; хоронить нечем; — а уж портится; видите, мол, вонь какая, — что тут делать? — а руками-то этак *(делает жест — Мавруша его передражнивает)*. Так! . . *(Думает.)* А Варравину-то говори: Полиция, мол, придет, — имущество захватит; — бумаги остались, и их захватит; — нехорошо. Поняла?! . .

Мавруша. Поняла, сударь, поняла.

Тарелкин. Ну ступай. *(Слышен шум.)* Они — ей-Богу, они — *(как будто робко.)* — ну *(решительно)* слышишь — только их вонью-то ошибет, так ты их вот сюда и веди, чтобы они попусту около гроба не толклись. Поняла?

Мавруша. Поняла, сударь, поняла. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин *(припрятываясь за ширмами)*. Так. . . . вот они. . . . *(слушает)* в добрый час. . . . их много. . . . говорят. . . . *(слушает)* шумят. . . . *(Слушает.)* Что такое! . . батюшки. . . . *(в волнении)*. Что такое — открыто! открыто. . . .

Слышен вопль Мавруши.

Боже мой. . . . мы погибли. . . . *(Прячется за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Варравин, за ним толпа чиновников, посреди их Мавруша.

Мавруша *(голосит и причитает)*. Сюда, отцы мои.... сюда.... ох.... ох.... ох....

Варравин *(останавливаясь на пороге)*. Фу, черт возьми, какая вонь.

Чиновники *(входят, заткнув нос, снимают калоши)*. Фу — фу — нестерпимо.

Чибисов. Одной минуты пробыть нельзя!..

Мавруша *(голосит)*. Сюда пожалуйте, отцы наши, сюда, Су-да-ри-ки... ох...

Варравин. Да отчего же такая пронзительная вонь?

Мавруша *(та же игра)*. Отциии моии, как вони.... то не.... быть.... умер — бедно ооох.... Гроб купилааа, хоооронить-то и нечем. Вооот он, голубчиииик, и воняет! ..

Варравин. Неужели ничего нет и хоронить нечем?

Мавруша *(та же игра)*. Нииичего, батюшка, нееет. — Полиция прийийдет — все схватит — бууумаги похватает — а бумаги какие — сам-то всё....е их пряааатывал.... ох....

Варравин *(с поспешностию)*. А бумаги после него остались?

Мавруша. Остались, свет, остались.

Варравин. Покажи.

Мавруша. Когда казать. Теперь ли казать. Хооронить надо. — Воняет, голубчиииик, воняет.

Варравин *(в сторону)*. В самом деле похоронить.... Пропали у меня секретнейшие бумаги, — стало, украдены — украдены кем?!.. Им!!.. И вдруг умер! Нет ли тут еще какой-нибудь мерзости?!.. Делать нечего — похоронить его — и потом отыскать, во что бы то ни стало, отыскать эти бумаги!.. *(Обращаясь к чиновникам.)* Господа — что же нам делать? — Видите: — почти скандал; похоронить нечем; — пожалуй, в городе узнают — скажут: с голоду умер; — товарищи оставили; — Начальство не пеклось; — нехорошо — даже и публика не оправдает.

Чиновники. Да, да, не оправдает.

Варравин. Так вот что, господа. Сделаем христианское дело; поможем товарищу — а? Даже и Начальство наше на это хорошо взглянет. Нынче все общинное в ходу, а с философской точки, что́ же такое община, как не складчина?

Чибисов. Да, господа, Их Превосходительство справедливы, — это и журналы доказывают: община есть складчина, а складчина есть община.

Чиновники. Да, да, это так.

Чибисов *(торжественно)*. Итак, складчина! Община! Братство!.. *(Пробирается к двери и ищет калоши.)*

Ибисов *(тот же тон)*. Так, так!.. Доброхотна дателя любит Бог. *(Показывает пальцем наверх, пробирается к двери; та же игра.)*

Третий чиновник. Прекрасно!.. Прекрасно и тепло!.. От общего сердца! *(Та же игра.)*

Четвертый чиновник. С миру по нитке — бедному рубашка. *(Та же игра — общее бегство.)*

Варравин *(припирает дверь и удерживает чиновников)*. Господа, что же вы?!.. Постойте. Вы не так! — Нет, вы не так. *(Поймавши Чибисова и Ибисова за руки, выводит их к авансцене с прочими чиновниками.)* Господа, — послушайте меня, ведь мы одна семья — не так ли? *(Встряхивая их за руки.)* Мы одна семья?

Чибисов и Ибисов *(привскакивая от боли)*. Так! Так! Мы одна семья!..

Варравин. Наш меньший брат в нужде. *(Встряхивая их за руки.)* Ведь мы люди теплые? [10]

Чибисов и Ибисов *(привскакивают и коробятся от боли.)* Да, да, черт возьми, — мы люди теплые.

Варравин. Итак!! — Задушевно — нараспашку!!

Чибисов и Ибисов *(вырываются от него)*. Да, да, задушевно! нараспашку!!!

Все бегут.

Варравин *(поймавши их)*. Нет, нет, опять не так. *(В сторону.)* Экие аспиды,[11] не поддаются! *(Вслух.)* Позвольте, господа — мы вот так это устроим. *(Собирает чиновников около себя.)* Ведь вы готовы на доброе дело?

Чиновники. Готовы, готовы.

Варравин. Ведь на доброе дело вы охотно возьмете деньги у другого, то есть в чужом кармане?

Чиновники. В чужом кармане? Охотно, очень охотно.

Варравин *(нежно)*. Итак, возьмите друг друга легонько за ворот. *(Чиновники берут друг друга за ворот.)* Так хорошо. *(Расставляет их попарно.)*

Омега *(подбегая)*. Ваше Превосходительство! Меня некому за ворот взять!

Варравин. Ну сами себя возьмите.

Омега *(кланяется)*. Слушаю-с. *(Отходит и берет сам себя за ворот.)*

Варравин *(осматривает чиновников)*. Хорошо, господа, хорошо! *(Нежно.)* Теперь возьмите каждый у другого бумажник.

Шум и свалка; чиновники тащат друг у друга бумажники.

(Любуясь на картину.) Прекрасно! По-братски! Вот истинная община! Ну отсчитайте теперь по три рубля, но не более трех рублей! Не более.

Чиновники *(кричат)*. Господа, по три.... Но не более, не более! — *(Отсчитывают деньги.)*

Варравин их получает и выходит на авансцену.

В а р р а в и н *(к публике)*. Какая теплота, какой жар!.. даже удерживать надо. . . . *(Тронут.)* Эти пожертвования меня всегда сильно трогают. *(Чиновникам.)* Теперь, господа, возвратите бумажники.

Чиновники возвращают бумажники.

Вот так. Благодарю вас. Позвольте мне сказать вам мое сердечное, задушевное спасибо. Вы сделали прекрасное дело — вы сделали доброе дело. Меньший брат умирает в нищете — и вы вдруг. . . . Благодарю вас! Я тронут — я плачу — плачьте и вы!

Все плачут.

Обнимите друг друга.

Обнимают друг друга.

О м е г а *(подбегая к Варравину)*. Ваше Превосходительство, мне некого обнять.

В а р р а в и н *(утирая слезу)*. Ее обнимите *(Показывает Маврушу.)*

Омега обнимает Маврушу.

М а в р у ш а. Что ты, нечестивец, бесстыдник. . . . Что ты?! Отстань. . . .

В а р р а в и н *(Мавруше)*. Подойди сюда, бедная женщина! Ты сирота?

М а в р у ш а *(вопит)*. Да, батюшка, сударь, сирота! Кругуглая сирота.

В а р р а в и н. Ты одна осталась? *(Укладывает деньги в бумажник.)*

М а в р у ш а. Одна, батюшка, одна, как перстик, одинохонька. *(Протягивает руку.)*

В а р р а в и н *(кладет деньги в карман)*. Так знай, мой друг!.. есть добрые люди *(показывает на Небо)* и Небо! *(Чиновникам, с чувством.)* Идем, господа, идем! — Похороним Тарелкина!!..

Ч и н о в н и к и *(все в духе, подходят к Мавруше и хлопают ее по плечу)*. Да! есть добрые люди и Небо. *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

М а в р у ш а стоит недвижно. Т а р е л к и н выбегает из-за ширм.

Т а р е л к и н *(бросается на Маврушу и обнимает ее)*. Да, Маврушенька, есть добрые люди и Небо!!..

М а в р у ш а *(вырываясь от него)*. Да провалитесь вы все! — Что я вам шутиха досталась?

Т а р е л к и н *(радостно)*. Хорошо, Маврушенька, хорошо; необычайно хорошо; ура!!.. Как гора с плеч! Век свой твоих услуг не забуду.

М а в р у ш а. Ой ли? Обманете!

Т а р е л к и н. Ей-ей не обману. *(Ходит по комнате и думает.)* Теперь Варравин кончит разом и справит похороны во мгновение ока. Он до бумаг-то рвется; а ты его поводи. . . . не скоро давайся — ну, а потом и отдай. . . . Черт с ним. . . . оне гроша не стоят; — хорошие я прибрал. И по-

этому ты и клянись ему насмерть, что-де окроме этих бумаг никаких не было. Я, мол, за верное знаю. Смекаешь?

Мавруша. Слушаю-с.

Тарелкин. Теперь ступай — да подложи еще рыбки.

Мавруша уходит.

ЯВЛЕНИЕ IX

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин. Как сообразить мои дальнейшие поступки? — Куда направить путь? Где пригреть местечко? Долго ли выжидать и потом как нагрянуть? Каким приемом выворотить из Варравина деньги? *(Весело.)* Какими кушами, большими и малыми? а? Я думаю так, сначала малыми, а потом и качай и качай — ха! ха! ха! *(Ходит. Шум. Прячется за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Варравин входит. Тарелкин за ширмами.

Варравин *(постоявши в раздумье)*. Умер! Несомненно умер, ибо и протух!.. Нет вести, которая принесла бы мне такое удовольствие, скажу, такую сладость....

Тарелкин *(за ширмами в сторону)*. Тёк-с.

Варравин. Точно с моих плеч свалилась целая гора грязи, помоев и всякой падали.

Тарелкин *(в сторону)*. Merci!

Варравин. Точно после долгих лет томительной жажды я вдруг потянул в себя прозрачную, ключевую воду — и освежился. Самая бездельная и беспокойная тварь убралась в свою дыру.

Тарелкин *(в сторону)*. Полно, так ли?..

Варравин. Самая омерзительная жаба ушла в свою нору; самая ядовитая и злоносная гадина оползла свой Цикл и на указанном Судьбою месте преткнулась и околела!.. Умер.... Самая гнилая душа отлетела из самого протухлого тела; как не вонять — по-моему, он мало воняет — надо бы больше.

Тарелкин *(в сторону)*. Благодарю; не ожидал! Каково напутственное слово?! Так нет! Постой; — я свое скажу.

Варравин. Теперь все готово — все приказано — все поряжено: ломовой извозчик, Дроги, Могила.... На две сажени глубины приказал яму вырыть — туда его, разбойника — *(делает жест)* и концы в воду!!..

Тарелкин. Концы в воду? Ой ли? Посмотрим. *(Импровизирует.)*

Варравин Генерал
Мне напутствие сказал;
Но, увы, не угадал,
Каков будет тут Финал.

Варравин *(кричит)*. Эй ты — где ты там! — Ты, женщина!..

ЯВЛЕНИЕ XI

Варравин, Мавруша входит, Тарелкин за ширмами.

Варравин. Поди сюда, глупая баба.

Мавруша (*подходит*). Слушаю, батюшка.

Варравин. Знаешь ли, кто я?

Мавруша. Не знаю, батюшка.

Варравин. Я Генерал.

Мавруша. Слушаю, батюшка, вашу милость.

Варравин. Знаешь ли, что такое Генерал? [12]

Мавруша. Не знаю, батюшка, ваша милость.

Варравин. Генерал значит, что я могу тебя взять и в ступе истолочь.

Мавруша (*став на колени*). Пощадите, батюшка, Ваше Сиятельство.[13]

Варравин. Показывай тотчас, где его бумаги?

Мавруша. Пожалуйте, Ваше Сиятельство, — все, что вам угодно, — все покажу.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ XII

Тарелкин, выходя из-за ширм.

Тарелкин. Поищи;—ничего, для моциону, поищи, — ха, ха, ха! *(Ходит по комнате и трет руки)*. При мне мое сокровище! *(Хлопает себя по груди.)* Неразлучно, несомненно, нетленно. *(Подходит к двери.)*

Тишина.

(Прислушивается). Чу. . . . идут. *(Уходит за ширмы.)*

ЯВЛЕНИЕ XIII

Варравин и Мавруша входят.

Варравин. Нет — ничего нет! . . Непостижимо. Когда я знаю, положительно знаю, что он, непременно он выкрал у меня эти бумаги! . . Он мне даже однажды как-то странно и дерзко намекнул на подобное обстоятельство. Может, это, говорит, годится для отопления будущей квартиры — а! Это был такой мошенник, которого, кажется, живого мало разнять на части.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Варравин, Расплюев быстро входит, за ним Шатала и Качала становятся у дверей.

Расплюев. Вашему Превосходительству честь имею явиться — что приказать изволите?

Варравин. Кто вы?

Расплюев. Исправляющий должность квартального надзирателя Иван Расплюев.

Варравин. Почему не приняты вами меры к сохранению имущества покойного?

Расплюев. Все меры приняты.

Варравин. Какие?

Расплюев. На дворе поставлен часовой; двое хожалых, двое добросовестных — [14]сам здесь с полным рвением... Все цело — не извольте беспокоиться.

Варравин. Смотрите — это на вашей ответственности.

Расплюев. Строжайшие меры приняты! Изволите видеть — вон там *(указывает на дверь)* один добросовестный к имуществу покойного только руку протянул — так я его так-то по ней цапнул, что он и по сей час поднявши лапку ходит. Изволите посмотреть. *(Указывает на дверь.)*

Варравин. А служанка жалуется, что расхитили имущество, — пропали, говорит, бумаги покойного.

Расплюев. Она врет — позвольте опросить.

Варравин. Опроси.

Расплюев *(Мавруше)*. Какие бумаги пропали? — Какое имущество расхитили — говори.

Мавруша. Бумаги, батюшка, бумаги; вот, что их милости пишут — те самые.

Варравин в раздумье отходит в сторону.

Расплюев. Поди сюда! *(Отводит Маврушу в противную сторону сцены и подставляет ей кулак под самый нос.)* У тебя сколько зубов осталось — говори сколько, старая хрычовка, — я все решу.

Мавруша *(громко)*. Не знаю, батюшка, не знаю, я это так сказала — я никого видо́м не видала и слыхо́м не слыхала.

Расплюев *(Варравину)*. Изволите видеть, Ваше Превосходительство. Ничего, говорит, не видала и не слыхала. Ведь это уж такое племя. Оно без меры врать будет; а если таперь с первых разов его шарахнешь, то оно уже и совсем другие ноты поет.

Варравин *(думает)*. Странно.... ну делайте свое распоряжение; выносите тело — да живее — что его долго держать.

Расплюев. Сию минуту, вынесем, Ваше Превосходительство. *(Мушкатерам.)* Эй, мушкатеры, тащи его!

Шатала, Качала и за ними Расплюев — быстро уходят.

ЯВЛЕНИЕ XV

Варравин, потом Тарелкин.

Варравин *(в задумчивости)*. Ну куда бы могли они у него запропаститься? — Теряюсь; — всего жду, — все подозреваю. Страшусь одного: взял он их да в страховом письме к Его Высокопревосходительству [15] и отправил.... гм....

Тарелкин *(выходит из-за ширм и говорит не своим голосом)*. Сетовать изволите, Ваше Превосходительство, слугу потеряли, потерю ощутили.

Варравин. Да-с; товарища, сослуживца потерял — вы его знали?

Тарелкин. Знал, — так, по соседству. Искать что-то изволите?

Варравин. Да. Формальные безделушки кое-какие.

Тарелкин. Конечно. В жизни все годится. Что же, нашли?

Варравин. Нет, не нашел.

Тарелкин. Достойно сожаления. А бывает. Кажется, иное близко, а оно далеко, а иное далеко, а оно близко. *(Хлопает себя по груди. В сторону.)* Что, крокодил? На моей улице праздник.

Варравин. Как вы говорите?

Тарелкин. Говорю я, Ваше Превосходительство, бывает так: Око видит, да зуб неймет, а иногда и так: зуб-то и ймет, да око не видит.

Шум. Шатала и Качала в глубине Театра несут гроб.

Ах, вот и его выносят. Дозвольте, Ваше Превосходительство, старому знакомому прощальное, напутственное слово сказать.

Варравин. Извольте.

Тарелкин *(торжественно)*. Орга́ны порядка — остановитесь.

Мушкатеры останавливаются.

Милостивые государи. Ваше Превосходительство! Итак, не стало Тарелкина! Немая бездна Могилы разверзла пред нами черную пасть свою, и в ней исчез Тарелкин!.. Он исчез, извелся, улетучился — его нет. И что пред нами? — Пустой гроб, и только.... Великая загадка, непостижимое событие. К вам обращаю я мое слово, вы, хитрейшие Мира сего, — вы, открыватели невидимых миров и исчислители неисчислимых звезд, скажите нам, где Тарелкин?.. Гм.... *(Поднимая палец.)* То-то!..

Да, почтенные посетители, восскорбим душами о Тарелкине!.. Не стало рьяного Деятеля — не стало Воеводы передового Полку. Всегда и везде Тарелкин был впереди. Едва заслышит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит: вперед!!.. Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили Прогресс, то он стал и пошел перед Прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а Прогресс сзади! — Когда пошла эмансипация женщин, то Тарелкин плакал, что он не женщина, дабы снять кринолину [16] перед Публикой и показать ей.... как надо эмансипироваться. Когда объявлено было, что существует Гуманность, то Тарелкин сразу так проникнулся ею, что перестал есть цыплят, как слабейших и, так сказать, своих меньших братий, а обратился к индейкам, гусям как более крупным. Не стало Тарелкина, и теплейшие нуждаются в жаре; передовые остались без переду, а задние получили зад! Не стало Тарелкина, и захолодало в Мире, задумался Прогресс, овдовела Гуманность....

Но чем же, спросите вы, воздали ему люди за такой жар делания?.. Ответ, — нет, не ответ, — скажу: Ирония перед вами! Простой гроб,

извозчик, ломовые дроги[17] и грошовая могила. . . . Однако — глядите, у этого убогого гроба стоит Сановник *(указывает на Варравина)* — он властный Мира сего — он Силою препоясан. Что же говорит нам его здесь присутствие? Ужели лицемерием, или хитростию, или своекорыстною целию приведен он сюда и у этого гроба между нами поставлен? О нет! Своим присутствием он чтит в чинах убожество, в орденах нищету, в мундире слугу, — слугу, который уносит с собою даже и в могилу собственные, сокровеннейшие интимнейшие Его Превосходительства. . .

Варравин *(с движением)*. Что такое?!!.

Тарелкин *(продолжает)*. . . . Слезы. . . . *(Варравину.)* Я о слезах ваших говорю, Ваше Превосходительство.

Варравин делает утвердительный знак и медленно выходит.

Итак, почтим этот пустой, но многознаменательный гроб теплою слезою и скажем: Мир праху твоему, честный труженик на соленом Поле гражданской Деятельности. *(Кланяется и отходит на авансцену.)*

Расплюев *(мушкатерам)*. Несите.

Гроб уносят. За ним выходят чиновники.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Расплюев и Тарелкин.

Расплюев *(надевши треуголку)*. Именно — вы справедливо, государь мой, заметили: Душа бессмертна.

Тарелкин *(в духе; берет его за руки)*. А, — не правда ли? Бессмертна, то есть мертвые не умирают.

Расплюев. Так, так! — Не умирают!! *(Подумавши.)* То есть как же, однако, не умирают?!? . .

Тарелкин *(твердо)*. Живут. . . . но, знаете, там *(указывая)* — далеко!! . .

Расплюев. Да — далеко!! . . ну так. Скажите, звание его какое было?

Тарелкин. О, почтенное. Коллежский советник. Ну, знаете, он у Варравина все дела делал.

Расплюев. Скажите! Отчего же похороны, можно сказать, в такой убогости. . . . Что даже вот. . . . и закусить нечего. Ведь это уже и Религия наша обыкновенно предписывает.

Тарелкин. Ну, что делать — добродетелен был, — прост.

Расплюев *(с увлечением)*. Так! Понимаю. . . . Знаете, что я вам скажу: Добродетель-то в свете не вознаграждается.

Тарелкин. Так! Так! Не вознаграждается! Да кто вознаграждать-то будет? Люди? Вы их видели?

Расплюев. Видел.

Тарелкин. Сердце-то у них какое, видели?

Расплюев. Видел. Волчье!

Тарелкин. Именно волчье. *(Берет Расплюева за руку.)* А что, вы, стало, страдали?[18]

Расплюев *(подмигивает публике)*. Таки бывало. — А вы?

Тарелкин. Паче песка морского!

Расплюев. Что вы? Да в гражданской службе, знаете.... этого.... не бывает — особенно в чинах.

Тарелкин. Нет — в чинах оно больнее выходит!

Расплюев *(с удивлением)*. Больнее??!.. Однако не публично, а так промеж себя?

Тарелкин. Ну, разумеется: знает Бог да я!..

Расплюев *(фыркает)*. Пффуу!! — Так расскажите, пожалуйста. Кем? Как? По какому случаю? Это меня интересует.

Тарелкин. Да что тут: я полагаю, ведь после похорон-то закусить не откажетесь.

Расплюев. Признаюсь — не без удовольствия. Должность-то наша собачья; так вот только тем и душу отведешь, что закусишь этак в полной мере, да с просвещенным человеком покалякаешь.

Тарелкин. Так не угодно ли после церемонии на закуску ко мне?

Расплюев. Да какая церемония? На извощике-то свезти да в яму зарыть. Это у меня, государь мой, и мушкатеры, справят, а я только зайду, вот тут одному дворнику надо зубы почистить, а там и к вам. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин. Провидение! — Благодарю тебя. И как все это легко и благополучно совершилось. Теперь одно: Благоразумие. — Вон отсюда! Завтра сдаю квартиру и в путь! В глушь! В Москву! — Там и притаюсь — пока все это совершенно смолкнет и успокоится... Сейчас укладываюсь! — *(Берет чемодан.)* Сейчас! Сейчас!

Занавес опускается

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Чемоданы, ящики — все уложено; посреди комнаты накрыта закуска.

ЯВЛЕНИЕ I

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин *(сидит в креслах)*. Да, я теперь только понимаю счастие, сердцем чувствую, носом слышу. Вот оно.... *(осматривается вокруг себя)*. Тишина, покой, — независимость!! — Вот сча-

стье! .. Нет Начальства; — нет кредиторов; — даже друзей нет, чтобы отравить минуту отдохновения. — Лихое дело справил. Одним махом стряхнул старые грехи, в прах полетели цепи, уплачены долги, и сама природа актом моей смерти подмахнула так: получено сполна! А здесь, при мне, вот тут, на самом сердце, запасный капитал. *(Вынимает бумаги)*. Собственноручные варравинские бумаги. . . . Петля, в которой сидит его проклятая голова. Годик, другой — все будет тихо, — а там и предъявлю — и зло предъявлю, черт возьми. Ему и в голову войти не может, что я жив. Ха, ха, ха!

ЯВЛЕНИЕ II

Расплюев входит; Тарелкин убирает стол.

Тарелкин. Добро пожаловать.

Расплюев. Мое почтение.

Тарелкин. Что же вы так задержались?

Расплюев. Нельзя было. Пришлось до кладбища промолоть, — сам Генерал Варравин провожали. *(Ставит в угол шпагу и треуголку.)*

Тарелкин *(указывая на закуску)*. Вот не угодно ли?

Расплюев *(трет руки и подходит к столу)*. Не прочь, сударь, — не прочь.

Тарелкин *(ставит вино и водку)*. Чем Бог послал.

Расплюев *(рассматривая с удовольствием закуску)*. Он недурно послал. *(Берет хлеб и селедку. Вздыхает.)* Эх, эх, эх — слабости человеческие. *(Пропускает все и запивает вином.)*

Тарелкин. Сыру не угодно ли?

Расплюев *(переходя к сыру)*. Мы — и сыру. *(Берет хлеб — отламывает кусок сыру, пропускает все и опоражнивает бутылку.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Что за пасть такая?

Расплюев *(жует)*. Именно. . . . справедливо вы давеча в вашей речи упомянули, что душа-то та бессмертна.

Тарелкин *(осматривая на свет пустую бутылку)*. Бессмертна. . . . сударь, — бессмертна.

Расплюев *(берет еще сыру)*. И знаете, — что с ее стороны обязательно: ни она ест, ни она пьет. *(Жует.)*

Тарелкин *(обирает пустые тарелки)*. Да, действительно обязательно.

Расплюев *(жует)*. Ну, если бы таперь душа да еще кушать попросила, так что бы это было. . . . Ложись да умирай.

Тарелкин. Точно умирай. *(Хочет налить ему в рюмку.)*

Расплюев *(подставляя стакан)*. Нет, вот стакан. *(Пьет.)* Эх ты, валяй, гуляй, душа-девица.

Тарелкин *(приносит еще хлеба)*. Что за пасть такая. Да это бездонная яма! Куда ж это у него проваливается? —

Расплюев пропускает ломоть.

Еще!.. Что тебя, прорвало, что ли? *(Вслух.)* Скажите, как вы себя чувствуете?..

Расплюев. Ну — скажу вам, еще ничего не чувствую.

Тарелкин. Неужели?

Расплюев. Натура такая: орга́н. *(Наливает стакан водки.)*

Тарелкин. Это водка.

Расплюев. Водка — так водка. *(Выпивает.)* У меня это, батюшка, под одним номером.

Тарелкин смотрит на пол.

Вы чего ищете?

Тарелкин. А я смотрю — может, у вас днище выперло, — так не проходит ли насквозь?

Расплюев *(встряхиваясь на стуле)*. Нет, сударь!.. У меня крепко, — не пройдет. — Вы слыхали, у Паганини хорош был инструмент?[19]

Тарелкин. Слыхал.

Расплюев. Ну, у меня лучше.

Тарелкин. Верю.

Расплюев. Об этом инструменте расскажу вам, государь, гисторию: прихожу я этто в трактир; — спросил калач, чаю; — вот у меня инструмент мой и заиграл; — песни такие — ну! стало, мол, работы просит. — Делать нечего: подай, говорю, ветчины порцию, икорки порцию, водки по препорции; — думаю, так, мол, червяка этого я тем и заморю. — Съел. Представьте себе, милостивый государь, не берет!

Тарелкин. Тсссс....

Расплюев. Хорошо, думаю; отвалил еще хлеба, сыру спросил, хересу выпил; а меня, Милостивец, еще злее на еду позывает. — Фу-ты, мол, штука какая? Давай, говорю, блинов! Пропустил десяток, послал другой в погоню — только зуб разгорается — третий! Хоть ложись да умирай — не берет!!..

Тарелкин. Необычайно!!..

Расплюев. Вижу, дело плохо — все хляби мои, стало-мол, разверзлись;[20] и приказал, сударь, я подать по-нашему, по-русски: аржанова хлеба коврижину, три сельдины — по полену каждая, да квасу жбан — перекрестился — восчувствовал этак, съел; ну, будто и завязало. Так у меня тут *(хлопает себя по брюху)* огнь неугасимый и червь неутолимый.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же; входит Людмила Спиридонова.

Людмила. Скажите, отцы, — Сила Силичь Копылов здесь, что ли, проживает?

Расплюев *(ест)*. Здесь, касатушка, здесь.

Тарелкин. Что тебе, матушка, нужно?

Людмила. Так, и где ж мне их найтить-то?

Тарелкин. Да вот он, — я.

Людмила. Что ж мне это сказали, что вы померли?

Тарелкин. Нет, — это шутки, — это глупые шутки.

Людмила. Н-да! Ну, я очинно рада. А то куда ж бы мне мою головушку приклонить. Ну что ж, вы Людмилушку-то помните, — а?

Тарелкин. Какую Людмилушку?

Людмила. Людмилу Спиридонову; соблазнители вы!

Расплюев и Тарелкин смеются.

Тарелкин *(рисуется и припоминает)*. Амалия. . . . ну Розалия. . . . была, кажется, одна Капалия. . . . ну Людмилы, нет — Людмилы не помню. Да она из Балета или из Школы?

Людмила. По протомойству.[21]

Тарелкин *(с презрением)*. По протомойству?!! — Нет, я по протомойству никого не знаю.

Людмила. Ну, а сердце-то ваше не вещует?

Тарелкин. Ну нет; не вещует.

Людмила. Так вот она.

Тарелкин. Неужели? Вот те раз! Да это чудовище какое-то! — Нет, черт, с тобой; — я такой женщины не понимаю.

Людмила. Ой ли? Вот как! Не понимаешь? А детей видеть хочешь?

Тарелкин. Какие дети? Что ты? У меня никогда детей не было.

Людмила (*Расплюеву*). Вот они каковы, Ваше Благородие; наплодят, да опосля и знать тебя не хотят. (*Отворяя дверь*.) Эй, дети, сюда!

Вбегают двое ребятишек

Тарелкин. Что это? — Боже мой! . .

Людмила. Ну, детки, вот ваш тятинька. . . .Что, хорош — а? Ну не взыщите — каков ни есть — к нему.

Ребятишки бросаются на Тарелкина, — он от них отбивается.

Тарелкин. Прочь, прочь, бесенята, прочь!! . . *(В отчаянии.)* Как, вся жизнь!! . . С прачкой?!! Нет!! Никогда.

Людмила *(припадает к нему и нежничает)*. Ну полно, Силичь, — давай на мировую, ведь не впервóй. Ах! Силичь, Силичь! Ндруг! постарел же ты. . . . айиньки постарел. Тебя и не признаешь; облез, как колено голое. Да здесь взаправду в Питере воды такие *(махнув рукой)*, — так куда ж тут быть жиру или доброй сытости. Знаешь, Силичь, как я только тебя увижу, так во мне две перемены бывает: одна от моей пламенной горячности, а другая от твоей жестокой холодности. *(Ласкается.)* Силичь, — ндруг.

Тарелкин. Ступай вон, гадкая баба, — вон! Я тебя не знаю, — вон! И щенят возьми, — а то я их в окно выкину.

Людмила *(Расплюеву)*. Вот, мой отец, слышали? Будьте свидетели! Вот как он свое исчадие прогоняет. Я вам, Ваше Благородие, просьбу подам — вы его, зверя, укротите.

Расплюев. Приходи в часть.[22] Там частному приставу и подашь.

Людмила. Ну, так прощайте, Ваше Благородие. — *(Берет детей.)* Я сейчас и подам. . . . *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Расплюев, Тарелкин, Варравин переодет; в военной поношенной шинели, парик, густые усы, зеленые очки; резкий, военный тон; хромает и подпирается костылем; толпа кредиторов.
Шум и голоса; стучатся в дверь.

Тарелкин. Кто там? Кто это там?

Кредиторы и с ними Варравин, шумно входят.

Что вам надо?

1-й Кредитор. Скажите на милость, где же Кандид Тарелкин?

2-й Кредитор. Где коллежский советник Тарелкин?

Варравин *(не своим голосом)*. Где этот мошенник Тарелкин? *(Стукает костылем.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Э. . . э. . . э. . . Это мои кредиторы. Какие рожи. . . . *(Вслух.)* Он умер, голубчики, умер.

1-й Кредитор. Ах, разбойник, — он нарочно.

2-й Кредитор. Я не согласен, я требую.

Варравин. Зарезал. Без ножа, а кинжалом ударил.

3-й Кредитор *(пискливо)*. Вот оно! . . Где же у нас Законы? Ведь это грабеж!! . .

4-й Кредитор *(притряхивая всем телом)*. Этто. . . . бес. . . чест. . . но!!

1-й Кредитор *(кричит)*. А я вам говорю, что я его на дне преисподней сыщу! . .

2-й Кредитор *(кричит)*. Ну что вы бессмыслицу говорите. Какая преисподняя? . . Ну где там по преисподней нам за ним охотиться.

1-й Кредитор. Однако могу же я искать мою собственность, где я хочу?

2-й Кредитор. Да отыскивайте; мне начхать на вашу собственность.

1-й Кредитор. А я на вашу плюю. *(Плюет и растирает ногой.)* Видите! . .

1-й и 2-й Кредиторы *(горячатся, и вместе)*. Как! кому! я. . . . я! . .

Варравин *(разнимает их)*. Оставьте, господа. Вы не то. Подавай нам *(стучит костылем)* его имущество!

Кредиторы *(кричат)*. Вот это так! Подавай нам его имущество?!

Тарелкин *(затыкая себе уши)*. Все, все взяла Полиция.

1-й Кредитор. Стало, и имущество пропало? Это — это катастрофа!!

3-й Кредитор *(к публике)*. Ну, я спрашиваю: где же у нас Законы;

4-й Кредитор *(та же игра)*. Этто.... бес... чест... но!!

2-й Кредитор. Ну, пойдемте в Полицию, — одно спасение Полиция.

Все Кредиторы *(кричат)*. В Полицию! В Полицию!

Тарелкин *(их провожая)*. В Полицию! В Полицию!

Расплюев *(встает из-за стола и выходит на авансцену)*. Это так, в Полицию! Одно спасение Полиция!..

4-й Кредитор *(простоявши немного)*. Этто.... бес... чест... но!!!.. *(Быстро повертывается и уходит.)*

Тарелкин выпроваживает кредиторов и припирает за ними дверь.

ЯВЛЕНИЕ V

Расплюев и Тарелкин.

Расплюев. Ну-ну. Накутил же этот Тарелкин — прах его возьми.... Вот зрелище-то будет, когда эти кредиторы в части сразятся. — Боже мой! Ино так выходит: их куча, а именьишка на два алтына,[23] так они вцепятся в какой-нибудь кусок — да так *(делает жест)* и таскают.... Однако Тарелкин этот, стало, прожженная была персона. Ишь ты, умел пожить, умел вовремя и дух испустить.... Куда б ему таперь? — Не миновать бы беды горючей! И из службы бы выгнали — и раздели бы — и в сибирке бы насиделся. — А таперь что ему: слава Богу, лежит себе вверх брюшком и лапочки сложил. Все тихо — все довольны.... Даже вон Его Превосходительство Генерал Варравин могилку посетили — ведь почет какой: — этакой Вельможа и вдруг соблаговолил бренное твое тело до могилки проводить; — а что тело? Навоз, потроха одни. — Имуществом интересовались; с похорон сейчас со мною в часть; все до ниточки пересмотрели.

Тарелкин. Что ж, искал чего?

Расплюев. Да нет. Я полагаю так, одно воспоминание. У вельмож это бывает.

Тарелкин *(с иронией)*. Стало, сердцем-то очень нежен.

Расплюев. Я полагаю, — так.

ЯВЛЕНИЕ VI

Расплюев, Тарелкин, Варравин.

Варравин *(переодетый входит, в сторону)*. Там ничего нет; — бумаги, стало, здесь! — *(Осматривая комнату.)* Непременно здесь.

Расплюев. Почтеннейший, чего вам?

Варравин. Скажите: неужели Тарелкин так-таки умер?

Тарелкин *(расставляя руки)*. Умер.

Варравин. Умер? — умер? — скажите, однако, как же так?

Тарелкин. Законом природы и волею богов.

Варравин *(покачав головой)*. Ай, ай, ай, ай, ай! . .

Тарелкин *(присматриваясь к нему)*. Разве вы знали покойного — царство ему небесное.

Варравин. Как же, знал. Вот свинья-то была.

Расплюев. Однако вы, стало, его близко знали?

Варравин. Ну как же, приятели были.

Тарелкин *(с удивлением в сторону)*. Приятели?!? Это что за птица? Отродясь не видывал.

Тарелкин и Варравин осматривают друг друга.

(В сторону.) Да это жулик какой-нибудь!

Варравин *(в сторону)*. Что за мошенническая рожа!

Тарелкин *(Варравину)*. Однако, милостивый государь, замечу вам, о мертвых говорить так нельзя.

Варравин. Ну как же прикажете свинью-то назвать?

Тарелкин. Как вы разумеете?

Варравин. А вот как: если у вас где-нибудь — в хлеве или подвале — свинья, и так, не большая и не сытая, — но вообще свинья — околеет, — то ведь вы не скажете, что у меня, мол, в подвале человек дух испустил.

Расплюев *(хохочет)*. Однако он это хорошо вонзил.

Варравин. Итак, представьте себе, господин квартальный поручик, —[24] что этот подлец Тарел. . . .

Тарелкин. Нет, нет, позвольте.

Варравин. Что-ооо? — Что позволять-то? Я оскорблен, оскорблен на самом сокровеннейшем дне моей души, а вы мне не даете сколько-нибудь облегчить себя! . . Да кто же вы сами-то — после этого; позвольте спросить? — а?

Тарелкин. Кто я? — *(Показывая на Расплюева.)* Вы вот у кого спросите —

Расплюев делает утвердительный жест.

— а вы-то кто?

Варравин. Я кредитор покойного.

Тарелкин. Да у него никогда такого кредитора не было! . .

Варравин. А как вы, сударь, смеете? — Я — я капитан — капитан Полутатаринов, я — видите? *(показывает хромую ногу)* — кавказский герой, — я Шамиля брал.[25]

Тарелкин *(горячится)*. А я все-таки говорю. . . .

Расплюев. Шшшш — господа! не шуметь. . . . *(Варравину.)* Продолжайте.

Варравин. Итак, представьте себе, милостивый государь, этот негодяй, вероятно, уже чувствуя, что скоро умрет, назанимал у знакомых денег, вещей, — что только мог, — а вот у меня самым предательским образом выманил часы, и превосходнейшие — верите ли, брегет.[26]

Тарелкин *(в сторону)*. Он, бездельник, на меня, как на мертвого, лжет.

В а р р а в и н. Взял он у меня эти часы и говорит: в театр, братец, еду; — цепочка есть, а часов-то нет; — одолжи; — я ему по дружбе — верите ли, только по дружбе. . . .

Т а р е л к и н *(в сторону, сжав кулаки)*. Вот ярость! Знать, что врет, и не мочь сказать — ты врешь! . . *(С иронией.)* Ну, и вы ему так и одолжили?

В а р р а в и н. Да, и одолжил. И что же он, ракалия и сын всякого ракалии, сделал? Часы взял; сам умер; и я, как рак на мели! А потому и состою его кредитором на сумму двести рублей серебром. — Но теперь где же эти часы? *(Осматривает комнату.)* В полиции их нет; стало, здесь, — непременно здесь. А потому позвольте мне все эти закоулки обшарить; — не засунул ли он их из одной лишь пакости куда-нибудь в щель, или не оставил ли разбойник промеж книг, бумаг, документов. Все возможно! — *(Ходит по комнате и осматривает.)* Все возможно!!!

Р а с п л ю е в. Так! это мое правило: всему верь, ибо все возможно! — *(Указывая на дверь.)* Там кое-какой хлам еще остался — посмотрите. . . .

В а р р а в и н. Прошу вас на все это наложить строжайший арест.

Р а с п л ю е в. Вот так уж лишнее.

В а р р а в и н. Как?

Р а с п л ю е в. Да и без того по копейке на рубль не хватит.

В а р р а в и н *(с жаром)*. Так! И не удивлен! Верите ли — какой он был от природы или уже по рождению пройда! Верите ли, что он на то только и бил, чтобы занять и потом естественно, чувствуя, что ему умереть надо, то, следовательно, не отдать. — Всемилосердый Господи! Если бы он теперь мне в лапу попался, да я бы его, мошенника, в лапшу искрошил.

Т а р е л к и н *(с негодованием)*. Однако позвольте!

В а р р а в и н *(Расплюеву)*. Верите ли, благородный человек, что по этим обстоятельствам ему неоднократно и в рожу-то плевали.

Т а р е л к и н *(теряя терпение)*. Да это невыносимо.

В а р р а в и н. Вот выносил же.

Т а р е л к и н. Вы, наконец, мое нравственное чувство оскорбляете.

В а р р а в и н. Что-оо? Нравственное чувство? — А это что за настойка? — На каких ягодах? Деликатесы какие? — Нравственное чувство. — Нет — вот он ракалия — так все чувства оскорблял.

Т а р е л к и н. Какие же чувства оскорблял покойник?

В а р р а в и н. Все, говорю вам, все! Зрение, ибо рожа его была отвратительна. Слух, ибо голос его дребезжал, как худая балалайка. Осязание, ибо кожу его по самые оконечности рук покрывал ослизлый и злокачественный пот! Обоняние, ибо от него воняло дохлым мясом.

Т а р е л к и н. Лжете, сударь, никогда.

В а р р а в и н. Пахло, сударь, пахло.

Т а р е л к и н *(отбежав в сторону)*. Да что за сатана такая?!? Откуда навязался?

В а р р а в и н *(Расплюеву)*. Так видите, благородный человек, — все чувства! Все. И этот бандит у кого пронырством, у кого силою. . . .

Р а с п л ю е в *(перебивая)*. Стойте!! . . Дело — хитрейшего свойства! Эти приметы, что вы с такою ясностию изложили, приходятся как раз на Силу Копылова.

Варравин. Как так? Благодетельный человек, что вы говорите?

Тарелкин. Как на меня? . . Как вы смеете? Какое основание? — Где право? . .

Расплюев *(с важностию)*. Позвольте, позвольте. Вы у меня не araторствуйте — горла не драть!

Варравин. Та, та, та! Позвольте, благодетель, позвольте. Мы рассмотрим. А у меня вот предчувствие, что я свои бумаги, то бишь — часы отыщу — непременно отыщу.

Расплюев *(подпирается в боки и становится насупротив Тарелкина)*. Первое — лицо. — *(Варравину.)* Ну что? — По-моему, лицо, можно сказать, неприятное.

Варравин. Гм! — лицо? Скажите, что это рожа, что это рыло — но лицом — нет, лицом не зовите — вы меня возмущаете!

Расплюев *(та же поза)*. Почти, почти.

Тарелкин. Мало ли непривлекательных наружностей. Это не доказательство.

Варравин. А голос — слышите ли голос.

Расплюев. Худая балалайка — так! так!! . .

Варравин. Так, — совершенно так!

Расплюев *(та же поза)*. Вы его как бы Рафаелевой кистью описали.

Варравин *(жмет руку Расплюеву)*. Благодарю.

Тарелкин *(старается говорить басом)*. Позвольте, господа, — позвольте, что за опрометчивость.

Варравин *(взявши его за руку)*. Руки потные и ослизлые.

Расплюев *(в духе)*. Запах?

Подходят оба и нюхают Тарелкина.

Варравин, Расплюев. А чем пахнет?

Расплюев. Будто пресность какая.

Варравин. Да. Но ведь это близко.

Расплюев. Очень близкие признаки. Хитрое обстоятельство.

Тарелкин *(с жаром)*. Однако, милостивый государь: не угодно ли принять на вид более фундаментальные приметы. *(Варравину.)* Что вы воздухом и запахом стали доказывать! *(Расплюеву.)* Покойный Тарелкин имел прекрасные волосы и превосходнейшие зубы, — а я — как видите, и без волос *(показывает совершенно лысую голову)*, и без зубов — *(открывает рот)* а. . . а. . . а. . . а. . .

Расплюев. Ну вот это так — это так! . . Молодец, Сила Силич, срезал. *(Варравину.)* Что, милостивый государь? Стало, домой идти.

Варравин. Нет; — я иду далее и говорю: дайте ему волосы и дайте ему зубы. . . . и тогда. . . .

Расплюев. Э. . . э. . . Капитан — зарапортовался. Ни, ни. Воспрещено и воспрещаю! . . Волосы и зубы в паспорте стоят, их, брат, колом не выворотишь, — а Антиох Елпидифорыч так говорит: их и Царь не дает — их, говорит, дает Природа. . . . Да. . . .

Т а р е л к и н *(берет его за руку)*. Прекрасно сказано! . .

Кланяются и жмут руки.

Скажу более: их дает Бог! . .

Р а с п л ю е в *(в форсе)*. Го, го, го — *(поднимает палец)* высоко пошло!

В а р р а в и н *(несколько сбитый)*. Что ж? Может быть; может быть. Однако мы вот тово — *(ищет)* авось либо Господь Бог и поможет. . . . как бы этого право. . . . *(Открывает комод.)*

Т а р е л к и н *(подбегая)*. Как вы, сударь, смеете здесь рыться?

В а р р а в и н. Ба, ба, ба! *(Вытаскивает из комода парик и зубы.)* А это что?

Р а с п л ю е в *(смотрит с удивлением)*. Парик и зубы! . .

Т а р е л к и н *(бросаясь на него)*. Как вы можете. . . .

В а р р а в и н *(увертываясь)*. Да это не те ли, которые в паспорте стоят. — Ха, ха, ха. . . .

Р а с п л ю е в. Ха, ха, ха. . . . Казусная штука. . . . Что ж нам делать?

В а р р а в и н. А что делать — взять да на него и напялить.

Р а с п л ю е в. Прехитрое обстоятельство — согласен! . .

В а р р а в и н. Милостивец, соблаговолите *(ставит стул)*. Пожалуйте.

Т а р е л к и н. Что за вздор — что за глупые шутки — я не хочу. . . .

Р а с п л ю е в. Ну мы подержим. *(Берет Тарелкина и сажает силою на стул.)* Вот так! *(Варравину, держа Тарелкина на стуле.)* Пожалуйте, батюшка, полотенце.

В а р р а в и н. Вот, благодетель, вот — *(подает ему полотенце)*.

Р а с п л ю е в *(крутит ему руки за спинку стула)*. Мы подержим, мы подержим. —

Т а р е л к и н. Ой, ой, ой, легче.

В а р р а в и н *(надевает и поправляет на нем парик)*. Как мы ему только зубы-то вставим?

Р а с п л ю е в. А ничего. Вы ему рот-то пальчиком раскройте — ведь сами видели, не укусит.

В а р р а в и н *(оперирует)*. Именно, благодетель, не укусит.

Р а с п л ю е в. А как уже вставите, то имейте осторожность — потому уже укусит.

Тарелкин произносит неясные звуки в то время, когда Варравин вставляет ему зубы.

В а р р а в и н *(отходит и осматривает Тарелкина)*. Боже мой! — Что это?! Я глазам своим не верю!

Р а с п л ю е в. Что, что, что такое?

В а р р а в и н. Да это Тарелкин!! . .

Р а с п л ю е в *(в страхе)*. Неужели? — Как Тарелкин; да вы его верно знали?

В а р р а в и н. Как свои пять пальцев.

Р а с п л ю е в. О ужас! стойте! знаете ли, что Тарелкин умер, несомненно умер и мною в землю зарыт; — Генерал Варравин похороны справлял — сомнение невозможно!

Варравин. Да это он! — я вам говорю — он! . .

Тарелкин. Ну полноте, господа, — прошу вас; — ну развяжите мне руки — прошу. — Ну что же? — ну случайное сходство.

Расплюев. Да, да — стало, действительно случайное сходство.

Варравин. Однако мой вам совет — этого субъекта не выпускать и аресту подвергнуть.

Тарелкин *(стараясь высвободить руки)*. Как вы можете? Осмельтесь только — голова ваша не уцелеет.

Варравин *(Расплюеву)*. Превосходно бы сделали. Я, батюшка, сам служил. Бывало, мимо меня никому ходу не было. Туда его, и кончено. . . . и потому я могу сказать, положа руку на сердце *(кладет руку на сердце)*: мимо меня ни одна бестия не проскочила. *(Расплюеву.)* Спросите у него вид.[27]

Расплюев. Подайте вид.

Тарелкин. Сделайте одолжение — вот мой вид на столе.

Варравин *(передавая Расплюеву вид)*. Вот он — смотрите. *(Расплюев читает.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Качала с пакетом в руке.

Качала *(подавая Расплюеву пакет)*. Ваше бродие, из части бумага.

Расплюев *(Качале)*. Погоди. *(Варравину.)* Нет, это так. *(Указывает.)* Отставной надворный советник Сила Копылов.[28] Так. . . . Верно! . . *(Принимая пакет от Качалы.)* Давай сюда из части бумагу. *(Распечатывает и читает.)* Что это? Что такое? Не пойму! *(Читает.)* Никак не пойму. *(Читает.)* Описать имущество проживавшего в третьем квартале скоропостижно умершего надворного советника Силы. . . . Силы. . . . Коп. . . Коп. . . Ко-пы-ло-ва!! . . *(Смотрит на всех.)* Что? . . а? . . что! . .

Качала. Ион, ваше бродие, помер.

Расплюев *(кричит)*. Что? а?

Качала *(кричит)*. У Шлиссельбурхе помер. Как жил, так и помер.

Расплюев. Да вот он, сидит на стуле!!! . .

Качала. Не могим знать, ваше бродие.

Варравин *(в сторону, хлопнув себя по лбу)*. А-а-а — мошенник, — это он!! . — *(Расплюеву)*. Берегитесь! . . это. . . . этто ужасно!!! . .

Расплюев *(жмется к Варравину)*.. А что? а? . . я ничего не понимаю.

Тарелкин рвется на стуле и старается освободиться. Расплюев наталкивает на него Качалу.

Держи, держи его, бездельника! . .

Качала упирается. Расплюев берется за бумаги. Варравин тоже читает.

Нет сомнения. Копылов умер. Умер от апоплексии! Умер в деревне Разгильдяевке, взрезан и в землю зарыт!! . . *(Хлопает по бумаге.)*

Варравин. Ужасно! —

Расплюев. Таперь опять это. Тарелкин умер! Умер — и мною!! — *(бьет себя в грудь)* мною в землю зарыт!!! Таперь этот-то: кто же он?!!

Варравин. Стойте! Я знаю, кто он! Это. . . . это величайшая опасность жизни.

Расплюев *(оробев)*. Что вы говорите?

Качала *(тоже робея)*. С нами хрестная сила!

Варравин. Слушайте меня, но только крепитесь.

Расплюев крепится.

Знаете ли вы, что такое Вуйдалак?

Расплюев. Нет.

Варравин. Вудкоглак?

Расплюев. Нет.

Варравин. Упырь?

Расплюев. Нет.

Варравин. Мцырь? [29]

Расплюев. Нет! Нет! Нет! — но вижу — ужасно!! . .

Варравин *(показывая на Тарелкина)*. Видите ли — во-первых, он уже мертвый.

Расплюев *(смущенно)*. Понимаю.

Варравин. Похоронен, и в землю зарыт.

Расплюев. Понимаю.

Варравин. Но, естественно, он хочет жить.

Расплюев. Естественно.

Варравин. И что же — он покидает теперь свое жилище, могилу — там что, — и ходит.

Расплюев *(вздрагивая)*. Бррр. . . .

Варравин. Но питаться злаками или чем другим не может, ибо это уже будет пищеварение; а какое же у него там, черт, пищеварение; а потому и питается он теплою. . . человеческою крррровью — потому готовое кушанье.

Расплюев *(хватает себя за голову)*. О Боже мой! это. . . . это целый ад. . . . *(Подходит к авансцене.)* Верите ли, морроз так по всем жилам и дерет.

Варравин *(подходя в это время тихо к Тарелкину)*. Теперь, змея, ты у меня в руках! . .

Тарелкин *(с ужасом)*. Варравин!! . .

Варравин *(шипит)*. Я-я-а-а-а!! . . *(Тем же ходом, берет стул и ставит его перед Расплюевым.)* Теперь садитесь.

Расплюев садится.

У него, стало, хобот.

Расплюев. Фу а!!!

Варравин. Хобот, как жало скорпиона и крепости адамантовой.[30]

Р а с п л ю е в. Фу а! бррр! . .

В а р р а в и н. Подкараулив теперь вас, он избирает в голове вашей место *(выбирает у него в голове место)*, да хоботом-то как кокнет — *(кокает Расплюева по голове костылем)*. Ну стало, и этим самым повергает вас в беспамятство — понимаете, в беспамятство

У Расплюева занимается дух, он делает знак, что понимает.

и начинает он из вас сосать. . . . сосать. . . . крррровь сосать. . . .

Тарелкин с отчаянием рвется.

Р а с п л ю е в. Ай, ай, держи!

К а ч а л а *(жмется к Расплюеву)*. Ух, ух! . .

В а р р а в и н *(бросается к Тарелкину и затягивает ему руки. Тихо)*. Отдай, злодей, мои бумаги!

Т а р е л к и н. Не отдам!!

В а р р а в и н *(затягивая ему крепче руки)*. Берррегись! *(схватив шляпу и костыль, поднимает руки кверху; и вслух)* — Боже праведный! — Упаси мои косточки.

Р а с п л ю е в *(ухватываясь за него)*. Стойте — стойте, — я вас не выпущу.

В а р р а в и н *(указывая на Тарелкина)*. Держите его — берегите, — это птица редкая; — со дня сотворения Мира не было! . . Какая честь, Полиции честь — вам честь!

Р а с п л ю е в. Не оставляйте нас.

В а р р а в и н *(уходя)*. Вам крест — непременно кррест!!! . .

Р а с п л ю е в *(уцепившись за Варравина)*. Нет, нет — я вас не выпущу!! . .

В а р р а в и н *(рвется)*. Не имеете права! . .

Р а с п л ю е в *(его держит)*. Имен. . . . Именем Полиции вам приказываю. . . . Качала! Шатала! — Сюда! Саркань ты мне этого зверя — саркань!! Я ему первый допрос при вас вкачу.

Качала и Шатала накидывают на Тарелкина петлю.

— Крути его! крути!

Они крутят.

В мою голову крути! Еще! . .

Т а р е л к и н. Ох, ох, — разбойники — что вы?

Р а с п л ю е в. Ага — голос подал! — Говори, анафема, — кто ты?

Т а р е л к и н *(в сторону)*. Пропала моя головушка. . . . *(опускает голову.)*

Р а с п л ю е в. Ну же, говори.

Т а р е л к и н. Что мне говорить? — Я вам говорил — я Копылов.

Р а с п л ю е в. Врешь, адская душа! Он умер. Вот бумаги — умер, выпотрошен и в землю зарыт! *(Качале.)* Крути! . .

Тарелкин. Ой-ой-ой, — ну, я Тарелкин — ой, Тарелкин!

Расплюев *(с силою)*. Врешь — Тарелкин — сам Генерал Варравин — что ты, анафема, морочишь. *(Качале.)* Крути!

Тарелкин *(кричит)*. Ай, батюшки, ай — я — я. . . . оба.

Варравин *(Расплюеву)*. И оба мертвые.

Расплюев *(хватая себя за голову)*. Это, это ужасно! *(Вдруг вскакивает.)* Цепей и кандалов!! Тут преступление! . . Нет, — нет, тут два преступления!

Варравин *(подхватывая)*. Нет, тут три преступления! . . *(Поднимает высоко шляпу.)* К Начальству! . . Да! . .

Расплюев *(также махая шляпою)*. Так!! К Начальству!! . .

Схватываются с Варравиным под руки и стремительно выбегают вон, махая шляпами; — за ними Качала и Шатала тащат Тарелкина, прикрученного веревкою к стулу.

Занавес опускается.

Перемена декораций: Частный Дом.[31] Зал. Столы. Прямо против зрителя вхожая дверь. Направо дверь в темный коридор. Налево дверь в Присутствие.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Ох сидит у стола, перед ним стоит графинчик. Расплюев.

Расплюев *(вбегая)*. Где частный пристав? Где?

Ох. Я здесь, здесь.

Расплюев. Ччч. . . . честь имею явиться.

Ох. Ну?

Расплюев. Я вне себя.

Ох. Как?

Расплюев. Я весь в воспалении.

Ох. Говори, что.

Расплюев. У нас в квартире жили двое.

Ох. Ну?

Расплюев. Как следует жили, умерли и в землю зарыты.

Ох. Ну, — туда их! . .

Расплюев. Двое эти один! — и этот один жив?! . .

Ох *(плюет)*. Вот всегда так соврет, что как обухом по лбу.

Расплюев. Есть воля ваша.

Ох. Да ты, может, натощак так врешь; — так вон выпей водки. *(Наливает ему водки.)*

Расплюев *(с жаром)*. Что водка? — Меня выше водки подняло.

Ох *(пьет)*. Выше водки?! — стало, действительно необыкновенное дело! *(Встает.)*

Расплюев *(с возрастающим жаром)*. Со дня сотворения Мира че было!

Ох. Рассказывай.

Расплюев. Извольте себе представить. Выходец с того света — Оборотень,[32] Вуйдалак, Упырь и Мцырь — взят! . . Мною взят! Я весь в воспалении.

Ох. Да где же он взят?

Расплюев. На квартире умершего Тарелкина и умершего Копылова.

Ох. Откуда же этот оборотень явился?

Расплюев. Из земли вырос, — с неба свалился, из двух мертвых один живой вылупился; — теряюсь; — помрачился ум; — как в тумане хожу.

Ох. Да где же он? — Заарестован?

Расплюев. Здесь — скручен канатом и взят! Вот тут — вон *(указывает)* в секретной и сидит! . . Можете представить эту честь — мне честь — Полиции честь — награды — кресты. . . .

Ох. Да ты, кажется, спятил.

Расплюев. Я взял — я! — При сильнейшем сопротивлении *(бьет себя в грудь),* с опасностью жизни! . .

Ох. Сядь.

Расплюев *(вышедши на авансцену).* Я Шамиля взял!!!.

Ох *(толкает его на стул.)* Сядь, говорю, ты угорел!

Расплюев *(вскакивает).* Кррpест мне — Кррpест — Георгиевский. . .[33]

Ох *(прерывая его).* О, проклятый болтун! ступай к черту! *(Высовывает его в дверь.)*

Расплюев *(в дверях).* Это мое убеждение! . .

Ох захлопывает дверь.

ЯВЛЕНИЕ IX

Ох *(один).*

Ох *(думает).* Стало, действительно, что называется, Казус! . . Жили двое *(думает)* — оба умерли — убиты, что ли? Явился один — и этот один жив — черт возьми — даже лоб трещит! — Гм! — такая досада. . . . ничего от него толком не отберешь. . . . *(Думает.)* Как бы мне его в резон ввести — а. . . . постой! *(Вывертывает ручку из половой щетки.)* Вот так хорошо будет. . . . *(Отворяет дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ X

Ох и Расплюев.

Расплюев *(вламываясь).* Это. . . . это мое убеждение *(бьет себя в грудь).* Кррpест. . . .

Ох *(грозя палкой).*[34] А это видишь! — Если я тебя промеж плеч ею двину, то твое убеждение *(показывает на потолок)* вон куда вылетит.

Расплюев *(стихает).* Ну это другое дело. . . *(Косится на палку.)* Это другое дело. . .

Ох *(строго)*. По службе, черт возьми! . . Знаешь! — Руки по швам! . .

Расплюев вытягивается.

Докладывай Начальству! . . *(Опирается на палку. Поза.)*

Расплюев *(руки по швам)*. Сего числа и дня арестован мною бродяга, беспаспортный Вуйдалак, при сильнейшем сопротивлении. . . . *(оживляясь)* с опасностью жизни. . . . *(бьет себя в грудь)*.

Ох *(подымая палку)*. А это?

Расплюев. Что ж? — Человека обидеть можно. . . . *(Докладывает.)* Арестовав, имею честь представить.

Ох. Снабжен ли видом?

Расплюев *(подавая бумаги)*. Извольте усмотреть — вид умерший.

Ох *(рассматривает бумаги)*. Да; так! — Смотри, чтоб не ушел.

Расплюев. Все предосторожности взяты. Изначала я ему хитростию схватил рученьки, да полотенчиком и затянул; а потом сарканил; да так закрутил, что заревел; — при всей лютости, — а заревел.

Ох *(помахивая палкою)*. Так! Так! хорошо!

Расплюев *(сторонясь от палки)*. Ваше Высокородие — вы ее положите.

Ох. Кого ее?

Расплюев. Да вот барышню-то.

Ох *(отдавая ему палку)*. Ты разве с нею знаком?

Расплюев *(ставит палку в угол)*. Ну, не то что знаком, а видал; а если и издали видал, то — верьте слову — для чувствительного человека и этого довольно.

Ох. Так это его имущество досматривал Генерал Варравин?

Расплюев. И его — и не его. Потому этот Вуйдалак таперь на две половины разбился — одна выходит Тарелкин, а другая Копылов.

Ох. Что-о-о? Откуда ты этой белиберды набрался?

Расплюев. По учиненному дознанию. Свидетельское показание имею, что чиновники эти не померли, — никогда, а самым жесточайшим образом засосаны насмерть!! . .

Ох *(с удивлением)*. Засосаны насмерть?!! — Как так?!

Расплюев. Так точно. По этой части сведения собраны мною в полнейшем виде.

Ох. Говори.

Расплюев *(ставит стул)*. Извольте сесть; я вам объясню в подробности. *(Усаживает Оха и становится против него.)* Извольте видеть: во-первых, у него хобот — хобот длины необычайной, — на конце хобота сосок, — сосок как жало скорпиона и крепости адамантовой. Таперь кой скоро жертву свою он заприметит, то он с крайнею лютостию хобот этот и выпустит — в рукав или в платок носовой — это все одно — и медленно, медленно избирает в голове вашей место *(ищет)*, надо бы мне что-нибудь твердое. *(Осматривается)*.

Ох. Да вон палка.

Р а с п л ю е в. Именно, Ваше Высокородие, палка! *(Берет палку. В сторону.)* Постой, старый черт, я тебя по плеши-то съезжу. . . . *(Вслух.)* И избирает он в голове вашей самое слабое место, да вдруг как кокнет. *(Кокает его по голове.)*

О х. Ай!

Р а с п л ю е в. Ну — уже и начинает с необычайной свирепостью сосать! . . крррови сосать до самой смертной кончины!! . .

О х *(трет себе голову)*. Однако это довольно явственно.

Р а с п л ю е в. Ну как же. Мне вот так-то капитан Полутатаринов два раза толковал и обещался к следствию явиться; я, говорит, это самое и при следствии покажу. Стало, такой уж обязательный человек. Он меня с арестантом даже вот сюда, до самой части проводил; берегите, говорит, — штука редкая; — со времени сотворения Мира не было, чтобы Полиция и оборотня взяла.

О х. Гм. Н-да, две смерти, обе скоропостижные; — неизвестное лицо — Оборотень ли, Вуйдалак ли, то ли, сё ли, а все-таки следствие; — стало, тут кроме добра ничего нет.

Р а с п л ю е в. Капитан этот говорит так: что больших награждений ожидать надо; — так уж, сделайте милость, скорее доложите Начальству — потому злейший преступник — я ни за что не отвечаю.

О х. Разумеется, доложить Начальству, без него далеко не уедешь!

Р а с п л ю е в. Так вот и извольте объяснить ему, что, мол, Ваше Превосходительство, подчиненный мой, исправляющий должность надзирателя Расплюев самолично взял, представил в часть с опасностью жизни — при сильнейшем сопротивлении — этакое исчадие природы — лютейшего злодея.

О х. Ну можно и так доложить: более, мол, происходит от тщания в выборе подчиненных, которым, мол, в таком случае ничего более не остается делать, как исполнять свои обязанности.

Р а с п л ю е в. Как вам будет угодно.

О х. Конечно, брат, как мне будет угодно. Давай шляпу и шпагу. Еду сейчас к Начальству.

К а ч а л а *(входит)*. Ваше Высокородие — действительный статский советник Варравин.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Варравин.

В а р р а в и н. Что такое, — я слышу, у вас необыкновенное происшествие?

О х. Точно так, Ваше Превосходительство.

В а р р а в и н. Арестовано будто какое-то таинственное лицо и с большим шумом.

О х *(нерешительно)*. Мы сами в недоумении.

В а р р а в и н. Что же? . . Сверхъестественное? . .

О х. Стало, Сверхъестественное, Ваше Превосходительство, — ведь бывает?

Варравин *(утвердительно)*. И скажу вам, часто бывает. Вот теперь касательно оборотней и вуйдалаков, это несомненно. С ними одна трудность — это его схватить да взять.

Расплюев *(хлопнув руками)*. Вот оно! — Ваше Превосходительство! — Благодетель! Отец! Взял, ей-Богу, взял, при сильнейшем сопротивлении *(бьет себя в грудь)*, с опасностью жизни.

Варравин. Неужели? . . Это удивительный факт; расскажите.

Расплюев. Вашему Превосходительству известно, что служивший при вас чиновник Тарелкин помер и совершенно законным образом в землю зарыт. Сами давеча присутствовать изволили?

Варравин. Ну, как же, при мне, в моих глазах! . .

Расплюев. Проживавший на той же квартире чиновник Сила Копылов опять одновременно и скоропостижно умер!! . . *(Поднимает палец.)*

Варравин. Тссс. . . и этот умер! — Что ж, действительно умер? . .

Расплюев. Помилуйте, — не только умер, а его еще взрезали, кишки выпустили, опять зашили, а там такую ему в брюхе смятку сделали, что он ее до второго пришествия не раскусит. Так это уже не смерть, а шабаш! . .

Варравин. Действительно, шабаш.

Ох. И что же, Ваше Превосходительство, — на квартире этих померших чиновников Полиция по своей деятельности открывает. . . .

Расплюев *(перебивая Оха)*. Нет, я, Ваше Превосходительство, — я открываю.

Ох *(строго Расплюеву)*. Полиция — говорю я вам!

Расплюев *(жалобно)*. Я, ей-Богу, я! Ваше Превосходительство, что же они у бедного человека последний кусок хлеба отымают.

Варравин. Оставьте его рассказывать.

Расплюев. Открываю я третьего, неизвестно кто, неизвестно откуда. Дознаю; — оказывается, что это жесточайший злодей, Вуйдалак, который для собственного пропитания — обоих этих чиновников засосал насмерть!! Что же мне тут делать?

Варравин. Вы его и арестовали?

Расплюев. Ваше Превосходительство: — как Суворов Прагу — штурмом взял! [35] Сопротивление было жесточайшее, но к моему благополучию случился тут капитан Полутатаринов, Кавказский этакой герой, который сам Шамиля брал; человек неустрашимый — он мне и помог. Он-то, знаете, необычайно опытен и благоразумен, ну а я человек простой — стало, горяч. Я-то рвусь, а он-то меня держит и говорит: — Вещь единственная, вы, говорит, в Истории будете, — Крест дадут. — Он все знает, — ученый этакой муж.

Варравин. Ааа — так он ученый?

Расплюев. Помилуйте: зеленые очки — вот какие, как фонари, так и горят. Сейчас видно — Профессор.

Варравин. Ну, Расплюев, молодец! — Редкий случай. Вот что дорого: взял и не выпустил.

Расплюев. Ваше Превосходительство, зубами держал. Ей-Богу! — Пропадай, мол, мое все; лишь бы Начальство было довольно.

Варравин. Да это геройский поступок.

Расплюев. Уж как вам угодно судите! Вот вам моя голова — вот и плечи.

Варравин. Что же вы хотите теперь делать?

Ох. Еду к Начальству.

Варравин. Гм.

Ох. Все это происшествие донесу в подробности.

Варравин. Гм.

Ох. Пускай оно само и распоряжается.

Варравин. Гм.... Стало, вы хотите такой редкости себя лишить и свое счастие отдать другому....

Расплюев *(перебивая его)*. Помилуйте, что вы?

Ох. Нет, не хотим.

Варравин. Как же? Так я вас не понимаю. Ведь тут следствие, — неизбежное следствие.

Ох. Точно так.

Варравин. Ну, стало, начальство и распорядится; оно и пришлет вам на шею какого-нибудь Амура по особым поручениям в манжетах, вот от которого фиалками-то пахнет — знаете?

Ох *(вздыхает)*. Знаю, Ваше Превосходительство.

Варравин. Вы у него в передней сидеть и будете. Хватали-то вы, — а схватит-то он. Вы как думаете?

Ох *(вздыхая)*. Бывало, Ваше Превосходительство.

Варравин. Для дурачков и будет!.. Этих случаев, сударь, веками дожидаются. Это всякому лакомый кус. Тут награды, кресты, чины.

Расплюев. Ну так! Вот слово в слово, что говорил капитан Полутатаринов.

Варравин. Да всякий то же скажет.

Расплюев *(складывая руки)*. Отец, отец, научите, что делать?

Варравин *(наставительно)*. А поначалу не шуметь. Дело держать в секрете. — Понимаете?

Ох. Понимаю.

Расплюев. Аааа!..

Варравин. Донесите легонько, — оказалось-де лицо: вида — подозрительного; — происхождения — неизвестного; паспорт — фальшивый; прикажут произвести исследование — вы и следуйте; начинайте с маленьких да меленьких — тихонько да легонько, а там и развивайте, и подымайтесь выше да шире, шире да выше, да когда разовьется да запутается — так тут и лови! — Только хватай да руки подставляй; любое выбирай: хочешь честь или хочешь есть.

Расплюев *(в восторге)*. У-у.... слова! — Золотые слова!!..

Ох *(тоже увлекшись)*. Верно судить изволите.

Варравин. А сначала себя не продавать; никак! Главное, слушайте меня. *(Понизив голос и отводя их в сторону.)* Опасайтесь воды.

Ох. Воды? Как воды?

Варравин. Да! вода имеет для этих злодеев разрывную силу; никакие замки и кандалы не стоят, — и может случиться несчастие.... уйдет!..

Расплюев. Нет, уж лучше я лягу да умру!

Варравин. А потому не давать воды ему ни капли.

Расплюев. Слушаю. Вот как, Ваше Превосходительство! — Маковой росинки во рту не будет.

Варравин. Так. Тогда он не могши по своей натуре умереть — постоянно будет в томлении.

Расплюев. Так его в томлении держать и буду! . .

Ох. Однако, Ваше Превосходительство, долго ли держать его в томлении?

Варравин. Там видно будет.

Расплюев. Да о чем вы, Антиох Елпидифорыч, беспокоитесь. Качай его, злодея, да и только. Вы прикажите мне — я заморю.

Варравин. Молодец, ей-Богу, молодец.

Расплюев *(кричит)*. Рады стараться, Ваше Превосходительство!

Варравин *(хлопает его по плечу)*. Молодец! А я с своей стороны обещаю вам в этом принять участие и устроить так, что самое это следствие будете производить вы да он, и никто более. Понимаете? . . Прощайте!

Ох и Расплюев низко кланяются.

Надо начать с малого и кончить торжеством! . . — *(Уходит.)*

Ох и Расплюев подобострастно его провожают.

ЯВЛЕНИЕ XII

Ох и Расплюев.

Ох *(в духе)*. Ну, Расплюев, Исполать![36] Необычайную ты вещь удрал.

Расплюев *(в восторге)*. Дединьки мои![37] Дединьки, отведите мою душеньку! Так все нутро и ходит; — то замрет — а то опять вспыхнет. . . . Что сказал? Генерал-то что сказал! . . Ушам не верю! . . Ну если мне крест-то дадут?!! . .

Ох. Да ты знаешь ли еще, какую следователь Власть имеет?

Расплюев *(несколько будто приуныв)*. Нет, не знаю я, какую следователь еще Власть имеет! —

Ох *(внушительно и редко)*. Следователь может всякого, кто он ни будь, взять и посадить в секрет! . .

Расплюев *(начинает перебирать плечами)*. Здрррр. . . . аaствуй, милая, хорошая моя [38] — чернобровая. . . . похожа на меня. — *(Зло проходится трепаком; в финале кричит.)* Ура!! . . Все наше! . . Всякого таперь могу взять и посадить в секрет. . . . Понимаю. . . . Понимаю! Вот что, Антиох Елпидифорыч, такую бы я задал им переборку. . . .

Ох. И зададим. . . .

Расплюев. По первому разу купца Попугайчикова за ворот и туда! . . Уж очень у меня на этого Попугайчикова руки чешутся; потому подлец, всякую совесть потерял; и в ус не дует. Вы ему приказывать изволили, а он

смеется. Нет, говорит, шалишь; прошло ваше время! А в чем же, Антиох Елпидифорыч, наше время прошло?

Ох *(подстегивая шпагу)*. Врешь, купец Попугайчиков, не прошло еще наше время! . .[39]

Расплюев подает ему треуголку — оба выходят в необычайном духе.

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната Частного Дома.

ЯВЛЕНИЕ I

Расплюев *(один)*.

Расплюев *(кладет на стол бумагу)*. Великий день! *(Хлопает по бумаге.)* Вот и предписание! . . Я следователь, я! . . Строжайшее следствие буду производить я! . . Подробнейшее розыскание произведу я. Все мышиные норки, все лазейки буду выворачивать наружу — я. Гм. . . . а давно ли по этим лазейкам и норкам сам я свету Божьего бегал. . . . вот этих петличек *(указывает на свои петлички)* дрожал — а таперь меня дрожать будут! . . Раболепствовать будут! . .

ЯВЛЕНИЕ II

Расплюев; входит Ох.

Ох. Ну что ты?

Расплюев. Да так, Антиох Елпидифорович, удостоился вот чести, звания — так рассуждаю. . . .

Ох. То-то рассуждаю, — ты у меня смотри. . . . своего места не забывать! — *(Грозит ему пальцем.)* Понимаешь?!

Расплюев. Помилуйте! — Никогда.

Ох. Я тебе говорю — у меня одно: деятельность и повиновение — повиновение и деятельность только и знай.

Расплюев. Слушаю, Антиох Елпидифорович.

Ох. Другие, пожалуй, требуют — еще преданности. Ну, преданности мне не надо. Потому если я тебя из службы выгоню да с голоду уморю — так ты мне предан будешь.

Расплюев. Это так, это точно так. Я завсегда говорю: палка хорошо — уж как хорошо; ну голод, по-моему, лучше. Голодом вы все сделаете; голодом вы и сердце тронете.

Ох. Трону.

Расплюев. Я вам про себя скажу. Отчего я человеком стал? Голод пронял. Доложу вам — желудок мой особой конструкции: не то что волк,

а волкан, то есть три волка. Он каши-то меру просит, а ему подают наперсток; — вот я и взалкал. Да как взалкал, — до исступления. Хожу по улицам да зубами и щелкаю. . . . буду, мол, усерден, буду и ревностен; — только душу-то вы мою, святые угодники и архистратиги,[40] из этого Ада изведите. . . . Вот они меня и извели да к вам и пристроили.

Ох. Ну — то-то, у меня смотри.

Расплюев. Вы видите — собою жертвую, с какого побоища вуйдалака доставил.

Ох. Ну, — ты его допрашивал?

Расплюев. Упражнялся.

Ох. Ну что ж?

Расплюев. Сначала вертелся — а потом и сознался. Умер, говорит, а теперь опять живу. Потом опять говорит — умереть рад, но не могу.

Ох. Что же — и он это чистосердечно говорит?

Расплюев. Помилуйте, как же не чистосердечно: ведь другой уж день не поим, так тут всякое чистосердечие наружу полезет. Наконец показал, что их целая шайка.

Ох. Стало, заговор.

Расплюев. Я вам докладывал и таперь докладываю: меры строгости потребны; хватать надо.

Ох. Скоро едешь.

Расплюев. Однако, — когда сам арестант показывает: целая, говорит, партия — будто и Генерал Варравин тоже из оборотней.

Ох. Что ты говоришь!

Расплюев. Ей-ей показывает. Был, говорит, змеею. Жало при себе имеет и яд жесточайшей силы. Вы, говорит, его освидетельствуйте, — генерала-то. . . .

Ох. Ну что же?

Расплюев. Будем свидетельствовать, ха, ха, ха!

Оба хохочут.

Все наше! Всю Россию потребуем.

Ох *(весело смеется и машет руками)*. Что ты, что ты! . .

Расплюев. Я-а-а таперь такого мнения, что все наше отечество это целая стая волков, змей и зайцев, которые вдруг обратились в людей, и я всякого подозреваю; а потому следует постановить правилом: — всякого подвергать аресту.[41]

Ох. Еще бы!

Расплюев. Да-с. Правительству вкатить предложение: так, мол, и так, учинить в отечестве нашем поверку всех лиц: кто они таковы? Откуда? Не оборачивались ли? Нет ли при них жал или ядов. Нет ли таких, которые живут, а собственно уже умерли, или таких, которые умерли, а между тем в противность закону живут.

Ох. Пожалуй, и оказалось бы.

Расплюев. Вот так пошла бы ловля! . . С одних купцов что можно взять! . .

Ох. Не хуже бы холеры было.

Расплюев. Что холера? — Что вы говорите: холера. Холера болезнь, и то вона какую жатву доставила [42] — по сей час поминают; — а здесь оборотни, сосуны, вуйдалаки, то есть преступление: Сибирь и кандалы.

Ох. А затребовал ли ты помещика Чванкина по поводу переписки с арестантом?

Расплюев. Непременно.

Ох. Хорошо. А купца Попугайчикова?

Расплюев. Тронул. — Явится.

Ох. Свидетели тут?

Расплюев. Кое-кто явился.

Ох. Ну начинай! Да ты смотри — Правило: при допросах ничему не верь.

Расплюев. А я вот на это слаб; всему верю.

Ох. Не верь, говорю. Я вот как: приди ты и скажи, вон, мол, Шатала пришел; так что ж? — ведь я не поверю; я пойду и посмотрю.

Расплюев. А я не так. Вы мне вот скажите, что вон Его Превосходительство Обер-Полицимейстер [43] на панели милостыню просит — ведь я поверю. Взять, мол, его! — Я так за ворот и сгребу.

Ох. *(машет руками)*. Обера-то! Что ты, что ты! . .

Расплюев. Не могу. Нрав такой.

Ох. А ты себя сдерживай.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, входит Крестьян Крестьянович Унмеглихкейт.

Крестьян Крестьянович. А а. . . . а. . . . Антиоха Елпидифорыч — это. . . . это у вас арестанта больна. . . . тоскуй! . .

Ох. Да, у него что-то в желудке; этакое — томление. . . .

Крестьян Крестьянович. Это страданий спинной мозга.

Ох *(иронически)*. Ну так!! . . *(В сторону.)* Попал пальцем в нёбо.

Крестьян Крестьянович. Эта спинной мозга близка эта шелюдка. Спинной мозга воспалений, ну и шелюдка воспалений. Как пошар, так пошар. Ево надо водолечений.

Ох и Расплюев *(машут руками)*. Что вы, что вы, Крестьян Крестьянович, совсем уж спятили; мы свои головы потеряем.

Крестьян Крестьянович. Мой голофа никогда теряй.

Ох. Ни, ни. Никак! . .

Крестьян Крестьянович. Я вам гавару — польза будит.

Ох. Запрещаю.

Крестьян Крестьянович. Не имейте какой праф. Я Доктор.

Ох. А я следователь, — и имею секретнейшие причины.

Крестьян Крестьянович. А ну это дело десятый. Может быть, ошень фажный преступник?

Ох. У — вот какой.

Крестьян Крестьянович. Палитический?

Ох. Больше.

Крестьян Крестьянович. Что ж больши палитический преступник?

Ох. Мцырь.

Крестьян Крестьянович *(содрогнувшись)*. Шорт возьми! — Што такая, Антиох Елпидифорыч? — мой не знай.

Ох. И дай Бог никогда не знать.

Крестьян Крестьянович. Это — это Фрей Масон? [44]

Ох. Хуже; а главное зловреднее.

Крестьян Крестьянович. Ай, ай, ай, — ну, батушка, я ему микстур писуй.

Ох. Нельзя.

Крестьян Крестьянович. Ну — пилюлька!

Ох. Пилюльку можно.

Крестьян Крестьянович. Што такой ему писуй. . . . *(думает)* ну Salis. . . . Salis. . . . нет, нет. . . . *(думает)* ну Extractum. . . . Extractum. . . . нет, нет — ну assa foetida — это такой — я ему хочит Тейфельсдрек, это. . . . навоз! — Да, шортово навоз!! . .

Ох. Ну и чудесно. Если чертово, то ему по нутру придется. А дело в том, Крестьян Крестьянович, вы пропишите так, чтобы на случай видно было, что Медицина свою помощь подала.

Крестьян Крестьянович. А — карашо, — карашо.

Ох. Ну а там, что выйдет, ведь она за это не ответствует.

Крестьян Крестьянович *(с особенным убеждением)*. О нет! . . Никогда Медицин отвечай. . . . никогда! . . Никогда. — *(Уходит)*.

Ох *(Расплюеву)*. Ну, Иван Антонович, начинай.

Расплюев *(кричит в канцелярию)*. Эй, Ваничка, сюда! . .

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Ваничка с бумагами входит и садится за особый стол.

Расплюев. Ты смотри у меня, рассобачий сын, не зевать; — сло́ва — и того не проронить; грошей не собирать — а то я тебя! . . Эй, Качала! Кто там явился?

Качала. Мещанка Брандахлыстова, ваше бродие.

Расплюев. Ну, давай сюда Брандахлыстову.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, входит Людмила Спиридонова.

Расплюев *(Людмиле)*. Как звать?

Людмила *(робко)*. Ась?

Расплюев *(кричит)*. Как звать?

Людмила. Людмилой, сударики, Людмилой Спиридоновой.

Расплюев. Ну, ты, Людмила Спиридонова, Силу Копылова знала?

Людмила. Знала.

Расплюев. А Кандора Тарелкина знала?

Людмила. Нет, не знала.

Расплюев. Ну, таперь тебе Силу-то Копылова оказывали? — Ты его видела?

Людмила. Видела.

Расплюев. Признаешь ли ты его?

Людмила. Признаю.

Расплюев. Ну, стало, это он?

Людмила. И он, сударики, и не он.

Расплюев *(Оху, значительно)*. Вот оно! *(Ваничке.)* Пиши.

Людмила *(продолжает)*. Его как звать-то?

Расплюев. Сила Силин Копылов.

Людмила. Ну он.

Расплюев. А с виду?

Людмила. А с виду не он.

Расплюев *(Оху)*. Вот оно. . . . прикажите записать.

Ох. Непременно. *(Ваничке.)* Пиши.

Расплюев. Хорошо, кумушка. Таперь вот что: имеем мы на Силу Копылова подозрение, что он оборотень.

Людмила. Оно, сударики, можно; от него все станется. Ономнясь [45] своих детей не признал; подлец человек — стало, все станется.

Расплюев. Ты с ним жила?

Людмила. Жила.

Расплюев. Ну что, он обрачивался?

Людмила. Завсегда.

Расплюев. Во что же он оборачивался?

Людмила. В стену.

Расплюев. Как же он в стену оборачивался?

Людмила. А как я на постель полезу, так он, мошенник, рылом-то в стену и обернется. Так вот я с ним одиннадцать годков и мучилась; глаза выплакала с разбойником; глаз, бывало, не сомкну, все плачу, а он дрыхнет себе да и только, горой его раздуй; а теперь, жеребец, и от меня отрекся, и от детей-то отрекся, кормить не хочет; это не мои, говорит, дети. Чьи ж, мол, эти дети, коли не твои? Укажи, чьи? Так не указывает.

Расплюев. Ну, таперь ты, видя, что он эвдаким манером в стену-то обертывался, и не робела с ним спать-то?

Людмила. Робела, сударики, робела, так делать-то мне что? Мое дело женское.

Расплюев *(Оху)*. В показаниях сбилась, с преступником в сожительстве, не прикажете ли подвергнуть аресту?

Ох. Ничего, подвергнуть.

Людмила. Ах, отцы мои, благодетели, что вы, побойтесь Бога, у меня дети есть, их кормить надо.

Ох. И, милая, — их соседка накормит.

Людмила. Соседка? — Да у меня соседка такая стервотинка, что она их нарочно уморит.

Ох. Не уморит; — а уморит, так отвечать будет. — Мы никому не спустим.

Людмила. Ну, разве что отвечать-то будет...

Ее уводят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и помещик Чванкин.

Чванкин *(входит с большим форсом)*. Что это, а? а? Скажите, скажите мне, кто здесь командует?

Расплюев. Господин частный пристав.

Чванкин *(ходит)*. А! — частный пристав — частный пристав — а как он смел, частный пристав, меня беспокоить, а? как он смел?

Расплюев. Да вот извольте объясниться с ними. *(Указывает на Оха.)*

Чванкин *(запальчиво)*. Нет, я спрашиваю: как же он смел? Да знает ли он, кто я? а? Да я.... я сам власть имею, а? — Я помещик Чванкин!!.. Да у меня в Саратовской губернии двести душ! — да у меня в Симбирской губернии двести душ! — Да у меня чорт знает где черт знает сколько душ! Да я.... Да он.... *(Ходит по комнате и колотит по столам)*.

Расплюев *(Оху)*. Что прикажете тут делать? — Ничего не сообразишь.

Ох *(подмаргивая Расплюеву)*. Попроси их в темную.[46]

Расплюев. Можно?

Ох. Можно. *(Ваничке.)* Пиши постановление, знаешь — там — по форме, сбивчивость речей.... нечто тяготящее душу и прочее....

Чванкин *(вдруг повертывается к Расплюеву)*. Чью душу? Говорите, чью? — мою? Так знайте, что у меня в Саратовской губернии триста душ, да у меня в Симбирской губ....

Расплюев *(Качале и Шатале)*. Ну-тка в темную!

Мушкатеры подхватывают Чванкина под руки.

Чванкин *(кричит)*. Как в темную?!.. Стой! Вы! — Эй! Стой! Зачем?.. Я протестую *(болтая ногами по воздуху)*, я адрес!!.. У подножия Престола[47].... я у подножия *(его голос замолкает в коридоре.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и купец Попугайчиков, входит и кланяется.

Расплюев. Ваше имя?

Попугайчиков. Флегонт Егорыч-с.

Расплюев. Фамилия?

Попугайчиков. Попугайчиков-с.
Расплюев. Звание?
Попугайчиков. Торгуем-с.
Расплюев. Чем?
Попугайчиков. По винной части.
Расплюев. Ну, вы подсудимого знали?
Попугайчиков. Помилуйте, к чему нам знать?
Расплюев. Как же вам не знать?
Попугайчиков. Почем же нам знать?
Расплюев. Вы должны знать.
Попугайчиков. Что делать, не знал.
Расплюев *(помолчав)*. Ведь мы, батюшка, не отстанем.
Попугайчиков. Как угодно.
Расплюев *(Оху)*. Прикажете продолжать?
Ох. Продолжать.
Расплюев *(хлопнув по столу всей пятерней)*. Да вы знаете ли, какое дело следуем, а? Оборотень, вуйдалак, упырь и мцырь!! — взят! — сидит в кандалах — и показывает!! . . *(Опять хлопает.)* Так что же вы тут говорите. . . .

Попугайчиков, посмотрев искоса на Расплюева, вынимает бумажку и подает Оху.

Ох *(продолжая читать бумаги и не смотря на Попугайчикова)*. Что это?
Попугайчиков. Благодарность-с.
Ох. Какая?
Попугайчиков. Двадцатипятирублевая.
Ох. Не могу.
Попугайчиков. Сделайте милость.
Ох. Не могу.
Попугайчиков. Не обижайте, Ваше Высокородие.
Ох. Не могу, говорю я вам, — рад бы, но не могу.
Попугайчиков *(вздохнув)*. Извольте-с. — *(Достает другую бумажку)*.
Ох. Послушай, — Флегонт Егорыч, ты меня знаешь?
Попугайчиков. Помилуйте!
Ох. Ну — то-то; я, братец, без хитростей; — меньше ста рублей ни копейки.
Попугайчиков. Обижаете, Антиох Елпидифорыч.
Ох. Какая же обида?
Попугайчиков. Обижаете.
Ох. Ну веришь ли ты Богу? . . Веришь ли?
Попугайчиков. Верю.
Ох. Ну, не могу.
Попугайчиков. За что такая обида?
Ох. Какая же обида? Обиды нет. Обида — произвол; а тут какой же черт произвол, когда моя необходимость. . . . Ну не могу.

Попугайчиков *(вздыхает)*. Быть, стало, по-вашему. *(Отдает сотенную и подходит к другому столу. Ваничке.)* Ну ты, гнида, где расписаться?

Ваничка *(подает ему перо)*. Вот-с вам, Флегонт Егорыч, — вот и перышко, — мы вам, сударь, в лучшем виде, Флегонт Егорыч-с! Сделайте милость. . . . Флегонт Егорыч. . . .

Попугайчиков. Ишь, крапивное семя, туда же! *(Дает ему деньги и уходит.)*

Расплюев *(Качале)*. Ну кто там еще?

Качала. Дворник Пахомов.

Расплюев. Давай Пахомова.

Ох выходит.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Расплюев и дворник. Мушкатер его вводит силою.

Расплюев *(дворнику)*. Подойди.

Пахомов стоит у дверей.

Подойди, говорят.

Мушкатер его подталкивает.

Да подойди к столу-то, черт! — Не съест.

Пахомов подвигается.

Ну, — ты свидетель?

Пахомов. Я-то?

Расплюев *(передразнивает его)*. Да, ты-то.

Пахомов. Чаво-с?

Расплюев. О чтоб тебя. . . . *(Внушительно.)* Свидетель ли ты?

Пахомов *(помявшись)*. Чаво-с?

Расплюев *(тычет ему кулаком в зубы)*. Свидетель ли ты?

Пахомов *(прибодрясь)*. Свидетель, сударь, свидетель.

Расплюев *(отходит к авансцене)*. Я вот только теперь начинаю силу чувствовать. *(Пахомову.)* Знал ли ты твоего жильца, надворного советника Силу Копылова?

Пахомов. Чаво-с?

Расплюев *(замахивается на него)*. А. . . .

Пахомов. Знал, сударь, знал.

Расплюев. Ну! Теперь — скажи ты мне, не замечал ли ты — не оборачивается ли он во что?

Пахомов. Ась?

Расплюев *(становится против него и подпирается в боки)*. Бестия, каналия, протоканалия!! . . Что ж я этак долго около тебя ходить буду;

мне ведь твоей братии, скотов, двадцать пять человек спросить надо — ракалия, разве меня хватит, — ведь меня не хватит! ! . .

Пахомов *(робко)*. Как, сударь, вашей милости будет угодно.

Расплюев. Ой ли? — Как мне угодно, — хорошо. Мне вот как угодно. Эй, Шатала!

Шатала подходит.

Стань ты вот здесь! *(Становит Шаталу сзади Пахомова.)* Таперь, как я ему вопрос дам, так ты мне его и резни, — и так ты мне его резни, чтобы у него ответ как пуля вылетел. . . . Понимаешь?

Шатала. Как нам эвтова не понимать, ваше бродие. *(Насыкивается*[48] *ударить Пахомова.)*

Расплюев *(останавливает его за руку)*. Дурак! Стой! — ты не так, а вот когда я ему вопрос изделаю.

Шатала. Слушаю, ваше бродие.

Расплюев *(ставши против Пахомова)*. Ну вот, сынок, ты таперь мне и объясни, чтó замечал ты особенного в твоем жильце, Силе Копылове?

Пахомов *(озираясь назад)*. Что. . . . Я. . . . заметил у Коп. . . . *(получает в затылок удар и прикусывает язык)* ууу. . . . ууу. . . . батюшки. . . .

Расплюев *(Шатале, с сердцем)*. Осел! Ну что же ты ему самую таперь речь перебил? А? Я тебе что приказал. . . . *(Подступает к нему со сжатыми кулаками.)* Ты, стало, моих слов не слушаешь — а?

Шатала смотрит на него во все глаза.

Постой, глупый бык, — я тебе эвту механику устрою. . . . Эй, Качала, — поди сюда!

Качала подходит.

Качала. Чаво изволите, ваше бродие?

Расплюев. Стань вот сзади эвтого быка. *(Становит его сзади Шаталы.)* Вот так — *(поднимает ему руку)* так! Как я тебе сигнал дам, так ты мне его в затылок и двинь, — *(Шатале)* вот ты у меня, бычье рыло, и будешь знать, когда тебе следует свидетеля резнуть. *(Отходит в сторону и осматривает.)* Ну, вот, дружки, я вам механику и устроил. . . . и устроил. . . .

Мушкатеры стоят в позе; Расплюев ими любуется.

Таперь и отдохнуть можно. *(Садится на стул.)** Пойдет машина сама собою. *(В духе разваливается на стуле и покачивается.)* Н-ну, приятель, — объясни же мне, чтó заметил ты особенного в твоем жильце, Силе Копылове? — *(Дает сигнал.)*

Качала режет Шаталу — Шатала Пахомова — Пахомов вскидывается на воздух и валится на Расплюева. Они падают один на другого и катятся по полу. Шум и смятение.

---

* Вдоль авансцены от правой руки зрителя к левой сначала стоит Качала, за ним Шатала, потом Пахомов; перед ним Расплюев на стуле.

П а х о м о в. Ой, ой, ой. . . . батюшки, у. . . . би. . . . ли. . . . у. . . . би. . . . ли. . . .

Р а с п л ю е в *(запыхавшись, приподнимаясь с трудом)*. Ох. . . . стой. . . . Ох — спину сломали. . . . ооо. . . . черти!! палачи! *(оправляется)* Вологоны проклятые, лукопёры. . . .[49] Ишь рыла-то здоровые уставили. . . .

О х *(входит)*. Что это, — что такое?

Р а с п л ю е в. Помилуйте, Антиох Елпидифорыч, — вот дворника допрашиваю, так никак не соображусь.

П а х о м о в. Ох. . . . ох. . . . у. . . . би. . . . ли. . . . у. . . . би. . . . ли. . . .

О х *(посмотрев на Пахомова, Шатале)*. Что же ты, дубовая башка, так дерешься?

Ш а т а л а. Их блродие изволили говорить: режь — я и резнул.

О х. Ты этак человека убьешь.

Ш а т а л а. Никак нет, Ваше Высокородие, я снароуку знаю; я его у самый загривок резнул. Мие их брродие строго приказывают: если ты, говорят, у меня человека убьешь, — так я тебя палками закатаю. Так я эфто у предмете имею.

П а х о м о в *(бросается на колени)*. Батюшка, Ваше Превосходительство, пощадите; я и так скажу, ей-Богу, скажу; мне вот даже повернуть шею невозможно; — я что угодно, то и скажу. *(Утирает кулаком слезы.)*

О х. А и в самом деле — ну вас, дураков, ступайте вы все к черту. *(Выгоняет мушкатеров. Пахомову.)* Ну, говори; только ты обстоятельно, братец, говори, — не вертись. — Не видал ли ты — оборачивался ли Копылов в зверя или скота какого?

П а х о м о в. Нет, Ваше Высокородие, ей-Богу, нет; в скота он не оборачивался.

Р а с п л ю е в. Врешь.

П а х о м о в *(с убедительностию)*. Ей-Богу, не оборачивался; что хотите делайте, не оборачивался; — вот в стену — в стену точно что оборачивался.

Р а с п л ю е в *(с жаром)*. А! . . Вот оно! . .

О х. Каким образом?

П а х о м о в. А вот сойдет с лестницы — ну — иное дело — случится — в стену и обернется!

Р а с п л ю е в. В стену? . . Что ж тебе так это и видно?

П а х о м о в. Как же, Ваше Благородие, мне так это и видно.

Р а с п л ю е в. Что же тебе видно?

П а х о м о в. А что лица-то не видно.

Р а с п л ю е в. Так тебе видно, что лица не видно?

П а х о м о в. Да-с.

Р а с п л ю е в. А где же лицо?

П а х о м о в. А в стене.

Р а с п л ю е в *(с жаром)*. Ай, ай, — а велика ли стена?

П а х о м о в. Как есть наша стена.

Р а с п л ю е в. Фу ты, Боже мой! . . Длина?

П а х о м о в. Двадцать пять сажен.

Р а с п л ю е в. Вышина?

Пахомов. Пять сажен.

Расплюев *(Ваничке)*. Пиши!! *(К публике.)* Так вот мороз по всему и ходит. *(Оху.)* Изволите видеть, Ваше Высокородие, необыкновенно.

Ох делает утвердительный знак.

И какое согласие показания с Брандахлыстовою-то! . . Два свидетельские показания — полное доказательство!! . .

Ох. Да, да! *(Ваничке.)* Составь журнальное постановление, — а дворника под арест.

Пахомов *(на коленях)*. Ваше Высокородие, — не погубите! . .

Ох. Ни, ни. Нельзя, любезный.

Пахомов. Помилуйте, сударь, кто же будет улицу месть?

Ох. А у тебя есть жена?

Пахомов. Как жены не быть; жена есть.

Ох. Ну, жена и выметет.

Пахомов. Где ж ей месть, — она не выметет.

Ох. А городовой [50] придет, — да палку возьмет, вот она и выметет.

Пахомов. Ну разве городовой палку возьмет.

Его уводят.

Ох *(Качале)*. Ну — теперь впусти-ка этого помещика. . . .

Качала осторожно отворяет дверь в темный коридор; Расплюев прячется за Оха.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, из темного коридора медленно входит Чванкин.

Чванкин *(осматриваясь)*. Господа. . . . мое почтение *(раскланиваясь с Охом)*. Если вам угодно меня спросить — то я со всею готовностию *(раскланивается.)*

Ох. Да уж сделайте одолжение. . . .

Чванкин. Я с удовольствием; — я даже с большим удовольствием. Вы бы мне прямо тотчас так сказали — и я бы тотчас с удовольствием. . . . *(Ваничке.)* Миленький, дай мне перышко — надо будет ответики написать. . . .

Расплюев. Ну — вы знали Тарелкина?

Чванкин *(с готовностию)*. Тарелкина? — Нет, не знал.

Расплюев. А Копылова знали?

Чванкин. Копылова знал.

Расплюев. Следствием открыто, что вы находились с подсудимым в странной и таинственностию облеченной переписке.

Чванкин. Какою же таинственностию: я с ним о девках переписывался.

Расплюев. Как? Как?

Чванкин. Я у него трех девок купил.

Расплюев. Трех? трех девок? Вы купили. *(Оху.)* Воспрещено законом.

Ох. Строжайше. . . . продолжай.

Расплюев. Когда и с какой целию дозволили вы себе купить у подсудимого девок, и главное в таком количестве?

Чванкин. А вот видите, — признаться, я сам недоумевал.

Ох. Это не извинение, — мы этого не принимаем.

Расплюев. Мы этого не принимаем.

Ох *(Расплюеву)*. Молчи. *(Чванкину.)* Незнанием, сударь, законов никто да не отговаривается. Извольте показывать.

Чванкин. Жил я в Москве; приходят ко мне из моего Симбирского имения мужики. Батюшка, говорят, барин, купите нам девок. — Где ж, мол, я вам, сиволапое стадо, девок куплю? — Да мы уже и сторговали. — И сторговали? — Говорят: сторговали. — Почем? — Да по двадцати по пяти рублев. — За сотню? — Помилуйте, говорят, за штуку. — Хороши? — Важные, говорят, девки. . . . Ну, думаю, дешево! . . Как, скажите, целую этакую девку, как она есть. . . . за двадцать пять целковых! . .

Расплюев *(с увлечением)*. Дешево! . . Целую этакую девку. . . . *(показывает как она есть)*. Я бы сам дал!! . .

Чванкин. Вот я их и спрашиваю: где ж, мол, такие девки продаются.

Расплюев. Да, это интересно: где ж оне продаются?

Чванкин. Мужики мне и говорят: а по соседству в княжой вотчине у управляющего Силы Силича Копылова. Я к Копылову письмо, он мне ответ, — так наша переписка и пошла.

Ох. Переписка перепиской, а дело все-таки серьозное; девками торговать, сударь, не дозволено.

Чванкин. Нет, позвольте. Ведь это для тягол, это для тягольного счета.[51]

Ох. А мы вот увидим, для чьего счета. По этому обстоятельству неизбежно будет учинить местное дознание, так вы потрудитесь, во-первых, скрепить ваши показания.

Чванкин садится и скрепляет показания по листам.

Расплюев *(постояв в раздумье)*. Эх-ма!! . . *(Хлопает себя по затылку.)* Дешево!! . .

Ох *(Расплюеву)*. Очнись — облом! *(Чванкину.)* А во-вторых, сударь, — извольте дать подписочку о невыезде из города.

Чванкин *(продолжая скреплять листы)*. К чему же подписку; что за подписка; я и так из города никуда не поеду.

Ох. Так уж форма.

Чванкин *(тверже)*. Я вам говорю, что не поеду, так вы можете верить. *(Встает.)* Кажется, между благородными людьми и благородного слова довольно. *(Берет шляпу и хочет идти.)*

Ох. Нельзя-с.

Чванкин. Однако, чорт возьми, когда я говорю, так довольно! . . *(Скоро идет к дверям.)*

Ох *(давая знак мушкатерам)*. Ей, Качала! . .

Качала и Шатала подхватывают Чванкина под руки.

Чванкин. Что это?. . Стойте! . . опять в темную?! . .
Ох. Да-с. Мы уж попросим опять. *(Мушкатерам.)* Несите в темную.

Чванкина несут в коридор.

Чванкин *(болтая ногами)*. Ну так я подписку, — я лучше подписку — стойте! . . окаянные!! . .

Его вносят в коридор.

Я даю подписку!! . . Две подписки!! . .
Ох *(мушкатерам)*. Качала! . . Назад! . .
Чванкин *(вырываясь из их рук)*. Я с удовольствием — я с большим, черт возьми, удовольствием. . . . вам подписку дам. . . . я хоть три подписки дам.
Ваничка *(подавая ему перо)*. Извольте подписать.

Чванкин подписывает.

Ох *(вздыхает)*. Всё, сударь, форма; всё форма.

Чванкин раскланивается и уходит.

ЯВЛЕНИЕ X

Ох, Расплюев, входит Варравин.

Варравин. Ну что у вас, господа, делается?
Ох. Следствие производим, Ваше Превосходительство; два показания уже приобрели, — свидетели показывают! . .
Варравин. Что же такое?
Ох. Оборачивался! . .
Варравин. Хорошо. *(Расплюеву.)* Ну что он?
Расплюев. В сильном, сильном томлении.
Варравин. Воды не давали?
Расплюев. Ни капли.
Варравин. И следовательно, тоска большая и силы нет?
Расплюев. Какая сила — чуть не околевает.
Варравин *(трет руки)*. Хорошо.
Расплюев. В последнее время, при всей лютости, но ослаб. Сознался. Стал показывать, что у вас служил, только сбивчиво и все врет; искренности настоящей еще нет.
Варравин. Погоди, братец, она будет. *(Оху.)* Вы имейте в виду, что я как свидетель могу вам сделать очень важное касательно Тарелкина показание. Еще будучи в живых, он вдруг с глубоким огорчением объявил мне, как Начальнику, что иногда он бывает зайцем! . .
Ох. Собственное признание есть высшее всего мира свидетельство, говорит Закон. —

Варравин. Да! — И что в этом виде собственные его кредиторы производят ему по улицам травлю — что, как он лично меня заверял, доставляет ему несказанные мучения. . . .

Расплюев. Необычайно, Ваше Превосходительство. Вот, стало, уж имеем в деле два свидетельские показания, что арестант оборачивался, и к этому собственное пред Лицем вашим признание. . . .

Ох. По Закону — полное доказательство!

Варравин. Стало, дело обставляется отлично! . . Теперь мне непременно надо спросить его по одному предмету. *(Оху.)* Прикажите подать его сюда.

Ох. Сейчас, Ваше Превосходительство. Ей, Качала! подать сюда арестанта.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же; мушкатеры вносят Тарелкина, привязанного по-прежнему веревкой к стулу.

Тарелкин *(слабым голосом)*. Воды. . . . ох, воды. . . .

Варравин *(отходя в сторону — Расплюеву)*. Допрашивайте.

Расплюев *(торжественно)*. Говори чистосердечно, кто ты таков?

Тарелкин. Ох — я Копылов.

Расплюев. Вздор.

Тарелкин. Ну, я признаюсь, я Тарелкин. . . . только воды. . . . ох. . . . тоска какая. . . .

Расплюев. И этому не верим. Ничему не верим.

Тарелкин. Да дайте мне воды; ну я что хотите скажу, только воды. . . .

Расплюев. Говори, ты мцырь.

Тарелкин. Ну, мцырь.

Расплюев. Ты вуйдалак, упырь.

Тарелкин. Да, да. . . . ох. . . .

Расплюев. Кто твои сообщники?

Тарелкин. Весь Петербург и вся Москва.

Расплюев *(Оху)*. Вот оно! . . *(Вслух.)* Показывай поимянно — кто и кто?

Тарелкин. Мало ли их! . .

Расплюев. Показывай, говорю! . . Ну главных зачинщиков показывай!

Тарелкин. Максим Варравин, экзекутор Живец, частный пристав Ох, квартальный поручик Расплюев.

Расплюев *(смешавшись)*. Вот те раз! . . *(Оху.)* Что же тут прикажете делать?

Варравин *(Расплюеву)*. Продолжай! . .

Расплюев. Говори, что вы делали?

Тарелкин. Ох. . . . людей морили. . . . Вот вы теперь меня морите. . . . ох. . . .

Расплюев *(строго)*. Ты у меня не вертись! . . Кого вы уморили?

Тарелкин. Муромского уморили.

Расплюев. Что же, кровь высосали?

Тарелкин. Да, всю кровь высосали. . . . да дадите ли вы мне воды — змеиные утробы. . . . Что это. . . . Какой жар стоит. . . . Какое солнце печет меня. . . . Я еду в Алжир. . . . в Томбукту. . . .[52] какая пустыня; людей нет — всё демоны. . . .

Варравин *(тихо Оху и Расплюеву)*. Выйдите — я его сам допрошу.

Ох и Расплюев выходят в залу присутствия.

ЯВЛЕНИЕ XII

Варравин и Тарелкин.

Варравин *(подходя к Тарелкину)*. Я здесь! . . пустой человек! ! . . Ты в моих руках — все открыто — все знаю — ты пропал!

Тарелкин *(тоскует)*. Ох. . . . ох. . . . мне все равно. . . .

Варравин. Признайся, ты украл бумаги.

Молчание.

. . . .Отдай — в Сибири будешь. . . .

Тарелкин *(поглядев на Варравина)*. Оттого и в Сибири не буду, что не отдам!! . .

Варравин. Умрешь.

Тарелкин. Умру, — а не отдам! . .

Варравин. Томительно умрешь. Я жаждой уморю. . . Ей, Качала.

Качала входит.

Принеси, братец, мне стаканчик воды.

Тарелкин. О мучение какое. . . . что это. . . . жар какой. . . .

Качала подает Варравину воду.

Варравин *(пьет)*. Хороша вода. Что, братец, проточная или ключевая?

Качала. Ключевая, Ваше Превосходительство, прямо из реки.

Варравин. Хорошо, братец, ступай себе.

Тарелкин *(мечется)*. У. . . у. . . Боже мой. . . какое мучение. . . *(Варравину.)* Нате вот! . . Возьмите их! . . *(вытаскивает из-под сюртука бумаги)* вот оне. . . . ваши бумаги. . . . только воды. . . . *(протягивает руку)* дайте. . . . дайте. . . .

Варравин *(берет бумаги)*. Постой. . . . ты, пожалуй, обманешь. . . . *(Рассматривает бумаги)*. Так; так; оне! *(Дает ему воду.)* Ах, предатель, — ах, злодей,

Тарелкин пьет.

ах, змея — доморощенная змея.

Т а р е л к и н *(пьет)*. Максим Кузмич, куда же мне теперь деваться-то? *(Оправляется.)* Я лучше куда-нибудь уеду. . . .

В а р р а в и н *(развязывая веревку)*. Ступай к черту, провались в ад, — только с глаз-то уйди.

Т а р е л к и н *(встает и оправляется)*. Ну — матинька, Ваше Превосходительство, Максим Кузмич. . . . ну не сердитесь — будьте отцом родным. *(Кланяется.)*. Простите! — Ну что делать; не удалось — ну ваша взяла. . . . *(смеется)*. Только ради самого Создателя вы мне теперь помогите: бумаги-то, бумаги Копыловские отдайте; куда мне без них! Формуляр-то [53] его; — я тотчас в Москву и улизну.

Подходят оба к столу и роются в бумагах.

В а р р а в и н. Вот тебе формуляр — возьми! *(Дает ему формуляр.)*

Т а р е л к и н. А аттестаты-то,[54] аттестаты! . .

В а р р а в и н. Вот тебе и аттестаты *(дает ему аттестаты)*, только провались.

Т а р е л к и н. Я уйду; ей-Богу, уйду. . . . только, Максим Кузмич. . . . *(становится в просительную позу)* — на дорогу-то. . . . вы уж того. . . .

В а р р а в и н *(с отчаянием сует руку в карман)*. На тебе, на! . . черт, дьявол, вуйдалак проклятый! . . *(Дает ему деньги.)* Кровь ты мою высосал!! . . *(Проталкивает его к двери.)*

Т а р е л к и н *(в глубине сцены снимает парик, вынимает зубы, горбится и принимает прежний вид Копылова. Потом обертывается и выходит на авансцену. Медленно окинув взглядом публику)*. Господа, вам не надо ли управляющего имением? . . имею вот аттестаты *(показывает аттестаты)*; об опытности и говорить нечего: прошел огнь и воду! Насчет честности — сами видели: за правду страдал! . . Удостоверение могу представить от любого Общества Сельского Празднословия. . . . но особенное чувствую влечение заняться винокуренной Операцией — это уж просто натура говорит. . . . Плодопеременные вам севообороты заведу, и с каким угодно удобрением: Компосты ли захотите, или костяное, или жидкое,[55] или, может быть, потверже любите — все могу! Или Либихов Порошок,[56] так своими руками сделаю. Одно слово, введу вам прогресс: рациональное Хозяйство на вольнонаемном Труде. . . . так обделаю, что только ахать будете. . . . Право, подумайте. . . . Харррроший случай! . . *(Подождавши.)* Что же? Нет? . . Не хотите? *(Обращаясь к одному из зрителей.)* Сделайте одолжение, милостивый государь, потрудитесь записать на случай мой адрес: Его Высокоблагородию, — Надворный Советник-с — Силе Силичу Копылову — вот Их Превосходительству Максиму Кузмичу *(указывает на Варравина)*; оне мне передадут-с. *(Раскланивается и убегает.)*

В а р р а в и н *(кричит ему вслед)*. Я тебе говорю: ступай прямо в Пёкло, — там тебе не откажут — примут! . .

З а н а в е с о п у с к а е т с я.

ПРИМЕЧАНИЯ

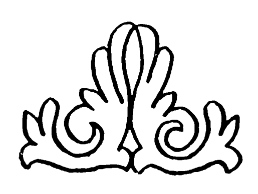
В случае воспроизведения пиесы «Смерть Тарелкина» на сцене, автор находит нужным заметить следующее.

Пиеса по своему шутливому характеру должна играться живо, весело, громко — avec entrain.* Особливо *Текст* должен быть выучен твердо и произносим явственно и *рельефно*, в противном случае при довольно сложном движении лиц на сцене *слова*, то есть самая суть дела, могут оставаться для зрителей неуловимыми, так что вместо действительной жизни пред ними будет совершаться известного рода *суматоха*.

Костюмировка лиц широкая и произвольная. Некоторые роли могут быть слегка шаржируемы. Например: мещанка Брандахлыстова, помещик Чванкин, мушкатеры Качала и Шатала и вся группа Кредиторов, костюмы которых не подлежат никакому контролю и — как это бывает у ростовщиков — зависят от принимаемого ими в залог носильного платья. Роль Брандахлыстовой *(в случае нужды)* может быть исполнена мужчиной.

Того, кто будет исполнять роль Тарелкина-Копылова, автор просит обратить внимание на двукратное превращение *на сцене*, то есть *в глазах Публики*, Тарелкина в Копылова. Превращение это должно быть исполнено быстро, внезапно и сопровождаться изменением выражения лица и его очертаний. Это дело Мимики и задача для художника. Здесь, для примера, можно указать на французского комика Левассора,[57] который очень разработал этот момент искусства и этим приобрел весьма большую репутацию. Игру своих лицевых мускулов он, как известно, довел до той подвижности, что даже по произволу переменяет форму своего носа и при помощи парика, бороды и усов почти мгновенно принимает формы самых разнородных типов.

В заключение автор почитает себя вправе протестовать самым энергическим образом против тех из актеров, которые являются перед Публикой, не выучивши роль, и потому дозволяют себе изменять текст самым безобразным образом. Для автора, добросовестно трудившегося над своим произведением, приемы эти прямо возмутительны. Публика должна остановить актера, уклоняющегося от текста; и на всех сценах образованного мира такие небрежности преследуются ею *неумолимо*. И поделом.

* С увлечением (*франц.*).

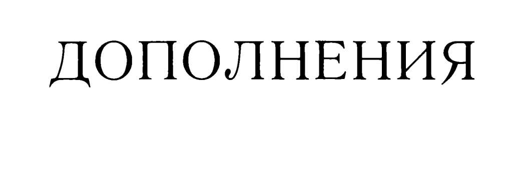
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если бы, за всем этим, мне предложен был вопрос: где же это я, так-таки, такие Картины видел?.. то я должен сказать, положа руку на сердце:

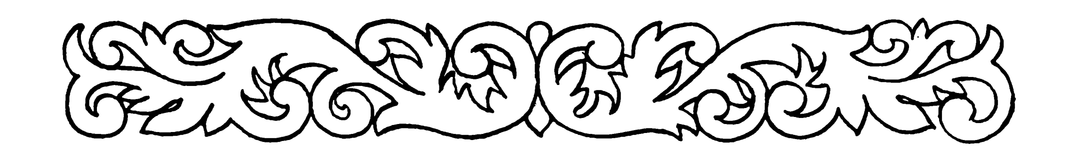
Нигде!!! . . . — и — везде. . . .

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernüftig an.

Как аукнется, так и откликнется.

ДОПОЛНЕНИЯ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

Варианты по изданию 1856 г.

С. 8, стр. 24. Коли приедет дама / Коли теперь приедет дама
С. 10, стр. 2. сломит. / сломил.
С. 10, стр. 11. махинницы / махинищи
С. 10, стр. 14. (*смотрит на него и качает головою*) / (*молчит и смотрит на него*).
С. 11, стр. 3—4. Да, как же, провались он / Да, как же! провались он
С. 11, стр. 32—33. Не вам жаловаться; на мое торчанье балики-то даете. / Не вам жаловаться на мое торчанье: балики-то даете.
С. 15, стр. 33. Ведь я тебе не мать. / Ведь я тебе, матушка, не мать.
С. 20. стр. 12. таки тово. . . . / таки того. . .
С. 22, стр. 19—20. колом в горле стало. / в горле колом стало.
С. 23. стр. 7. Не было: (утвердительно)
С. 24, стр. 1 сн. Не пачпорт, а знать надо. . . . / Не пачпорт, а, знаете, надо. . . .
С. 25, стр. 18. Копите, — а все мало. / Копите, копите, — а все мало.
С. 26, стр. 6. Что это, что, папенька? / Это что? что, папенька?
С. 26, стр. 10 сн. скажите, что это у вас? . . / скажите, что такое? что это у вас? . .
С. 28, стр. 3 сн. Что? что это? / Что? что это? что такое?
С. 29, стр. 9. не топим ∾ не топим. . . / не топишь ∾ не топишь. . .
С. 30, стр. 5. недослышал. / не дослыхал.
С. 30, стр. 20. Не было: и плюнув.
С. 30, стр. 31. Дайте-ка, / Давайте-ка,
С. 30, стр. 11 сн. Не было: (наставительно).
С. 30, стр. 8 сн. не ученье. — Просто / не ученье — просто
С. 31, стр. 3. рылом в угол, / рылом в угле,
С. 31, стр. 10. С чего / Да с чего
С. 33, стр. 2. гм, видно, запахло! . . / видно, запахло! . . Гм! гм!

С. 34, стр. 8. . . . .как вам угодно. . . . как вам угодно. . . . / . . .как вам угодно. . .

С. 35, стр. 26. тяжело!! . . / тяжело. . .

С. 35, стр. 7 сн. продолжает / продолжая

С. 35, стр. 2 сн. деньги. / деньги! . .

С. 37, стр. 4. Не было: (становится перед публикой).

С. 40, стр. 11. Не было: (грозит ему).

С. 40, стр. 13 сн. так это еще рано. / так еще рано.

С. 41, стр. 7 сн. (весело). / (весело припрыгивая).

С. 41, стр. 6 сн. (припрыгивая). / (тоже припрыгивая).

С. 42, стр. 4—7. (. . .Кречинский рассматривая обе булавки). Как одна! *(Завертывает их отдельно каждую в приготовленные бумажки).* Не сорвется! (*Кладет их в бумажник, к Расплюеву.*) Ну, Расплюев! Теперь бежать!!! . . / (*Кречинский завертывает отдельно каждую булавку в приготовленные бумажки.*) Как одна! . . (*Кладет булавки в портфель.*) Не сорвется! (*Скоро.*) Ну, Расплюев, теперь — бежать!

С. 42, стр. 8. Бежать?!! / Бежать?

С. 42, стр. 23—24. К р е ч и н с к и й. Нас сцапают, и по Владимирке. Р а с п л ю е в. Уж коли сцапают, так по Владимирке. / К р е ч и н с к и й. Нас сцапают, и тогда уж мое почтение! Р а с п л ю е в. Уж коли сцапают, так мое почтение.

С. 42, стр. 9—11 сн. Нет, любезный, тебе не шубу, а, по всякой справедливости, серую сибирку, с бубновым тузом на спине! *(Уходит; в дверях Федору)* / Нет, любезный, тебе, по всякой справедливости, серую сибирку, с бубновым тузом в спине! *(Уходит скоро; в дверях Федору)*

С. 42, стр. 2 сн. Постой, пусти / Постой, пусти

С. 43, стр. 27. тревожить. / тревожить!

С. 44, стр. 12 сн. так сиди смирно. . . . / так ты пребывай смиренно! . .

С. 44, стр. 5 сн. по сторонам. / везде.

С. 44, стр 2—3 сн. Молчать должен, ждать беды! тюрьмы!! наказания ждать и молчать!! / Молчать должен, ждать беды, тюрьмы, наказания ждать и молчать!

С. 44, стр. 1 сн. духота!!! / духота. . .

С. 45, стр. 6. Не было: (в духе)

С. 45, стр. 10. Владимирки / Владимира

С. 45, стр. 11—12. А теперь вот возьми да займись покуда делом (*отдает ему пачку денег.*) Сочти / А вот лучше возьми покуда да займись делом: сочти.

С. 45, стр. 11 сн. такую теперь чепуху / такую чушь

С. 46. стр. 9—12. (берет одну пачку) ∾ Смотри: исполнить аккуратным образом. / Ну, вот эти возьми себе. . . *(Отдает ему пачки).* Вот записка. Развези тотчас да часы выручи, а эти я сам завезу. (*Берет другую пачку себе.*)

С. 46, стр. 20—21. Лидии Петровне возвратить. / отдать Лидочке.

С. 47, в стр. 15—18. Эврика / Еврика

С. 47, стр. 9 сн. Не было: Расплюев

С. 47, стр. 5 сн. Да, я-то. / Да.

С. 48, стр. 14 сн. Вот объехал так объехал; / Вот объехал,
С. 48, стр. 12 сн. оставит / оставил.
С. 48, стр. 8—9 сн. тут; нынче / тут. Нынче
С. 49, стр. 20. сова / собака
С. 49, стр. 33—34. когда приедут гости, ты мне займи / как гости приедут, ты мне, смотри, займи
С. 50, стр. 16—17. так сам бы рассылал других да свое неудовольствие им бы оказывал. / сам бы рассылал да оказывал неудовольствие.
С. 50, стр. 14 сн. Эх, ты, пень! . . / Эх, ты! . .
С. 51, стр. 21. Ивана Антоновича / Ивана Антоныча
С. 52, стр. 8. Не было: прихлебывает чая и
С. 52, стр. 5—6 сн. с иного, могу сказать, все бы обручи полетели / иной семь бы раз сошел в могилу
С. 53, стр. 7. Не было: даже
С. 53, стр. 13—14. Не было: вам не скажу ничего, потому. . . .
С. 53, стр. 16. спрашиваете? / расспрашиваете?
С. 54, стр. 7—8. содрогание! Судите: у них всякий человек приучен боксу. / содрогание: у них, сударь, всякий человек обучен боксу.
С. 54, стр. 10. Нет, не знаю. / Нет, что-то не припомню.
С. 54, стр. 11. А вот я так знаю. . . . / А вот я так знаю, верно знаю. . .
С. 54, стр. 11. у них нет / у них ведь нет
С. 54, стр. 13. Не было: тут
С. 54, стр. 16. не приходится: / не хватает:
С. 55, стр. 11—12. надо искоренять, надо, непременно надо. / должно искореняться. . . непременно, непременно искореняться.
С. 55, стр. 16. на рысаках / на рысаках по улице
С. 56, стр. 15. ладу / ходу
С. 56, стр. 15. вас подымают на фуфу! у вас крадут дочь! . . / ведь вас на фуфу подымают! у вас дочь крадут! . .
С. 57, стр. 13. Не было: он все скажет.
С. 60, стр. 6. правду-то / ее
С. 60, стр. 12—13. с ума сошел. / белены объелся.
С. 60, стр. 3—4 сн. Он бросился теперь к Беку. / А он мог броситься к Беку. . .
С. 61, стр. 28. страх / трепет

ДЕЛО (1861)

ДАННОСТИ

Со времени расстроившейся свадьбы Лидочки Муромской с Кречинским протекло около пяти лет.

Действие происходит в городе Санкт-Петербурге в начале истекшего десятилетия частию на квартире Муромских, частию в канцелярских залах и апартаментах какого бы то ни было ведомства.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

I. НАЧАЛЬСТВА

Весьма важное Лицо. Здесь всё — и сам автор — безмолвствует.

Важное Лицо. По рождению Князь; по службе тайный советник. В клубе приятный человек, в отправлении своей должности — скотина. Телосложения крепкого; есть здоров, за клубничкой охотится, но там и здесь до пресыщения и потому гемороидалист.

II. СИЛЫ

Максим Кузьмич Варравин. Действительный статский советник и кавалер; правитель дел и рабочее колесо какого ни есть ведомства. При звезде. Имеет пряжку за XXX-летнюю беспорочную службу. Судьба от рождения вскормила его оржаным хлебом, природа одарила кувшинным рылом — остальное приобрел сам.

Розалион Касторович Тарелкин. Коллежский советник, камер-юнкер, имеющий многие знаки отличия там. . . . и здесь. . . . и, следовательно, ленточки. Естественно, служит; в белье безукоризнен; оперу и маскерады любит; носит парик, но в величайшей тайне; а движения его челюсти дают повод полагать, что некоторые зубы, а может, и все, — благоприобретенные, а не родовые. Но это клевета. Говорит как Демосфен, и именно когда последний клал себе в рот камни.

Иван Андреевич Живец. Этот совершил карьеру на поле чести. Приняв в себя несколько порций палкою, и вследствие сего естественно выдвинувшись вперед, он достиг обер-офицерского звания; исполнял должность градоначальника, а теперь усердствует Престол-Отечеству как экзекутор.

III. ПОДЧИНЕННОСТИ

Василий Василич Чибисов. Столоначальник, длинная, тихая и как бы приятная личность. Одет прекрасно, воротнички по моде. Говорит и действует, как все люди, которые в Петербурге называются *теплыми*, в прямую супротивность Москве, где под этим разумеются воры.

Иван Иваныч Ибисов. Тоже столоначальник; ну этот, кажется, не длинная, не тихая и как бы не приятная личность.

Николай Платонович Гарев. Имеет вид Корсиканского разбойника. Клокат. Одет небрежно; голос резкий; глаза горят; на все и всех смотрит зло. По причине треволнений и бурь моря житейского страдает нравственною морскою болезнию, вследствие чего и окрашивается из нутри к наруже в шафранный цвет.*

Чиновники А, Б, С и т. далее до чиновника Омеги.

Кузьма Парамонов. Курьер того же ведомства. Обречен на стояние у дверей Его Сиятельства, от чего иссох, стоя как Симеон Столпник, но с Кузьмою Бессребреником ничего общего не имеет.

IV. НИЧТОЖЕСТВА ИЛИ ЧАСТНЫЕ ЛИЦА

Петр Константинович Муромский. Тот же тип простоты и непосредственности натуры, изваянный высоким резцом М. С. Щепкина. В пять лет поосунулся, поопустился и поседел до белизны почтовой бумаги.

Анна Антоновна Атуева. Нравственно похудела и осунулась, физически преуспела.

Лидочка. Как и на чьи глаза? Для одних подурнела, для других стала хороша. Движения ее созрели, голос стал мягок, взгляд тверд и будто проницателен. Одета в черном, что к ней очень идет и дает ей un air très distingué.** Для выхода носит плед берже и шляпку с черной густой вуалеткой.

---

* В произношении оттягивает и от чрезмерной во рту горечи иногда и вовсе заикается

** Вид очень изящный (*франц.*).

Владимир Дмитрич Нелькин. Вояжировал, сложился и приобрел очень презентабельную наружность. Утратил усики и запустил бакенбарды, не оскорбляющие, впрочем, ни чьего нравственного чувства.

Иван Сидоров Разуваев. Торгующий по свидетельству 3-го рода; но, впрочем, вовсе ничем не торгующий. Прежде делал дела, вел коммерцию, поднялся с подошвы, но денег не нажил, теперь управляет имениями Муромского. Женат, детей нет, держится старой веры. Ему лет под шестьдесят, но еще бодр, лыс, с бородою в византийском стиле.

V. НЕ ЛИЦО

Тишка. И он.... познав суету мирскую, спорол галуны ливрейные, изул щиблеты от ног своих и возвратился к старым друзьям — простому серому сюртуку и тихим холстинным панталонам.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ VI

Варравин, уткнувшись в бумаги, пишет, Муромский входит.

Муромский. Позвольте себя представить — Ярославский помещик. Отставной капитан Муромский.

Варравин *(продолжая писать)*. Мое почтение.

Муромский *(несколько постоявши)*. Наслышан будучи о вашей справедливости и теплоте душевной, прошу принять участие в моем деле.

Варравин *(пишет и указывает на стул)*. Не угодно ли? *(Муромский садится.)* Впрочем, едва ли в чем могу быть полезен.

Муромский. Благосклонный ваш взгляд всегда будет полезен.

Варравин *(пишет)*. Ошибаетесь. В ведомстве нашем ход делопроизводства так устроен, что личный взгляд ничего не значит; самые факты говорят сами за себя и сами подвергают себя силе закона. *(Поворачиваясь к Муромскому и закрывая бумаги.)* Впрочем... в чем состоит просьба ваша?

Муромский *(очень мягко и льстиво)*. Вам, конечно, небезызвестно дело, возникшее по случаю похищения у меня солитера губернским секретарем Кречинским.

Варравин *(помягче)*. Оно находится у нас на рассмотрении и, кажется, позалежалось. Не взыщите. Дел у нас такое множество, что едва хватает сил. Со всех концов отечества нашего стекаются к нам просьбы, жалобы, и как бы вопли угнетенных собратов; дела труднейшие, запутаннейшие, из которых каждое требует напряженного рассмотрения и, скажу, усилия душевного. Внимание наше, разбиваясь на тысячи сторон, совершенно исчезает, и мы имеем сходство с Титанами, которые, сражаясь с горами, сами под их тяжестию погибают. *(Отправляется с удовольствием.)*

Муромский. Потому-то я особенно и стремлюсь обратить благосклонное внимание ваше на это дело!

Варравин. По мере сил, почтеннейший, по мере сил.

Муромский. Дело по существу простое, но течением судопроизводства получило такую страшную запутанность, что я даже никак не могу его порядком вам передать.

Варравин. Прошу.

Муромский. Извольте, Ваше Превосходительство, видеть: дочь моя получила в свете весьма сильную склонность к этому Кречинскому и, хотя мне то было прискорбно, но я действительно на брак их согласился. Это и была моя ошибка. *(Вздыхает.)*

Варравин *(также вздыхает)*. Верю.

Муромский. Кречинский этот, нуждаясь в деньгах, взял у дочери моей солитер под предлогом показать его знакомым, и дочь моя оный ему вручила единственно по своей детскости и большой к нему привязанности. *(Вздыхает.)*

Варравин *(также вздыхает)*. Верю.

Муромский. Немедленно за сим Кречинский произвел фальшивый залог этого ценного предмета, так что получил возможность возвратить оный моей дочери тем же днем; стало, мы тут, как младенцы какие, ровно ничего и не подозревали. *(Вздыхает.)*

Варравин. Верю.

Муромский. Только в эту самую минуту один близкий человек предупредил меня, а вместе с теми явился и ростовщик Бек, у которого в залоге оказался камень подложный; — следовательно, все это и открылось, и я, видя в молодом человеке такую неблагонамеренность, всякие сношения с ним прервал. Вот и все дело, Ваше Превосходительство — и все дело, — и, поверите ли, такая простота и с нашей стороны, могу сказать, натуральность по учиненному следствию является обнесенной всякими несноснейшими и зазорными подозрениями.

Варравин. Верю, почтеннейший, верю... однако замечу, что некоторые обстоятельства дела вы и поопустили.

Муромский. Нет; клянусь вам Богом.

Варравин. Сколько могу припомнить, положение дела вашего по некоторым фактам, открытым при следствии, все-таки остается запутанным и, можно сказать, обоюдо-острым. С одной стороны, как вы объяснили, оно является совершенно естественным и натуральным, и с другой стороны совершенно не естественным и не натуральным.

Муромский *(расставя руки)*. В чем же не естественным и не натуральным, Ваше Превосходительство?

Варравин. А во-первых: спрашиваю вас, возможно ли, чтобы дочка ваша такую драгоценную вещь, составляющую как бы цвет и украшение дома вашего, отдала бы чуждому ей лицу без расписки и удостоверения? Ибо есть дамы, и я таковых знаю, которые и мужьям своим того не доверяют.

Муромский. Могла ли она предполагать, Ваше Превосходительство...

Варравин (продолжая). Во-вторых, по какой таинственной причине и чрезмерной близости дочь ваша повторительно и уже собственноручно отдала камень этот ростовщику Беку и тем самым во второй раз вас его лишила, а себя очевидно явила соучастницею этого вторительного похищения?

Муромский. Хотела его спасти.

Варравин. Кого? — Преступника. Воспрещено законом!

Муромский. Да ведь он ей жених, Ваше Превосходительство.

Варравин. Ну, нет; а по-моему бы ей от него, знаете, этак *(делает жест)* с ужасом! А не выручать. Согласитесь, что ростовщику Беку вы заплатили деньги единственно ради этого явного, вторительного соучастия дочки вашей с Кречинским. Ведь это факт. Вы как думаете?

Муромский. Положим, что факт, Ваше Превосходительство; но ведь я этих денег не ищу.

Варравин. Вы не ищете, но закон-то? Он неумолим и ищет.

Муромский. Что же, ведь и закон неопытность принимает в соображение — она ребенок.

Варравин. По метрикам оказалось на девятнадцатом году.

Муромский. Так точно.

Варравин. Уголовное совершеннолетие.

Муромский. Уголовное! ? ! . . Побойтесь Бога! За то, что девушка жениха от беды выручает; да она кровь отдаст; примите в соображение ее привязанность, увлечение!

Варравин *(с усмешкою)*. Ну, вот вы сами и поймались.

Муромский *(тревожно)*. Где? . . Как? . . Я ничего не сказал.

Варравин. Хе, хе, хе. . . Сказали. Вы не беспокойтесь — вы всегда скажете, что нам нужно! Увлечение — говорите вы — ну это — то самое увлечение и принято во внимание при деле. Степень этого увлечения и следует определить по закону.

Муромский. Так нет, позвольте, я не в том смысле.

Варравин. А в каком же? Ведь вам известно показание двух свидетелей относительно этого самого увлечения, а именно, что между дочкой вашей и Кречинским существовала, уж извините меня, законом воспрещенная близость, которая и была причиною двукратного лишения вас вашей собственности.

Муромский. Пощадите, да это наглая клевета. Это подвод. Эти два свидетеля выеденного яйца не стоят. Повар мой Петрушка есть негодяй, которого я два раза возил в солдаты, а Расплюев и того хуже — это шулер, бродяга, обитатель острогов, беспаспортный мещанин.

Варравин. Действительно, при следствии оказалось, что он снабжен был просроченным видом, но эта просрочка свидетельского достоинства не унижает.

Муромский. Власть ваша.

Варравин. Итак, касательно этой преступной близости подсудимых закон имеет два свидетельских показания, и тут, вдруг как бы игрою судьбы, является факт собственного сознания.

Муромский *(покрутив головою)*. Ну это как же?

Варравин. Дочь ваша, в минуту, когда она в порыве этого таинственного увлечения отдала ростовщику ваш солитер — сказала: это моя ошибка! Слышите?

Муромский *(с жаром)*. Да не говорила она: это м-о-я ошибка! *(Бьет себя в грудь.)* Богом заверяю вас, не говорила! . . Она сказала это была ошибка; то есть это сделалось, случилось по ошибке.

В а р р а в и н. Верю, достопочтеннейший, душевно верю, но затруднение тут собственно в том, что все свидетели, бывшие при этой, так сказать, возмутительной сцене, отозвались запамятованием или незнанием окроме четырех. Четыре эти разделились на две стороны, по численности совершенно равносильные *(показывает на пальцах)* два — и — два! утверждая совершенно противное. Свидетель Расплюев и полицейский чиновник Лапа показали, что дочь ваша сказала: это моя ошибка — заметьте, и полицейский чиновник — ведь это орга́н правительства.

М у р о м с к и й. Хорош орга́н: я на нем за десять целковых что угодно сыграю. . .

В а р р а в и н. Сыграете, так и ответите. Вы заметили, как закон писан?

М у р о м с к и й. Как не заметить.

В а р р а в и н. Так не хвалитесь. . . . С другой стороны, госпожа Атуева и вы, сударь, показали, что дочь ваша сказала: это была ошибка, опустив местоимение м о я; но показание госпожи Атуевой, как тетки — воспитательницы и лица нравственно-ответственного в поведении племянницы, не имеет полной силы, а ваше собственное — никакой.

М у р о м с к и й. За что же так жестоко?

В а р р а в и н. А за то, что достоверность ваших показаний прямо отвергается законом по поводу ложного показания вашего о бычке тирольской породы, который оказался жив, за что и преданы вы рассмотрению суда.

М у р о м с к и й *(с упреком)*. Так, стало, пред вашим законом шулеру Расплюеву больше веры, чем мне.

В а р р а в и н *(пожимая плечами)*. Ничего не говорю.

М у р о м с к и й *(покачав головою)*. И со беззакоными вменися. . . Жесток ваш закон, Ваше Превосходительство.

В а р р а в и н. Извините — для вас не переменим. Впрочем, это упоминаю я к тому единственно, чтобы вам уяснить эту самую *(вертит ему рукою перед носом)*. . . обоюдоострость вашего дела, вследствие которой закон, при всей карающей власти. . . . как бы с поднятым кверху мечом. . . . *(поднимает руку и наступает на Муромского, этот пятится)*. . . . остается по сие время. . . . в недоумении. . . . хе, хе, хе. . . . *(ободряя Муромского, который сконфузился)* вы понимаете меня. . . . только в недоумении.

М у р о м с к и й *(оправляясь)*. В таком случае позвольте и мне представить мои опровержения.

В а р р а в и н. К чему послужит? Вы рассмотрите: был я молод, любил и я диспутоваться; теперь минуло все, познал я жизнь, понял ее существенность — оставьте! Помяните лучше нашу задушевную, простую старину — вот время-то было! Об нем и в стихах так складно сказано:

Там, где сердце нараспашку,
Наголо как в старину! . .

М у р о м с к и й *(живо)*. На распашку?! . . Наголо?! *(В сторону.)* Ого! . . Кидать стал! *(Вслух.)* То есть, как же это наголо? — Я теряюсь.

Варравин. А в старину, почтеннейший, не диспутовались; поговорят легонько, объяснятся нараспашку, да и устроят дело наголо! *(Делает жест.)*

Муромский *(с ужасом)*. Наголо! *(Тот же жест.)*

Варравин. Да *(декламирует)* наголо! .. как в старину! ..

Муромский *(в сторону)*. Вот он Антихрист Действительный Статский Советник. *(Вслух.)* Ах, Ваше Превосходительство. Отцы вы наши! Благодетели! .. В старину легко было дело-то устраивать. В старину были приказные — нынче чиновники. В старину мы жили в палатах, приказные в комнатках; нынче мы живем в комнатках, а приказные в палатах.

Варравин. Ну, а сколько б, вы думали, в старину взял приказный с вас за это дело?

Муромский *(шелохнувшись)*. Я, право, не знаю. Я по этим торгам — не опытен.

Варравин. Ну, вы для шутки.

Муромский. Право, не опытен.

Варравин. Ах, Боже мой — пошутите, *(настойчиво)* ну, — шутите же.

Муромский *(нерешительно)*. Что ж. . . . тысчонки бы три взял.

Варравин *(ему на ухо)*. Тридцать тысяч! *(Повертывается и отходит.)*

Муромский *(вздрогнув)*. Как! .. Как вы это сказали?

Варравин. Да. Тридцать тысяч и ни копейки бы меньше приказный этот не взял. Ды, слышите, не на ассигнации, а на серебро.

Муромский. На серебро!!! .. Силы небесные — да ведь это сто тысяч — это гора!!! .. Состояние! Жизнь человеческая! — Сто тысяч. . . . Да помилуйте, за что ж бы он их взял? Ведь и дело-то в сущности пустое.

Варравин. Однако.

Муромский. Если б тут степь какая, громадина была в спорности или заводина какой — железноделательный — а то ведь что? — только одно мнение — так — фу — воздух.

Варравин. Положим, почтеннейший, мнение есть воздух; однако сами вот жалуетесь, что воздухом этим вас поистомило. Старинные люди, сударь, так не рассуждали; первое благо, говорит, в мире, это мое спокойствие.

Муромский. Да, это так, Ваше Превосходительство, но не сто же тысяч.

Варравин. Положим, время все изменяет: нынче, видите, люди и помягче стали.

Муромский. Помягче? ! То есть как же это?

Варравин. Филосóфы утверждают, будто они на двадцать процентов помягче стали.

Муромский *(в сторону скоро считает)*. Двадцать процентов — двадцать копеек. Десять копеек — три тысячи. . . .

Варравин *(продолжает)*. Теплоты душевной стало, говорят, поболее. . .

Муромский *(та же игра)*. Да, десять копеек — еще три тысячи. . . . шесть тысяч сносу. . . .

Варравин. Сочувствие к нуждам ближнего — все это развилось, усилилось. . .

Муромский *(та же игра)*. Стало, двадцать четыре тысячи серебром. —

Варравин. Вот это самое они прогрессом и называют.

Муромский. По чести, Ваше Превосходительство, приказный бы этого не взял.

Варравин *(нежно)*. Взял бы, достопочтеннейший — ну — согласитесь — а? — Взял бы. . . .

Муромский *(твердо)*. Нет. Он бы этого не взял.

Варравин *(сухо кланяясь)*. Как вам угодно. *(Берет со стола бумаги.)*

Муромский *(мягче)*. Право. . . . того. . . . а я бы полагал. . . . *(тихо)* десять.

Варравин *(кланяясь)*. Имея по должности моей многосложные занятия, прошу извинить. *(Уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Варравин выходит из одних дверей, Тарелкин из других.

Тарелкин. Каков бык, Ваше Превосходительство, уперся! — Ну — я от него такой невежливости не ожидал.

Варравин. Да и с большою настойчивостию.

Тарелкин. Да, он просто невежа; не мог для вас это удовольствие сделать!

Варравин. Конечно бы мог. Так что же? вздумал предложение делать на третью долю.

Тарелкин. Однако предложение таки сделал. Эхма, Ваше Превосходительство! Махнуть бы вам рукой.

Варравин. Я сказал нельзя.

Тарелкин. Он вот ехать хочет.

Варравин. Куда?

Тарелкин. Не знаю. Не камни, говорит, люди; за правого Бог.

Варравин. Ну, это еще не опасно. . . . Я полагаю, он кинется к Князю.

Тарелкин. Ему теперь другой дороги нет как к Князю.

Варравин *(думает)*. А как обставлено у тебя это дело по дальнейшему производству? — все ли исправно? Смотри, Тарелкин, чтобы ни кавык, ни запятых, ни задорин не было.

Тарелкин. Помилуйте, Ваше Превосходительство, все в величайшем порядке.

Варравин. Распутие-то мне приготовлено ли?

Тарелкин. То есть как распутие?

Варравин. Ну обыкновенно — разногласия.

Тарелкин. В лучшем виде. Как, помилуйте, чтобы этакое дело без разногласий сошло. Я за ним, по приказу вашему, особое наблюдение имел, и даже своевременно с тятинькой Кастором Никифорычем списывался.

Варравин. Ну что же тятинька Кастор Никифорыч?

Тарелкин. Он по обыкновению развалил их на три партии.

Варравин. Так.

Тарелкин. Одни пошли на выпуск: оправдать и от суда и следствия освободить. —

Варравин. Так.

Тарелкин. Вторые уперлись на оставлении Муромской в подозрении относительно любовной связи с подсудимым. Третьи всей партией пошли на обращение дела к переследованию и постановлению новых решений, не стесняясь прежними.

Варравин. Ну, вот и распутие; вот как три-те путя уготованы, да как к ним подведешь начальство, так куда хочешь, туда его и поворачивай. *(Вспомнив.)* А — да! А о двух третях озаботились?

Тарелкин. Устранены.

Варравин. Весьма существенно. Эти две трети вещь пренеприятная, ибо все-таки решение и крепость имеют. Всего лучше, чтобы разногласия эти по численности были равны.

Тарелкин. Так и устроено. Окроме этих мнений и солисты оказались.

Варравин. Пускай их; это хорошо.

Тарелкин. И одно мнение по новой формуле.

Варравин. По какой это?

Тарелкин. А не-не-ве-ро-ятно! . .

Варравин. А — да!

Тарелкин. Капитальнейшая, Ваше Превосходительство, вещь — и для подобных случаев необычайное изобретение. Вот подозрение, конечно, свою пользу приносит, но широты такой и захвату не имеет. Кто это ее отмочил?

Варравин. А ее Василий Иваныч Туш по Ковылинскому делу ввернул. В каком же оно здесь смысле? —

Тарелкин. А изволите видеть: относительно незаконной связи Муромской с подсудимым вопрос этот подвинут далее — а именно, что при таковой близости, говорит, этих лиц и как бы таинственности их отношений не-не-вероятно. . . . что мог оказаться и ребенок. . . .

Варравин. Ну — да — это можно.

Тарелкин. Очень можно, Ваше Превосходительство; а старику куда щекотливо кажется; так вот его и подымает.

Варравин. Стало, все в порядке; ну так пусть его к Его Сиятельству и едет. Хорошо бы, братец, если б его так направить, чтобы он явился к Князю утром, ранехонько, пока тот по залам разминается да содовую пьет.

Тарелкин. Постараюсь, Ваше Превосходительство.

Варравин. Да, чтоб он в самую содовую попал.

Тарелкин. В самую содовую и попадет.

Варравин. А если попадет, то он неизбежно там напорется и как только Его Сиятельство на него хорошенько крикнет, так он опять у нас и будет.

Тарелкин. Будет, Ваше Превосходительство; как угодно, так его и направлю.

Варравин. Ну и прекрасно — так и делай *(хочет итти)*.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ XIII

Варравин один, потом Тарелкин.

Варравин *(в раздумье)*. Вот и этот уперся. — Я говорю, пошла разладица; набежали друг на друга два барана, столкнулись здоровыми лбами, а ты вот и умный человек, а ступай домой с пустыми руками. *(Отворяя дверь в залу канцелярии.)* Тарелкин! . .

Тарелкин входит.

Изглажено дело!

Тарелкин. Какое же, Ваше Превосходительство, дело?

Варравин. Муромских!

Тарелкин. Как же так, Ваше Превосходительство?

Варравин. Да вот из рук вывернулось, и отгадать было невозможно. Этот старый баран помещик того наговорил Его Сиятельству, что лучше содовой воды подействовало; ну, естественно, теперь этот рога-то поднял, да так и ходит. Приказал тотчас составить мнение об обращении всего дела к строжайшему переследованию. Делать нечего — готовьте бумагу.

Тарелкин. Ваше Превосходительство, помилосердуйте, как же такую бумагу готовить?

Варравин. Приказал. Ведь вы его знаете. Что тут говорить.

Тарелкин. Что же — приказал? Это всегда в ваших руках было.

Варравин. И приступу нет: один раз так на меня глянул, что я и отступился, чорт, мол, с тобой.

Тарелкин. Ах, какое дело изгажено — золотое руно! Что хлопот, да что забот. . . . Вот, Максим Кузьмич, не угодно было по первому разу согласие изъявить. Все же лучше, чем ничего.

Варравин. Я сказал нельзя! Пойдет к доследованию.

Тарелкин. А он тому и рад — уедет в свою дыру.

Варравин. Все равно — не отвертится.

Тарелкин. Очень отвертится: умрет, вот назло умрет.

Варравин. Это правда.

Тарелкин. Помилуйте, очевидно — в нем жизнь еле держится; а дочь копейки не даст, за это я вам ручаюсь.

Варравин *(сетует)*. Что же делать, братец, что же делать! . . те, те, те. . .

Т а р е л к и н. Так вот что, Максим Кузьмич,— взять.

В а р р а в и н. Во, во,— взять. Разве не видите, с кем дело имеете. Человек он, оказывается, азартный; если взять, да не сделать, он на весь город каркнет, белугой заревет.

Т а р е л к и н. Заревет-то заревет. Он, знаете, как говорит: если я дал, а ты, говорит, взял, — так делай, да так азартно говорит — делай!

В а р р а в и н. То-то и есть; я его в этом переделе видел; я в нем совсем этой скромности не вижу как вот прочие просители. Ведь придет проситель, точно овца господня, что хочешь, то с ним и делай. А он так нет; привык у себя на барщине-то в свою голову ломить. . . . Его Сиятельство в полицию хотел отправить, за помешанного принял.

Т а р е л к и н. За помешанного? — Неужели за помешан. . . . *(Останавливаются и смотрят друг на друга)*. . . . Да если он помешанный — то. . . — а — Ваше Превосходительство! Максим Кузьмич! — если он для начальства помешанный.

В а р р а в и н *(думает)*. Н-да!

Т а р е л к и н. Стало, помешанный овцы и стоит.

В а р р а в и н. Конечно; помешанный может всячески поступить. . .

Т а р е л к и н. Может, Ваше Превосходительство, ей-Богу может; ему что? — Ему море по колено, ему хоть трава не расти — ей-ей.

В а р р а в и н *(в размышлении не слушая Тарелкина)*. Да. . . знаю я, есть тут один приемец. . . . можно попробовать. . . . он на него пойдет. *(Тарелкину.)* Садись и пиши тотчас предложение согласно приказанию Его Сиятельства. *(Тарелкин смотрит на него в недоумении.)* Да садись же, пиши! *(Тарелкин садится и приготовляется писать.)* Иди ты сначала. . . . обыкновенным ходом. . . . ядовито иди, так и проницай, чтобы и Его Сиятельство вот по горло удовлетворился.

Т а р е л к и н. Слушаюсь *(принимается писать)*.

В а р р а в и н *(соображая)*. Потом веди так: «а посему принимая во внимание» — и на строку — Пе-р-во-е: и за сим проставь ты целиком оные четырнадцать пунктов о подозрении в любовной связи — помнишь?

Т а р е л к и н. Помню, Ваше Превосходительство, ведь их тятинька Кастор Никифорыч составили.

В а р р а в и н. Ну да. Обставивши таким образом — веди так *(диктует)*: «по сему и вменить следственной комиссии в обязанность — *(поправляется)* в непременную обязанность обратить строгое внимание на причины, по которым запирательство мамки Семеновой в совокупности с изложенными четырнадцатью пунктами осталось неразъясненным, и если дальнейшее раскрытие оных бы потребовало, то приступить на законном основании к медицинскому освидетельствованию прикосновенной делу дочери штабс-капитана Муромского Лидии Петровой. . . записал? *(Тарелкин кивает головою.)* Как только накидаешь — тотчас к переписке, и чтобы завтра к докладу все было готово. . . . слышишь? Между тем, вызови к себе поверенного, да в глаза ему и пырни! Смотри, мол, борода: жизнь и смерть! — Деньги! Тридцать тысяч как один рубль — без проволочек и шатаний! Что-нибудь одно. Да ты смотри и сам-то не виляй — иди

как по струне. Ведь Сибирью пахнет; так грохнут, что и парик и зубы все — соскочит.

Тарелкин *(принимаясь прилежно писать)*. Господи, благослови — в добрый час.

Варравин *(быстро отворяя дверь в залу канцелярии)*. Господа, бумаги к подписанию Его Сиятельства, только самонужнейшие — и скорее. *(Подойдя к Тарелкину.)* Да ты так строчи, чтобы шкура полетела. . . .

Тарелкин. Всеми силами стараюсь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ X

Варравин, входит Тарелкин.

Варравин *(в волнении идет к нему навстречу)*. Ну! ну! Что там? ! !

Тарелкин *(снимает тарантас и кладет шляпу)*. Там уж ничего нет.

Варравин. Как ничего; что-нибудь там делается?

Тарелкин. Нет — там уж ничего не делается.

Варравин. Да следствие нарядить приказано! . .

Тарелкин. — И следствия не надо.

Варравин. Вы, стало, не в уме?

Тарелкин *(несколько на ухо Варравину и поднявши палец вверх)*. Удивлен! — Тут как по мановению совершается.

Варравин *(с напряженным вниманием)*. Да что же такое? ! ! —

Тарелкин *(та же поза)*. Да он умер. . . .

Варравин. Умер! ! ! . .

Тарелкин. Не довезли до дому — в карете и кончился.

Варравин. И кончился! ! ! . .

Тарелкин *(делает жест)*. И концы в воду! . . Мертво и запечатано.

Варравин *(расставив руки)*. Тсссс! . . Какой необыкновенный случай. . . Дай Бог ему Царство Небесное. *(Крестится)*.

Тарелкин *(также крестится)*. Что же — дай Бог ему Царство Небесное, — положим, и Вера наша это ему определяет — — ну мне-то горемыке что? . . . . Кем же всё это сделалось, позвольте спросить. Вы меня, Максим Кузьмич, хотя один раз в жизни оцените. — Ведь есть же у всякого свое родное, неотъемлемое. . . Я прошу вас. . . .

Варравин *(посмотрев на него искоса)*. Как же мне вас оценить, я, право, недоумеваю.

Тарелкин. Вам известно как; — да еще и при таком окончании дела, где, как говорится, не токмо концы в воду, а все крючки и петельки потонули. Я полагаю, что участие мое на половину простирается.

Варравин. Что ж — на половину так на половину. . . Скажите даже, что и все вами сделано — я и тут не спорю.

Тарелкин. Нет — я относительно полученной суммы.

Варравин *(стиснув зубы)*. Аааа — полученной суммы? . . . От кого же полученной, Розалион Касторыч? . .

Тарелкин. А вот — от покойника.

Варравин *(усмехаясь)*. Вы шутите — ведь я при вас ее возвратил.

Тарелкин. Как возвратили?!!! . .

Варравин. И за счастие считаю, что на этот поступок решился.

Тарелкин *(в испуге)*. Отцы мои! Что вы сказали?!! . .

Варравин. Я говорю: какое для меня счастие, что я от покойника деньги-то не принял.

Тарелкин. Не приняли!! . . Вы от него не приняли!!! . . Не может быть! . . . Или я с ума схожу. . . . *(бросается на колени)*. . . Матинька, Ваше Превосходительство, друг, душа, благодетель — простите меня! . . Богом умоляю, простите — я беден — я ведь это от бедности — у меня долги — я гол — мне есть хочется. . .

Варравин. Ну полноте — что за малодушие — встаньте! . . *(поднимает его)* — вы себя компрометируете. Судите сами. Прими я от него деньги, ведь всю жизнь попрекать себя должен — совесть бы замучила.

Тарелкин *(оправляясь)*. Аа — так вы не взяли; — и не взяли оттого, что вас бы совесть замучила. . . ха, ха, ха. *(Заливается громким хохотом.)*

Варравин *(сжимая зубы)*. Смеетесь теперь — не плакать бы после *(подступает к нему ближе)*, ведь я тихой смертью уморю.

Тарелкин *(вдруг останавливается)*. Нет-нет — я ничево. . . .

Варравин. То-то! *(К публике мягко.)* Ей-ей! Как оставил он у меня на столе деньги, так точно меня кто под руку толкнул *(отступает назад с ужасом)*. . . . я и не взял. *(Посмотрев искоса на Тарелкина и поигрывая губами.)* Просто Бог спас. — *(Уходит в кабинет.)*

ДЕЛО (1887)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ XII

Варравин, входит Князь.

Князь *(в духе)*. Максим Кузьмич. . . *(отдержавши)* к лучшему вышло. . .

Варравин. Неужели, Ваше Сиятельство?

Князь. Мы и доктору скажем, — он так и прописывать будет: с вечера принять соды, а по утру просителя. . *(смеется)*. Однако полагать надо, в судах этих порядочная орда. . . Надо — мне посмотреть это дело.

Варравин. Прикажете представить подлинное?

Князь. Хорошо бы.

Варравин *(открывая шкаф. Князь ходит)*. Вот оно все *(вынимая стопу бумаги)*. Том первый, Ваше Сиятельство. . . *(та же игра)*. Том второй, Ваше Сиятельство. . . *(та же игра)*. Том третий, Ваше. . .

Князь *(увидевши громадную кучу бумаг)*. Стой! . . Что это такое?

Действие четвертое.

Квартира Муромских. Утро.

Явление 1е.

[illegible]

«Дело». Страница чернового автографа редакции 1887 г. ЦГАЛИ. Публикуется впервые.

Варравин. Подлинное дело, Ваше Сиятельство.

Князь *(осматривая с ужасом массу бумаг)*. Да... это адская машина!.. *(зайдя с другой стороны)*. Дьявольское столпотворение!!..

Варравин. Пятилетнее производство, Ваше Сиятельство! *(Тащит еще том.)* Том...

Князь *(в ужасе)*. Стой! Остановись, ради Бога! Я его в шесть лет не прочту. Меня апоплексия, паралич хватит... Уберите его к черту!.. — с глаз долой... *(думает)* и — вот что: Судейскую Орду прочь — нарядить следственную Комиссию — и все Дело переисследовать вновь строжайшим образом.

Варравин *(в сторону)*. Вот оно! — так и есть!.. *(Вслух.)* Ваше Сиятельство! Помилуйте! Дело это уже пять лет идет.

Князь *(резко)*. Ни, ни, ни!! Хоть десять. Сказал к переисследованию — и кончено!.. Исполнить. *(Смотрит на часы.)* Ай, ай! ай! Уже двенадцать часов! — а у меня Комитет!.. Давайте тотчас бумаги к подписанию самые нужные!.. Курьер!.. *(Курьер вбегает.)* Карету!!.. Просителей вон!.. занят... не могу! *(Курьер бросается в одну дверь; Князь скоро выходит в другую.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Утро. Квартира Муромских.

ЯВЛЕНИЕ I

Лидочка. Входит Нелькин.

Лидочка *(быстро встает)*. Ах, Владимир Дмитрич, у нас большая беда! я за вами послала, мне вас надо...

Нелькин. Я весь ваш.

Лидочка. Дело становится серьозно, чаша терпения исполнилась... Отца оскорбили. Он не вытерпел. Он наговорил князю странных вещей... Я жду бурю!

Нелькин. Знаю... Весьма вероятно...

Лидочка. Надо что-нибудь делать... Отец не может, он стар. Я одна. Я беспомощна... Помогите!

Нелькин. Как я вам помогу?.. Что посоветую, я вас не знаю.

Лидочка. От колыбели знаете *(твердо)*. У меня секретов нет. Слышите. *(Смотрит твердо ему в глаза.)* Нет!..

Нелькин. Стало, вы можете мне отвечать, как преданному вам человеку?

Лидочка. Как другу?

Нелькин *(вздохнув свободнее)*. Да, как другу.

Лидочка *(с движением)*. Могу.

Нелькин. Вы того человека любите?

Лидочка. Я не могу его любить. Но его воспоминание преследует меня, как злой дух. Я молюсь. Я всякий день молюсь. Мне теперь много легче.

Нелькин *(подумав)*. Если так, то совет мой прост: бросьте это дело; бросьте ходатайство, взятки, подсылы, унижения... бросьте этих людей...

Лидочка. Я давно так чувствую... Да! Вон отсюда! Мы с отцом едем... едем, во что бы то ни стало!

Нелькин. Ступайте в деревню, в глушь, в степь... Здесь духота, смрад, здесь вы оба задохнетесь.

Лидочка. Как хорошо в деревню, в глушь с отцом, за ним ходить.

Нелькин. Что могут вам сделать эти ничтожества, вам в среде людей, для которых вы мечта... небо. Верьте, перед вами целая жизнь жертв, любви и стало — счастья. Берите его, вот это самое счастье, оно ваше, оно лучше из всех, какие есть на свете.

Лидочка. Да, так вы правы... Дайте мне руку; у нас одно сердце... *(берет его руку и крепко жмет.)* Я его беру!!

ЯВЛЕНИЕ V

Нелькин, Лидочка.

Голос Лидочки *(за дверью)*. Владимир Дмитрич! где вы?! Владимир Дмитрич!

Нелькин *(кидаясь ей навстречу)*. Я здесь! здесь! *(Лидочка быстро входит.)* Что случилось?!

Лидочка. Ничего... Отца сажают в карету... а я... *(смешавшись)* я хотела вас видеть... вас просить.

Нелькин. Вы?.. Меня?.. О чем?

Лидочка. Не уходите... не оставляйте меня... Мы сейчас воротимся.

Нелькин. Господь с вами! Я ли вас оставлю?! Только вы сами видите: что я могу? Кому я нужен?!

Лидочка. Как кому? *(С силою.)* Мне!

Нелькин. Вам? Я?! *(Всплеснув руками.)* Что вы сказали? Повторите.

Лидочка. Вы скажите мне: вы меня любили? — знаете... тогда?

Нелькин. Любил!

Лидочка. И... теперь... правда?

Нелькин *(с увлечением)*. Правда! Святая — святейшая правда... я вас люблю; давно люблю... робко и жадно люблю!! *(Схватывает ее руку и прижимает к своей груди.)* Вот этим сердцем, умом... всеми силами моей души!.. Для меня выше вас, святее вас нет ничего в мире!.. *(Лидочка падает к нему на грудь; он нежно обнимает ее.)* Боже мой! Какое счастие! *(Покрывает ее лицо поцелуями.)*

Лидочка *(смотря ему в глаза)*. Оно пришло... Оно... пришло!

Нелькин *(продолжая ее целовать)*. Да... да... пришло!.. счастье — вот оно! *(Смотрит ей в глаза.)* Я его вижу... держу... прижимаю к радостному сердцу... ненаглядное... мучениями купленное... мое счастье!! *(Прижимает ее к себе.)* Теперь пусть обступят нас

беды; пусть идет смерть — мы вместе, мы готовы!! *(Забываются в долгом поцелуе.)*

Лидочка *(вырываясь из его рук)*. Отец! отец! *(Исчезает в дверях. Нелькин недвижно смотрит ей вслед.)*

Занавес.

РАСПЛЮЕВСКИЕ ВЕСЕЛЫЕ ДНИ

КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Максим Кузьмич Варравин.
Капитан Полутатаринов, переодетый Варравин; (военная шинель, надетая в рукава, зеленые очки и костыль, шляпа с большими полями.)
Кандид Касторович Тарелкин.
Сила Силыч Копылов, переодетый Тарелкин.
Антиох Елпидифорович Ох, частный пристав.
Иван Антонович Расплюев, исправляющий должность квартального надзирателя.
Чибисов, Ибисов, Омега, Старый чиновник — чиновники канцелярии.
Флегонт Егорович Попугайчиков, купец.
Чванкин, помещик.
Унмеглихкейт Крестьян Крестьянович, доктор.
Брандахлыстова Людмила Спиридоновна, прачка колоссальных размеров.*
Мавруша, кухарка.
Пахомов, дворник.
Качала, Шатала — мушкатеры.**
Ваничка, сын Расплюева, писарь.
1, 2, 3 и 4 кредиторы Тарелкина.
Еще кредиторы: (одеты в самые фантастические пальто и шляпы.)

---

* Роль Брандахлыстовой может быть исполнена мужчиной.

** В былое время, в 20-х годах, мушкатерами назывались полицейские солдаты, которые в просторечии были известны под названием дантистов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Копылова. В средине дверь в прихожую; направо — в кухню; налево перегородка, отделяющая постель. По комнате лежит в беспорядке разное имущество и мебель.

ЯВЛЕНИЕ 1

Тарелкин и Мавруша.

Мавруша. Творец милосердый! . . что задумал? а? Страсти какие. . . Человек сам себя гробу предает! Как он свое плутовское дело задумал, чтобы себя мертвым сделать, а на погосте куклу зарыть, так мне на этой нечистой квартире все черти и кажутся.

Тарелкин *(входит с лампой в руках и бережно ставит ее на стол)*. Ей, Мавруша, проворнее. . . . тащи сюда все копыловское имущество! . .

Мавруша *(входит с узлом подушек)*. Теперь все убрала, сущая дрянь осталась.

Тарелкин *(расставляя мебель)*. Отлично! На копыловской квартире мы теперь полные хозяева. . . . Особенно наблюдай ты эту куклу, чтобы была вся покрыта. . . . Я там тухлого мяса подложил, для запаху, а ты еще подсвежи. . . . и когда чиновники соберутся, ты их сюда, то есть ко мне поворачивай. Пожалуйте, мол, на копыловскую квартиру, там воздух много чище будет. . . . Поняла?. .

Мавруша. Поняла, сударик, поняла. . . . только сердце у меня так и ёкает.

Тарелкин. Глупое сердце, потому и ёкает. Ступай же туда. . . . к. . . гробу. Если дело сделаешь, — озолочу!. .

Мавруша уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин *(уставляет и обмахивает мебель)*. Его превосходительство. . . господин Варравин по муромскому делу соблаговолил мне кукиш поднести. Чувствую. . . . Вы. . . . говорит: деньги эти получите на том свете угольками! Понимаю. Так врешь!. . Положим, я умру!. . но из тебя все-таки два раза их выворочу!. . Обстоятельства сложились так: бок-о-бок живут двое: Тарелкин и Копылов. Тарелкин обворован, следовательно, сир и убог; Копылов обворовал, стало, сыт и счастлив. Над ними обоими стоит судьба!. . Подперлась в боки. . . значит, начальство. . . . Благодушествует и определяет: ты, сытый Копылов, умри, а ты, голодный Тарелкин, продолжай свое существование. . . спрашиваю: как так голодному продолжать существовать?. . Я протестую, ибо справедливость требует так: голодный Тарелкин умри, а ты, сытый Копылов, живи, ликуй и царствуй!. . Итак, долой старые тряпки!. . *(Снимает виц-мундир и бросает его в угол, снимает парик и прячет его в комод; надевает пальто с гор-*

*бом и выходит на авансцену плешивым стариком.** *К публике.)* Имею честь себя представить: надворный советник Сила Копылов. . . Вот и формуляр. *(Показывает формуляр.)* Холост, родни нет, семейства нет, никому не должен, никого знать не хочу. . . Сейчас из Шлиссельбурга. Похоронил копыловские кости. . . Теперь требуется моя несомненная смерть. Известил полицию и сослуживцев, остается похороны сладить. *(Кричит.)* Мавруша, ей, Мавруша! . .

ЯВЛЕНИЕ 3

Мавруша входит.

Тарелкин *(переряженный идет к ней навстречу.)* Слушай. . .

Мавруша *(увидев Тарелкина, кричит).* А-а-а-ай, ай, ай. . . оборотень. . . Наше место свято! . . *(Бежит.)* Батюшки, отцы родные! Караул! . . Кара-а-а-а! . .

Тарелкин. Стой! . . *(Схватывает Маврушу.)*

Мавруша *(визжит).* Чур меня, чур!

Тарелкин *(зажимает ей рот).* Стой, это я. . . я. . . видишь, я. . . Тарелкин. . .

Мавруша. О-о-о-ох. . . Покойники, куклы, оборотни. . . Я умру. . . *(Хочет бежать.)* Я умру. . .

Тарелкин *(держит ее).* Некогда умирать! . . слышь, идут! . . *(В коридоре голоса.)*

Мавруша. О-ох, Творец! . . Чего наделал! . . Беспутный черт! . .

Тарелкин. Молчи. Урок помни, безумная баба. . . .Тверди одно: хоронить нечем. . . а уж, мол, портится. . . Видите, мол, какой воздух. Что ж мне, мол, делать, ведь я — женщина. Поняла?

Мавруша. Поняла.

Тарелкин. Ступай.

Мавруша уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Тарелкин *(один).*

Тарелкин *(подумавши.)* Будто робко. Чу! . . *(За дверьми — голоса.)* Это они. Их много. *(Прислушивается.)* Говорят., Шумят. *(Прячется за перегородку.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Входит Мавруша, за ней Варравин, Ибисов, Чибисов, Омега и прочие чиновники. Тарелкин за перегородкой подслушивает.

Варравин. Ффа. . . Нестерпимо. . . Какой воздух. . . Конечно, хоронить надо.

---

* На французских сценах эти «мгновенные переодевания» или «метаморфозы» исполняются почти мгновенно и требуют навыка, подготовки самого костюма и дают самой пьесе большое оживление.

М а в р у ш а *(у двери)*. Сюда пожалуйте, сударики, ох...

В а р р а в и н *(с напором)*. Отчего такой воздух?..

М а в р у ш а. Как воздуху не быть! умер беднехонек. Гроб купила, а хоронить-то нечем, вот он, покойничек, и дает о себе знать.

В а р р а в и н *(строго)*. Как же так, хоронить нечем?..

М а в р у ш а *(утирает слезы)*. Нечем, родимый, нечем. Полиция придет, все схватит, бумаги похватает, а бумаги дорогие. Сам их прятал.

В а р р а в и н *(отходя, в сторону)*. Несомненно то, что бумаги пропали... Украдены! Кем?.. Непременно им. В канцелярии слухи ходят. Надо перерыть все имущество и найти... найти бумаги во что бы то ни стало. *(К чиновникам.)* Господа, это скандал! Скажут с голоду умер, товарищи бросили, нехорошо!..

Г о л о с а. Нехорошо, нехорошо!

В а р р а в и н. Сделаем христианское дело, то есть складчину; похороним бедняка. Складчина, община. Нынче все это в ходу.

Ч и б и с о в и И б и с о в *(кричат)*. Верно, верно!..

В а р р а в и н. Итак, кладу мою лепту. *(Показывает бумажку.)*

Чиновники обступают Варравина и подают кредитки.

В а р р а в и н. Господа... Благодарю... благодарю... *(Собирает кредитки.)* Меньшой брат!.. Единодушно... Прекрасно... Я тронут... *(Считает деньги. Обратившись к Мавруше.)* Подойди сюда, бедная женщина. *(Мавруша подходит.)* Ты сирота?.. А?..

М а в р у ш а. Сирота-а-а-а, батюшка, кру-у-у-углая.... сирота...

В а р р а в и н. Следовательно, одна осталась?

М а в р у ш а. Одна!... Батюшка!.. Одна, как перстик. *(Протягивает руку.)*

В а р р а в и н. Так знай, старушка, есть добрые люди и небо! *(Набожно показавши бумажником на потолок.)* Идем, господа!.. идем, похороним Тарелкина!..

Уходит. Чиновники следуют за ним.

ЯВЛЕНИЕ 6

М а в р у ш а стоит с протянутой рукой. Т а р е л к и н показывается из-за перегородки.

Т а р е л к и н *(бросается на Маврушу и обнимает)*. Мавруша! Есть добрые люди и небо...

М а в р у ш а *(обозлившись)*. Провалитесь вы в провал!.. Чтоб те разнесло!.. прости, Господи... Мошенники этакие....

Т а р е л к и н *(в восторге, не слушает)*. Хорошо, Маврушенька, ух, хорошо!.. Сто лет тебя поминать буду...

М а в р у ш а. Обманщики!.. Тьфу!.. *(Уходит.)*

Тарелкин исчезает за перегородку.

ЯВЛЕНИЕ 7

Входит Варравин. Тарелкин за перегородкой, подслушивает.

Варравин *(оглядываясь)*. Где же это полиция?.. *(Постоявши в раздумии.)* Гм... умер... Точно умер!.. Нет вести, которая принесла бы мне большее успокоение.

Тарелкин *(за перегородкой)*. Тек-с...

Варравин. Точно с моих плеч свалилась гора грязи, помоев и всякой падали...

Тарелкин. Благодарю. Не ожидал!..

Варравин. Точно после долгих дней жажды, я потянул ключевую воду и освежился... Да, умер!.. Самая гнилая душа отлетела из самого протухлого тела. *(Осматриваясь.)* Все готово: ломовой извозчик, дроги и яма. Туда его, негодяя...

Тарелкин *(в сторону)*. Полно, так ли?.. Генерал!..

Варравин *(строго)*. Гей, ты, старуха!.. Где ты там?

Мавруша входит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Мавруша, Варравин и Тарелкин (за перегородкой).

Варравин. Поди сюда, глупая баба!

Мавруша. Слушаю. *(Вяло.)* Чего тебе?

Варравин. А ты знаешь ли, кто я?

Мавруша. Не знаю, батюшка.

Варравин. Я — генерал!

Мавруша. Слушаю, батюшка, ваша милость.

Варравин. Знаешь ли, что такое генерал?

Мавруша. Не знаю, батюшка, ваша милость!

Варравин. Генерал значит, что я могу тебя взять и в ступе истолочь.

Мавруша *(в испуге)*. Пощадите, ваше сиятельство... Век свой....

Варравин *(перебивая ее)*. Не надо!.. Показывай, где его бумаги!..

Мавруша *(та же нота)*. Пожалуйте, ваше сиятельство, все покажу, пожалуйте...

Варравин и Мавруша уходят.

ЯВЛЕНИЕ 9

Тарелкин *(один)*.

Тарелкин *(выходит из-за перегородки)*. Полно, Варравин, барствовать. Пришла твоя череда: хлопочи, ищи! *(Показывая на грудь.)* Вот оне где, из миллионного-то дела подлинники! На сердце лежат, его греют. А-а, разбойник, помни! ты ограбил, живого в гроб вогнал. Нет тебе пощады!.. Дай срок, оправимся и мы!.. *(Прислушивается.)* Чу! идут. *(Прячется за перегородку)*.

ЯВЛЕНИЕ 10

Варравин и Мавруша входят.

Варравин *(постоявши)*. Там бумаг нет! .. *(Думает.)* Где же оне?

Тарелкин *(за перегородкой, указывая на свой карман)*. Вот где. *(Без звука смеется.)* Ха-ха-ха! ..

Варравин. Всего жду. Всякая подлость возможна. *(К Мавруше.)* Ты, женщина! Позови ко мне полицейского. Где же полиция?

Мавруша уходит.
Из-за перегородки показывается Тарелкин и раскланивается.

ЯВЛЕНИЕ 11

Варравин и Тарелкин

Тарелкин *(осматривается, говорит осторожно, беззвучным голосом)*. Сетовать изволите, ваше превосходительство, слугу потеряли-с, потерю ощутили-с?

Варравин *(грубо)*. Да. Вы его знали?

Тарелкин. По суседству-с. Хороший был-с человек-с. .. Нну-с, неудачник был-с. Да-с. Врагов-с имел. Да-с. Ну-с, говорил: я с ними разочтусь. .. Да-с, говорил-с. Какие-то планы строил и вот умер-с. .. Искать чего изволите?

Варравин *(тот же грубый тон)*. Формальности кое-какие.

Тарелкин. Нашли-с?

Варравин *(строго)*. Нет, не нашел!

Тарелкин. Достойно сожаления-с, а бывает. Иное, кажется, близко, а оно далеко. А иное, кажется, далеко-с, а оно близко. .. *(Потянувши носом воздух, в сторону.)* Что, крокодил, на чьей улице праздник-то? А?

Варравин. Как вы говорите?

Тарелкин. Говорю я, ваше превосходительство, бывает так: око видит — зуб неймет. А бывает и так: зуб-то и ймет, да око-то не видит! Ха-ха-ха! *(Уходит за перегородку)*.

ЯВЛЕНИЕ 12

Варравин, Тарелкин и Расплюев; в полной форме, заломив треуголку, бойко входит; за ним — мушкатеры: Шатала и Качала. Он становит их у дверей.

Расплюев *(отдавая молодецки честь)*. Вашему превосходительству честь имею явиться. Что приказывать изволите?

Варравин. Кто вы?

Расплюев *(держит под козырек и рисуется)*. Исправляющий должность квартального надзирателя Иван Расплюев.

Варравин. Почему не приняли вы меры к охране имущества покойника? А, почему?! ..

Р а с п л ю е в *(с полным апломбом)*. Все меры приняты.

В а р р а в и н. Какие?

Р а с п л ю е в *(докладывая)*. На дворе стоит часовой, два хожалых, два добросовестных. Сам здесь с полным рвением... Все цело. Беспокоиться не извольте!..

В а р р а в и н *(строго)*. Казенные вещи, черт возьми! Вы отвечаете! Вы!

Р а с п л ю е в. Ваше превосходительство! строжайшие меры приняты! вон там *(указывает на дверь)* добросовестный к имуществу покойного только лапку протянул, то я его так по ней цапнул, что и посейчас на трех ходит, благоволите усмотреть....

В а р р а в и н. А служанка жалуется, говорит: расхищено имущество... Казенные бумаги пропали...

Р а с п л ю е в. Врет!.. Врет!.. Прикажите опросить?..

В а р р а в и н. Опроси!

Р а с п л ю е в *(ехидно обращаясь к Мавруше)*. Нннy, золото! Какие у тебя бумаги пропали? Какое имущество у тебя расхитили? Говори!..

М а в р у ш а *(вопит)*. Бумаги, батюшка, вот что их милости пишут. Те самые.

Варравин в раздумье отходит в сторону.

Р а с п л ю е в *(в полголосок)*. Поди сюда. *(Отводит Маврушу в противоположную сторону, прижимает ее к стене и подставляет ей кулак под нос.)* У тебя сколько зубов-то осталось? А?.. Говори, хрычовка, сколько?.. Все решу!..

М а в р у ш а *(вопит)*. Не знаю, отец... ничего не знаю. Видом не видала... и слыхом не слыхала.

Р а с п л ю е в *(Варравину)*. Изволите видеть, ваше превосходительство, ничего, говорит, не видала и ничего, говорит, не слыхала! Такое уж племя; без меры врать будет. Ну, если же таперь с первых разов ее шарахнешь, то она другие совсем ноты поет.

В а р р а в и н. Ну, распоряжайтесь! Выносите тело!..

Р а с п л ю е в. Слушаю. Ей, мушкатеры! За мной!..

Расплюев и мушкатеры проходят мимо Варравина церемониальным маршем. Входят ч и н о в н и к и и Т а р е л к и н.

Т а р е л к и н *(смотрит в окно)*. Уже выносят... Кандид!.. *(С чувством.)* Друг!.. Уснул!.. Дозвольте, ваше превосходительство, этому усопшему другу напутственное слово сказать....

В а р р а в и н. Извольте. *(Отходит в сторону.)*

Т а р е л к и н *(торжественно)*. Милостивые государи!.. Ваше превосходительство!.. *(Отдержавши.)* Да!.. Совершилось!.. Несытая бездна могилы пред нами разверзла, и в ней исчез Тарелкин... Он исчез, улетучился... Его нет!.. Непостижимое событие!.. Хитроумцы-философы! Укажите нам, где Тарелкин?.. Откройте этот гроб... Его там нет!.. Покинул нас рьяный деятель, воевода передового полка. Везде впереди

всех был Тарелкин!.. Когда объявлен был прогресс, Тарелкин стал, взял знамя и пошел *вперед*! Умер Тарелкин — смутился прогресс, дрогнула гуманность и по миру прошла волна холода. Чем же, спросите вы, воздали Тарелкину люди за такой жар делания. Глядите и поучайтесь: тесовый гроб, ломовой извозчик и грошовая могила. Нет в мире правды, нет в людях справедливости! Но веруйте, господа, что день расчета настанет, момент возмездия пробьет, и всякий труженик свою святую лепту получит! Нет, Тарелкин, ты не умер!.. До свидания!.. *(Отходит в сторону.)*

Расплюев *(бойко)*. Ваше превосходительство!.. пожалуйте...

Процессия тронулась... Варравин выходит. Расплюев растворяет настежь двери и устраивает шествие. Чиновники выходят попарно.

ЯВЛЕНИЕ 13

Расплюев и Тарелкин

Расплюев *(молодцует)*. Коль тонко, государь мой, вы намекнули, что душа-то бессмертна!..

Тарелкин *(в духе)*. Да!.. *(Ударив себя в грудь.)* Мертвые не умирают....

Расплюев *(тоже в духе)*. Так!.. Не умирают... Однако, государь мой... *(подумав)* в полиции написано: умер... Это как же? *(Делает вопросительный знак.)*

Тарелкин *(наставительно)*. Батенька, бумага все терпит: напишите умер, напишите жив, все в вашей воле.

Расплюев. Это так. *(Заламывает треуголку и молодцует.)* Все в нашей воле! Скажите: звание какое было?

Тарелкин. А... а... почтенное: надворный советник. У Варравина все дела делал.

Расплюев. Во-о-о как!.. Так почему же похороны в такой убогости, что вот и закусить нечего?.. Ведь это уже и религия предписывает...

Тарелкин. Добродетелен был... Прост...

Расплюев. Та-а-а-а-к. *(Хлопнув кулаком по столу.)* Знаете, в свете добродетель не вознаграждается.

Тарелкин *(с иронией)*. А кто вознаграждать-то будет? Люди?! Ха, ха, ха!.. Вы их видели?

Расплюев. Довольно видел! Сыт!

Тарелкин. Сердце-то какое? видели?

Расплюев. Волчье.

Тарелкин. Стало, хорошо видели?

Расплюев *(твердо.)*. За первый сорт.

Тарелкин. Судьба тоже щелкнула?..

Расплюев. В полной мере... Ну, а вы? Напастей-то много видели?

Тарелкин. Паче песка морского.

Расплюев. Как?!.. В чинах? Разве дули-то подносят?

Тарелкин. Знаете, в хоромах да в чинах оно больнее выходит.

Р а с п л ю е в. Так раскажите: как? Когда? Почему? Это меня интересует. Ха, ха, ха!

Т а р е л к и н. Можно. . . Вы после похорон у меня закусить не откажетесь? . . Так ли? ибо в писании сказано: «угости».

Р а с п л ю е в. Неужели сказано?

Т а р е л к и н. Ну, как же: во-первых, говорит, «не прелюбодействуй», во-вторых, говорит, «не укради», родителя почти, а полицию угости. . .

Р а с п л ю е в. Браво! . . Представьте, такую драгоценность, каюсь, не знал. . . Вот — мудрец, вот душа-человек! . . Признаюсь, с удовольствием у вас закушу. *(Спешно уходит.)*

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Чемодан, ящики. Все уложено. Среди комнаты накрыта закуска.

ЯВЛЕНИЕ 1

Т а р е л к и н *(один)*.

Т а р е л к и н *(уставляя закуску)*. Да. . . теперь только вижу, что такое счастье! . . Нет начальства, нет кредиторов! . . Сердцем чувствую, носом слышу! . . Вот оно, истинное счастие! . . Тишина, покой, независимость и. . . водка!. . *(Откупоривает бутылку.)* Вот оно, полное счастие: даже друзей нет, чтобы отравить минуту отдыхновения! . . *(С чувством.)* Провидение! Благодарю! . .

ЯВЛЕНИЕ 2

Т а р е л к и н и входит Р а с п л ю е в.

Т а р е л к и н. А! Добро пожаловать.

Р а с п л ю е в. Мое почтение.

Т а р е л к и н. Маленько опоздали.

Р а с п л ю е в. Благодетель, — невозможно. . . Пришлось до кладбища промолоть. Сам генерал Варравин провожал. *(Ставит в угол шляпу и шпагу.)*

Т а р е л к и н *(указывая на закуску)*. Не угодно ли?

Р а с п л ю е в *(радостно трет руки и подходит к столу)*. Не прочь, сударь, не прочь.

Т а р е л к и н *(наливая водку)*. Чем Бог послал.

Р а с п л ю е в *(с возрастающим одушевлением)*. Что же? *(Рассматривает закуску.)* Хорошо послал. *(Берет сыру.)* Сырок. . . *(Пропускает.)* Икорка. . . *(Пропускает.)* Грибки. . . *(Жует и наливает травнику.)* Зелье травное! . . *(Пьет.)* Слабости человеческие. *(Жует полным ртом.)*

Т а р е л к и н *(в сторону)*. Батюшки, во-от пасть-то. Жрет, точно щука!

Р а с п л ю е в *(жует и наливает)*. Именно, справедливо вы давеча

в вашей речи упомянули, что душа-то наша бессмертна, *(жует)* и, по-моему, в ней хорошо то, что ведь соображает, мозгами играет, но пить, есть не просит. Как устроено-то! . . А? . . Вот она премудрость и благость. . . Нут-ка, батенька, повторение! . . *(Хлопает по столу стаканом. Кричит.)* Водки! . . *(Пьет и закусывает.)*

Т а р е л к и н *(в сторону)*. Боже праведный, что за пасть! . . *(Расплюев пропускает еще заряд.)* Еще? . . Что за дьявольщина! *(Вслух.)* Скажите: как себя чувствуете?

Р а с п л ю е в. Ничего не чувствую.

Т а р е л к и н. Неужели? . . *(С ужасом.)* Да чем же это кончится?! . .

Р а с п л ю е в. Такая натура! *(Наливает стакан водки и выпивает залпом, хлопает по столу стаканом; стакан разлетается вдребезги.)* Арган! . .

Т а р е л к и н *(в сторону, с отчаянием)*. Его прорвало! . .

Р а с п л ю е в *(жует во весь рот)*. Вам чаво?

Т а р е л к и н *(в ярости)*. Да смотрю, у вас там, может, что лопнуло, так смотрю, не проходит ли насквозь.

Р а с п л ю е в *(встряхиваясь на стуле)*. Батенька, не лопнет. . . Вы слышали: у Паганини хорош был инструмент?

Т а р е л к и н. Слышал.

Р а с п л ю е в. Мой лучше! . .

Т а р е л к и н. Верю.

Р а с п л ю е в. Об этом инструменте расскажу вам гисторию: прихожу я в трактир; спросил калач, чаю; арган мой и взыграл: песнопение такое, н-ну! . . Стало, мол, работы просить: подай, говорю, ветчины порцию, икорки порцию, водки по препорции, то есть три порции, так, мол, червяка и заморю. . . Съел. Представьте, не берет! . .

Т а р е л к и н. Тс-с! . .

Р а с п л ю е в. Фу, ты мол, штука какая! Давай, говорю, блинов! . . Пропустил десяток. . . другой в погоню. . . Не берет! . . А? . .

Т а р е л к и н. Необычайно!

Р а с п л ю е в. Вижу: дело плохо. Подай, говорю, по-нашему, по-русски: аржанова хлеба коврижку, три сельдины, — по полену каждая, — да квасу жбан. . . Перекрестился. . . восчувствовал, съел. . . Ну, и завязало! . . *(Хлопает по брюху.)* Так что вы толкуете: лопнуло? . . Здесь огнь не угасимый и червь неутолимый! . . Водки! . . *(Пьянеет. Тарелкин наливает водку. Расплюев пьет и подпирается в боки.)* Так как сказано-то? . . А? . . Полицию угости! . . Ха, ха, ха! Вот это так приятно! . .

ЯВЛЕНИЕ 3

Т а р е л к и н, Р а с п л ю е в выпивши и Л ю д м и л а медленно входит и осматривается.

Л ю д м и л а *(жеманно)*. Скажите, господа. . . Сила Силыч Копылов здесь что ль проживает?

Т а р е л к и н *(твердо)*. Копылов? Здесь живет.

Расплюев *(вглядываясь)*. Та, та, та вот оно, истинное-то угощение! .. Голубушка, красавица, ягодка! .. *(Идет к ней.)* Ты что? Ко мне? .. *(Заигрывает.)*

Людмила *(делает глазки и жеманится)*. Я на счет господина... как их? .. Копылова-с.

Расплюев *(в восхищении, в сторону)*. Вальяжнейшая баба! .. Обширность какая! А? .. Здесь, касатушка... *(Хочет обнять ее.)* Здесь, ягодка! .. Мать ты моя... масляница! .. *(Щиплет ее.)* Белое твое тело... *(Она отбивается. Возня.)* Перепелиные косточки... сахарные уста... *(Лезет целоваться.)*

Тарелкин *(в сторону)*. Ай, ай, ай, как нарезался!

Людмила *(высвободившись от Расплюева, оправляется и любезничает)*. Скажите на милость, что это с Копыловым-то приключилось?

Тарелкин. С Копыловым? .. Ничего не приключилось.

Людмила. Светики! .. *(Вытаскивает платок.)* Говорят, помер... А-ах. *(Хочет плакать.)*

Расплюев *(схватывая Людмилу)*. Чем обидели? .. Что такое? .. Ягодка! .. *(Целует ее.)* Объясни... я... полиция... Я все могу...

Тарелкин. Я... Сила Копылов... я!

Людмила *(любезничает)*. Чтой-то? А мне сказали, что уж и похоронили.

Тарелкин. Враки! .. Мой сосед Тарелкин помер... Тарелкина и похоронили.

Людмила *(та же игра)*. Ну я очинно рада: а то куда же мне головушку приклонить?

Расплюев. Ягодка! Сюда... Ко мне! .. В мои объятия! .. *(Подставляет ей руки. Она увертывается.)*

Тарелкин *(Расплюеву)*. Да ну вас! Что вы к ней пристали? *(Людмиле с нетерпением.)* Тебе что надо? Говори!

Людмила *(жеманно)*. Что же, Сила Силыч... Людмилушку помните?

Тарелкин. Какую Людмилушку?

Людмила. Людмилу Спиридоновну... Соблазнители вы...

Расплюев *(гогочет)*. Го, го, го, так вот в чем дело. Приятель?! Мотри. *(Грозит ему.)*

Тарелкин *(рисуется и припоминает)*. Была Амалия... была *(припоминает)*... Розалия... *(припоминает)* даже была одна... Канальья, но... Людмилы... *(припоминает)*... нет. Людмилы не помню.

Людмила *(жеманно)*. Сердце не вещует?

Тарелкин *(грубо)*. Не вещует!

Людмила *(выступая)*. Так вот она.

Тарелкин. Вот те раз! *(Осматривая ее.)* Какое чудище! .. Нет, черт с тобой, ступай вон... не надо!

Людмила. Ой ли? Вот как? Вон. Ишь ты. А детей видеть хочешь?

Тарелкин. Какие дети? Что за бестия навязалась? .. Нет у меня детей и не было!

Л ю д м и л а (*Расплюеву*). Вот они каковы, ваше благородие! Наплодит, а после и знать не хочет. *(К Тарелкину.)* Ну, полно, Силыч, давай на мировую... Ведь не первой... *(Припадает к нему и нежничает.)* Ах, Силыч!.. Друг!.. Давно же не видались... Постарел ты... айййники постарел... облез, как колено голое.

Т а р е л к и н. Ступай к черту!

Л ю д м и л а *(та же игра)*. Знаешь, Силыч, как я только тебя увижу, так во мне две перемены бывают: одна от моей пламенной горячности, а другая от твоей жестокой холодности. *(Ласкается к Тарелкину.)* Силыч... друг...

Т а р е л к и н. Вон, гадкая баба! Вон! Я тебя не знаю... Вон! И щенят не води. Я их в окно выкину!

Л ю д м и л а *(в азарте)*. Своих-то детей? Ах, злодей! Ах, разбойник! *(Расплюеву.)* Ваше благородие! Вы слышали? Будьте свидетели... Я вам просьбу подам: вы его, зверя, укротите!..

Р а с п л ю е в. Приходи в часть, там и подашь. *(Садится к столу с закуской.)*

Л ю д м и л а. Ну, так прощайте. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

Р а с п л ю е в, Т а р е л к и н, переряженный В а р р а в и н *(входит. Военная шинель и костыль)*, т о л п а к р е д и т о р о в. Шум и голоса. Стучатся в дверь.

Т а р е л к и н *(с сердцем)*. Кто там? Что такое? *(Кредиторы и с ними ряженый Варравин входят.)* Что вам надо?

1-й к р е д и т о р. Скажите, где тут Кандид Тарелкин?

2-й к р е д и т о р. Где титулярный советник Тарелкин?

В а р р а в и н *(густым басом)*. Где этот мошенник Тарелкин? *(Стучит костылем.)*

Т а р е л к и н *(переодетый. В сторону.)* Э-э-э, это мои кредиторы. Какие рожи! *(Вслух.)* Он умер, голубчики, умер.

2-й к р е д и т о р. Разбойник! Он нарочно.

1-й к р е д и т о р. Я не согласен. Я требую!.. Я трррребую!..

3-й к р е д и т о р *(пискливо)*. Вот оно... Где же у нас законы? Ведь это грабеж...

4-й к р е д и т о р *(потряхивает всем телом)*. Это бес...чест...но!..

2-й к р е д и т о р *(кричит)*. Я его на дне преисподней достану!.. За ворот возьму!..

1-й к р е д и т о р. Что вы вздор несете? Где нам по преисподней за ним охотиться?

2-й к р е д и т о р *(ударяя себя в грудь)*. Я могу искать мою собственность, где я хочу!

1-й к р е д и т о р *(вне себя)*. Ищите, черт возьми! Мне на вашу собственность начхать!..

2-й к р е д и т о р. А я на вашу плюю. *(Плюет и растирает ногой.)* Видите?

4-й кредитор *(потряхивая всем телом)*. В рожу ему! в рожу!

Варравин *(разнимая их)*. Господа, оставьте. *(Стучит костылем.)* Подавай нам имущество!

Кредиторы *(кричат)*. Подавай нам имущество!

Тарелкин *(затыкая уши)*. Все... взяла полиция!..

Варравин. Господа! В полицию! Одно спасение — полиция!..

Кредиторы *(кричат)*. В полицию! В полицию!

Шумно уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

Расплюев и Тарелкин.

Расплюев. Ннн-у!.. Накутил же этот Тарелкин, пусто ему будь! Необычайное зрелище предвижу, когда эти кредиторы в части сразятся... Прожженная была персона господин Тарелкин!.. Ишь ты: как потрафил. Умел жить... Умел вовремя и дух испустить... Куда бы ему теперь? Не миновать беды горючей. И из службы выгнали бы, и раздели бы, и в сибирке бы насиделся. А теперь что ему?.. Слава Богу, лежит себе вверх брюхом, лопочки сложил, и все тихо, все довольны. Помянули обедом... как следует... Даже его превосходительство могилку посетили. Почет какой! Этакой вельможа и вдруг соблаговолили бренное твое тело до могилы проводить!.. А что тело? Навоз. Потроха одни. Имуществом интересовались. С похорон сейчас со мною в часть. Все до ниточки пересмотрели.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Варравин, входит переряженный.

Варравин *(в сторону)*. Бумаг там нет. Стало, тут... *(Осматривает комод.)*

Тарелкин. Почтеннейший, что вам надо?..

Варравин *(остановясь и рассматривая парик)*. Часов своих ищу. Скажите: неужели Тарелкин умер? *(Бросает парик в комод.)*

Тарелкин *(расставя руки)*. Умер.

Варравин *(с жаром)*. Умер... Однако, как же так? Ведь должен!..

Тарелкин. Закон природы, что будете делать.

Варравин *(покачивая головой)*. Ай, ай, ай!

Тарелкин. Разве вы знали покойного?

Варравин. Знал. Вот свинья-то была!

Расплюев. А,а,а, так вы его близко знали?

Варравин. Ну как же, приятелями были.

Тарелкин *(с удивлением, в сторону)*. Приятели? Что за птица? Отродясь не видал.

Тарелкин и Варравин обходят и осматривают друг друга.

Тарелкин *(в сторону)*. Да это жулик!

Варравин *(в сторону)*. Какая мошенническая рожа!

Тарелкин. Однако, милостивый государь, замечу вам, о мертвых так говорить нельзя.

Варравин. Почему? Как мне свинью-то называть? *(К Расплюеву.)* Представьте себе, господин квартальный поручик, что этот подлец Тарел...

Тарелкин *(перебивая)*. Нет, позвольте...

Варравин. Что-о-о-о? Что позволить? Я оскорблен на самом дне моей души, а вы мне не даете облегчиться. Да после этого кто же вы сами? А?

Тарелкин *(показывая на Расплюева)*. Вы вот у кого спросите. *(Расплюев делает утвердительный жест.)* А вы-то кто?

Варравин *(твердо)*. Я кредитор покойного.

Тарелкин *(так же твердо)*. У него такого кредитора не было.

Варравин *(с жаром)*. Ка-а-а-ак?! Как вы смеете?.. Я капитан Полутатаринов. Я, видите *(показывая хромую ногу)*, кавказский герой... *(Кричит.)* Я Шамиля брал! Черт возьми!..

Тарелкин *(горячится)*. А я все-таки говорю...

Расплюев *(покачиваясь)*. Шшш... Не шуметь!.. *(Варравину.)* Продолжайте.

Варравин. Итак, представьте, этот негодяй, вероятно, уже чувствуя, что умрет, назанимал у знакомых денег, вещей, что только мог, и вот у меня самым предательским образом выманил, каналья, часы, превосходнейшие, брегет!..

Тарелкин *(в сторону)*. Врет. *(В ярости.)* Уууу!

Варравин *(продолжая)*. Взял он у меня эти часы и говорит: в театр, братец, иду. Цепочка есть, а часов нет, — одолжи. Я ему по дружбе и только по дружбе... и одолжил.

Тарелкин *(в сторону, сжав кулаки)*. Вот ярость! Знаю, что врет, и не могу сказать: ракалия, ты врешь.. *(С иронией.)* Ну, вы ему и одолжили?

Варравин *(настойчиво)*. Да, и одолжил. И что же, разбойник, сделал: часы взял, сам умер, и я, как рак на мели. Теперь, где же эти часы? В полиции нет, стало, здесь. А потому позвольте мне все эти закоулки обшарить. *(Смотрит под диван.)* Не засунул ли он их из-за одной лишь пакости куда-нибудь в щель, или не оставил ли, разбойник, промеж книг, бумаг, документов?.. Все возможно.

Расплюев. Так! Это мое правило: всему верь, ибо все возможно.. *(Указывая на дверь.)* Там всякий хлам остался, — осмотрите.

Варравин. Прошу на все имущество наложить арест.

Расплюев. Лишнее: по копейке на рубль не хватит.

Варравин *(с жаром)*. Га-а! Так! Так и знал. Верите ли, какой он был пройдоха! Он на это только и бил, чтобы взять и потом, естественно, не отдать. Всемилосердный Господи! если бы теперь он мне в лапы попался, да я бы ему всю морду разнес!

Тарелкин *(с негодованием)*. Однако позвольте, черт возьми!

В а р р а в и н *(с увлечением продолжает говорить Расплюеву)*. Верите ли, что по этим обстоятельствам ему неоднократно в рожу плевали! Да. . .

Т а р е л к и н. Да это невыносимо!

В а р р а в и н. Так, согласен. Но, представьте, эта каналья выносила! . .

Т а р е л к и н. Так ругаться не позволю: он покойник. . . Вы мое нравственное чувство оскорбляете.

В а р р а в и н. Что-о-о-с? Нравственное чувство? А это что за настойка? на каких ягодах? Мне что-то неизвестно. . . Гм. . . Нравственное чувство. . . Вот он, ракалия, так все чувства оскорблял!

Т а р е л к и н. Какие же чувства оскорблял по-вашему покойник Тарелкин?

В а р р а в и н. Все: зрение, ибо рожа его была отвратительна; слух, ибо голос его дребезжал, как худая балалайка; осязание, ибо кожу его покрывал злокачественный пот; обоняние, ибо от него пахло дохлым мясом! . .

Т а р е л к и н *(вне себя)*. Лжете, сударь, лжете! восемь раз: лжете! Не пахло!

В а р р а в и н. Пахло!

Т а р е л к и н *(отбежав, в сторону)*. Что за ругатель? Откуда взялась такая шельма?

В а р р а в и н *(Расплюеву)*. Так видите: все чувства, и этот бандит. . .

Р а с п л ю е в *(встает, покачиваясь)*. Робята, стой! Дело. . . хитрейшего свойства. . . Приметы приходятся как раз *(указывая на Тарелкина)* вот на него! . .

Т а р е л к и н. Как вы смеете? . .

Р а с п л ю е в. Во-первых, у меня не ораторствовать, то есть горло не драть! . .

В а р р а в и н. Та, та, та, позвольте, благодетель, позвольте.

Р а с п л ю е в *(подпираясь в боки, становится насупротив Тарелкина и покачивается)*. Первое — лицо. . . *(Варравину.)* По-моему: лицо неприятное.

В а р р а в и н *(показывая на Тарелкина)*. Лицо?! Это лицо? . . Скажите, что это рожа, что это — рыло, но лицом не зовите: вы меня возмущаете!

Р а с п л ю е в *(та же поза)*. Согласен.

Т а р е л к и н *(кричит)*. Это не резон. . . Всякие лица бывают! . .

В а р р а в и н. Голос слышите. . . худую-то балалайку?

Р а с п л ю е в *(решительно)*. Так. . . так. . . Хитрое обстоятельство. . . Сумнительная личность. . .

Т а р е л к и н *(с жаром)*. Слушайте меня! Покойный Тарелкин имел прекрасные волосы, а я, как видите *(показывая совершенно лысую голову)*. . . чисто?

Р а с п л ю е в. Чисто, да не совсем, а эта вещица что здесь делает?

В а р р а в и н *(открывает комод и вынимает парик)*. Это что?! .

Р а с п л ю е в *(в недоумении)*. Да это парик! . . Что с ним делать?

В а р р а в и н. Как что делать? На него и напялить. *(Указывает на Тарелкина.)*

Расплюев. Решаю: напялить!..

Варравин *(ставит стул Тарелкину)*. Соблаговолите...

Тарелкин. Не позволю!.. Не потерплю!..

Расплюев. А мы подержим, мы подержим! *(Хватает Тарелкина, сажает на стул и кричит.)* Полотенце!..

Варравин. Вот, благодетель, вот. *(Подает полотенце.)*

Расплюев *(крутит ему руки)*. Мы подержим, мы подержим... Анафема какая... а?..

Тарелкин. Ой, ой, ой... легче...

Варравин *(напяливает на Тарелкина парик)*. Вот так. *(Осматривает Тарелкина.)* Боже мой, что я вижу!

Расплюев. Что, что? Что такое?

Варравин. Тарелкин!

Расплюев *(в страхе)*. Неужели Тарелкин?.. Вы его знали?

Варравин. Как свои пять пальцев.

Расплюев. О ужас! Стойте... *(Отдержавши.)* Знаете ли что? Тарелкин умер и мною... в землю зарыт... А?.. Генерал Варравин похороны справил... Сомнение невозможно! Что делать? А?.. А?.. что делать?..

Варравин *(с напором. Стучит костылем)*. Арррест!.. *(Отходя, в сторону.)* Каков бездельник?.. А? а? а?.. Погоди, я тебя, негодяй, доеду!..

Тарелкин. Осмельтесь. *(Рвется освободить руки.)*

Варравин *(Расплюеву, показывая на Тарелкина)*. В темную!.. Требуйте вид!

Расплюев. Подавай вид!

Тарелкин. Вон — в комоде...

Варравин *(отыскивает вид и подает Расплюеву)*. Смотрите в оба! Я носом слышу... тут не чисто... дьявольщиной пахнет!..

Расплюев *(развертывает вид)*. Хитрое обстоятельство. *(Читает.)* м...м...м...м...м...м...м...м...

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Качала, входит с пакетом в руке.

Качала. Ваше Благородие... Из части бумага... *(Подает бумагу Расплюеву.)*

Расплюев *(Качале.)*. Обожди. *(Варравину, указывая на вид.)* Сила Силыч Копылов, надворный советник. Так. Верно!.. *(Качале.)* Давай сюда из части бумагу... *(Распечатывает и читает.)* Что это? Не пойму: *(читает)* «Описать имущество проживавшего в третьем квартале, скоропостижно в деревне Разгильдяевке умершего надворного советника, Силы... Силы... Коп... Коп... Ко-пы-ло-ва...»

Качала. Иен, ваше бродие, помер.

Расплюев *(кричит)*. Что? а?

Качала *(кричит)*. У Шлиссельбурге помер. Как жил, так и помер.

Расплюев *(с напором)*. Да вот он, Копылов... Жив. Сидит на стуле!..

Качала. Не могим знать, ваше бродие...

Варравин *(хлопнув себя по голове)*. А-а-а, понял! *(Расплюеву.)* Тут уголовщина...

Расплюев *(оробев, жмется к Варравину)*. А? что? А? .. Я ничего не понимаю... *(Тарелкин рвется на стуле. Расплюев толкает в шею Качалу.)* Держи! Держи его, бездельника! *(Качала упирается. Расплюев берется за бумаги.)* Умер... Нет сомнения... Копылов умер... Умер от апоплексии. Умер в деревне Разгильдяевке, взрезан и в землю зарыт. *(Хлопает по бумаге.)*

Варравин. Ужасно!

Расплюев. Теперь опять это: Тарелкин умер, умер и Боже!.. мною... *(с увлечением; бьет себя в грудь)*... мною... в землю зарыт!.. А?.. Теперь этот: кто же он?.. *(Отдержавши.)* Кто же он?..

Варравин. Стойте! Я знаю, кто он!..

Расплюев *(отдержавши)*. Кто же?.. Кто?

Варравин. Это *(думает, отдержавши)* — величайшая опасность жизни...

Расплюев. Что вы говорите? Господи, Твоя воля!

Качала *(робея)*. С нами хрестная сила!

Варравин. Слушайте меня, но только держитесь. *(Расплюев ухватывается за Качалу.)* Знаете ли вы, что такое вуйдалак?

Расплюев. Нет.

Варравин. Упырь?

Расплюев. Нет.

Варравин. Мцырь?

Расплюев. Нет, нет, нет!

Варравин *(показывая на Тарелкина)*. Видите, во-первых, он уже мертвый.

Расплюев *(смущенно. По нем пробегает дрожь.)* Бррр-а-а...

Варравин. Похоронен и в землю зарыт... Так?

Расплюев. Бррр-р-аа!..

Варравин. Но, естественно, хочет жить.

Расплюев. Естественно.

Варравин *(таинственно)*. И что же? Покидает свое жилище, могилу, там, что.... и ходит!

Расплюев *(вздрагивая)*. Брррр-аа!

Варравин. Однако питаться злаками или чем другим не может, ибо это будет уже пищеварение, а какое же у него там, черт возьми, пищеварение?.. А потому и питается он теплою человеческою кровью... Потому готовое кушанье... А? Что вы скажете?

Расплюев *(схватившись за голову)*. Теплою человеческою кровью... А? Целый ад!.. *(Подходит к авансцене.)* Морроз по всем жилам так и дерет!..

Варравин *(подходя в это время к Тарелкину, тихо)*. Змея!.. Ты в моих руках!..

Тарелкин *(с ужасом)*. Варравин! . .

Варравин *(бьет себя костылем в грудь)*. Я-а-а-а-а! *(Тем же ходом берет стул и ставит его перед Расплюевым.)* Теперь садитесь. *(Расплюев садится.)* У него, стало, хобот.

Расплюев. Фу-а!

Варравин. Хобот, как жало скорпиона и крепости адамантовой.

Расплюев. Фу-а! . . Брррррр! . .

Варравин. Подкараулив вас, он избирает в вашей голове место да хоботком-то как кокнет. *(Кокает Расплюева по голове костылем.)* Чувствуете? *(Расплюев, раскрывши рот, остается неподвижным.)* И этим повергает вас в беспамятство. Ну и начинает из вас крровь сосать! . .

Тарелкин с отчаянием рвется.

Расплюев *(струсивши, кричит)*. Держи злодея! . . Держи! . .

Качала *(жмется к Расплюеву)*. Ух, ух!

Варравин *(бросается к Тарелкину и затягивает ему руки)*. Вот так. *(Поворачивается к Расплюеву.)* Теперь бы наручники. . . Ну, это уж ваше дело. *(Схватывает шляпу, костыль и поднимает руки.)* Боже праведный, упаси мои косточки! . .

Расплюев *(ухватываясь за него)*. Стойте, я вас не выпущу!

Варравин *(указывая на Тарелкина)*. В секрет! Куйте: птица редкая! . . Какая честь! Полиции честь! Вам — честь! . .

Расплюев. Отец, не оставляйте меня. . . Я. . . теряюсь. . .

Варравин *(хочет идти)*. Вам крест. . . Непременно крест! . .

Расплюев *(уцепившись за Варравина)*. Я вас не выпущу!

Варравин. Не имеете права.

Расплюев *(держит его)*. Именем полиции. . . приказываю. . . Качала! Шатала! Сюда! . . Съаркань ты мне этого зверя. Я ему первый допрос сейчас вкачу. *(Шатала и Качала накидывают на Тарелкина веревку.)* Крути его, разбойника, крути! *(Мушкатеры крутят Тарелкина.)* В мою голову крути! . . Еще. . . *(Они прибавляют.)*

Тарелкин. Ох, ох, что вы делаете? . . Ай! . .

Расплюев. Ага! голос подал! . . Анафема, говори, кто ты?!

Тарелкин *(в сторону, опустив голову)*. Пропал!

Расплюев. Говори!

Тарелкин. Я — Копылов.

Расплюев. Врешь, адская душа! Он умер. Вот бумаги. Умер, выпотрошен и в землю зарыт. . . *(Качале.)* Крути! . .

Тарелкин. Ой, ой. . . Ну я — Тарелкин. . . ой, Тарелкин!

Расплюев *(с силою)*. Врешь! Сам генерал Варравин. . . Что ты, анафема, морочишь? . . *(Качале.)* Крути вовсю! . .

Тарелкин. Ой, ой, батюшки, ай! Я. . . я. . . я — оба.

Варравин *(Расплюеву)*. И оба мертвые. *(Хватает себя за голову.)* Это ужасно!

Расплюев. Это. . . это ужасно! *(Вдруг вскакивает.)* Цепей и кандалы!. . Тут преступление. . . Нет, тут два преступления! . .

Варравин *(подхватывая)*. Нет, тут три преступления! *(Поднимает высоко шляпу.)* К начальству! Да, сто чертей и одна ведьма, к начальству! . . *(Надевает шляпу.)*

Расплюев *(так же махая шляпой)*. Так. К начальству! *(Мушкатерам.)* Арестанта — в секретную! . .

Варравин подхватывает Расплюева под руку, они стремительно выбегают вон. За ними Качала и Шатала тащат силою Тарелкина.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Крестьян Крестьянович Унмеглихкейт, входит.

Ох. А-а-а-а-а, господин эскулап! Его нам и надо. . . *(Крестьян Крестьянович идет прямо к авансцене, ерошит волосы, смотрит на потолок.)* Пропиши, брат, арестанту свою цидулку, — он что-то прихворнул.

Крестьян Крестьянович *(сердито)*. Знай! . . *(Ерошит волосы.)* Он тоскуй. . .

Ох. Ну, да. . . У него томление какое-то.

Крестьян Крестьянович *(сердито)*. Знай! . . *(Обдумывая.)* Ревматически страданий. . . спинной. . . мозга. . .

Ох. Н. . .н. . .н. . .о! . . *(Крутит головой и показывает на доктора.)* Бе-э-довый! . .

Крестьян Крестьянович *(сердится)*. Вы нишего понимай. Спинной мозга. . . это близка шолудка. . . Там пашар, сдесь пашар. . . везде пашар. *(Отдержавши.)* Иему следоваит водолечение.

Ох *(в сторону)*. Совсем спятил.

Расплюев *(подступая, с напором)*. Водолечение?! Да мы свои головы потеряем.

Крестьян Крестьянович *(зло)*. Мой калава никогда тэряй. . .

Ох *(с досадой)*. Хорошо вам, эскулапам, толковать: как сыр в масле катаетесь.

Крестьян Крестьянович *(тоже горячится)*. Какой сир? Кто сир? . .

Ох *(тоже горячится)*. А потому ты сыр, что твоя медицина. . . Богом хранима! *(Отдержавши.)* Не отвечаешь?. . Вото что по-нашему значит сыр! . .

Расплюев. А по-моему: мадам медицину на буксир да к генерал-губернатору: отвечай!

Ох *(подхватывая)*. Так. . . Отвечай. . .

Крестьян Крестьянович *(в полнейшем негодовании)*. Медисин? Отвечай? *(С напором.)* Какой шорт медисин отвечай, когда па-асиента не держит лечение. . . Слушайте, у меня казус буль. . . *(Ерошит во-*

лосы.) У пасиента тиф... Илеотиф, экс-атематический и рекурепс и все вместе... Мэра надо принимайт ра-а-дикальный... Первый раз даваю иему кинин... трисать грамм. *(Останавливается и поправляет очки.)*... Карошо???? ..

Ох *(с усмешкой)*. Чего лучше.

Крестьян Крестьянович. Кладывая иему те-это в лед... в шалудка лию иему, каналья, коньяк... гаршишник, кравопусканий... клейстир постоянна. Я и иему горячка прервал... *(С презрением.)* Ну только он не выдержал... умер, такой дрянь натур буль... Ничему тут медисин отвечай тогда *(с большим напором)*, пасиент не держит! .. ну, кажите? ..

Ох *(махнув рукой)*. Ну... хорошо, хорошо. Вы вот арестанту пропишите.

Крестьян Крестьянович. Што такой ему писуй? .. *(Думает.)* Ну, салис.. салис... нет, нет... *(Думает.)* Ну, экстрактум... экстрактум... нет, нет! .. Ну, ассафетида... Это такой... я ему хочит тейфельсдрек, это... навоз... Да шортово навоз...

Ох. Ну, и чудесно. Если чертово, то ему по нутру придется. А дело в том, Крестьян Крестьянович, вы пропишите так, чтобы на случай видно было, что медицина свою помощь подала.

Крестьян Крестьянович. А-а-а, карашо...

Ох. Ну, а там, что выйдет. Ведь медицина не ответствует?

Крестьян Крестьянович *(с особенным убеждением)*. Никогда медисин отвечай... никогда! .. Никогда! .. *(Уходит.)*

Ох *(Расплюеву)*. Ну, Иван Антонович, начинай.

Расплюев *(кричит)*. Ей, Ваничка, сюда!

КВАРТЕТ

(Из письма к Приятелю)

Любезный Друг!

Я слышу, что ты, окончивши курс лечения на Кавказе, предполагаешь провести несколько месяцев в Деревне. Это будет отлично! Советую первое: работу в саду, второе: открытое окно денно и ночно, и третье: молоко одной и той же здоровой, свежим сеном кормленной коровы. Но еще более советую не только таковую бескровную пищу, но главное: мало пищи.

Сам я, проживая теперь в К***, сплю на невозможных постелях и ем невообразимую дрянь, несмотря на то, что передо мною Волга с рыбой, а за Волгой леса с рябчиками. Какой талант у людей: все иметь и все изгадить. Живу по Делу, значит принудительно созерцаю всероссийскую Волокиту, т. е. с унынием слежу, как пустейшие Бумаги переползают из одной Клоповни в другую. Всё Чиновники, везде Чиновники, все Чиновники. Частные Люди, т. е. Ничтожества, короче, Дворяне, переколели или доизмирают в Паутине долгов, изловленные всякими Пауками, Вшами и Клопами, которые тепло, сытно и плотоядно кишат в своих Клоповнях.

Поговаривают о новых Учреждениях, например: о земских Начальствах. Есть Кандиды или, проще, Наивники, ожидающие в своей Наивности Лучшего. Какой Вздор! Законы новые; Люди старые и будет все та же Дребедень.

Был у нас писатель господин Крылов, говорят, хороший был Человек; написал он Сказку: «Квартет»: в которой повествует так: «Осел, Козел, Мартышка и косолапый Мишка задумали сыграть квартет». Ну, естественно, распределение ролей такое:

Осел — стало, Председатель и Князь.

Козел — Поп.

Мартышка (в очках) — Либерал

и Косолапый Мишка. Ну этот Косолапый меня ежечасно утешает и большие Надежды подает. . . .

Сели они вечерком под Липки — стало, сельская Обстановка — ударили в Смычки, дерут, а толку нет. . . . Ребята! . . Стой!!! Вы не так сидите. . . Ты, Мишенька, того! . . А ты, Осел, того! А ты, Мартышка, цыц!! . не зуди! ! Ннну! . . Стало, Реформа!! Иначе скажу: Посул Благоденствия в Будущем, а в Настоящем уррррааа!!! . .

Клоповники вскипают. . . и образуют клоповные Комитеты. Вшивые Комиссии представляют мертворожденные Проэкты, от которых тут же несет Падалью и Банкротством. Плоская и наглая Глиста Медицина подает «Проэкт Ассенизации» тех внутренностей, в гное которых сама живет. Телескопические и микроскопические Паразиты образуют Общества «Поощрения Труда», который тут же и объедают. Пауки переносят Паутины на новые и свежие места грабительства. . . . Переворот. . . Водо-

ворот.... Воды Толчение.... Многих Утешение.... Мартышек Умиление.... Чиновников Умножение.... Всеобщее Разорение.

Заключение

Картина или Апофеоз!...

При рембрандтовском зловещем Освещении глухая Ночь. Рак Чиновничества, разъевший в одну сплошную Рану великое Тело России, едет на ней верхом и высоко держит Знамя Прогресса!...

Прощай! Напиши, скоро ли умрешь?

По-моему, пора!!!

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОГЛАШЕНИЕ БАТЮШКИ С МИРОМ, ИЛИ ТАРИФ НА РАЗДРОБИТЕЛЬНУЮ ПРОДАЖУ ДАРОВ ДУХА СВЯТАГО

(Сцена из сельской Жизни)

Действующие Лица: Батюшка, Мир, Митюха, Митроха, Неверующий, Прихожане.

Батюшка читает. Писарь пишет. Мир приговаривает. Шум!!

Батюшка (*громко*). Православные — тише... (*Шум утихает.*) За таинство крещения — единолично — рупь.

Мир. Мооожна!.. Работника дождались — Припент вышел; мооожна!

Батюшка. За таинство покаяния — полтина.

Мир. Идет.

Батюшка. За таинство причастия — тридцать копеек.

Мир. И эта можна... только, Отец, жижицы бы побольше!

Батюшка. Будет тебе и тово!.. За таинство брака — пятнадцать рублей.

Мир (*волнуется*). Отцы наши! — Разбой!! (*Шум.*) Брат, Сват! Митроха!.. Митюха! (*Митроха с Митюхой уже налимоненные рассуждают так:*)

Митроха *(в азарте)*. Платить плати — а товар какой? — Неизвестно!.. Это как же будет, а?

Митюха (*тоже горячится*). А как будет?.. Раззоррр!

Батюшка (*стараясь перекричать*). За погребение — пять рублей.

Мир (*Волнение растет*). Ккуда!!!.. зачем!.. чаво!.. Даром бы можна... (*Шум и Восстание.*)

Митроха (*кричит*). Ввестимо!.. Потроха одне!.. Куда его к примеру, покойника-то?..

Батюшка (*внушительно*). Митрий! — Не голди; вам покойничек — а нам товарец, ты это выкуси!!.. (*Утихают.*)

Б а т ю ш к а (*читает*). За прописку вида в Царство Небесное: с Венцом — двадцать пять копеек.

М и р. Вот так дешево.

М и т ю х а. Православные! ономнясь в Тьмутараканскую губернию прописывался — двухрублевку сорвали. Во каковы ноне цены-то!

Б а т ю ш к а (*читает громко*). За получение всех Благ земных: Благорастворение Воздухов, Изобилие Плодов Земных и Временев мирных и прочее. . . . двенадцать копеек.

М и р. Бааатюшки. . . Отцы родные. . . Вот так дешево. . . Нууу Робяя. . . мы на евтом стихе копейку зашибем.

Р о б я я (*кричат*). Зашибем! . . зашибем! . .

Н е в е р у ю щ и й. Зашибешь, коли Батька не соврал.

М и р. Толкуй там! — не соврет!

Н е в е р у ю щ и й. А почему же, лупоглазые вы черти, в Писании-то сказано:

Стало врет,
Коль дешево берет.

М и р (*с увлечением*). Ничаво! . . Зашибем!! . . (*Все довольны и расходятся в надежде, что зашибут.*)

〈АВТОБИОГРАФИЯ. (1898)〉

А. В. Сухово-Кобылин принадлежит к одному из древнейших Родов русского Дворянства; он родился в 1817 году 17 сентября в московском доме Сухово-Кобылиных, состоящем в Приходе Харитония в Огородниках. Воспитывался Дома. В 1834 году поступил в Московский Университет, где в 1838 году за представленное по Конкурсу Сочинение по математическому Отделению на тему: «Теория Цепной Линии» награжден золотой Медалью и, как кандидат эминент, был представлен высшему Начальству, которое дало ему Право избрать по Желанию Министерство, для служения. По окончании Курса по Желанию Родителей выехал в Германию в Гейдельбергский Университет, для дальнейших Занятий по Философии, под руководством профессора Философии Фрейгера Рейлес фон Мельдека, причем слушал Курсы Философии Права профессора Захарии, всемирной Истории профессоров Шлоссера и Корнюма, Символики и Мифологии профессора Крейдера; в Берлинском Университете Курсы Гегельянцев Габлера, Вердера и Мишелета, за сим годы с 1843 и по 1850-й провел в Париже и Москве в светской Жизни. В 1849 году, получивши все Имения своего Семейства в свое Управление, выехал в тульское Имение Сельцо Кобылинку, которое избрал своим Местопребыванием, занявшись устройством имений, разбросанных в разных губерниях, и отдавши все свободное время Продолжению своих Трудов по Философии, начатых еще в Гейдельберге и Берлине. В 1852 году начат был Перевод гегелевой *Философии Истории*. Совместно с этой умственной Работой в свободные минуты начал писать свои драматиче-

ские Произведения. В 1854-м году перевод Философии Истории был исполнен и с сим вместе была окончена и комедия «Свадьба Кречинского», которая была писана в Минуты, свободные от философских занятий, которая 31 августа 1855 года была представлена в Дирекцию Императорских Театров на поспектакельную Плату. 28 ноября 1855 года пиэсса была дана в Москве на Сцене Малого Театра. Ее Успех афформировался таким небывалым Фактом, что она 18 первых Представлений дана при полных Сборах, вследствии чего Автор получил право на бесплатный ход во все Имп. театры; а в течение всего своего Существования уже перешла за 200 000 рублей, т. е. за 500 000 франков. Известно, что Пьеса Ал. Дюма Dame aux camélias дала менее 200 000 франков. В 1858 году была окончена вторая Пиэсса: «Дело», которая, однако, не была допущена на Сцену и пролежала 23 года под Запрещением. Она была дана в первый Раз в Москве в 1881 году. Этот незаслуженный Запрет пиэссы, которой Содержание имеет высоко-нравственный Характер, заставил Автора бросить сценическую Литературу и отдать всю свою умственную Деятельность дальнейшему Развитию своих философских Концепций. Этим путем получены переводы трех томов Логики Гегеля, одного тома Феноменологии, одного тома Философии Природы и одного тома Энциклопедии философских Наук. За сим с 1875 года, когда Переводы эти были окончены и по сей День марта 1 числа 1898 года, т. е. в 23 года Работы, совершилось Создание собственного Учения, имеющего своим исходным Пунктом Параграф 575-й, завершающий собою собственно гегелеву Энциклопедию философских Наук и совместно образующий собою То Зерно, из которого изошло уже самостоятельное Поступание Автора «Свадьбы Кречинского» и «Дела» за спекулятивную гегелеву Философию. Поступание это распадается на две Части. 1-я Часть есть Учение о субстанциональном Тождестве Гегелизма и Дарвинизма, в котором Дарвинизм демонстрирован как частный Случай или Момент Гегелизма; — а 2-я Часть является уже Синтезисом оных двух Учений и потому дальнейшим Поступанием за Гегелизм, т. е. *Неогегелизмом*.

Есть Основание опасаться, что независящие от Автора Обстоятельства, вероятно, сделают необходимым Перевод собственных его Трудов по спекулативной Философии в ее Поступании за Гегелизм на немецкий Язык, — в предвидении Автор по возможности сокращает Изложение до возможно уменьшенных Размеров.

⟨АВТОБИОГРАФИЯ (1902)⟩

Автор *Свадьбы Кречинского* г. Сухово-Кобылин принадлежит к одному из самых знаменитых дворянских русских родов; его предки играли важную роль при дворе Ивана Грозного.

Он родился в 1817 г. Его отец, подполковник артиллерии, принимал участие в битвах против Наполеона и во взятии Парижа в 1814 г.

Г. Сухово-Кобылин учился на математическом факультете Московского университета и блестяще окончил его первым. Под влиянием своего друга детства, впоследствии знаменитого русского эмигранта Герцена, он начинает заниматься литературой; но особенно его увлекает философия Гегеля. Он продолжает учиться в Гейдельберге, Риме, Париже, где завязывает дружеские отношения с самыми известными учеными и писателями.

После возвращения в Россию он поселяется в деревне и полностью отдается переводу трудов Гегеля. На эту работу ушло двадцать лет. В 1899 г. большой пожар уничтожил имение г. Сухово-Кобылина, в огне погиб и перевод Гегеля.

Свадьба Кречинского впервые была поставлена в 1855 г. в Московском Императорском театре, войдя в анналы русского драматического искусства. На первые двадцать спектаклей все билеты были распроданы за один день. Пьеса сразу же обошла все столичные и провинциальные сцены. Трудно даже подсчитать, сколько спектаклей дано в России на сегодняшний день. Имена двух героев — Кречинского и Расплюева — стали нарицательными; множество выражений и фраз из *Свадьбы Кречинского* вошли в пословицы.

Кроме *Свадьбы Кречинского* г. Сухово-Кобылин написал еще две пьесы: драму *Дело* (1857) и вторую драму *Расплюевские веселые дни* (1858). Две последние драмы представляют замечательную картину жизни русского чиновничества накануне реформ императора Александра II; продолжая по теме *Свадьбу Кречинского*, они составляют с этой пьесой своего рода трилогию. *Дело* и *Расплюевские веселые дни* вплоть до последних лет были запрещены цензурой. Вторая пьеса была поставлена в 1900 г. на сцене Художественного театра в С.-Петербурге под названием *Смерть Тарелкина.*

Г. Сухово-Кобылин, которому сейчас 84 года, гостит во Франции; он живет на Лазурном берегу, в Болье.

Перевод с французского В. И. Азанова и М. Л. Моралевой.

1895 год. 40-летие СВАДЬБЫ КРЕЧИНСКОГО

Я никогде ⟨не⟩ думал что я буду писать и даже, писавши мое рассуждение на золотую медаль Теорию Цепной Линии, я не думал и не видел, что оно имело стилистическое Значение. Пребывание в Гейдельбергском Университете было посвящено занятию философией, которое шло ничего ⟨?⟩. Мною было написано несколь⟨ко⟩ Стихотворений по-немецки, из которых одно было положено на Музыку одним товарищем по Университету Гофштетером, и напечатано было с Музыкой в Гейдельберге. У меня уцелел Экземпляр.

После жизни в Париже я продолжал светскую Жизнь до жестокого Дня 7 Ноября, который был жестокою Точкою Поворота Меня в Меня

Самого. Буря общественного Мнения, которая разразилась надо мною, вогнала меня в меня Самого и чрез это и Зачалась моя Внутренняя Жизнь — работа Мышления, которое отныне и составило все Содержание Моего Я.

В Момент высокого Негодования я кинулся на некоторые Зачатки Перевода из Гегелевой Логики и скоро внутри меня Аффекты чувствительности и Воображения стали исчезать и стал во мне водворяться тот Мир и Тишина, которые я впервые вкусил в Гейдельберге.

День этот — День Потери Любимой Женщины был Днем жесточайшего немотивированного Оскорбления и днем, когда я покинул Московское Общество и отряхнул Прах от ног Моих. Шесть месяцев после События я вновь принялся за немецкую Философию, т. е. Гегелизм и зачал мой Перевод Гегелевых Сочинений. Эта Работа взяла у меня всю Эпоху от 1850 до 1870 года, и после которой Наступила Эпоха самостоятельной Работы, которая и по днесь ежедневно продолжается.

Замечательно, что совместно с этим в свободные Моменты мне стало писаться урывками и так сказать Экспромтом и экскурсии и ⟨в?⟩ драматическую Литературу. Случилось это так.

Твоя мать написала — около 1851 или 52 года очень ловкую Сценку из светской Жизни — un proverbe. * У меня за обедом в интимном Кругу зашла об ней Речь, и я упрекнул твою Мать, зачем она разменивает свой Талант на мелкие Вещи, а не пишет прямо для Сцены и т. далее. Конечно, стали говорить о Сюжете, и я посоветовал написать нечто в Роде будущего, т. е. зарождавшегося Кречинского. Спросили Лист бумаги, и я начал писать Scenario. Бывший тут очень даровитый Преображенский офицер Etienne ** Сорочинский, превосходный рассказчик и Театрал, предложил Твоей матери писать вдвоем. Что и было принято. Я должен был составить весь План, за что я на другой же день и принялся. В следующую субботу План был готов и одна сцена, которую я, увлеченный Планом, тут же и набросал. Я прочел План и Сцену, которая поморила со смеху всю Компанию. Сцена эта и теперь Жива — это второе явление второго Действия, т. е. Entrée *** Расплюева и его Слова: «Была Игра», которая впоследствии была литографирована. Сестра Лиза и Сорочинский взялись за дело; но оно не пошло. Сорочинский писал Глупости и вещи невозможные, и вообще дело не состоялось — но, имея массу свободного времени, ⟨я⟩ продолжал писать, и таким образом написалось в свободные Минуты и рядом с занятиями Гегелем весь второй Акт и за сим Третий Акт — что сделалось довольно скоро. Но первый Акт очень ⟨? более?⟩ трудный задержал работу. Подошел 1854 год, когда я был подвергнут второму Аресту по делу об убийстве Луизы Симон. Арест продолжался шесть месяцев, и все они были употреблены на отделку и обработку Свадьбы Кречинского. Каким образом мог я писать эту Комедию, состоя под убийственным обвинением и требованием взятки

* Пословица (*франц.*).
** Этьен (*франц.*).
*** Выход (*франц.*).

в 50 т. р., я не знаю — но знаю, что написал Кречинского в Тюрьме — впрочем, не совсем — ибо я содержался (благодаря защите Княгини Гагариной и Закревского) на Гауптвахте у Воскресенских ворот. Здесь окончен был Кречинский. В Ноябре 1854 года я был уже в Петербурге и внес Материал в III отделение Соб. Е. В. Канцелярии Ценсору Гедерштерну. Объяснение с ним было резкое. Он восстал на слог, который признал тривиальным и невозможным на Сцене, и когда я намекнул ему на его Некомпетентность как Германца судить мой русский слог — то он, бросивши на меня свирепый взор, объяснил мне коротко и ясно, что пьесу мою Запрещает. — Поставили на ней Красный Крест. — Несколько месяцев спустя на Престол взошел Император Александр II, Дубельт исчез, и пьеса моя была разрешена к Представлению. Я готовился представить ее в Контору Москов. Театра и передал ее Шумскому, заявивши, что я отдаю ее на поспектакельную Плату и что я совместно заявляю мое согласие, чтобы она была дана в Бенефис Шумского. Это и совершилось 28 Ноября 1855 года.

В городе продолжались Зловещие для Меня Слухи по Поводу моего Участия в Убийстве Луизы. Можно себе вообразить Сенсацию этой вероломной и тупоумной Публики, когда она узнала, что этот Злодей написал пьесу и выступает автором Драматического Сочинения. —

История передачи пьесы такая. Шумскому выдано письмо представить пьесу в Москов. Контору на поспектакельную Плату. Об этом ныне есть бумага или отношение Москов. Конторы Театров в Дирекцию Театров, что 31 августа поступила в Контору Комедия Свадьба Кречинского на поспектакельную Плату. Это Капитально, ибо другие документы передачи пьесы, находившиеся в Театральной Московской Конторе, исчезли, и Дирекция Театров не имеет Документа, по которому она владеет пьесой. Это изложено мною в Моей Просьбе на Высочайшее имя.

Несмотря на это, Дирекция, опираясь на свое Распоряжение дать пьесу в бенефис Шумского, удержала все поспектакельные Деньги. Надо полагать, что Документы были Директором Гедеоновым уничтожены, а его Постановление в Петербурге от 2 сентября 1855 года, т. е. на третий день Подачи пьесы в Москве в Контору Театров, прямо невозможно и составлено задним числом. Все чистейшее Мошенничество и Наглость были таковы, что он, Гедеонов, мне же в глаза сказал, что графу Адлербергу все налгал, за что был взят за ворот и тут же под кулаком у Носа просил извинения.

ПИСЬМО К Ю. Д. БЕЛЯЕВУ

Любезный N. N.

Письмо ваше получил и прочел с особенным Удовольствием, преимущественно все то, что Вы говорите о Деле, которое и есть «тот самый, Он, Сын мóй возлюбленный, о нем же благоволих».

Считаю хорошим Признаком вашего артистического [Нутра] Чутья,

что Мавруша в расплюевских Днях вам *не по Нутру*; — но как ее выпустить? В Механизме Пиэссы она необходимое Колесо.

За сим особенно упираю я на То, что за таковой вашей Критикой Мавруши, Кварташка «Расплюев» вам *по Нутру*. Этот по возрасту *второй* Расплюев уже Чиновник, а не Разночинец, был для *меня целая Задача*; ибо Вопрос состоял именно в том, чтобы выставить его в этом новом и торжествующем [Положении] Моменте и именно так, чтобы он был хотя и торжествующая — ,но старая, русской Публике [знакомая] известная Свинья, и чтобы этот Метаморфоз был бы логичен, т. е. естествен⟨ен⟩. Далее, если Задача мною по Программе этой ныне есть выполнена, — если та расплюевская *Нота,* которую вся Россия в Свадьбе Кречинского *облюбовала,* изловлена и между Свадьбой и Днями Диссонанса нет, а есть Аккорд, Согласие, то Работа моя кончена благополучно, и задуманная Трилогия, охватывающая полностью Сферу драмматического Искусства, а именно:

Драмму в Свадьбе Кречинского
Трагедию в Деле
и Комедию в Расплюевских веселых Днях,

выполнена удачно. При моем Свидании с вами я преднамеренно вам этого не выяснил, чтобы не смущать вас в вашем Суждении об этой моей 3-ей Пиесе, и мне особенно приятно выказать вам все это теперь, когда вы свободно установили себе ваше Мнение о жуирующем Кварташке, его Идеалах и Мечтах под пьяную Руку — когда он уже провидит Россию своей Собственностию и кричит: «Все наше!!! . . .».

Конечно, едущий (в моем Квартете) на заезженной, заморенной Кляче — России, Чиновник со Знаменем Прогресса в Руках и есть никто другой, как он, торжествующий и оседлавший Россию Чиновник, Лихоимец и Вор *Расплюев*; так что мой Квартет себе другого Места не имеет, как в Голове моей Трагедии «Дело», где, как известно, последний Дворянин из Числа тех, которые в злую Годину честно «приняли Француза на Грудь», этот Дворянин, ограбленный в Конец, испускает последний Вздох в чиновничьей Клоповне.

Прощайте. В прилагаемом Экземпляре Собрания моих драмматических Сочинений вы найдете желаемый вами Рассказ Ивана Сидорова, об его Торговле на Коренной Ярмарке. Страница 198-я.

Он начинается Словами:

«Был однова со мной такой-то случай» и который был мне великолепно рассказан покойным М. С. Щепкиным.

Относительно Ивана Сидорова выясню вам, что он взят с Натуры, а именно с одного Крестьянина умного Ярославца, — Бургомистра моего покойного Отца, Федота Глактионова Милова, Человека зажиточного и уважаемого всею Местностью, который, приезжая к Отцу из Ярославского нашего Имения, имел привиллегию пить в Буфете чай. Роль эту надо читать с ярославским Акцентом на *О*, говорить Слова редко и как бы их печатать.

Остальные Рассказы Ивана Сидорова, а равно и Легенда об Антихристе, действительном статском Советнике — все это есть уже Дело моих Рук. Андреев Бурлак был в Роли Ивана Сидорова превосходен.

ПИСЬМО К В. С. КРИВЕНКО

Многоуважаемый N. N.

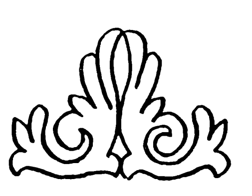
Хоть и случилось мне быть этим летом недалеко от Петербурга, в моем ярославском имении, но достигнуть ваших широт не пришлось. Причина тому высочайший императив: хлебная уборка; и я все время, при восхитительной погоде, царил среди моих лесов и полей, и с правом скажу, среди созданной мною местности. Благодаря этому созданию и фиксированной в тени моих лесов влаги, урожай оказался (как исключение) хорошим, но толку мало. Надо мною стряслась такая масса неотразимых трат, затрат, утрат, растрат, потрав, захвата лугов, хищения лесов, разноса инвентаря, что результат целого года — нуль, и потому смертный приговор сельской промышленности. Эти траты и утраты французы метко называют «le coulage»,* то есть те мелочи расхода, которые при своей ежедневности и многочисленности к концу года составляют отрицательный капитал, а к концу жизни — разорение. Был у меня старый слуга, управляющий моим сахарным заводом, Петр Иванович Зубарев, человек смышленый, бывалый, знавший весь окрестный мир; и когда мне случалось его спросить, от чего такой-то помещик, человек хороший и скромный, разорился, то он обыкновенно с равнодушием непререкаемой убежденности говорил: «растащали-с»... и если у меня, то есть того я, которое семидесяти пяти лет от роду еще свежо стоит среди своей земли, само убирает свой хлеб и лично сторожит свое достояние, сельскохозяйственная операция сходит на нуль, то на что сходит она у других, кто безумен, живет далеко от своей земли и свое достояние вверяет людям, которым паршивой собаки вверить нельзя? Утверждаю — разорение. Оно и есть, явилось, пришло, абсолютно пришло, как смерть; и мы, помещики, можем с основанием сказать нашему хозяйственному и благосердному царю: Ave, Caesar, morituri te salutant.** Конечно, я свой день кончил и ложусь спать; но сердце мое не ложится спать; оно бьется и стонет, глядя на мою милую, полную энергии и жизни дочь. Что с ней будет? Страшно сказать, и я благодарю Бога, что у нее нет детей, и что старый мой род в ней, может быть, изомрет. Мы, помещики, старая оболочка духа, та оболочка, которую он, дух, ныне, по словам Гегеля, с себя скидает и в новую облекается. Где и как? Этого Гегель не сказал и предоставил решить истории человечества. Это ее секрет. Во всяком случае верно то, что облечется он ни на Волге, ни на Дону, ниже на берегах моей Плавицы. Смутно, странно и страшно все это здесь у нас смотреть; и я ежечасно вспоминаю новгородскую республику под командой бабы Марфы, где большинство спускало меньшинство в Волхов; словом, тот славянский, политический уряд, который ныне в каком-то свином углу практикует раб и болгарин Стамбулов. Кстати о детях и потомках. Управление печатью известило меня о жестокосердом veto министра внутренних дел

* Растранжирование средств, бесхозяйственные траты *(франц.)*.

** Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя *(лат.)*.

относительно моей пьесы «Расплюевские веселые дни». Какая волокита: прожить 75 лет на свете и не успеть провести трех пьес на сцену! Какой ужас: надеть пожизненный намордник на человека, которому дана способность говорить! И за что? За то, что его сатира на порок произведет не смех, а содрогание, когда смех над пороком есть низшая потенция, а содрогание высшая потенция нравственности. Какая нежность полиции; какой чиновничий сентиментализм, или лучше: какое варварство в желтых перчатках, заметьте, против пьес параллельно со всеми доселевыми правительственными реформами! Не имею ли я право в конце моей жизни и в глуши такой ночи закричать, как цезарь Август: «Вар, Вар, отдай мне мои годы, молодость и невозратно погибшую силу»? Кто может утверждать, что я, намордника не сущу, не написал бы пять, шесть и десять пьес и доставил бы себе честь, дирекции — деньги, родине — развлечение, а может быть — урок? Ведь «Дело», пролежавшее с намордником в объятиях цензуры 20 лет, не произвело ни шуму, ни революции именно потому, что оно не революционно: ибо рисует как порок то, что правительство в своих реформах устраняет как злоупотребление. Скажите мне, старику: что тут делать? Скажите: могу ли я рассчитывать на содействие высшего театрального ведомства, ну, хоть лишь в смысле грубого расчета поставить на сцену новую пьесу со сборами в момент, когда сценическая литература представляет собою голую, бесплодную степь. Если «да», то я или дочь могла бы ехать в Петербург, чтобы оное мое погибшее чадо, хотя и в урезанном виде, как бульдога — без хвоста и ушей, протащить на свет и жизнь сцены. Или, если уже все пропало, то напишите мне коротко и ясно: «La mort sans phrases»,* как некогда по поводу другой бойни сказал аббат Сиэз.

Вам преданный А. Сухово-Кобылин.

* Смерть без слов (*франц.*).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е. С. Калмановский

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1850—1860-х годов

Ныне всем ясно, что сочинения Александра Васильевича Сухово-Кобылина — в ряду самых замечательных явлений русской литературы прошлого века.

Между тем его пьесы, к нашему времени уже многократно переизданные и еще чаще (особенно это относится к «Свадьбе Кречинского») ставившиеся на сцене, почти не рассматривались в контексте русской литературы поры создания пьес. Но ведь только выявленные во всем их содержании связи произведений Сухово-Кобылина с тем, чем жила русская литература середины XIX в., способны открыть нашему современнику возможность осознать суть «Свадьбы Кречинского», «Дела», «Смерти Тарелкина» исторически точно и полно.

Выдающиеся писатели, в том числе критики, прошлых времен, к сожалению, нам в этом почти не помощники. Ни один из них не оставил более или менее основательного отклика хотя бы на одну из пьес Сухово-Кобылина. Приходится довольствоваться прямо-таки крохами отзывов, попутных, бросаемых при обдумывании сочинений других писателей или каких-либо общих вопросов.

Так, скажем, А. А. Блок, прочерчивая пути русской литературы XIX в., замечал: «. . .комедия продолжалась в Гоголе, Островском и Сухово-Кобылине, неожиданно и чудно соединившем в себе Островского с Лермонтовым» («О списке русских авторов», 1919).[1] Мысль эта при всей ее лаконичности, как увидим несколько позже, отнюдь не произвольна, не принадлежит к числу сугубо субъективных впечатлений.

Намного раньше Блока, но отчасти в близком ему направлении трудилась мысль А. А. Григорьева, когда он вдруг сделал отступление к «Свадьбе Кречинского» среди раздумий о Тургеневе («И. С. Тургенев и его деятельность: По поводу романа „Дворянское гнездо“», 1859).

Приходится признать, что именно краткие замечания Аполлона Григорьева и Александра Блока, вкупе занимающие чуть больше одной

[1] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 139.

машинописной страницы, — главное, если не единственно ценное, чем мы сегодня располагаем из откликов русских писателей времени Сухово-Кобылина и вслед за ним идущего.

Позднейшие исследователи не уделили пристального внимания теме «Сухово-Кобылин и русская литература его времени», в лучшем случае ограничивались беглыми отсылками или чисто внешними сближениями. Не вводит в нашу тему и наиболее содержательный труд, посвященный драматургии Сухово-Кобылина,— «Театр Сухово-Кобылина» Л. П. Гроссмана (М.; Л., 1940) при всех его выразительных характеристиках пьес и в основном убедительных франко-итальянских литературных и театральных параллелях.

Из-за такой неосвещенности нельзя рассчитывать хотя бы на относительную полноту и безусловную доказательность выдвигаемых далее соображений. И все же первые шаги необходимо сделать, чтобы сочинения Сухово-Кобылина перестали выглядеть литературными диковинами, чтобы стала очевидной их глубокая врощенность в определенную духовную среду, в круг забот и вопросов русской литературы своего времени, а с ней, естественно, русской мысли вообще.

I

«Свадьба Кречинского», поставленная поначалу на сценах Москвы и Петербурга, скоро стала широко известна. Ни одно из произведений Сухово-Кобылина не распространялось столь охотно отдельными репликами, не вошло так обильно в пословицу, как «Свадьба Кречинского».

Упоминания тех или иных мест из первой пьесы Сухово-Кобылина становились привычными, не требовали специальных разъяснений. Так, скажем, в романе Н. С. Лескова «Обойденные» (1865), появившемся около десяти лет спустя после премьеры «Свадьбы Кречинского», подобных ссылок две. Во-первых: «. . .заложенная шуба тоже служила Юлии не хуже, как Кречинскому его бычок, и тепло прогревала бесхитростное сердце Долинского».[2] Во-вторых: «Помните, как Кречинский говорит о деньгах: ,,деньги везде есть, во всяком доме, только надо знать, где они лежат; надо знать, как их взять“».[3]

Из самого текста романа ясно, что Лесков был уверен: нет нужды объяснять читателям, кто таков Кречинский, откуда эти аналогии взяты.

«Свадьба Кречинского» была замечательно скроена и сшита автором. А ведь это было первое его произведение, написанное, правда, уже во взрослом возрасте.

Преимущественно краткие и энергичные реплики, ловко построенная интрига, цепь разнообразных, но неизменно ярких эпизодов, эффектные начала и концовки каждого действия — все это в первую очередь вызывало впечатление большой искусности. И, кстати, наводило на мысль о западно-

[2] *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч. 3-е изд. СПб., 1902. Т. 6. С. 37.
[3] Там же. С. 89.

европейских театрально-драматургических соответствиях. Поскольку для русской драматургии середины и конца XIX в. характерно как раз не очевидное соблюдение всякого рода правил наружной художественной гармонии, а стремление к широкому жизненному наполнению пьес — пусть и за счет их внешней стройности, явной архитектонической цельности. Так обстоит дело прежде всего с пьесами (подавляющим их большинством) А. Н. Островского и А. П. Чехова, двух крупнейших русских драматургов после Гоголя.

Можно признать, например, с определенной точки зрения типической характеристику, которую давал актер и режиссер Н. П. Киреев в своем письме 1879 г. к И. В. Шпажинскому из Одессы. У Киреева при чтении русских пьес редко возникает ощущение, что все здесь необходимо: «Вон Островский — единственный наш драматург, — иронизирует автор письма, исходящий из мерок наглядной стройности, — если бы не блестящий диалог, язык — то вычеркивай вволю в какой угодно пьесе его, и пьесы оттого нисколько не потеряют. . .».[4]

По отношению к «Свадьбе Кречинского» подобные упреки, вытекающие из ограниченного, но твердого взгляда на предмет, не должны были возникать. Они не возникали. Л. П. Гроссман с полным основанием утверждал: «Если трагизм действия и сила сатиры заметно повышаются в последующих частях трилогии, за „Свадьбой Кречинского" остается преимущество в плане лаконичной, четкой и прочной конструкции. Это комедия-тип, сохраняющая до сих пор для драматургов свое значение классического образца».[5]

Но при всех этих очевидных своих свойствах именно «Свадьба Кречинского», как оказывается, из всех трех пьес ее автора наиболее нецельна по своему внутреннему составу, по мыслям, образующим ее основу.

Если преодолеть магию «классического образца» и вглядеться в основные творческие мотивы, создающие комедию, попадаешь в мир противоречий и несовпадений, с трудом одолеваемых автором и до конца не преодоленных. При внимательном чтении нетрудно сейчас убедиться в множественности замыслов, собравшихся в одной пьесе. Словно стержневое здесь пробивалось с немалым трудом, так и не подчинив себе вполне все второстепенное или побочное.

Муромский «Свадьбы Кречинского» — еще не Муромский «Дела», это ясно любому. Там, в «Деле», он проявляет своим поведением и судьбой самое главное для автора. Здесь, в «Свадьбе Кречинского», Муромский положителен, хорош, в основном исконно здравомыслящ, но и наивен, душевно малоповоротлив. Знаменитый его разговор с Расплюевым, вынужденным выдавать себя за помещика (д. III, явл. 3—4), обнаруживает названные черты Муромского с явной авторской насмешливостью.

Этот старинного закала помещик при всей своей добродетельности легко сулит и, видимо, раздает своей прислуге шлепки и тычки. Даже если

---

[4] А. Н. Островский: Новые материалы и исследования. М., 1974. С. 613. (Литературное наследство. Т. 88, кн. 1).

[5] *Гроссман Л.* Театр Сухово-Кобылина. С. 26.

допустить, что сам Сухово-Кобылин по яростности своей натуры способен был предаваться рукоприкладству (сведения такие в мемуарах мелькают), все же в Муромском из первой пьесы нет ничего от присущих автору взрывов и других пылких самопроявлений. Спокойно, с улыбкой представленная фигура, в основном симпатичная, но начисто лишенная какого-либо лирического ореола.

Петру Константинычу Муромскому придана Анна Антоновна Атуева. Степень их родства не уточнена. Кто она ему? Двоюродная сестра? Свояченица? Или родство еще более далекое? Неизвестно. Важно, что в одной семье сквозь патриархальное, давнее, устойчивое (это Муромский) пробивается тяга к модничанью, к показному светскому укладу жизни — это уже Атуева. Тяга эта, впрочем, недалекая и, в свою очередь, наивная.

Противопоставление исконного, привычного, по-доброму заведенного всему, что связано с суетной светскостью, погоней за модой, особого рода тщеславием, еще в XVIII в. высказывалось в литературе и стало со времен Новикова одним из ведущих ее мотивов.

Можно было бы отчетливо проследить пути движения этого контрастного сопоставления по русским книгам, но в нашем случае, в связи с «Свадьбой Кречинского», нет необходимости уходить в подобные разыскания. Как бы ни была означенная сторона комедии важна, отнюдь не она определяет в «Свадьбе Кречинского» истинный накал отношений и не ею объясняется характер восприятия комедии многими поколениями читателей и зрителей. При всех достоинствах письма жизнь дома Муромских — наиболее ясная, сама себе равная. И легко открывающая свои связи с близким или более дальним литературным прошлым. Даже эпизодический и весело написанный Тишка очевидным образом соотносится с Тришкой из фонвизинского «Недоросля», не теряя при этом своей оригинальности.

Поначалу и Лидочка, дочь Муромского, не выходит из общего ряда, не нарушает пределов характерного домашнего уклада с его наивностью, умеренностью, всеобщей добродетельностью. Но к концу комедии слышится вдруг призвук трагической силы в речах Лидочки:

Лидочка. Да, ваша, Мишель, ваша! Скажите мне еще раз, что вы меня любите!

Кречинский (*смотрит на нее*). Вы не верите?

Лидочка. Это не оттого, а мне хочется еще раз слышать это слово: в нем что-то особенное! . . я не знаю. . . страх и боль какая-то.

Кречинский (*с беспокойством*). Боль? . . Отчего же это?

Лидочка. Не бойтесь. . . эту боль не отдам я ни за какие радости.

(Д. III, явл. 7)

«Страх и боль» обещают другие внутренние масштабы Лидочки, чем можно было ожидать по первым двум действиям. О других масштабах говорит и спасение ею Кречинского в финале комедии.

Потом следующую свою пьесу Сухово-Кобылин некоторое время называет в дневнике «Лидочка». Но «Лидочку» он не написал и написать, вероятно, не мог — вышло «Дело». Однако в Лидочке из двух пьес глухо сказалась, видимо, связь с перипетиями в собственной жизни автора.

Личное, биографическое вообще очень сильно в творениях Сухово-Кобылина, в общей логике их построения, в частных мотивах. Надо полагать, Сухово-Кобылин — единственный русский писатель прошлого века, для которого его долгий жизненный путь оформился всего в три основательных литературных поступка, в три брошенных современникам вызова; они и составили его «Картины прошедшего».

Отношения молодого Сухово-Кобылина с его любовницей (а по понятиям более позднего времени — женой) Луизой Симон-Деманш и переживание этих отношений после гибели Луизы значили для автора пьес много. Тот напряженный мотив, что вдруг мелькнул в речах Лидочки из «Свадьбы Кречинского», находит себе соответствие в письме Сухово-Кобылина конца 1850 г. к одной из сестер — Евдокии и ее мужу М. Ф. Петрово-Соловово.[6]

Сославшись на такую сугубо биографическую параллель, мы имели единственной целью показать, что в «Свадьбе Кречинского», вопреки установившемуся взгляду, таятся многие неразвернувшиеся замыслы. Они теснят друг друга, оттого большинство мотивов выявляется неполно.

Участвует в действии, например, Владимир Дмитрич Нелькин, «помещик, близкий сосед Муромских, молодой человек». Нелькину принадлежат пылкие тирады (особенно — д. III, явл. 5). Пылкие, но довольно-таки безличные как по отношению к персонажу, не обретающему в них истинной индивидуальности, так и по отношению к автору. Можно подумать иной раз, что Нелькин дан в пьесе ради выставления «антитезы, уже тысячу раз выведенной в романах, — антитезы блестящего, холодного и ложного характера с характером истинным, теплым, но уже слишком тусклым. . .».[7] Только что приведенные слова принадлежат И. С. Тургеневу и высказаны им были в рецензии на роман «Племянница» другой сестры Сухово-Кобылина — Евгении Тур.

Нелькин, между прочим, восклицает: «Где и какое зло — вот вопрос. Вот, например, подлость и мошенничество в сермяге, в худом сюртучишке подьячего жалки, гадки, да неопасны. Вот страшно, когда подлость в тонком фраке. . . . в белых перчатках. . . . чужим добром сытая. . . . катит на рысаках, раскланивается в обществе, входит в честный дом, на дуван подымает честь. . . . спокойствие! . . все! . . Вот что страшно!» (Д. III, явл. 5).

Эта горячая тирада Нелькина как будто поддерживает установившийся в нашем литературоведении взгляд: «Центральной темой первой части трилогии — комедии „Свадьба Кречинского“ — является тема распада, разложения дворянства (то, что знакомо нам по многим произведениям русской литературы и особенно по творчеству Гоголя)».[8]

Упомянутые «распад» и «разложение», конечно, тревожили Сухово-Кобылина. Вообще всякого рода бездельничающие баре, теряющие

---

[6] См.: Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным // Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. М., 1934. Вып. 3. С. 233—234.

[7] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1980. Т. 4. с. 484—485.

[8] *Милонов Н. А.* Драматургия А. В. Сухово-Кобылина. Тула, 1956. С. 17.

достоинство, честь, состояние, широко представлены в русской литературе середины века.[9]

Но ведь в той же «Свадьбе Кречинского» не меньше тревожит — или, точнее, отвращает от себя — рост буржуазности в строе жизни, выдвижение на важные позиции людей без роду, без племени, без традиционного культурного фундамента, не знающих никаких правил чести, верящих только в деньги, в незыблемую их власть и силу. Не случайно же в комедии отвратительного ростовщика Бека предваряет недостойная фигура купца Щебнева (д. II, явл. 6), предваряет и усиливает. Конечно, «разложение» одних и возвышение других — процессы взаимосвязанные.

Однако центральной коллизией «Свадьбы Кречинского» распад дворянства на самом деле признать невозможно. Ведь для этого надо иметь точные, недвусмысленные данные о том, что Кречинский и Расплюев — действительно российские дворяне. Таких сведений пьеса не содержит. «Имение в степи было» — вспоминает Федор, камердинер Кречинского (д. II, явл. 1). Вот и все, что способно навести на мысль о Кречинском-дворянине. Но имение можно ведь было купить!

Как известно, в первой постановке комедии на сцене Александринского театра В. В. Самойлов играл Кречинского поляком, выходцем из Польши, наделял его соответствующим акцентом и манерами. Сухово-Кобылин принял такое сценическое решение. Правда, по этой части имелись колебания: от горячего одобрения [10] до кой-каких сомнений. Тем не менее Сухово-Кобылин вовсе не брался утверждать истинно дворянскую природу своего Кречинского. Если он, допустим, аристократ польский, то все равно тут уже суть иная, нежели распад и разложение российского дворянства. Современники первых представлений «Свадьбы Кречинского» опять-таки смотрели на главное лицо комедии по-разному. М. С. Щепкин, как свидетельствовали позднее, был не согласен с Самойловым, говорил ему: «Зачем вы сделали из Кречинского поляка? Это — русское лицо, представитель нашего так называемого хорошего общества. . .».[11] И. И. Панаев в «Современнике» («Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта»), напротив, полагал: «Без этого акцента нам теперь трудно вообразить Кречинского».[12]

Совсем уж сомнительно дворянство Расплюева. И сам-то он заявляет: «Какой я дворянин? Все это пустяки, ложь презренная» (д. II, явл. 15). Впрочем, известные колебания сказывались у автора и по отношению к этой фигуре, представленной в Малом театре знаменитым П. М. Садовским. Садовский играл ярко, сильно, об этом говорили все, кто видел его в роли Расплюева. Был им доволен и Сухово-Кобылин.[13] Однако позднее

---

[9] См., например, обзоры беллетристического отдела журнала «Современник» в книгах В. Е. Евгеньева-Максимова «„Современник“ в 40—50-е гг.» (Л., 1934), «„Современник“ при Чернышевском и Добролюбове» (Л., 1936).

[10] См., например, письмо Сухово-Кобылина к В. В. Самойлову от 27 августа 1856 г. // Рус. старина. 1875. Янв. С. 207.

[11] Цит. по: *Клейнер И.* Драматургия Сухово-Кобылина. М., 1961. С. 34.

[12] Современник. 1856. Т. 57. Июнь. Отд. «Петербургская жизнь». С. 188.

[13] См: Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным. С. 243, 244.

он вспоминал про Садовского: «Он играл хама-пропойцу, а не прогоревшего помещика».[14] Но в том же году, когда появилось это авторское мнение в печати (Сухово-Кобылина уже не было в живых), в том же журнале «Театр и искусство» опубликовали следующее: «. . .сам автор „Свадьбы Кречинского“ жестоко осмеивал манеру некоторых артистов вносить драматизм в роль Расплюева, чуть ли не со слезою произнося слова „ударь раз, ударь два, а зачем же до бесчувствия“». Далее сообщалось, что кто-то из актеров, услышав такое суждение автора о Расплюеве, удивился: «Но все-таки в Расплюеве чувствуется разлад. Ведь он и Федору говорит о семье». «— Да неужели не ясно, что он и тут врет, как сивый мерин? — воскликнул автор».[15]

Таким образом, сомнения касались, видимо, степени внешней облагороженности манер и костюма Расплюева. Что же касается внутреннего благородства, драмы обеднения и «распада», некоего достойного прошлого, по этой части сомнениям нет места: ничего такого в пьесе нет. Нельзя не согласиться с К. Л. Рудницким: «. . .весьма распространенные рассуждения о том, что Расплюев — якобы прогоревший помещик и что, играя эту роль, необходимо будто бы подчеркивать его дворянское происхождение, лишены оснований».[16]

Действительно, оснований нет. Как, впрочем, нет совершенно веских оснований утверждать противоположное. Скорей можно говорить о некоторой жизненной неукорененности, т. е. неуточненности корней Кречинского и Расплюева в их повседневном существовании.

В Кречинском и Расплюеве вместе с тем ощущается какое-то особое содержание, близкое автору и по-своему весьма значительное. Не считать же на самом деле таким содержанием лишь разоблачение двух жуликов, двух проходимцев? Да ведь и слово «разоблачение» не очень подходит. Все козни Кречинского и Расплюева открываются для читателей-зрителей рано; просто Муромский, Атуева и Лидочка о них не догадываются. Те же, кто читает пьесу, уже в первом действии представляют себе размашистую жизненную игру, которую ведет Кречинский с помощью Расплюева.

При подходе к «Свадьбе Кречинского» как сугубо реальной картине быта исчезает что-то важнейшее, скрепляющее сцены и захватившее автора при создании комедии.

Что же?

В поисках ответа на вопрос могут помочь уже упомянутые размышления Аполлона Григорьева из его статьи, посвященной И. С. Тургеневу.

Сначала Григорьев обращается к повести Тургенева «Три портрета» (1845?) и к ее главному герою: «Что ни говорите о безнравственности Василия Лучинова — но несомненно, что в этом образе есть поэзия, есть обаяние. Эта поэзия, это обаяние — в которых не виноваты ни Тургенев, ни мы, ему сочувствовавшие, — некоторым образом сильнее и значительнее обаяния лермонтовского Печорина, — как у самого Лермонтова его

---

[14] *Гнедич П.* Из моей записной книжки // Театр и искусство. 1913. № 14. С. 327.

[15] Маленькая хроника // Театр и искусство. 1913. № 10. С. 222.

[16] *Рудницкий К.* А. В. Сухово-Кобылин: Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 105.

недоконченный, но вечно мучивший его Арбенин, или Арбеньев, — поэтичнее и обаятельнее холодного и часто мелочного Печорина. Развенчать обаятельные стороны этого типа, столь долго мучившего Лермонтова и все наше поколение, Тургенев пытался несколько раз — и почти всегда, стремясь к логической последовательности в мысли, изменял ей в создаваемом им образе. . .».[17]

В повести «Три портрета» сказано, например: «Вообразите себе человека, одаренного необыкновенной силой воли, страстного и расчетливого, терпеливого и смелого, скрытного до чрезвычайности и — по словам всех его современников — очаровательно, обаятельно любезного».[18]

Такая характеристика может быть приложена и к Кречинскому.

Но у Тургенева все же обрисован человек определенной прошедшей эпохи, несущий в своем поведении и сознании ее свойства. Неспроста же в издании своих сочинений 1856 г. Тургенев придал «Трем портретам» подзаголовок «Исторический этюд». Так подчеркивалась именно укорененность Лучинова в исторической реальности, несхожесть этого творческого создания с романтическими героями. Они-то бывали обычно поддержаны явно дающей всему тон авторской субъективностью, незримой породненностью героя и автора.

Кречинскому такой романтический момент присущ.

«В любом романтическом произведении, благодаря его двуплановости, конфликт всегда превышает свое номинальное, эмпирически данное решение. Он всегда окаймлен дополнительным смыслом, целит в высшие, субстанциональные силы».[19] «Целит» в эти высшие смыслы и фигура Кречинского.

На нем лежит оттенок «избранной», выделенной личности, которая противостоит повседневным заботам и обстоятельствам, презирает поглощенность ими и вытекающую из этого несвободу человеческого существования. Конечно, это вариант героя не философствующий, даже не рефлектирующий столь серьезно и мучительно, как, скажем, Арбенин или Печорин.

Избранность Кречинского, несомненно, сниженная, урезанная: цельная и страстная «с миром гордая вражда» на сей раз приобретает форму интриг и уловок, уязвления ближнего, порой жестокого и коварного. И все же, надо полагать, здесь романтический демонизм в одном из своих позднейших вариантов.

Авторы статьи «Демонизм» в «Лермонтовской энциклопедии» полагают эксперимент «формой интеллектуального самоутверждения», характерной для демонического отношения к миру: «И жизнь Демона в одноим. поэме, и жизнь Печорина в романе „Герой“. . . становятся цепью последовательно проводимых экспериментов. Эксперимент требует смелости, риска, отваги, на них-то и держится обаяние демонизма».[20] Слово «эксперимент» может прозвучать сегодня слишком близким нашей

[17] *Григорьев Ап.* Литературная критика. М., 1967. С. 257—258.
[18] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 86.
[19] *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 301.
[20] Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 138.

эпохе — но сама мысль о своего рода опытах над людьми, опытах, извлекающих избранную личность из круга всех прочих и сталкивающих ее с этим кругом, хорошо приложима к Кречинскому.

Фигура его в комедии безусловно яркая и сильная. «Вся комедия, — толковал И. И. Панаев, откликаясь в «Современнике» на театральную постановку, — сосредоточена на лице Кречинского: он единственный характер, располагающий и движущий всем. . .».[21]

Кречинский увлек Лидочку своей незаурядностью, своей выделенностью из заведенного порядка жизни. Отношение Лидочки к Кречинскому вполне типическое. О том свидетельствует, кроме событий в пьесе, еще рассказ Федора в самом начале второго действия: «И без него молодежь просто и дыхнуть не может. Теперь: женский пол — опять то же. . .».

Кречинский легко покоряет своим артистическим экспериментаторством любого, кроме одного лишь Нелькина, приговоренного к такой стойкости автором. Артистизм сказывается и в том, что Кречинский при всем азарте и риске не может опуститься до забвения известных правил. «Я всю жизнь свою расплачивался честно и аккуратно и на вас, именно на вас, милостивый государь, ждал по три месяца деньги», — объясняется он с купцом Щебневым. И ему же толкует: «Порядочный человек, сударь, без нужды не душит другого, без крайности бревном другого не приваливает» (д. II, явл. 6). Можно вспомнить еще письмо Кречинского к Муромскому, зачитываемое в «Деле».

Способен Кречинский и на суровую самоаттестацию («Моя страсть, моя любовь. . . в нетопленной печи дров ищу. . .» — д. II, явл. 10). Это свойство вносит явную долю ума и живого беспокойства в его слова и поступки.

Здесь пора наконец вернуться к статье Аполлона Григорьева о Тургеневе. В ней встречаем нижеследующее отступление от основного предмета: «В литературе у нас, или, лучше сказать, на сцене (ибо эта вещь более сценическая, чем литературная) есть комедия, пользовавшаяся и пользующаяся доселе большим успехом. 〈...〉 Несмотря на видимую казнь, всякому чуется в комедии скрытое симпатическое, или уж, по крайней мере, далеко не свободное отношение казнящего к казнимому. И это, по сознанию самого спорившего со мной приятеля, происходило не от игры актера: игра казалась нам довольно слабою, и мы оба хотели бы видеть в этой роли покойного Мочалова, и оба были убеждены, что смешной и до дикости странный, как светский человек, в первом акте — он был бы недосягаемо велик в двух остальных. . . Между тем и в бедном изображении, которое мы видели, была известная поэзия, и его окружала известного рода ореола.

В казнимом всяким моральным судом отщепенце общественности были обаятельные стороны, способные прельстить и увлечь; симпатическое или, по крайней мере, весьма несвободное отношение к нему автора проглядывало всюду: и в контрасте сопоставления с ним, господином, в безнравственности его холопа, его ученика в мошеннических делах, — и

[21] Современник. 1856. Т. 57. Июнь. С. 187.

в рассказах о нем его лакея, рассказах, в которых как будто нечаянно проглядывали блестящие свойства его натуры, и в подчинении его моральной силе всего окружающего, — и в том, что честный человек, *благородный малый*, безуспешно с ним борющийся, представлен каким-то идиотом и поставлен — раз, правда, но раз несмываемый, раз неизгладимый — не то, что в комическое, в безысходно-*срамное* положение, — и, наконец, в заключительных словах общественного отщепенца, словах, которые почти что мирят с ним и в которых слышится не самоунижение, а скорее вера его в себя, в свои обаятельные стороны».[22]

Аполлон Григорьев, конечно, говорит о «Свадьбе Кречинского», ни разу отчего-то не назвав ни комедию, ни ее персонажей.

Суждение Григорьева не является последним словом относительно «Свадьбы Кречинского» и главного ее героя. Но ясно все-таки, что комедия никак не допускает для Кречинского благоразумных итогов, таких, как «покой, дом, дура-жена и тихая почтенная старость». У него своя судьба.

Финал комедии не устраивал многих современников. Особенно тех, кто хотел видеть в последней сцене возмездие, отмщение со стороны правды и справедливости, — и не находил этого в громком «Сорвалось!» Кречинского.

С позиций либерального обличения И. И. Панаев судил о финале: «Когда занавес опустился, нам невольно пришел в голову вопрос: не была ли бы „Свадьба Кречинского“ оригинальнее и не имела ли бы она более сильного значения, если бы автор не допустил своего героя *сорваться* ⟨...⟩ а окончил комедию благополучным образом ⟨...⟩».[23] Дальше эта мысль горячо развивалась в том смысле, что преуспеяние Кречинского служило бы наглядным уроком, горячим призывом к общественной бдительности, так сказать.

Но в финальном поведении главного героя не просто расчет и ложь, а свое упоение, своя вольность («И ведь он целый век все такой-то был: деньги — ему солома, дрова какие-то» — говорил Федор в начале второго действия, специально отрицая элементарное приобретательство, тупую корысть в Кречинском). Кречинский сохраняет в последнем эпизоде осанку артистизма, самообладание, властное презрение к обстоятельствам.

Словом, более или менее объективного очерка мошенника и проходимца определенной исторической поры у Сухово-Кобылина не получилось. Дерзость Кречинского в проживании им жизни, свобода от многих привычных установлений делают его фигуру по-особому впечатляющей.

Л. Я. Гуревич, знавшая Сухово-Кобылина стариком, откликаясь на смерть его, писала о Кречинском: «В речах его просвечивает ум и остроумие самого автора, как в его темпераменте — авторский темперамент».[24]

А близкий Сухово-Кобылину Н. В. Минин сохранил такую запись

[22] *Григорьев Аполлон.* Литературная критика. С. 260—261.

[23] Современник. 1856. Т 57. Июнь. С. 190—191.

[24] *Гуревич Л.* А. В. Сухово-Кобылин (Литературный портрет) // Вестн. и библиотека самообразования. 1903. № 20. С. 879.

в своем архиве: «Александр Васильевич очень сожалел, что Кречинский им изображен слишком низменным, и пытался его реабилитировать, переделав конец драмы, где Кречинский во время ареста застреливается». С таким именно финалом сыграл комедию на любительской сцене А. М. Рембелинский — и доставил автору чувство удовлетворения.[25]

Ясно, Кречинский значил для автора больше, чем живая иллюстрация порока и разложения.

Не совсем просто обстоит дело и с Расплюевым (сейчас речь только про «Свадьбу Кречинского»). Разумеется, он глубоко безнравствен. Однако при всем том есть в нем и другие стороны натуры. «Если бы Расплюев был просто негодяй, — замечал автор «Театральных заметок» в «Русском вестнике», — о нем не стоило бы и говорить: но автор умел очень удачно и вовсе неожиданно соединить в нем с отъявленною негодностию какую-то примесь простодушия и наивности, которые невольно привязывают к нему внимание зрителя».[26]

Расплюев тоже склонен к риску. Игра в жизнь его одновременно пугает и захватывает. Само его положение при Кречинском вносит в пьесу выразительную двойственность основной коллизии, бурлескные переливы сюжета, смелые перепады от драматизма к иронии, так сказать, широкого адреса.

Кречинский и Расплюев — это зло, особенным образом представленное.

В 1850-х годах русская литература дает разные и сложные подходы к материалу современной жизни.

В пьесах первого десятилетия литературной работы А. Н. Островского — от «Бедной невесты» до «Воспитанницы» — жизненное зло открывалось в своих точно усмотренных реальных качествах и корнях. Никому, вероятно, не пришло бы в голову усомниться в пустоте, ничтожности Мерича или лицемерной злобности Уланбековой.

Можно еще вспомнить Горехвастова из названного его именем рассказа в «Губернских очерках» (1856—1857) Щедрина, Горехвастов — герой провинциальных салонов, покоритель женских сердец. Все в нем очевидно пошло, низко, лживо. Живет он по-воровски. Фигура начертана с отрезвляющей ясностью.

Недвусмысленно безнравствен Наум Иваныч из повести Тургенева «Постоялый двор» (1852). Успех, приходящий к нему в результате гнусных его действий, бесстыжего вранья и жульничества, объясняется прежде всего и ясней всего моральной пассивностью общества. Именно об этом — приговор одного из положительных персонажей повести: «— Про дурных людей не напасешься, — отвечал старик, — а его, бессовестного, кабы кто мог проучить хорошенько, барин, например, какой или другая власть, а то чего ему бояться? Волк, так волчью хватку и знает».[27] Безоговорочное зло может временно торжествовать, но в дальней жизненной перспективе ему нет ни оправдания, ни прощения. Незадолго

[25] РО ИРЛИ, ф. 186, № 1, л. 8.
[26] Рус. вестн. 1856. т. 1. № 1. Современная летопись. С. 58.
[27] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 315.

перед самым концом «Постоялого двора» про Наума сказано: «О нем ходят слухи, будто он занялся хлебной торговлей и разбогател сильно. Но надолго ли? Не такие столбы валились, и злому делу рано или поздно приходит злой конец».[28]

Однако нельзя не заметить в русской литературе той же самой поры и иного характерного приступа к тому, что также составляло, казалось бы, жизненное зло.

В другой повести Тургенева — «Затишье» (1854) есть такой диалог:

«— Что это за „Анчар“? — спросила Надежда Алексеевна.

— А вы не знаете? — возразил Астахов. — Пушкина стихи „На почве чахлой и скупой“, будто не помните?

— Не помню что-то. . . Этот анчар — ядовитое дерево?

— Да.

— Как датуры. Помнишь, Маша, как хороши были датуры у нас на балконе, при луне, с своими длинными белыми цветами. Помнишь, какой из них лился запах, сладкий, вкрадчивый и коварный.

— Коварный запах! — воскликнул Владимир Сергеевич.

— Да, коварный. Чему вы удивляетесь? Он, говорят, опасен, а привлекает. Отчего злое может привлекать? Злое не должно бы быть красивым!

— Ого! какие умозрения! — заметил Петр Алексеич, — куда мы удалились от стихов!».[29]

Иногда зло (или — какое-то иное зло) словно бы содержит в себе элемент жизненно важный, необходимый в общем полном переживании жизни. Неспроста же пушкинский «Анчар» производит сильнейшее впечатление, глубокое и длительное, на Марью Павловну, Машу, благородную героиню повести.

Такие сложности в восприятии явлений жизни, каковая обнаружилась при обсуждении «Анчара» на страницах «Затишья», — это, видимо, с определенной точки зрения веяние романтических воззрений в литературе, веяние того, что в достаточной мере условно именуется «байронизмом». В «Рудине» (1855), первом тургеневском романе, Лежнев бросает между прочим: «Господа печоринской школы скажут вам, что мы всегда любим тех, которые сами мало способны любить. . .».[30] Всякие демонические бездны, роковые несовпадения, очарование беззаконного — все это отнесено по ведомству «господ печоринской школы», т. е. романтического сознания и соответственного типа жизнеосвоения.

Но вот еще одно произведение Тургенева — «Поездка в Полесье» (1853—1857). Мелькает на пути передвижения рассказчика Ефрем. О нем завязывается разговор между рассказчиком и Кондратом, деревенским мужиком. Кондрат говорит, что Ефрем — «вор и плут», разбойничает по лесам, что он отчаянной смелости человек, «никого не боится». И продолжает: «Да, мудреный этот Ефрем. Пока дома — любезный человек, всех потчует: пей, ешь сколько хочешь, пляска тут у него поднимается, балагурство всякое; а что коли на сходке, такая у нас

[28] Там же. С. 320.
[29] Там же. С. 413.
[30] Там же. 1980. Т. 5. С. 245.

сходка на селе бывает, уж лучше его никто не рассудит; подойдет сзади, послушает, скажет слово, как отрубит, и прочь; да уж и слово-то веское. А как вот уйдет в лес, ну, так беда! Жди разорения. А и то сказать: он ведь своих не трогает, разве самому тесно придется»[31] и т. д.

Что же, здесь тоже рука «господ печоринской школы» — в «мудреном» этом Ефреме? В какой-то степени, видимо, так.

Аполлон Григорьев среди творческого наследия Лермонтова особый вес придавал отрывку «Детство Арбеньева» (ныне публикуется под названием «Я хочу рассказать вам. . .»), полагал, как сказано в статье «Стихотворения Н. Некрасова» (1862): это небольшое сочинение дает «ключ к уразумению его идеалов, его Арбенина, Мцыри, самого Печорина».[32]

В упомянутом лермонтовском фрагменте есть известные строки про Сашу Арбенина — ребенка и «горничных девушек»: «Они его ласкали и целовали наперерыв, рассказывали ему сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось чудесами дикой храбрости, и картинами мрачными, и понятиями противуобщественными».[33]

Вот эти «понятия противуобщественные» помогают нам высветить очень важное в Сухово-Кобылине, вспомнив притом суждение Блока о нем как «неожиданно и чудно соединившем в себе Островского с Лермонтовым».

Островский — это Муромский, его дом, это быт и обиход; Лермонтов — это по-особому поданный Расплюев и прежде всего Кречинский.

Именно «понятия противуобщественные» входят важнейшей движущей силой в строй первой комедии Сухово-Кобылина. Потому-то она — первый из вызовов, брошенных им своей литературной деятельностью, а не некое совершенно отдельно стоящее на этом пути произведение.

Кречинский и тем более Расплюев нехороши во многом, но они грозят «умеренности и аккуратности», ленивому и сытому покою, добродетельной недалекости заведенной жизни. Кречинский восклицает же: «С двумястами тысяч можно выиграть гору золота! . . Можно? Должно! Просто начисто обобрать всю эту сытую братию!» (д. II, явл. 4).

В Кречинском нет нисколько демократического, разинского или хотя бы пугачевского духа, который можно предполагать в Ефреме из «Поездки в Полесье» Тургенева. Но «понятия противуобщественные» с немалой силой выразились и в Кречинском, который, безусловно, впитал в себя крупную долю авторского раздражения.

Сухово-Кобылин презрительно отзывался о добропорядочном морализме, о самоуверенно-наставительном нравственном суде. В дневнике встречается красноречивейшая запись, впервые опубликованная И. М. Клейнером и предположительно отнесенная им к 1862 г.: «Что это у русских за китаеобразное сентиментальничание нравственностью, что за легкость (на бумаге, а не на деле) раскаиваться и делаться добрым, благородным.

---

[31] Там же. С. 143.

[32] *Григорьев А.* Литературная критика. С. 480.

[33] *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 332—333.

Мне кажется потому, что это кажется им так легко, потому-то им оно и невозможно, и потому собственно они и суть самые неизлечимые мошенники, взяточники, воры, лгуны и лицедеи».[34]

«Свадьба Кречинского» дает вариации демонической темы уже в комическом, потерявшем патетическую настоятельность изводе. Тема эта освоена иронически — в смысле определенного снижения, внесения юмористического двоесмыслия. Но так же ведь, видимо, намерен был подойти к ней Лермонтов в последние годы. Отсюда — строки из «Сказки для детей» (1840):

Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, детский бред.

Так отходил поэт от недавнего своего «Демона», но не мог вовсе уйти от демонизма как жизненной стихии. Так и Сухово-Кобылин едва ли не во всех трех своих произведениях из «Картин прошедшего» не может вовсе изменить романтизму не как собственно литературному явлению, а как особому жизнеощущению, жизнеосвоению.

Уместно в этой связи напомнить, что Сухово-Кобылин был всего тремя годами младше Лермонтова. Рос он и развивался в житейской и духовной атмосфере, во многом близкой той, которая окружала поэта.

Может показаться, что более правомерна параллель между «Свадьбой Кречинского» и «Игроками» Гоголя (окончены в 1842 г.). Но карточный игрок сам по себе — вообще не такая уж редкая фигура в европейской и русской литературе середины прошлого века. Связь литературных явлений по этой линии ничего в сущности нам не откроет. Главное же: у Гоголя его шулера разных мастей ничуть не овеяны демонизмом, даже в ироническом его варианте. Вся эта история, в которой честных людей нет, — выражение всеобщей обманности, превращенности, формула мистифицированности российского бытия. В этом смысле «Игроки» полностью вышли из «Ревизора». В финале «Игроков» Ихарев восклицает: «Черт возьми! Такая уж надувательная земля!» и т. д. А в явлении восемнадцатом он же бросает мнимому Глову-сыну: «Этак, пожалуй, вся Россия должна застрелиться: всякий или проигрался, или намерен проиграться». От «Игроков», от общего их настроения и духа скорей можно перекинуть мостик к «Смерти Тарелкина» — но и тут сходство будет лишь самое общее.

Как видно, «Свадьба Кречинского», с нашей сегодняшней точки зрения во всяком случае, — прихотливейшее творение. В нем сплелись — да так, что не распутать, не разделить, не упорядочить — самые разные желания, стремления, намерения.

Еще при первом появлении «Свадьбы Кречинского» на сцене шли разговоры о том, что пьеса эта — не комедия, а трагедия. Явно имели в виду положение Лидочки, ее историю. Так что если «Свадьба Кречинского» все-таки комедия, то, так сказать, не для всех персонажей. Скорей же всего драматическое и комическое здесь не совсем ладят

[34] *Клейнер И.* Драматургия Сухово-Кобылина. С. 139.

между собой. Протестующее в творческом сознании Сухово-Кобылина, похоже, не обрело еще в этой пьесе своего особенного, в своем роде единственного выражения. Однако писатель твердо свел все им взятое в пьесу; яростной своей волей подавил и оттеснил все противоречия и разнонаправленности. Но по существу-то они никуда деться не могли, в пьесе остались.

1850-е годы дали уже поименованные выше пьесы Островского, дали «Месяц в деревне» Тургенева (появился в печати в 1855 г.) комедию «Смерть Пазухина» (1857) Салтыкова-Щедрина. На фоне этих пьес с многообразием, многоотгеночностью реальных связей в их движении, многообразием, лишающим интригу как таковую первенствующей роли, «Свадьба Кречинского» кажется произведением отдельным. Стиль письма как будто более опирается на литературное былое, на уже достигнутое и утвердившееся, но не на становящееся, искомое, нарождающееся.

У Сухово-Кобылина во многом вообще путь отдельный, сам по себе. Связи, как видим, есть и многое объясняют, но впрямую являются редко.

Два главных основания русской литературы XIX в. отразились в его творениях вот именно непрямо, в основном даже глухо. Имеем в виду, во-первых, историю духовных исканий и вопросов разных поколений, их исповедь — все то, что позднее не раз именовали «историей русской интеллигенции», так глубоко отразившейся в нашей литературе. Второе, зачастую неразрывное с первым, — народолюбие, сострадание народу, боль за его судьбу, поглощенность корневой жизнью России не в узком, а в широком ее понимании, сильно сказавшемся, в частности, на пьесах Островского, поэзии Некрасова, прозе Достоевского, Тургенева и других писателей.

II

Впрочем, оба названных основания несомненно заметней в «Деле». В этой драме протестующая природа Сухово-Кобылина — писателя обретает совершенно определенную сферу проявления. Сухово-Кобылиным движет негодование против русской государственности в ее современном состоянии, как оно ему видится.

Все «Дело» есть протяженная, исполненная подробностей картина неуместности частной человеческой беды в громоздкой системе русской бюрократической государственности. Ход этой машины не рассчитан на законосообразный учет каких-либо индивидуальностей. Считаться с индивидуальностями, с отдельными заботами и бедами она может только вразрез со своим установленным ходом, нарушая его. Если же человек не способен такой порядок вещей понять и принять, он оказывается в полнейшем расхождении с наличной государственностью — и обречен на муки или даже погибель.

«Дело» выстроилось как развернутая филиппика, своего рода филиппика в речах и картинах. При всем разнообразии лиц, участвующих

в действии, господствует здесь единая тональность негодования и гнева. В сущности на этих страницах один человек негодует на официальную Россию. Этот один человек, понятно, — Сухово-Кобылин. Свой яростный гнев он приписывает преимущественно Муромскому. Но для полной меры авторских чувств возникла еще необходимость добавить к Муромскому Нелькина, тоже уже известного читателю по «Свадьбе Кречинского».

В «Деле» Нелькин абсолютно бездейственен. Он — воплощенная фигура, или формула, протеста — дополняет Муромского своими тирадами («Вы посмотрите, разве мало честных людей страдает?» и т. д. — (д. IV, явл. 1); «Месть! Великую месть всякой обиде, всякому беззаконию затаю я в сердце! . . Нет, не затаю — а выскажу ее всему православному миру! — На ее угольях накалю я клеймо и влеплю его прямо в лоб беззаконию! ! .» — (д. IV, явл. 3) и пр.).

Однако и Нелькина Сухово-Кобылину мало. Яростными речами наделен Иван Сидоров, это он восклицает: «. . .было на землю нашу три нашествия», из коих третье и последнее — нашествие чиновников (д. III, явл. 1). Еще один обличитель и протестант — Шило со своими гневно-саркастическими, хоть и краткими репликами.

Известную лепту в прямое словесное оформление главной тональности вносит и Тарелкин, особенно в финальном явлении драмы.

Всех этих людей, кроме Нелькина, нельзя свести лишь к воплощенным фигурам протеста. У каждого из них есть и свое, существенно важное в общем сложении драмы. Но дух яростной филиппики перехлестывает через отдельные эпизоды, отдельные свойства персонажей, связывая все и всех единством тона.

Л. П. Гроссман справедливо замечал о драме: «Для автора ее Муромский — отнюдь не Акакий Акакиевич и не Макар Девушкин. Муромский не жалок, он преисполнен своего „дворянского достоинства“ и сознания правоты дела, за которое борется».[35]

Действительно, сохраненные автором наивность Муромского, его бережливость, еще кой-какие черты натуры мало что на сей раз определяют и нисколько не гасят его противостояние, не умеряют его степень, его градус.

Эта степень намного мощней той, какая могла бы быть непосредственно вызвана сюжетом «Дела», во всяком случае в его начальной части, которая сулит и представляет конкретные неприятности, грозящие Муромским. Пожалуй, эти неприятности таковы, что при более ровном, терпеливом и жизнеприемлющем состоянии духа их можно было бы перенести, вынести, стерпеть. Сюжетные пружины «Дела» современная пьесе критика объявила неубедительными — на страницах журналов «Дело» («Интрига, как видите, неловкая и малоправдоподобная»),[36] «Всемирный труд» («. . .процесс Муромского, основанный на весьма нелепых мотивах и представленный в драме с очевидными преувеличениями — если и допустить, что он происходил действительно, — состав-

[35] *Гроссман Л.* Театр Сухово-Кобылина. С. 118.
[36] Дело. 1869. № 8. Отд. «Новые книги». С. 156.

ляет слишком крайнее исключение, и делать из него общие выводы было бы наивным присвоением вовсе не присущего ему значения»).[37] Да и «Отечественные записки» сочли, что «в основе всех трех произведений г. Сухово-Кобылина лежит анекдот».[38]

Ссылаясь на более чем сдержанные отклики печати на «Дело» и последующую «Смерть Тарелкина», нельзя при этом не принять во внимание, что эти сочинения Сухово-Кобылина стали известны читательской массе только по изданию «Картин прошедшего» 1869 г. Между тем вскоре после смерти Николая I (18 февраля 1855 г.) в русской печати возникли и широко распространились обличительные мотивы, всякого рода критика существующего уклада русской жизни. В огромном большинстве самых разных литературных произведений той поры в прозе, стихах и драматических диалогах так или иначе находили отражение и оценку характерные явления жизни — всяческое беззаконие, взятки, продажность и подкупность.

Со дня смерти Николая I до обнародования «Дела» прошло почти полтора десятилетия.

Царствование Александра II, ознаменованное сознанием неизбежности реформ и проведением их в жизнь, рождало свои, новые коллизии, новые темы.

В драме наряду с А. Н. Островским, А. Ф. Писемским находим характерные типы и коллизии у А. А. Потехина. Действие «Мишуры» (1858) происходит в губернском городе. Молодой советник губернского правления Пустозеров — из числа «новых людей». Он настаивает на своей честности и неподкупности, действительно не берет взяток. Но, сам того не замечая, Пустозеров своим эгоизмом и бездушным фразерством оскорбляет всех, начиная с дяди и тети, заменивших ему родителей, и старого слуги до подчиненных ему чиновников и горячо полюбившей его Дашеньки. Вместо обновления жизни и настоящей пользы делу Пустозеров нанес лишь незаживающие душевные раны многим, вызвал, так сказать, новые формы отчаяния и разочарований, а сам отправился делать карьеру в столицу.

Окрашенная новым колером и оттого особенно тягостно-изощренная суета тщеславий, самолюбий, модных веяний, подлости и зависти обрисована Потехиным в «Вакантном месте» (1859). Все честное, живое, искреннее, новое отвергается или извращается пошлым провинциальным болотом — и никнет.

Словом, литература представила широкую картину всяческих безобразий и капканов русской жизни, как старого образца, так и обновленных.

Появление «Дела» на этом ставшем уже привычным фоне не произвело впечатления, на которое, как мы теперь понимаем, видя нетускнеющую его силу, драма вправе была рассчитывать. Она не была понята во всей подлинной мощи безоговорочного своего противостояния российской государственности.

---

[37] Всемирный труд. 1869. № 6. «Библиографический листок». С. 210.
[38] Отеч. зап. 1869. Т. 184. № 6. Отд. «Новые книги». С. 219.

При архаичном, казалось бы, пафосе, во всяком случае по его интонации, «Дело» в то же время тесно связано с жизнью России середины века.

«Свадьбу Кречинского» по многим ее фигурам и ситуациям (прежде всего Кречинскому, Расплюеву, сюжету с бриллиантом) можно было представить себе с отдельными поправками происходящей на чужеземной почве. О «Деле» сказать такое невозможно. Здесь поистине «в полной действительности сущее из самой реальнейшей жизни с кровью вырванное *дело*», как сказано в письме «К публике», предваряющем драму.

Список действующих лиц ее, разделенный на пять разделов, ставит своей целью подчеркнуть, что автор стремится к всеобщему охвату социальной действительности России, а не берет эту действительность в каком-либо частном, пусть и важном, измерении.

Различия между Россией дореформенной и эпохой реформ Сухово-Кобылин не проводит. У него свое исчисление времени. Популярная формула обновления («В настоящее время, когда...»), высказываемая одними патетически, другими — с оговорками и сомнениями, третьими — иронически, в 1860-х годах так или иначе владела сознанием едва ли не каждого. Но в тексте «Дела» она не нашла себе места ни прямо, ни как-нибудь опосредованно. Перед Муромским и всей группой «ничтожеств, или частных лиц» высится громадный утес российской государственности, неизменно и монолитно подавляющий эти «частные лица».

Так называемый историзм по-разному сказывался в сочинениях русских писателей середины прошлого века, но тем не менее очевиден повсеместно, хотя бы как живое внимание к зримым, слышимым особенностям времени. С Сухово-Кобылиным, однако, дело обстоит не совсем так.

Простая, казалось бы, и ясная идея смены исторических поколений — она столь существенна в прозе Тургенева, например, — для Сухово-Кобылина как будто не имеет значения. Нетрудно допустить, что Нелькин или Шило моложе Тарелкина, что они относятся к разным поколениям. Но, вдумываясь далее, убеждаешься, что тут скорей ощущения, кой-какие допуски, а не солидные аргументы, определяющие разность исторических поколений. Такой разности в драме нет.

Л. В. Пумпянский в свое время, говоря о повестях Тургенева, выдвинул представление о точной, конкретной историко-культурной прикрепленности повествования у этого писателя, как и у Пушкина тоже. Исследователь употребил понятие «внутренняя датировка». Хотя, строго говоря, она же является и внешней, но не прямым обозначением даты действия, а «историко-культурным аккомпанементом, который у Пушкина и у Тургенева течет параллельно рассказу».[39]

По отношению к Сухово-Кобылину говорить о непосредственно организующей текст «внутренней датировке» вряд ли удастся. Чиновники в «Деле», например, долго и с жаром вспоминают мелодии «Любовного напитка» Доницетти. Но опера эта пришла в Россию еще в начале

[39] *Пумпянский Л. В.* Тургенев-новеллист // *Тургенев И. С.* Соч. М.; Л., 1929. Т. 7. С. 22.

1840-х годов; стало быть, к шестидесятым она давно не была новинкой, не могла уже быть красноречивой приметой музыкальных пристрастий именно этой поры.

Особый счет времени у Сухово-Кобылина свидетельствует, что мысль об историческом прогрессе применительно к той России, которую автор «Картин прошедшего» знает, ему чужда. В возможность исправлять и улучшать это государственное образование Сухово-Кобылин не верит. Более того — он убежден в тяжкой неподвижности, в обреченности такого устройства. Оно насильственно по отношению к органическому движению истории, сложилось искусственно, хотя только такая искусственность и могла быть уделом при «иррациональности русского племени».[40]

Российская государственность издавна представляет собой, по Сухово-Кобылину, систему узаконенного беззакония — если исходить из того, что в цивилизованном мире закон должен охранять права человека, служить ему, пусть и в ограниченных исторической реальностью рамках.

Современный Сухово-Кобылину государствовед А. Д. Градовский объяснял в 1879 г.: «Собственность и семья — два института, являющиеся условиями самостоятельного развития человеческой личности в области материальных и нравственных отношений».[41]

Как видно всякому, кто знакомится с «Делом», в драме этой несвобода как раз вторгается всей своей тяжестью в семейную жизнь Муромских, ныне исказившуюся под бременем ничем не ограниченного давления на «человеческую личность». Что же касается собственности, то она явственней всего подлежит произволу и грубой игре необузданных интересов.

То, что в многоступенчатом «Деле» выступает как государственное устройство, есть одновременно многоликое, хваткое и наглое неустройство, получившее силу абсолютной пошлой прочности.

По свойствам патетики, сказывающейся в «Деле», возвышенной и саркастической, по позиции одного против всей официальной России, как и по сути воззрений, Сухово-Кобылин во многом близок Герцену первых десятилетий его литературной деятельности.

Они были смолоду хорошо знакомы. Еще в 1834 г. Герцен, отвечая на вопросы Следственной комиссии, писал: «. . .весьма знаком с домом г. Сухово-Кобылина».[42] Во время работы над «Делом» А. В. Сухово-Кобылин записывал в дневнике 1856 г.: «. . .вечером читал рукописные статьи Искандера».[43]

Очевидным образом перекликается с «Делом», допустим, известное начало главы XV второй части «Былого и дум»: «Один из самых печальных результатов петровского переворота — это развитие чиновнического сословия. Класс искусственный, необразованный, голодный, не умеющий ничего делать, кроме „служения“, ничего не знающий, кроме канцелярских форм, он составляет какое-то гражданское духовенство, священнодейст-

[40] См. в наст. статье отрывок из письма Сухово-Кобылина к NN (с. 279).
[41] *Градовский А. Д.* Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6. С. 302.
[42] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. 21. С. 411.
[43] Цит. по: *Клейнер И.* Драматургия Сухово-Кобылина. С. 116.

вующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых».[44]

В самом строе речи Герцена — созвучность отчаянным филиппикам, произносимым в «Деле».

Сочинения Герцена 1850-х годов по-своему также обосновывают центральное положение Муромского в драме Сухово-Кобылина.

Прокламация «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству» (1853) гласила, например: «Первое вольное русское слово из-за границы пусть будет обращено к вам.

В вашей среде развилась потребность независимости, стремление к свободе и вся умственная деятельность последнего века.

Между вами находится то самоотверженное меньшинство, которым искупается Россия в глазах других народов и в собственных своих.

Из ваших рядов вышли Муравьев и Пестель, Рылеев и Бестужев.

Из ваших рядов вышли Пушкин и Лермонтов»[45] — и т. д.

Столь гордое, исторически взвешенное и обостренное понимание роли русского дворянства (точней, вероятно, — русской дворянской духовной культуры) в «Свадьбе Кречинского» проявлено не было. Хотя отдельные параллели с «Делом» по этой части все-таки возможны.

Надо полагать, понимание роли дворянства в драме и во многом переменившийся Муромский продиктованы коллизиями новой, т. е. последниколаевской эпохи русской жизни.

Современный нам исследователь обобщает типичные для второй половины XIX в. взгляды: «Авторы всех направлений были единодушны и в том, что преобразования 60-х годов самым серьезным образом повлияли на положение дворянства, пошатнув его экономические и политические позиции. Последние якобы были подорваны бюрократией, все более приобретавшей бессословный характер и становившейся ,,вредным средостением" между монархом и ,,народом", который и представляло дворянство».[46]

Когда началась подготовка крестьянской реформы, мыслящие дворяне зачастую стояли за освобождение крестьян с землей. В то же время они проявляли особую тревогу из-за того, что чиновники, готовившие реформу, стремились устранить дворянство от влияния на крестьянское общественное управление, заменить дворянство крепнущей и расширяющейся административной властью. Крестьянская реформа без преобразования всей чиновничье-бюрократической системы грозила, по мнению многих, еще большим усилением именно бюрократии, вовсе уж непомерным ростом ее власти.[47]

Таким образом, коллизия «дворянство—бюрократия» приобрела ко второй половине 1850-х годов особенную резкость по сравнению с предшествующей порой.

---

[44] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. 1956. Т. 8. С. 252.

[45] Там же. 1957. Т. 12. С. 80.

[46] *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. М., 1979. С. 5.

[47] См.: *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909. С. 57.

Сухово-Кобылин видел в дворянстве не просто определенную имущественно-владетельную группу населения, а людей, наделенных чувством исторической ответственности, кодексом традиционных понятий о чести и долге. Это чувство и эти понятия рождались, кроме всего прочего, на основе тесной связанности дворянина с землей и с крестьянством.

Между тем связи эти рвались все более и более. «Удельный вес горожан среди дворян за пореформенное сорокалетие резко увеличился. Если в 1858 г. в 49 губерниях Европейской России 2/3 всех дворян и чиновников ⟨...⟩ жили в уездах и лишь 1/3 — в городе, то к концу XIX в. горожанами были уже 56.9 % членов высшего сословия».[48] Процесс этот, как явствует из приведенных слов, был по крайней мере значительно активизирован, если не начат крестьянской реформой.

Возможно, стойкая уверенность Сухово-Кобылина в значении русского дворянства — того именно, что связано с землей и народом, — в свою очередь, придавала его драме оттенок архаики в глазах читателей своего времени.

Однако отношение Сухово-Кобылина к дворянству и его судьбам драматично и далеко не одностороннe. Немалое число дворян по происхождению охотно становились звеньями бюрократической системы. Таковы в «Деле» Важное лицо, Весьма важное лицо. Но эта часть дворянства уже понималась Сухово-Кобылиным, естественно, иначе. Как по-иному оценивал ее и Герцен. Он не раз отмечал в публицистике и письмах 1850-х годов то обстоятельство, что в России нет настоящей аристократии (т. е. дворянства, наделенного особым авторитетом, который утвержден обычаем и законом). «У нас дворянство — скорее бюрократия, нежели аристократия, — разъяснял он иностранному корреспонденту в 1854 г. — Родовитость, графский и княжеский титул, древность имени, обширность поместий не дают никаких привилегий. Их дает чин» («Старый мир и Россия. Письмо к В. Линтону»).[49]

О том же в сущности толковал правовед и историк Б. Н. Чичерин в своей записке «Об аристократии, в особенности русской», впервые опубликованной без имени автора на страницах герценовского издания «Голоса из России». Всю послепетровскую, а стало быть, и нынешнюю знать он характеризовал, в частности, следующим образом: «Голос общественный, голос правды не допускается, независимые мнения преследуются, — все должно безмолвствовать и склоняться как будто из почтения к царю, а в сущности для пользы и по наущению царедворцев, которые при такой только системе могут сохранить свое место и значение. Эта новая форма аристократии едва ли не опаснее для государства прежних бояр».[50]

Сухово-Кобылин живет близкими чувствами — и оттого Важное лицо ему ненавистней, даже чем Тарелкин.

Из Москвы, где происходило действие «Свадьбы Кречинского», автор переносит своих героев в столицу. Петербург избран, разумеется, не случайно. Город этот давно уже осознавался в русской литературе как глав-

[48] *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России... С. 127.
[49] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 12. С. 194.
[50] Голоса из России. Лондон, 1857. Кн. 3. С. 76.

нейшая среда обитания бюрократии, торжествующего чиновничества, как город безнародный, утративший связь с глубинной Россией. Противопоставление Петербурга в этом смысле Москве встречалось часто.[51]

В «Деле» наряду с общей атмосферой и повсюду проступающей тенью Петербурга есть и прямо высказанные характеристики города (например, устами Ивана Сидорова — д. I, явл. 5), здешнего уклада жизни («Я ведь не петербургская кукла, я вашей чиновничьей дрессировки не знаю», — кричит Муромский Князю, — д. III, явл. 9). Тарелкин объявляет неразрывность свою с Петербургом (д. V, явл. 1).

Именно на петербургской почве всего откровенней могущество чиновничьей державы с ее неправыми судами, о которых речь в «Деле», с бесчисленными ведомствами, которые опутывают частную жизнь россиянина удушающей его волю и честь паутиной.

«Дело» — об этом уже говорилось — построено как схождение в безысходном противостоянии тех, кто уверенно существует вне каких-либо понятий о совести и чести, и человека чести, неминуемо гибнущего в этом поединке.

В таком именно противостоянии, горячем, гордом и безнадежном, — своеобразие драмы Сухово-Кобылина на фоне иных литературных творений того времени, тоже вторгающихся с гневным осуждением в среду чиновничества, вершащего дела на русской земле.

Созданные раньше «Дела» «судебные сцены» И. С. Аксакова «Присутственный день Уголовной палаты» (авторская дата — 1853 г.) в России при жизни автора напечатаны не были. Они появились без имени автора в одном из изданий Герцена и Огарева.

Персонажи «сцен» Аксакова — чиновники губернского, не столичного города. У Аксакова свой подход. Он обнаруживает ровную бессовестность, нравственную дремотность заурядной, обычной, привычной деятельности чиновников судебного ведомства. Исполняются казенные ритуалы без участия ума и сердца. Стало общим нежелание вникать и тревожиться о справедливости. Вошли в обиход кумовство и взяточничество. Аксаков отлично знает то, о чем пишет: его герои плетут юридические крючки с точными ссылками на статьи законов, пункты и подпункты.

«Судебные сцены» открываются «Предуведомлением»: «Многие, по прочтении этого отрывка, скажут, что я взял только смешную и пошлую, еще не самую трагическую сторону судебного быта, что я вовсе не коснулся и не разоблачил тех вопиющих злоупотреблений и страшных злодейств, которыми богата память каждого „послужившего на своем веку" человека. Но предлагаемый отрывок еще далеко не исчерпывает всей моей собственной задачи; вопиющие же злоупотребления и потрясающие душу злодейства носят на себе характер исключительности, особенности, который яркостью своей резко отделяется от общего быта, к тому же они не всегда избегают и наказания по закону. Гораздо опаснее для общества те грехи, которые чествуются „грешками"; те пороки, которые извиняются легко,

[51] См. материалы по этой теме в кн.: *Янковский Ю.* Патриархально-дворянская утопия: Страницы русской общественно-литературной мысли 1840—1850-х годов. М., 1981. С. 155—163.

уживаются со снисходительною совестью, живут рядом с хорошими свойствами души, принимают какую-то даже вполне искреннюю, добродушную физиономию, убаюкивают самое сознание какою-то особенною простосердечною логикой. Эта сеть малых грешков и пороков опутывает в сильной степени наше общество, и каждый из нас более или менее страдает тем же недугом. Но особенно опасною сказывается эта болезнь в быту судебном, где она в союзе с властью, где каждое ее проявление передается непосредственно тяжкими гибельными ударами действительной жизни. . .

С этой целью выставлены мною даже не взяточники, а люди „честные" и даже „добрые". . .».[52]

Если бы Аксаков мог знать «Дело», правомерно было бы предположить, что он спорит как раз с этой драмой, говоря про «вопиющие злоупотребления и потрясающие душу злодейства». Но во время написания «Присутственного дня Уголовной палаты» Аксаков знать «Дело» не мог.

Муромский идет на сражение, избирает Голгофу — и гибнет в одиночку, осмеянный, жалкий и великий со своими благородными понятиями, содроганием перед человеческим горем и бедой.

Правда, одиноко он свершает лишь финальные эпизоды своих тщетных борений. Никого нет рядом, кроме тех, кто без совести и чести.

Вообще же за пределами чиновничьего оплота — «какого ни есть ведомства» — у Муромского поддержка находится. Это прежде всего Лидочка. И это Иван Сидоров (то есть — Сидорович) Разуваев, доселе не понятый или понятый ложно теми, кто изучал наследие Сухово-Кобылина.

Нет ни малейшего основания толковать фамилию Ивана Сидорова по-щедрински, сатирически-разоблачительно. Если и почесть эту фамилию в «Деле» непосредственно значащей, то смысл тут возможен единственный: Иван Сидоров никого не «разувает», а сам готов «разуться», отдать все ради ближнего своего.

Когда Сухово-Кобылин в 1858 г. прочел не завершенное еще «Дело» Аполлону Григорьеву, «особенно поразил его характер Ивана Сидорова».[53] Так записал автор драмы в своем дневнике.

А. А. Григорьеву с его «почвенничеством» не могла не быть близка эта личность. Сухово-Кобылин в «Данностях» помечает про Ивана Сидорова: «держится старой веры». Понимать эти слова, казалось бы, можно единственным образом: Иван Сидоров — приверженец дониконовских религиозных установлений, старовер, из раскольников. Однако в тексте драмы эта сторона личности никак не выражена. Так что указание в «Данностях» сегодня воспринимается, пожалуй, лишь как известие о том, что Иван Сидоров не введен по-настоящему в современную ему жизнь казенной России. Он живет своей жизнью, руководясь законами сельского мира, общинными основами быта и труда.

Представление о том, что одним (если не главнейшим) из органических оснований русской действительности является община, нравственный

---

[52] *Аксаков И. С.* И слово правды. . . Стихи, пьеса, статьи, очерки. Уфа, 1986. С. 113—114.

[53] Цит. по: *Клейнер И.* Драматургия Сухово-Кобылина. С. 131.

и трудовой союз крестьян с их традиционными формами жизни и нормами поведения, свойственно было в середине XIX в. самым разным мыслителям, в том числе Герцену и Н. Г. Чернышевскому. Здесь нет возможности освещать все варианты и оттенки взглядов, поскольку Сухово-Кобылин скорей поддерживает идею не в каком-либо индивидуальном, а в наиболее общем и распространенном ее изводе.

«На самом деле настоящим патриархальным главой общины является ее староста, избираемый общиной из собственной своей среды. Именно он занимает место отца семьи; он является представителем, защитником и естественным покровителем общины»,[54] — с горячностью разъяснял всей Европе Герцен в 1853 г.

Вводя в «Дело» Ивана Сидорова, Сухово-Кобылин тем самым стремится внести в пьесу точку зрения народа, крестьянской общины, для которой Иван Сидоров — «представитель, защитник и естественный покровитель». Он, конечно, не выборный староста, но положение его, по пьесе, в определенных направлениях близкое.

Разуваев в силу природной сметливости и деловитости способен лучше Муромского понять притязания начальственных лиц. Но смотрит на эти притязания только как на неизбежность, стихийное бедствие и строит свою жизнь помимо, вне чужого ему порядка.

Сухово-Кобылин захватил здесь сферу чрезвычайно важную, волновавшую русские сердца и умы. Другое дело, насколько вся эта линия Ивана Сидорова для него натуральна и насколько он преуспел, ее запечатлевая. Но, нет сомнения, Сухово-Кобылин хочет серьезно, с истовостью вникнуть в эту сторону реальности, в эту область надежд и верований, полагая их весомыми и определяющими.

Не обратив внимания на особенности «Дела», вряд ли можно понять последующую «Смерть Тарелкина», со взглядом уже во многом иным.

В «Деле» же человек народных корней и мнений (для большинства русских писателей той поры слово «народ» означало крестьянство, живущее на земле и ее обрабатывающее) входит в особую коллизию по отношению к русской государственности.

Ф. М. Достоевский на страницах журнала «Время» в 1861 г. именовал эту коллизию «совершенно отчужденностью духа народного от духа административного». И продолжал: «Если бы административный порядок вышел из духа народного, из свойств народных, сколько-нибудь был бы сродни народу, то он был бы ему и понятен, сильнее бы волновал его в случае злоупотреблений, скорее бы он понимал его, все его извращения и недостатки».[55]

Но «административный порядок» в России, по мнению Достоевского, из «духа народного» не вышел. Может, он и не мог таким образом выйти — так толковали иные, в частности Константин Аксаков в своей записке «О внутреннем состоянии России», представленной Александру II в 1855 г.

«Правительство и народ не понимают друг друга, — сетовал К. С. Аксаков, — и отношения их недружественны».[56] Все дело в том, объяснял он,

[54] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 12. С. 52.
[55] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 185.
[56] Ранние славянофилы. М., 1910. С. 89.

что надо найти разумный способ сосуществования в России народа и правительства. Во всяком случае не за счет того, чтобы пытаться приучить народ к исполнению правительственной миссии, не путем приведения народа к власти. Ничего хорошего из этого получиться не может, поскольку — Аксаков убежден — «русский народ есть народ не государственный, то есть не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия». Но «не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной — народной жизни внутри себя». «Он как народ христианский избирает для себя иной путь, путь к внутренней свободе и духу, к царству Христову: *Царство Божие внутри вас есть*».[57] Власть в России должна предоставлять народу «всю его нравственную жизнь», сама берясь за дела собственно административные. Связь между народом и правительством должна бы существовать в форме живого, никем не подавляемого «общественного мнения».

Идеи К. Аксакова — свидетельство тех исторических забот и проблем, которыми жили люди на переходе от России николаевской к России периода преобразований.

Создавая своего Разуваева, Сухово-Кобылин вводил в столкновение государственности и частного человека еще особую силу — силу народного мнения, народной нравственности. Но эта сила, как нетрудно убедиться, читая «Дело», вполне бессильна перед первой, все и всех давящей.

Иван Сидоров в драме живет душа в душу со своим помещиком Муромским и его семьей. Их отношения приближаются к идиллическим; если полнота в этом отношении не достигнута, опять же мешает казенная машина власти.

На рубеже 1850—1860-х годов не часто можно было встретить в достойной внимания русской литературе картины подобного мира и согласия между крестьянами и помещиком. Правда, близкое соответствие найдем, например, в «Дворянском гнезде» (1858): «Лизе и в голову не приходило, что она патриотка; но ей было по душе с русскими людьми; русский склад ума ее радовал; она, не чинясь, по целым часам беседовала со старостой материнского имения, когда он приезжал в город, и беседовала с ним, как с ровней, без всякого барского снисхождения».[58] Но речь-то идет здесь о Лизе Калитиной, человеке особенного душевного склада и особенной судьбы. В известной степени и Муромский — особенный человек; все же он владеет, правит, решает, хозяйствует. Вместе с тем хранит черты нравственной простоты и твердости, роднящие его с народом.

Решительно иной взгляд на вещи обнаруживает, в частности, «Утро помещика» Л. Н. Толстого (1856). Молодой помещик князь Нехлюдов обходит крестьянские избы — и убеждается в тщете своих преобразовательских планов и усилий, видит стену непонимания, которая наглухо разделяет друг от друга помещика и крестьянина. У Толстого ситуация драматическая. Среди комических ее вариантов — князь К. из «Дядюшкина сна» Достоевского (1859): встречая в деревне приветствующего его му-

[57] Там же. С. 69, 73.

[58] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М., 1981. т. 6 С. 103.

жика, князь наводил на него свой лорнет, кивал головой и ласково говорил: «Bonjour, mon ami, bonjour!».

К 1869 г. давно уже не был новостью Н. В. Успенский со своими крестьянскими рассказами.

Неудивительно, что появившееся в печати «Дело» на фоне многих типичных для литературы того времени коллизий производило впечатление порой просто недоуменное.

Ю. З. Янковский считает 1861 год важнейшей переломной датой и для литературно-творческого сознания: «Реформа 1861 года 〈...〉 положила конец патриархально-дворянским иллюзиям славянофильской утопии. Ее сменило окрашенное антидворянством почвенничество — этот, так сказать, плебейский вариант былой патриархальности».[59]

Кой-какие уточнения и поправки применительно к высказанному возможны, но в общем и целом рубеж определен точно.

Между «Доходным местом» Островского (1856) и опубликованным «Делом» — тринадцать лет. Можно представить себе, как странен был читателю Муромский рядом с тем же Жадовым, героем «Доходного места». Жадов — из демократически настроенной и демократически живущей интеллигенции, вчерашний студент, захваченный жизнью, так сильно переменившейся; он — человек со своим характерным кругом, в который входят наряду с прочими Мыкин и Досужев.

Сравнение Муромского с Жадовым, собственно говоря, просто невозможно. По манере изображения ничто их не сближает. Кроме протеста, выражаемого так несходно. Но вот — Жадов и Шило. Касьян Касьянович Шило как будто сродни Жадову запальчивой своей честностью и бедностью. Но стоит только вспомнить авторскую аттестацию Шила в «Данностях», как разница в подходах резко напоминает о себе. Шило — человек одинокий и странный, человек без своей среды, персонаж яростной филиппики прежде всего и больше всего.

И Варравин под пером Сухово-Кобылина крупен, зловещ, дьявольски оборотист. Куда до него Юсову или Белогубову из «Доходного места» с примитивным их умом и очевидной нравственной ничтожностью. Они-то держатся не адской волей своей и лиц вышестоящих, а неразвитостью обычной жизни, всеми этими Кукушкиными, которые не хотят и не могут взять в толк, что России и каждому в ней надобно бы перестроиться и стать на открытых и честных основаниях.

Специальная лепка и освещение фигур много значат в стилистике «Дела». Концовки всех его действий нарочито эффектны, это подчеркнуто театрализованные точки — иной раз, как в третьем действии, несомненно с оттенком искусственности.

Сухово-Кобылин твердо придерживается принципа единства времени в строении своих пьес. События следуют друг за другом непрерывно. Если брать и в данном случае драматургию Сухово-Кобылина на фоне произведений уже вошедшего в полное свое значение Островского, нельзя не заметить: для Сухово-Кобылина решительно невозможны такие временные

---

[59] *Янковский Ю. З.* Патриархально-дворянская утопия. С. 237.

дистанции, как, скажем, в том же «Доходном месте», где между вторым и третьим действием «проходит около года».

Показательно, что персонажи «Дела» напрочь лишены рефлексии. Даже отличный от других в кой-каких отношениях Тарелкин (к нему еще вернемся в связи с последующей пьесой) сетует исключительно на свою неудачливость, на то, что более крупный вор обошел его. Но никакие сомнения насчет того, что собственный способ существования далек от нравственного идеала, и Тарелкина не посещают. Нет их у него. В то время как еще в одном произведении той поры — в «Тенях» Щедрина (начало 1860-х годов; при жизни автора эта «драматическая сатира» не публиковалась) — даже всех обошедший Клаверов содержит в своих душевных тайниках некий момент стыдливости, конфузливости, не влияющий, впрочем, на логику карьеры. С жаром Клаверов признается Софье Александровне Бобыревой: «Вы подумайте только, что ведь мы сплелись с этими людьми, что вся наша жизнь в их руках, что мы можем дышать только под условием совершенной безгласности, что мы сами приняли это положение, что мы ни на минуту не можем выйти из-под гнета его! Ведь это самая чудовищная барщина, какую только может придумать воображение самое развращенное! Сколько тут есть причин для злобы, каких вам и не снилось, вам, поглядывающим на этот гнусный мир из вашего прекрасного далека!».[60]

Не станем больше сосредоточиваться на архаическом в «Деле». С нашей сегодняшней точки зрения эта архаичность есть живое своеобразие Сухово-Кобылина и придает особую отрешенно-саркастическую тональность его цельному творению. Вопреки всем суждениям своего времени «Дело» простояло век с лишним, как будто ничего не утратив; напротив, даже обнаружив первоначальную энергию вполне. Все эти словно высеченные резцом скульптора фигуры, их метко отобранные речи и резкие отношения между собой, поданные с искусной светотенью, определяют такой масштаб, такое значение, такой литературный ранг «Дела», который, похоже, не шел на ум огромному большинству современников Сухово-Кобылина или никому из них.

Если основываться на главном, преобладающем, всепроникающем авторском тоне и соответственном читательском впечатлении, всему «Делу» присуща истинная монолитность.

Вместе с тем при более аналитическом чтении драмы трудно не заметить в ней явные нарушения общей наглядной цельности. В сущности мы имеем дело в подобных случаях не с нарушениями в прямом, юридическом смысле слова — а с проявлениями в тексте тенденций, дополняющих главное или даже отчасти противоречащих ему. Эти проявления могут говорить о полной вовлеченности в литературное создание всей личности писателя с его естественной подвижностью и противоречивостью.

Как и в «Свадьбе Кречинского», в «Деле» участвует Атуева. С ней сюда добирается комедийная волна, пущенная первой пьесой. Но показательно, что речи Атуевой, ее бытовое поведение заметны и нередко смешны только

[60] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1966. т. 4. С. 370.

в первом явлении первого действия. Дальше Атуева малозаметна, преимущественно просто вторит Муромскому. Введенный в список действующих лиц Тишка стал вовсе бескрасочен на страницах «Дела». Видимо, по мере написания пьесы автор все далее уходил от примера первого своего произведения.

Несколько неожиданными для автора «Дела» и даже диссонирующими с линией Муромского нотами сопровождается жизнь Лидочки в драме. Нелькин сразу видит: «. . .мне все кажется, что вы белокурее стали, светлее; на лице у вас тишина какая-то, будто благодать божия на вас сошла» (д. I, явл. 3).

Лидочка оказывается образом смирения, бескрайней христианской любви, помещенным в эту среду яростных негодований и вопиющего отчаяния. Особенно характерны речи Лидочки во втором явлении третьего действия (среди них словно предвестие финала «Бесприданницы» Островского: «. . . а как бы хорошо мне умереть. . . благословить бы всех. . .»), в первом явлении четвертого действия.

Такой мотив смирения появляется в «Деле» не бегло, а настоятельно, в достаточно пространном и полном энергии выражении. Этот мотив диссонирует с главной темой. Но ясно же, что такой диссонанс Сухово-Кобылину важен, пока важен.

Выше «Дело» не раз ставилось против «Доходного места», чтобы ясней виделось свое, особенное в драме. Однако теперь можно обратить внимание на то, что мотив безропотности, связанный с Лидочкой, как раз находит себе созвучие у Островского, тоже до известной степени не совпадающее с главными намерениями Жадова и ведущей тональностью всей комедии.

В пятом действии «Доходного места» Вышневская говорит мужу: «За минутное увлечение я перенесла много горя, много унижения, но, поверьте, без ропота на судьбу и без проклятий, как вы» (явл. 3). Немного позже уверяет себя и других Жадов: «Если вся жизнь моя будет состоять из трудов и лишений, я не буду роптать. . .» (явл. 4). Так мотив безропотности слышится мелодией честной, естественной жизни, словно непроизвольно входит в текст произведений, исполненных гнева и раздражения.

III

В «Смерти Тарелкина», как очевидно читателю, нет уже ни Муромского, ни Лидочки, ни Ивана Сидорова, ни Нелькина, ни даже Шила. А Омега, проявлявший в «Деле» наиболее дружеские чувства к Шилу, в «Смерти Тарелкина» стал мерзок ничуть не менее, чем все прочие чиновники, перешедшие сюда из «Дела».

Последняя вещь из трех, «комедия-шутка», — произведение безоговорочно язвительное.

Известное одиночество Сухово-Кобылина по части литературно-общественных связей издавна освобождало его от надежд и упований самых

разных. Не был он близок с Аксаковыми и другими славянофилами, не был в полной мере солидарен и с Герценом, тем более — с Чернышевским или Добролюбовым. Хотя отдельные, иной раз весьма выразительные, параллели можно наметить в любом направлении.

«Смерть Тарелкина» современники, конечно, читали. Но всего меньше имеется печатных или письменных свидетельств о знакомстве с этой пьесой. Всерьез о ней, насколько нам известно, никто не высказывался. Публикуя в 1914 г. книгой театральные отклики А. С. Суворина 1860—1870-х годов, издатели (самого Суворина не было уже в живых) сочли вполне возможным без какой-либо неловкости воспроизвести сказанное сорок пять лет назад: «Что касается комедии ,,Смерть Тарелкина", то это довольно пустой фарс, основанный на переодевании и самом невероятном анекдоте; он не заслуживает, чтоб над ним останавливаться».[61]

А. В. Амфитеатров, на рубеже XIX и XX вв. горячо утверждавший большое значение «Картин прошедшего», размышлял о последней пьесе так: «Но — кто читал ,,Смерть Тарелкина" со вниманием, способным отличить суть пьесы от двух-трех неудачных фарсов, ее портящих и компрометирующих, — тот не может не сознаться, что, по силе негодования, каким дышит здесь сатира Сухово-Кобылина, ,,Смерть Тарелкина" резче и язвительнее не только ,,Свадьбы Кречинского", но, пожалуй, и всего, что до сих пор произвела русская обличительная драматургия».[62] При всем благородном пафосе утверждения исторического веса Сухово-Кобылина Амфитеатров, как видно, числит «Смерть Тарелкина» в некоем драматургическом ряду. Между тем она — вне ряда, отдельная; а, скажем, с той линией в литературе и на театре, которая широко развилась после смерти Николая I, настоящей, т. е. по самой сути, связи нет. Невозможно ныне объяснить, какие эпизоды последней пьесы можно объявить вслед за Амфитеатровым «ее портящими и компрометирующими». Современному читателю «Смерть Тарелкина» видится в своей цельности, в принципиальной последовательности и взаимосвязанности ее «фарсов».

Автор задумал «Смерть Тарелкина» еще в 1857 г., а завершил незадолго до выхода в свет «Картин прошедшего». Таким образом, срок был взят долгий. Имелась полная возможность высказать все, что хотел, и так, как хотел.

В «комедию-шутку» сведены самые различные типы и явления российской действительности. Сухово-Кобылин уже не государственности вызов бросает, он стремится охватить все возросшее на родной почве, ее власть разных степеней, ее свободомыслящих и вольных (помещик Чванкин), людей из народа (Мавруша, Брандахлыстова, Пахомов) с их покорностью непознаваемой судьбе, ее культурные силы (доктор Унмеглихкейт: «О нет! . . Никогда медицин отвечай. . .никогда! . .Никогда» — д. III, явл. 3), купечество (Попугайчиков).

Вся эта действительность сплошь выходит гримасничающей и беззаконной. «Так! это мое правило: всему верь, ибо все возможно!» (д. III, явл. 6) — провозглашает Расплюев общую формулу жизни. Не закреплен-

[61] *Суворин А. С.* Театральные очерки (1866—1876 гг.). СПб., 1914. С. 334.
[62] *Амфитеатров А. В.* Собр. соч. СПб., б. г. Т. 21. С. 162.

ная в своих сущностных основаниях, вся зыбкая, нестойкая, путаная жизнь характеризуется всеобщей оборачиваемостью, превращаемостью, так сказать, всего во все.

Мошенник Расплюев, известный всей России по «Свадьбе Кречинского», человек без биографии и даже словно бы без возраста, оказывается в «Смерти Тарелкина» полицейским чином, представителем власти. Умерший здесь жив, а живой умер — правда, на время. Дерзкий труслив до полной потери самосознания. «Общинный дух» («Нынче, — ораторствует Варравин, — все общинное в ходу, а с философской точки, что же такое община, как не складчина?» — д. I, явл. 7) легко выворачивается обкрадыванием чиновниками друг друга. А кучка сомнительного свойства кредиторов привычно освящает свои претензии к Тарелкину высокими нравственно-политическими мотивами: «Ну, я спрашиваю: где же у нас законы?»; «Эттто. . .бес. . .чест. . .но!!» (д. II, явл. 4).

Почти каждая реплика в пьесе выглядит и слышится ухмыляющейся, каверзно-зыбкой, двусмысленной. Расплюев, поминая мнимоумершего Тарелкина за столом у мниможивого Копылова, охотно оснащает трапезу мнимой мыслительной деятельностью, обсуждая по-своему проблему бессмертия души (д. II, явл. 2). Полна вывертов и каверзностей тирада Тарелкина в самом начале пьесы.

Удивительно ли, что такая жизнь легко допускает веру в Тарелкина-оборотня? Не то чтобы в этом случае вдруг возникала подлинная вера, а опять-таки «всему верь, ибо все возможно!». Где обнаружить законы знания, истины, чести и тому подобных зиждительных основ? Как обрести реальные критерии среди этой деятельной бестолковости, среди этого общего переливания из пустого в порожнее? Что же в этой смутной жизни можно счесть все-таки наиболее органическим, всего естественней ей присущим?

Сухово-Кобылин постоянно думал над тем, что представлялось ему загадкой России. И приходил к горьким выводам: «Что же нас касается, то очевидно, что одна Могила может нас, Славян, исправить. Для всякого Зрячего у него на лбу написано: С м е р т ь. Когда ближе, как можно ближе посмотришь на эту матушку Рассею — какая полная и переполная чаша безобразий. Язык устает говорить, глаза устают смотреть. Надо зажмуриться и молчать» (из письма 1875 г. к В. М. Петрово-Соловово).[63] Позже — в письме к Н. В. Минину (скорей всего письмо относится к концу 1880-х — началу 1890-х годов): «Я относительно России пессимист. Я ее люблю, жалею, но хулю. Мне она всегда была мачехой, но я был ей хорошим трудящимся сыном».[64]

Как уже отмечалось в связи с «Делом», идея прогресса, во всяком случае по отношению к своему отечеству, Сухово-Кобылиным решительно не разделялась. В дневнике есть такая запись от 21 июля 1861 г.: «Реформы, Прогресс, новые Требования — все это идет не от Масс, а от Правительства и так называемых *Передовых людей.* Но все это как не

[63] Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным. С. 251.
[64] Цит. по: *Клейнер И.* Драматургия Сухово-Кобылина. С. 324.

исходит из Духа, из Нутра Народного, есть утрировка, фальшь» (прочитано В. М. Селезневым).[65]

Органические и насильственные пути движения родной страны, логичное и нелогичное в ее историческом опыте — все это вызывало в 1860-х годах беспокойные раздумья у тех, кто не хотел и не мог видеть в самодержавно-бюрократической России лишь поле для собственного благополучия и процветания.

1862 год был датой тысячелетия России, если считать ее возраст с появления в ее пределах Рюриковичей. Эта дата явилась особым поводом к обдумыванию прошлого страны в связи с настоящим.

Так, в «Санкт-петербургских ведомостях» большую статью опубликовал известный историк Н. И. Костомаров. Его, как и Сухово-Кобылина, тревожила, в частности, привычка обращать повороты исторического движения России в нечто сугубо внешнее, поверхностно-шумливое, даже в своего рода моду. Костомаров писал: «Неясный гул кругом нас. Мы слышим заветные слова: вперед, прогресс, развитие, свобода, гласность и проч. и проч. — целый словарь волшебных речений, приводящих в движение нервы того, кто хочет быть общественным деятелем. Но мы не уяснили себе значение этих слов, потому что не нашли еще непосредственного, тесного приложения их к условиям своей жизни. Они для нас не более как общие места, потому что прилагаются разом ко многому и разом многими способами». Подвергавшаяся крутым преобразованиям жизнь России (одно из таких преобразований — реформы Петра I) как будто не заключает сама в себе ясности насчет истинных путей собственного развития: «. . .в нашем народе много завещанного праотцами страдательного терпения, часто изумительного, но нет у нас терпения свободного, которое вытекает из твердой решимости идти по дороге, указанной разумным убеждением», — сетовал Костомаров. Заканчивалась его статья таким итогом: «Если наше настоящее государственное устройство не представляет ничего подобного с бытом кривичей и славян ильменских, то мир наших нравственных сил, наших понятий и стремлений можно уподобить такому же хаосу; поле нашей духовной и общественной деятельности так же велико и обширно, как земля наших предков, и так же нет в нас *порядка*, как его не было в этой земле. Как предки наши в IX веке пришли к необходимости призвать к себе княжеский род, так и нам следует обратиться к главным целям, около которых должны сгруппироваться, сложиться и им подчиниться все наши многообразные современные вопросы».[66]

Трудно не услышать в раздумьях Костомарова серьезной переклички с «комедией-шуткой» Сухово-Кобылина.

Статья Костомарова наряду с одобрительными откликами современников вызвала раздражение и нападки. Значительно более громкое и далеко пошедшее недовольство вызвало выступление по тому же поводу другого историка — ранее профессора Киевского, а в начале 1860-х годов Петербургского университета — П. В. Павлова.

[65] ЦГАЛИ, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 227, л. 16 об.

[66] *Костомаров Н.* Тысячелетие // СПб. ведомости. 1862. 9 янв. № 5.

2 марта 1862 г. он произнес речь «Тысячелетие России» на литературном вечере в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. 5 марта Павлов был арестован и отправлен с жандармами в высылку в Ветлугу, где находился до 1866 г.[67] Видимо, речь вызвала такой гнев властей всем тоном своим, а также пылким откликом аудитории.

Павлов говорил в основном о нарастающем в России «утверждении безусловной централизации», о бесправии и угнетенности народа. Дошедший до нас предварительный (а не записанный во время произнесения) текст речи завершался отнюдь не оптимистической, но и не вовсе безнадежной нотой: «В какой мере правильное, добровольное слияние интересов высших и низших классов может удаться в России, нам, разумеется, неизвестно. Скажу только, что на роковом рубеже прожитого отечеством тысячелетия, в переходную эпоху великого общественного переворота, одно это соединение всех интересов может спасти Россию от великих бедствий, могущих угрожать ей».[68]

Таким образом, автор «Смерти Тарелкина» имел возможность опираться не на одни лишь свои собственные заботы и представления общего характера, хотя они, без сомнения, были определяющими.

Только что упоминавшиеся выступления по поводу тысячелетия России принадлежали времени после отмены крепостного права. Но нельзя забывать, что «эпоха великих реформ» постоянно прослаивалась всякими правительственными испугами (подобно истории с высылкой П. В. Павлова), гонениями, притеснениями, урезываниями, возвращениями вспять. Отсутствие «терпения свободного, которое вытекает из твердой решимости идти по дороге, указанной разумным убеждением», и вечные одергивания как будто наметившегося поступательного течения истории способствовали в действительности не уничтожению, а, напротив, дальнейшему развитию всяких безобразий, казалось бы, не узаконенных нисколько, но плотно вошедших в обычай. А. А. Корнилов, автор уже называвшихся здесь исторических очерков, приводит в качестве типического свидетельство А. И. Кошелева: «Вот как описывает в своих записках высшие сферы Петербурга А. И. Кошелев, приехавший в Петербург в 1868 г. хлопотать о продаже Николаевской железной дороги „Московскому товариществу“ и проживший в Петербурге благодаря этому делу целых пять месяцев. „В это время, — писал он, — я узнал такие вещи, каких возможность даже не подозревал. Взяточничество, личные денежные расчеты, обходы законных путей и проч. дошли в Петербурге до крайних пределов. Всего можно достигнуть и вместе с тем в справедливейшем, в законнейшем можно получить отказ“».[69]

В «Смерти Тарелкина» нет ничего: ни одного поступка, ни одного слова, которые давали бы ощущение жизни, изменяющейся к лучшему, хотя бы в каких-либо отдельных направлениях. Словно меняются лишь вывески,

---

[67] См.: *Лемке Мих.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 7—13; *Эймонтова Р. Г.* Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985. С. 316—318.

[68] *Лемке Мих.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». С. 12.

[69] *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II. С. 188.

фасады, словеса, моды — все сугубо внешнее, но не суть, не основа. Об этом, о несерьезности объявленного «прогресса» — знаменитая речь Тарелкина над собственным гробом (д. I, явл. 15). О том же — финальные реплики второго действия:

Расплюев. ... А в чем же, Антиох Елпидифорыч, наше время прошло?
Ох (*подстегивая шпагу*). Врешь, купец Попугайчиков, не прошло еще наше время! ..

Расплюев подает ему треуголку — оба выходят в необычайном духе.

Речь в «Смерти Тарелкина» идет о всей национальной жизни, не только о нависшей над этой жизнью громаде российской бюрократии. Впрочем, Расплюев и Ох причастны же бюрократической власти, приводящей к сугубой централизации всех сторон русской действительности. Неспроста Расплюев с радостным хохотом вопит: «Все наше! Всю Россию потребуем» (д. III, явл. 2).

Власть имеющие — от Расплюева внизу до Варравина вверху — поддерживают в жизни тяжкое, тупое, неодолимо давящее.

Две фигуры справедливо почесть центральными в «Смерти Тарелкина». Это Расплюев и Тарелкин.

В свое время были обнародованы соображения племянника Сухово-Кобылина Е. Салиаса насчет того, почему Расплюев — именно квартальный, то есть наименьший из полицейских начальников: «Александр Васильевич сделал его квартальным потому, что высший чин был бы уже совершенно нецензурен. Под видом квартальных и частных приставов он намекал на лиц гораздо более высших».[70]

Так ли это на самом деле? Мог же писатель в «Деле» дойти до Весьма важного лица, взять в качестве одного из главных персонажей «генерала» Варравина. Да и много ли выиграл Сухово-Кобылин, будто бы не отважившись коснуться в последней комедии «лиц гораздо более высших»? Все равно «Смерть Тарелкина» не допускалась на сцену долгие десятилетия, в настоящем своем виде в дореволюционные времена так и не была представлена на театре.

Скорей всего наивно-физиологический безродный Расплюев таким и стал, каким должен был быть, — простым квартальным. Тут уже возвышение темных личностей, не имеющих отношения ни к дворянским традициям, ни к глубокой народности, но с детским простодушием и такой же жестокостью собравшихся «потребовать всю Россию».

В литературе 1860-х годов Расплюев с не имеющей столь веских параллелей силой воплотил в своем поведении побеждающую все прочие веяния и тенденции безграничную, откровенную, наивную подлость и пошлость нынешней жизни. Расплюеву вторит частный пристав Ох. Варравин пугает их обоих: «Ну, стало, начальство и распорядится; оно и пришлет вам на шею какого-нибудь амура по особым поручениям в манжетах, вот от которого фиалками-то пахнет — знаете?» (д. II, явл. 11). Варравин понимает, как неприятна эта перспектива Расплюеву и Оху, как мешает их чувству «торжествующей свиньи», если прибегнуть к несколько более

[70] *Гнедич П.* Из моей записной книжки. Расплюев // Театр и искусство. 1913. № 14. С. 327.

позднему выражению Щедрина. Расплюев характеризуется не только соответствующим поведением, но и своеобразной дубовой идеологичностью в кратких бодрых приговорах (например, д. II, явл. 10), в уверенном: «Это мое убеждение! . .» (д. II, явл. 8).

В целом Расплюев — безусловно понятная фигура.

Нельзя то же самое безоговорочно утверждать относительно другого центрального персонажа «комедии-шутки» — Тарелкина, продолжающего здесь свою жизнь, начатую в «Деле».

Тарелкин — коллежский советник, то есть имеет гражданский чин VI класса, соответствующий в армии полковнику. Похоже, что он одинок, семьи у него нет. Никаких особенно пагубных страстей он не обнаруживает.

Чем же объяснить столь затрудненное его существование, вечное безденежье, множество преследующих его кредиторов? Как удалось Тарелкину так прожиться?

Как еще соотнести крайнюю суетность Тарелкина в «Деле» с столь твердым намерением в последней пьесе удалиться от света («Тишина покой, — независимость!! — Вот счастье!. .» и т. д. — д. II, явл. 1)? Что за эволюция произошла в сознании Тарелкина, чем продиктована, как осуществилась?

Неясности на том не исчерпываются. В «Смерти Тарелкина» Варравин исключительно яростно, злобно ненавидит Тарелкина — из-за того, что «вся варравинская интимнейшая переписка» похищена Тарелкиным, а обнародование этой переписки грозит Варравину сильными неприятностями. Однако ведь враждебное напряжение между Варравиным и Тарелкиным налицо и в «Деле». Там тоже Варравин подавляет Тарелкина, обходит его по всем линиям, держит в короткой зависимости от себя.

«Дело» завершается сильным монологом Тарелкина, который опять-таки не очень оправдан биографией этого персонажа — и вместе с тем являет собой наиболее прямо на всем пространстве «Картин прошедшего» высказанные гуманизм и демократизм.

В «Смерти Тарелкина» этот персонаж, чуть было не расположивший к себе читателя, чуть не растрогавший его при окончании «Дела», подчеркнуто, всесторонне гадок, прежде всего физически (особенно — д. II, явл. 6), но и по нравственным свойствам «мошенник».

Видимо, приходится признать, что Тарелкин вводится автором в пьесы двояко: то как собственно двигатель сюжета, одна из пружин внешнего развития событий, — то в засюжетной, надсюжетной роли.

В связи с этой второй задачей персонажа напомним снова, кроме финала «Дела», еще хотя бы знаменитую надгробную речь Тарелкина о Тарелкине: ясно же, что сюжетными функциями, исчислимым характером и образом жизни эту речь не объяснить, не оправдать.

Строя своего Тарелкина, Сухово-Кобылин пользуется поводом или находит повод высказать горько-саркастические суждения о несправедливости жизни, о том, что ее историческая поступательность зыбка, неубедительна. Такие суждения, вплетенные в текст Тарелкина, несомненно странным образом деформируют его, придают ему психологическую диковинность, особую угловатость.

При этом легко может возникнуть параллель с героями Достоевского. Она и возникает: «Знаменитый Тарелкин из трилогии А. В. Сухово-Кобылина, испытывающий некий сладострастный восторг от собственного унижения и сотворенной подлости, близок герою ,,Записок из подполья" и некоторым другим персонажам Достоевского. Когда Б. А. Горин-Горяинов, актер трагикомического склада, играл на Александринской сцене главную роль в ,,Смерти Тарелкина", о нем писали: ,,Это был не столько Сухово-Кобылин, сколько Достоевский, и не столько Тарелкин, сколько амальгама из Мити Карамазова и Петра Верховенского"».[71]

Действие «Дела» и «Смерти Тарелкина» происходит в Петербурге. Тарелкин — характерное порождение петербургской атмосферы, здешнего воздуха, подобно персонажам Достоевского. Некоторые обороты речи Тарелкина прямо перекликаются со своеобразными конструкциями у Достоевского. Например: «Годик, другой — все будет тихо, — а там и предъявлю — и зло предъявлю, черт возьми» (д. II, явл. 1). Вполне можно допустить, что при написании Тарелкина, особенно в последней пьесе, Сухово-Кобылин испытывал некоторое влияние прозы Достоевского. Во всяком случае среди записей Н. В. Минина о Сухово-Кобылине встретилась такая: «Он очень уважал психологический анализ в романах Достоевского».[72] Правда, знакомство Минина с автором «Картин прошедшего» относится к середине 1870-х годов и последующему времени, но отсюда не следует, что интерес Сухово-Кобылина к Достоевскому не мог возникнуть раньше.

Тем не менее приходится признать, что при некоторых возможных внешних параллелях и общих ощущениях нет настоящей близости между создателем Тарелкина и Достоевским, автором «Записок из подполья» (1864) и других произведений 1860-х годов.

Сорокалетний герой «Записок из подполья» (он — коллежский асессор, т. е. двумя ступенями ниже Тарелкина по табели о рангах) сам ушел со службы при первых же — и, видимо, скромных — деньгах. Он словно разделял и осуществил намерение Тарелкина, высказанное в начале второго действия.

Но самая суть сложных извивов душевной жизни героя Достоевского, всех его страданий — абсолютно иная. Взяток он никогда не брал. И мучает его по преимуществу не то, что его обошли начальники и сослуживцы, что он обнесен дарами судьбы. Представленный изнутри, путем открытия в собственных признаниях его душевной затаенности, он обнаруживает «самонедоверчивость», внутреннюю диалогичность, тягчайшие хлопоты духа, не способного забыть о высоком, о высшем и оттого терзающегося своей низостью. Герой здесь так сам себя понимает. Он вообще «человек думающий», у него «усиленное сознание». Развертывается искреннейшая драма духа, духовная драма. В сущности безысходная, но сама по себе заключающая огромный необходимый смысл. Кроме всего прочего, «За-

---

[71] *Альтшуллер А.* Достоевский и русский театр его времени // Достоевский и театр: Сб. статей. Л., 1983. С. 75.

[72] РО ИРЛИ, ф. 186, № 1, л. 3.

писки из подполья» являют горькое наслаждение страданьем, мученическую радость страдания. Это произведение Достоевского по праву относят к числу наиболее характерных, ключевых в его литературном наследии.

Что же касается Тарелкина у Сухово-Кобылина, он написан без душевных противоречий, без каких-либо самых отдаленных духовных терзаний, так сказать, более или менее общего значения. Другое дело — засюжетная интонация, которая иной раз окрашивает жизнь Тарелкина в пьесе. Она, эта интонация, идет прямо от автора, бросающего вызов urbi et orbi, и придает фигуре Тарелкина неожиданный и странный объем. Она вносит и в его речи судорожную гримасу. Однако сходство с Достоевским остается сугубо внешним.

Не следует преувеличивать значение собственно сюжетного Тарелкина в строе «комедии-шутки». Сюжетная центральность как будто уравнивает его с Расплюевым. Но этот второй, как видно, много важней в смысловой организации пьесы.

Недаром, кстати, именно его имя охотно подхватил в своих сочинениях Щедрин, варьируя при этом выразительную фигуру квартального соответственно своим понятиям и целям.

Чрезвычайно существенная тема «Сухово-Кобылин и Щедрин» меньше всего может быть сведена к рассмотрению тех метаморфоз, которые мимоходом постигали под пером Щедрина то Расплюева, то (намного реже) Кречинского.[73]

Н. А. Милонов в свое время, основываясь на чтении дневников Сухово-Кобылина, опубликовал краткие свидетельства о большом впечатлении, которое производили на автора «Картин прошедшего» «Губернские очерки», «Господа ташкентцы».[74] Надо полагать, знакомство со Щедриным не сводилось лишь к названным произведениям.

Из трех пьес Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина», конечно, ближе к Щедрину по общему духу, по широте язвительного взгляда на современное положение дел, по недоверию к усовершенствованиям российской действительности.

Быть может, всего красноречивей параллель между двумя писателями обнаруживается при чтении небольшого произведения Щедрина «Наши глуповские дела». Впервые оно было опубликовано в «Современнике» 1861 г. (№ 11), впоследствии вошло в состав цикла «Сатиры в прозе». «Наши глуповские дела» с исключительной энергией и сжатостью выражают тот общий дух, о котором сейчас говорилось.

Начиная повествование про город Глупов, автор замечает, что в реке Глуповице, на которой город стоит, «как в неподкупном зеркале отражается вся жизнь Глупова». И далее: «Вместо того чтобы рыться в пыли архивов, вместо того чтоб утомлять свой ум наблюдениями над живыми проявлениями жизни, историку и этнографу стоит только взглянуть на

---

[73] См.: *Ольминский М. С.* Щедринский словарь. М., 1937. С. 323 (Кречинский), 557 (Расплюев).

[74] *Милонов Н. А.* Драматургия А. В. Сухово-Кобылина. С. 73.

гладкую поверхность славной нашей реки — и всякая завеса, будь это самая плотная, мгновенно спадет с его глаз».[75]

Однако взгляд этот все же получает развитие. Он воплощается в саркастических обращениях к читателю: «О вы, которые еще верите в возможность истории Глупова, скажите мне: возможна ли такая история, которой содержанием был бы непрерывный бесконечный испуг?»; «Но возрождение глуповское!. . воля ваша, тут есть что-то непроходимое, что-то до такой степени несовместимое, что мысль самая дерзкая невольно цепенеет перед дремучим величием этой задачи. Да помилуйте! Да осмотритесь же кругом себя! потяните же носом воздух!».[76] Такие речи основаны на выводе о непреодолимой пассивности тех, кто населяет мифический город: «Я знаю наверное, что глуповец никогда и ни на кого не огрызался, что даже в то время, когда его привязывали на цепь, он влезал в конуру и спокойно зарывался себе в солому, в надежде, что когда-нибудь да отвяжут же, а не отвяжут, так и на цепи накормят».[77] Кое-что, правда, по наружности меняется — об этом тоже сказано в «Наших глуповских делах» — но суть по-прежнему неизменна, неподвижна.

Отмечая известную близость общего воззрения Сухово-Кобылина и Щедрина, нельзя вместе с тем не видеть глубокого различия между этими писателями по самым разным линиям сопоставления.

В знаменитой «Истории одного города» (1869—1870) Щедрин, нет сомнения, возводил тяготы русской действительности к венчающему ее самодержавию или во всяком случае к тем реальным самодержцам, которые над нею властвовали.

Напротив, Сухово-Кобылин вопреки соображениям некоторых исследователей полагал самодержавие для России необходимой, единственной формой управления, способной внести некоторую устойчивость в мир хаоса и разнонаправленной корысти. Поразительным образом сочетая трезвость наблюдений с парадоксальностью выводов и обширными философскими претензиями, Сухово-Кобылин утверждал, например, в распространявшемся в копиях письме середины 1890-х годов к N. N.: «Конечно, надо согласиться, что вообще Самодержавие иррационально; но приданное к Иррациональности русского Племени дает в этом Синтезисе Рациональность по той же причине, по которой Минус на Минус дает Плюс и Негация Негации есть Аффирмация».[78] В том же письме Сухово-Кобылин высоко оценивал труды Александра III, незадолго до того скончавшегося. А еще в 1888 г. в письме сестре давал удовлетворенный отчет про то, как был представлен Александру III.[79]

Очевидно, Сухово-Кобылин держался той же идеи, которую высказывал, в частности, Б. Н. Чичерин в уже упоминавшемся выше своем рассуждении о русской аристократии: «Наисамодержавнейший государь в мил-

[75] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 3. С. 482.
[76] Там же. С. 495, 497.
[77] Там же. С. 504.
[78] РО ИРЛИ. Собр. П. Я. Дашкова, ф. 93, оп. 3, № 204. — Есть копии (3) и в архиве Н. В. Минина.
[79] Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным. С. 256—257.

лион раз лучше корыстной и надменной олигархии, ищущей только собственной выгоды. Такова она была прежде, такова будет впредь».[80]

Надо отдавать себе ясный отчет в том, что самодержавие нашло в Сухово-Кобылине отнюдь не полновесно-оптимистического своего выразителя — он принимал такое явление как неустранимое при «иррациональности» всего строя русской жизни.

Различие между Сухово-Кобылиным и Щедриным сказывается в самих основах жизнеосвоения.

Верит ли Щедрин в поступательность исторического процесса или теряет эту веру, в любом случае подход к действительности у него всегда неотрывен от конкретно-исторических реалий, насыщен ими. Действительность является под его пером в многообразии своих черт, она оказывается текучей, обрастает различными особенностями, свойственными тому или другому историческому этапу. На почве такого подхода развивается и утверждается публицистическая стихия в его творчестве. Исследователь жизни и деятельности Салтыкова-Щедрина С. А. Макашин приходит к справедливым общим определениям: «Публицистика вообще играла большую роль в творческой работе писателя. Она отвечала его повышенной, всегда бодрствующей восприимчивости ко всем биениям общественной жизни. Она предоставляла ему возможность прямо, открыто, а не косвенно или иносказательно, как в художественном произведении, высказывать свое отношение ко всему, что интересовало его в ежедневности. Откликаясь на множество явлений и фактов текущей жизни, Салтыков стремился уловить в них зарождение и проследить развитие новых общественных тенденций, осмыслить преходящую злободневность *исторически*».[81]

Сухово-Кобылин во многом принципиально иной. Долговременный интерес к Гегелю, постоянные занятия его трудами отвечали, ясно, важнейшей стороне его натуры. Его влекли к себе, особенно в «Смерти Тарелкина», обобщенные идеи и формы, абстрагированные от «всех биений общественной жизни».

Литературная работа Сухово-Кобылина представляет собой сложный и уникальный феномен с точки зрения психологии художественного творчества. Конечно, Сухово-Кобылин не мог не входить в изменения, в движения жизни. Они тоже по-своему — и достаточно очевидным образом — отразились в его сочинениях. Но все-таки главной целью повсюду было прийти к некоей общей идее, вывести некое общее состояние. Затем уже эта общая идея, общее состояние и противостояние обрастали деталями, становились, обрастая, живой тканью художественного произведения, а не холодной рационалистической конструкцией.

Воображение Сухово-Кобылина оперировало сущностями. Можно сослаться хотя бы на историю помещика Чванкина из «Смерти Тарелкина». Бесспорно, здесь преподносится сама сущность беззаконного положения

---

[80] *Чичерин Б. Н.* Об аристократии, в особенности русской. С. 102—103.

[81] *Макашин С.* Салтыков-Щедрин: Середина пути. 1860-е—1870-е годы: Биография. М., 1984. С. 40.

представителя высокого сословия, его податливость подавлению, любой силе.

Как еще, например, представлено в «комедии-шутке» обжорство Расплюева (д. II, явл. 2)? Ничего похожего на то, как рисовалось увлечение едой у Гоголя или даже у того же Щедрина, менее уходящего в непосредственное созерцание и восприятие реальности, нежели Гоголь. И все же более поздняя «Современная идиллия», некоторые другие произведения содержат, так сказать, индивидуальные отношения персонажей с едой. У Сухово-Кобылина иначе — нет воссоздания реальной увлеченности едой, пусть насмешливого, но конкретно выражаемого соучастия в гастрономических радостях. Упомянуты лишь селедка, хлеб, сыр. Дана своего рода четкая, безындивидуальная формула пищеприятия. Но диалог при этом полон остроумия, игры насмешничающего авторского ума, его целенаправленной фантазии. Фантазия Сухово-Кобылина богата и вольна. Вот в итоге произведение и обладает своей развившейся творческой, сотворенной реальностью.

Однако с фантастикой она родства не имеет. И в этом еще одно отличие Сухово-Кобылина от Щедрина, который, как хорошо известно, был склонен к фантастике как способу литературно-художественного постижения действительности. В этом же одно из отличий Петербурга Сухово-Кобылина от Петербурга гоголевского.

Сухово-Кобылин никак не желает отойти собственно от сущности явления или лица. Только эту сущность он и открывает с силой, настойчивостью, яростью даже. Правда, кой-какие моменты привносятся, очевидно, ради приближения к утвердившемуся в сознании автора идеалу произведения для сцены, для театра. Но эти моменты не заслоняют четкой, логически обнаженной сути вещей.

Суть эта мрачна. «Смерть Тарелкина» вполне можно считать горько-саркастическим разуверением в серьезности жизни, в цене человеческой личности и судьбы, в силе привязанности людей друг к другу, в том, что логика способна играть определяющую, конструирующую роль в наличной действительности.

Вместе с тем последняя комедия Сухово-Кобылина поистине смешна. И дух вольного юмора, по природе близкого народному комизму, позволяет ощущать при знакомстве с пьесой опору на какую-то не сказавшуюся в тексте прямо корневую жизнь за всей этой чредой нелепых фасадностей, или фасадных нелепостей.[82]

«Смерть Тарелкина» плотно объединена силой пронизывающего ее смеха. В тексте встречаются всякого рода «рифмы» и прочие повторы,

---

[82] Связи произведений Сухово-Кобылина с фольклором рассмотрены Е. К. Соколинским в главе из коллективного труда «Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX в.)» (Л., 1982. С. 417—436). — Параллели из русского фольклора к «Смерти Тарелкина» см.: *Соколинский Е. К.* «Смерть Тарелкина» А. В. Сухово-Кобылина и русская народная комедия, русская демонология // Русский фольклор. XVIII. Славянские литературы и фольклор. Л., 1978. С. 42—60. Некоторые выводы автора по меньшей мере спорны, но тема освоена широко и конкретно. Там же — сопоставление «Смерти Тарелкина» с «Мертвецом-шалуном» Г. Ф. Квитко-Основьяненко (с. 46, примеч.), творчеством Фредерика Леметра (с. 58—59) и другие наблюдения.

особенно в допросах, проводимых Расплюевым и Охом. Явление пятое последнего действия оканчивается таким диалогом:

Расплюев *(Оху)*. В показаниях сбилась, с преступником в сожительстве, не прикажете ли подвергнуть аресту?

Ох. Ничего, подвергнуть.

Людмила. Ах, отцы мои, благодетели, что вы, побойтесь бога, у меня дети есть, их кормить надо.

Ох. И, милая, — их соседка накормит.

Людмила. Соседка? — Да у меня соседка такая стервотинка, что она их нарочно уморит.

Ох. Не уморит; — а уморит, так отвечать будет. — Мы никому не спустим.

Людмила. Ну, разве что отвечать-то будет. . .

Ее уводят.

В явлении восьмом — соответствие, созвучие этому:

Ох. . . .а дворника под арест.

Пахомов *(на коленях)*. Ваше высокородие — не погубите! . .

Ох. Ни, ни. Нельзя, любезный.

Пахомов. Помилуйте, сударь, кто же будет улицу месть?

Ох. А у тебя есть жена?

Пахомов. Как жены не быть; жена есть.

Ох. Ну жена и выметет.

Пахомов. Где ж ей месть, — она не выметет.

Ох. А городовой придет, — да палку возьмет, вот она и выметет.

Пахомов. Ну разве городовой палку возьмет.

Его уводят.

Комические приемы в «Смерти Тарелкина» на фоне современной ей литературы могут казаться дерзко изобретенными, нарушающими всякий литературный обычай.

В какой-то мере так оно и есть: достаточно вспомнить груду тухлой рыбы, пихаемой в гроб с куклой вместо покойника, или прилюдно вынимаемые и вставляемые челюсти, сдираемые парики и так далее. Однако вовсе не всегда имеем дело с совершенно самобытными комическими деталями. Так, например, в первом явлении «Доходного места» Вышневский выходит «без парика», сразу открыто́ обнаруживая и таким образом свою неприглядность. В драматической сцене «Выгодная женитьба» (из «Губернских очерков» Щедрина) есть рассказ Дернова о посещении им своего начальника у него дома: «Долго-таки заставил он меня дожидаться: с час времени проморил в передней. Потом выходит, да без парика и без зубов, в какой-то полосатой поддевочке — и не узнал я его совсем».[83]

Другое дело, что в общем сложении «Смерти Тарелкина» подобные детали оказываются наполнены особым сарказмом, зловещей игрой язвительнейшего юмора.

Сухово-Кобылин, проживший долгую жизнь, написал очень немного. Но это немногое силой объективного хода вещей вошло в основной фонд русской литературы прошлого века.

[83] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 2. С. 195.

Представленные в нашей статье связи и параллели (очевидно, далеко не все) должны бы помочь более пристальному и конкретному взгляду на предмет.

Однако резкие особенности произведений Сухово-Кобылина продолжают притом говорить об известной его отдельности, не просто своеобразном — нет, именно отдельном пути к литературе и в литературе.

Это сухово-кобылинское «сам по себе» особенно важно для понимания всех трех пьес. Но по-настоящему увидеть такую позицию можно, если не вырывать написанное человеком единственного в своем роде душевного склада и единственной в своем роде судьбы из круга русской литературы XIX столетия.

В. М. Селезнев

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИЙ «КАРТИН ПРОШЕДШЕГО»

Кажется, еще недавно о времени создания трилогии «Картины прошедшего» было известно лишь по авторским датам в книге 1869 г. Изучение материалов обширнейшего архива писателя, который хранился во Франции у его дочери Луизы де Фальтан и был в конце 1930-х годов передан ею в Советский Союз (ныне находится в ЦГАЛИ), позволило не только уточнить время написания пьес, но и приоткрыло творческую лабораторию Сухово-Кобылина, дало возможность проследить по месяцам, а иногда и по дням, как драматург писал трилогию, как рождались и менялись его замыслы. Теперь, после выборочной публикации писем Сухово-Кобылина, его записок в цензуру, после расшифровки некоторых записей его ценнейшего дневника,[1] мы куда больше знаем и о цензурных барьерах на печально долгом пути «Картин прошедшего» к читателю и зрителю.

Однако в творческой и цензурной истории пьес Сухово-Кобылина еще много необъясненного и неизученного.

I

До «Свадьбы Кречинского» Сухово-Кобылин написал несколько стихотворений, о которых он говорит в воспоминаниях «1895 год. 40-летие Свадьбы Кречинского»; переводил для интеллектуальной гимнастики Гегеля, но не помышлял серьезно ни о литературе, ни о философии.

«Буря общественного Мнения, которая разразилась надо мною, вогнала меня в меня Самого, и чрез это и Зачалась моя Внутренняя

---

[1] Первая — и достаточно авторитетная — публикация отрывков из дневника писателя состоялась еще в 1910 г. в «Русской старине» (№ 5. С. 284—288). С конца 1940-х гг. фрагменты из дневника печатались в различных монографиях и сборниках.

Изучение рукописей Сухово-Кобылина сопряжено с очень большими трудностями. Многие его дневниковые записи схожи то ли с иероглифами, то ли с клинописью и вряд ли вообще поддаются окончательной расшифровке. Неизбежны поэтому спорные или предположительные прочтения. Однако в большинстве публикаций далеко не всегда сохраняется своеобразие стиля и орфографии Сухово-Кобылина, не везде указаны пропуски в цитатах

Жизнь — работа Мышления, которое отныне и составило все Содержание Моего Я», — так в воспоминании «1895 год. 40-летие Свадьбы Кречинского» драматург объясняет переломный момент в своей жизни, в своей судьбе.

Когда в ноябре 1850 г. была убита его гражданская жена Луиза Симон-Деманш, по Москве взметнулась волна злорадных и нелепейших слухов. Светское (да и не только светское) общество поспешило обвинить в преступлении Сухово-Кобылина. Впервые впрямую встретившись с полицейским и судейским аппаратом николаевской империи, будущий писатель на собственном опыте убеждается, что все его высочайше пожалованные права, все российские законы — звук пустой, мираж юридический.[2]

«Совершился перелом Страшным переломом», — записывает Сухово-Кобылин в дневнике в июле 1854 г. (ЦГАЛИ, ф. 438, ед. хр. 219, л. 10; в дальнейшем указываются только единица хранения и лист). Отныне философия и литература — главное дело его жизни. Он хочет доказать своим врагам, своим друзьям, но прежде всего — самому себе, что может быть не только знатоком, но и творцом философии и искусства.

16 сентября 1856 г., накануне дня своего рождения, Сухово-Кобылин, как им было заведено, подводит в дневнике интеллектуальные и материальные итоги своей жизни — «Краткий взгляд на свое прошедшее». Главное событие его «умственной деятельности»: «. . .в начале *1852 года начал писать пиэссу*» (там же, л. 88 об.).

В той же дневниковой тетради находим еще две ретроспективные записи о том, как был задуман Кречинский.

«1852. ⟨. . .⟩ Лето. ⟨. . .⟩ Обед у меня. Сорочинский. — Зачатие Кречинского. Монолог».

«1852 год. ⟨. . .⟩ Обед — Сорочинский. Сестры Сальяс — ⟨. . .⟩ Соловово. Первые наброски страниц. На другой день наброски первой Сцены. Сорочинский. — На Выксе. [Отдал Сорочинскому и уехал на Выксу]» (там же, л. 115, 116 об.).

В том году Сухово-Кобылин еще не вел постоянных дневниковых записей, и потому трудно точнее установить, когда он начал писать «Свадьбу Кречинского». Первая авторская датировка — начало 1852 г.; вторая, корректирующая, — лето того же года.

В воспоминаниях «1855 год» Сухово-Кобылин расшифровал свои старые конспективные записи. «Твоя мать написала — около 1851 или 52 года очень ловкую сценку из светской жизни — un proverbe». «Очень ловкая сценка» — вероятно, одноактная пьеса (или, по авторскому опре-

---

и т. д. Встречаются и очевидные неточности. На ошибочное прочтение некоторых записей в одном из изданий пьес справедливо указывал К. Л. Рудницкий в своей рецензии (Театр. 1956. № 10. С. 122). От подобных ошибок не свободна, увы, и книга самого К. Л. Рудницкого (А. В. Сухово-Кобылин: Очерк жизни и творчества. М., 1957).

[2] О судебном следствии см.: *Голомбиевский А. А.* Драма в жизни писателя // Рус. архив. 1910. № 2. С. 243—290; отд. изд.: *Голомбиевский А. А.* Драма в жизни писателя: А. В. Сухово-Кобылин и француженка Симон. М., 1910; *Рембелинский А. М.* Еще о драме в жизни писателя // Рус. старина. 1910. № 5. С. 269—283; *Гроссман Л. П.* Преступление Сухово-Кобылина. 2-е изд., доп. Л., 1928; *Гроссман В.* Дело Сухово-Кобылина. М., 1936.

делению, — пословица) «Чужая душа — потемки» Евгении Тур (псевдоним Елизаветы Васильевны, сестры драматурга), опубликованная в третьем номере «Отечественных записок» за 1852 г.

«У меня за обедом в интимном Кругу зашла о ней Речь, и я упрекнул твою Мать, зачем она разменивает свой Талант на мелкие Вещи, а не пишет прямо для Сцены. . . Конечно, стали говорить о Сюжете, и я посоветовал написать нечто в Роде будущего, т. е. зарождавшегося Кречинского. Спросили лист бумаги, и я начал писать Scenario».

Через неделю Сухово-Кобылин «прочел План и Сцену, которая поморила со смеху всю Компанию. Сцена эта и теперь Жива — это второе явление второго действия, т. е. Entrée Расплюева и его Слова: ,,Была Игра", которая впоследствии была литографирована» («1895 год»).

Как сообщает К. Л. Рудницкий, «карандашный набросок этого явления — рассказ Расплюева о боксе, который адресуется не к Федору (как в окончательной редакции), а к Кречинскому, хранится в ЦГАЛИ (ф. 438, инв. № 186). Очевидно, этот набросок и есть ,,зародыш" ,,Свадьбы Кречинского"».[3] Но в этом наброске, во-первых, нет слов «Была игра», во-вторых, набросок точно датирован 18 августа 1892 г., когда Сухово-Кобылин задумал, очевидно, доработать ударные эпизоды первой пьесы.

Столь же ошибочно И. М. Клейнер принял еще один карандашный набросок «Прибавление к III Действ. Сцена III-я, стран. 121» [4] (ед. хр. 187, л. 1—1 об.), явно написанный в том же 1892 г., за черновик первоначальной редакции «Свадьбы Кречинского».[5]

Итак, летом 1852 г. Сухово-Кобылин написал план и одно явление «Свадьбы Кречинского». Как верно было замечено, он предварительно детально продумывал план пьес, а затем сочинял ударные, узловые сцены.[6] Писал одновременно несколько главных эпизодов, четко видя фабулу, основные сюжетные ходы и «логику мотивов» будущего творения.

«Свадьба Кречинского» зарождалась со второго действия — центрального, ключевого, где в открытую вершат свои комбинации Кречинский и Расплюев. Только написав второй и третий акт, Сухово-Кобылин приступит к первому — как к самому «трудному» («1895 год»).

В январе—марте 1853 г. Сухово-Кобылин усиленно трудится над комедией в Нижегородской губернии — на Выксе, где его отец управлял шепелевскими чугунолитейными заводами. Не тогда ли он услышал «*единогласное* одобрение» от фанатично влюбленного в театр Николая Шепелева, уверился, что сможет писать не токмо «*шутки ради*».

Очевидно, через год первый вариант «Свадьбы Кречинского» был в основном завершен, так как автор решается доверить комедию суду слушателей. Ее первое публичное чтение — после 15 января 1854 г. на Выксе, для родных и друзей. «Пиэсса читалась с успехом» (ед. хр. 219, л. 7 об.). Потом Сухово-Кобылин будет многократно читать свои пьесы

---

[3] *Рудницкий К. Л.* А. В. Сухово-Кобылин. С. 40.
[4] По изданию 1869 г.
[5] См.: *Клейнер И. М.* Драматургия Сухово-Кобылина. М., 1961. С. 22.
[6] *Рудницкий К. Л.* А. В. Сухово-Кобылин. С. 141.

или фрагменты из них, проверяя и выверяя по реакции самых разных лиц каждое действие, каждое явление, каждую реплику.

Шесть месяцев тюремного заключения — с мая по ноябрь 1854 г. — ушли «на отделку и обработку Свадьбы Кречинского» («1895 год»). 15 октября драматург отмечает в дневнике: «Кончил пиэссу» (ед. хр. 219, л. 17). Эту запись не будем понимать буквально: сколько раз Сухово-Кобылину казалось, что он наконец поставил последнюю точку, а потом снова и снова искал самое меткое слово, самый верный ритм фразы.

«Сначала ее все забраковали, даже сами актеры», — рассказывал драматург Ю. Д. Беляеву о судьбе своего литературного первенца.[7] «Сами актеры» — через несколько месяцев они будут самыми верными и искренними глашатаями комедии.

21 октября 1854 г. Сухово-Кобылин «читал пиэссу Садовскому — неудача» (там же). О подробностях этой неудачи через 40 лет от него узнает корреспондент журнала «Семья»: «Знаменитый актер, выслушав чтение пьесы у меня за обедом, отнесся к ней очень холодно и заявил, что она вряд ли может быть воспроизведена на сцене. Замечательно, что Пров Михайлович осудил именно те сцены, которые потом в его же исполнении имели наибольший успех».[8]

Не менее энергично, чем Садовский, отверг Кречинского и Расплюева актер Александринского театра А. М. Максимов. Когда Сухово-Кобылин просил его взять «Свадьбу Кречинского в свой бенефис и сыграть главную роль, петербургский актер наотрез отказался: «Грязная пьеса, выведены какие-то каторжники, на которых нельзя смотреть без отвращения, и я вовсе не желаю быть ошиканным».[9]

«Свадьба Кречинского» не с первой попытки взяла цензурный барьер. Комедия была закончена 15 октября 1854 г., а в ноябре Сухово-Кобылин «был уже в Петербурге и внес Материал в III отделение Соб. Е. В. Канцелярии Ценсору Гедерштерну. Объяснение с ним было резкое. Он восстал на слог, который признал тривиальным и невозможным на сцене, и когда я намекнул ему на его некомпетентность как Германца судить мой русский слог — то он, бросивши на меня свирепый взор, объяснил мне коротко и ясно, что пьесу мою Запрещает. — Поставили на ней Красный крест» («1895 год»).

Дополнительные детали первого стилистического диспута в III отделении — в рассказе Сухово-Кобылина, записанном его другом и управляющим его имениями Н. В. Мининым: «Когда меня вызвал цензор первый раз еще в царствование Николая Павловича, то спросил меня: „Где это вы слыхали такие слова и выражения, какие вы приводите в этой пьесе?“ — „Везде — в публике, в народе“. — „Вам надо это изменить: такие выражения недопустимы“. — „Я изменять отказываюсь“. — „В таком случае

---

[7] *Беляев Юр.* У А. В. Сухово-Кобылина // Новое время. 1899. 2 июня. № 8355. С. 2.

[8] *С. К.* У автора «Свадьбы Кречинского» // Семья. 1894. 20 февр. № 8. С. 6.

[9] *Бурдин Ф.* Первое представление «Свадьбы Кречинского» // Ист. вестн. 1891. № 5. С. 302.

ваше сочинение пускай полежит вот на этой полке". И положил к себе на полку, прекратив разговор».[10]

Сразу же после жандармского запрещения начинается рукописная жизнь «Свадьбы Кречинского». Не без гордости вспоминал драматург: комедия «целый год ходила в списках по Москве и имела немало энтузиастов».[11]

Единственная запись в дневнике Сухово-Кобылина за февраль 1855 г.: «18. Получено известие о Смерти Императора — чрез Корша, который в 2 часа дня зашел ко мне, чтобы объявить мне. . . Все это время чувствовал себя в силе как еще никогда» (ед. хр. 219, л. 20 об.).

Драматург опять бьется за «Свадьбу Кречинского».

В конце мая Е. М. Феоктистов знакомит его с актером Малого театра С. В. Шумским,[12] искавшим для своего бенефиса пьесу высокого гражданского пафоса. 28 мая в Воскресенском, подмосковном имении Сухово-Кобылина, собрались «гости: Корш, стар⟨ший⟩ Феоктистов, Лохвицкий, Шумский, мл⟨адший⟩ Феоктистов ⟨. . .⟩ в 2 часа читал им Мою пиэссу: Свадьба Кречинского — успех! Шумский просит ее себе на бенефис» (там же, л. 24 об.—25).

1 июня Сухово-Кобылин отдает комедию Шумскому. «Свадьба Кречинского» и ее автор обрели друга — деятельного и мужественного, смевшего и умевшего спорить с самым высоким начальством.

22 августа 1862 г. Александр II после спектакля «Свадьба Кречинского», сыгранного труппой Малого театра, прошел за кулисы, поблагодарил Садовского и Шумского «за хорошее исполнение ролей», повторив при этом расхожее мнение критики о комедии Сухово-Кобылина, «что пиеса сама по себе слаба, но что успеху своему она обязана хорошей игре актеров». Тогда Шумский оспорил императорскую эстетическую оценку, возразив, как записал в своем дневнике А. Н. Афанасьев: «,,. . .пиеса, несмотря на свои недостатки, все-таки замечательна как произведение оригинальное, русское, каких наша сцена имеет немного, потому что цензура так строга, что ничто серьезно-комическое и не может пробиться на сцену". Щепкин не узнал Александра II и вмешался в разговор: ,,Да, — говорит, — где теперь комедии? Нету их!", желая выразить ту мысль, что нет великих писателей, к⟨оторые⟩ веками родятся. Фраза эта была подхвачена и тотчас разнеслась в партере с следующим видоизменением: ,,Какая теперь комедия! Теперь не до комедий!", т. е. намек на трагическое в жизни, на забирание людей в крепость. . .».[13]

Шумский вербует новых энтузиастов комедии, спорит со скептиками. Это он, по справедливой догадке современного исследователя, сумел переубедить П. М. Садовского, поначалу отвергшего «Свадьбу Кречинского».[14]

---

[10] Цит. по кн.: *Рудницкий К. Л.* А. В. Сухово-Кобылин. С. 48.

[11] *С. К.* У автора «Свадьбы Кречинского» С. 6.

[12] Там же.

[13] *Клинчин А., Ельницкая Т.* Новое о Щепкине // Вопросы театра: Сб. статей и материалов. М., 1965. С. 292—293.

[14] *Рудницкий К. Л.* А. В. Сухово-Кобылин. С. 49.

После чтения пьесы в Москве, на котором были Садовский и Шумский, драматург отмечает: «Комедия поправилась» (там же, л. 25 об.).

Сухово-Кобылин снова передает пьесу в цензуру. Опять придирки, опять требуют исправить, смягчить, сгладить. «30.31. 〈Июль. . .〉 Получил из Цензуры возвращенную для поправок пиэссу. — Занимался с Шумским» (там же, л. 29 об.).

6 августа 1855 г. писатель едет в столицу, где в III отделении должны решить судьбу его и Кречинского. 7 августа он по советам своего университетского товарища Дмоховского «начал 〈. . .〉 исправлять» пьесу (там же).

8 августа — «свидание с Цензором в 3-м отделении. Высокий человек, худощавый — наружность походит на правителя дел у какого-нибудь большого барина. Говорит мягко, а решает без апелляции. . . Не допускает никакой тривиальности и потребовал, чтобы многое было переменено непременно, а то говорит: „мы положим крестик — так и дело с концом“» (там же, л. 29 об.—30). Это снова был А. К. Гедерштерн.

Сухово-Кобылин кое-что исправляет в пьесе и с помощью своих петербургских друзей ищет окольные пути к III отделению. Неясный намек в дневнике 10 августа: «Ход к Нордштрему удался. Дело пошло лучше» (там же, л. 30).

16 августа цензор Гедерштерн пишет рапорт № 46 управляющему III отделением Л. В. Дубельту на исправленный вариант «Свадьбы Кречинского». Пересказав, как положено, содержание комедии, он добавляет: «Язык этой пьесы очень груб, и хотя автор по замечаниям цензуры смягчил самые резкие места, но тем не менее все сочинение несет печать простонародности».[15]

16 августа резолюция генерала Л. В. Дубельта на рапорте: «Позволяется»[16] открывает Кречинскому путь на сцену. «Пропуск Комедии и ее скорое явление в свет наполняют меня внутренним Самоудовлетворением» — запись в дневнике 17 августа (ед. хр. 219, л. 30 об.).

Но и после официальной передачи 31 августа 1855 г. «Свадьбы Кречинского» в Московскую контору императорских театров Сухово-Кобылин продолжает еще два месяца вносить в текст многочисленные исправления и дополнения.

3 сентября «получил пиэссу и весь день сидел над нею, переставил, что можно. Перемен довольно — все счастливы» (там же, л. 32). 7 октября «вечером уделывал пиэссу — новое прибавление в 3-й акт в роль Расплюева». На следующий день Сухово-Кобылин пишет «прибавление в 1-м Акте в роль Муромского с Атуевой» (там же, л. 34 об.) — вероятно, в их спор о сути светского общества из 3 явления.

И, наконец, 25 октября придумывает новое веселое начало пьесы: «. . .в 12-м часу пришла мысль изменить первую Сцену Комедии, и тут же набросал Карандашом Сцену с Тишкой. Ездил верхом в леса. 〈. . .〉 Приехавши переписал Сцену и Сам смеялся до упаду. Даже легши в постель

---

[15] Цит. по: *Кононов Н. Н.* Сухово-Кобылин и царская цензура // Учен. зап. Рязанск. пед. ин-та. 1946. № 4. С. 26.

[16] Там же.

смеялся. Макар думал, что я сбрендил» (там же, л. 38; Макар Лукьянов — камердинер). Эта сцена-пролог была так важна для Сухово-Кобылина, что он в примечании уже к первому изданию «Свадьбы Кречинского» не почел излишним растолковать, как следует играть Тишку.

В ожидании театральной премьеры Сухово-Кобылин чутко прислушивается к каждому известию, к каждому мнению о своей комедии. 6 октября он, возможно, беседовал о «Свадьбе Кречинского» с И. С. Тургеневым: «Ездил в Чернь. 〈...〉 в Гостинице встретил Дашкова и Тургенева 〈?〉. 2-й Слух о моей пиэссе» (там же, л. 34—34 об.).[17]

22 сентября 1855 г. — первое печатное известие о пьесе. «Московские ведомости» поздравили «нашу литературу с замечательным приобретением: характеры в комедии очерчены ярко и рельефно, интрига весьма занимательна, хотя автор нисколько не думал прибегать для поддержания интереса к тем дюжинным внешним эффектам, которых можно встретить так много в любой французской пиесе, — напротив, все действие вытекает у него из самого характера действующих лиц просто и естественно; если прибавить к этому неподдельный, живой юмор, присутствие которого обнаруживается неудержимым хохотом слушателей, то нельзя не согласиться, что трудно было ожидать столь зрелого и обдуманного произведения от автора, решившегося в первый раз попробовать свои силы на литературном поприще».[18]

Необычайный анонс для газеты, редко писавшей о литературе. В 1855 г. на ее страницах находим лишь отклик на собрание сочинений Пушкина — и все!

26 ноября, за два дня до премьеры в Малом театре, «Московские ведомости» еще раз напоминают читателям о комедии Сухово-Кобылина. Автором «Нескольких слов о предстоящем бенефисе г. Шумского»,[19] возможно, был Е. М. Феоктистов. 21 ноября Сухово-Кобылин записывает в дневнике: «Вообще нынешний день надо заметить как переходный пункт от просто театральной пиэссы к Литературному произведению. — Евг. Феоктистов высказал это за столом и пишет по этому статью в Газеты, которая должна иметь этот смысл» (там же, л. 41—41 об.).

Весть о Кречинском быстро долетела и до Петербурга. 20 октября Некрасов запрашивает своего московского корреспондента: «У вас в Москве

[17] Сухово-Кобылин, вероятно, познакомился с Тургеневым летом 1838 г. в Гейдельберге (см.: *Долотова Л. М.* Тургенев в Гейдельберге летом 1838 г.: Из дневника Е. В. Сухово-Кобылиной // ЛН. М., 1967. Т. 76. С. 337.) 6 октября 1855 г. автор «Записок охотника» по дороге из Орловской губернии в Москву мог остановиться в Черни — уездном городке Тульской губернии.

[18] *П-ъ.* Смесь // Литературный отдел Московских ведомостей. 1855. 22 сент. № 114. С. 468. — По предположению автора первой брошюры о жизни и творчестве Сухово-Кобылина под этим псевдонимом скрывается поэт-петрашевец А. Н. Плещеев (*Языков Д. Д.* Александр Васильевич Сухово-Кобылин: Его жизнь и литературная деятельность. М., 1904. С. 13). И. Ф. Масанов уже безоговорочно закрепляет этот псевдоним и газетную публикацию за А. Н. Плещеевым (Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей М., 1957. Т. 2. С. 348. Ошибочная дата в словаре — 1854 г. вместо 1855 г. — позаимствована из той же брошюры). Но как же мог А. Н. Плещеев в 1855 г. писать в Москве о «Свадьбе Кречинского», если он приедет из ссылки в Москву только через три года?

[19] Литературный отдел Московских ведомостей. 1855. 26 ноября. № 142. С. 583.

все похваляются какой-то комедией Сухово-Кобылина. Напишите, что это такое?».[20] И первое журнальное упоминание о «Свадьбе Кречинского» видим уже в ноябрьском номере «Современника».[21]

II

«Вчера давали пиэссу — впечатление сильное, успех большой, но мог бы быть больше. Публика была озадачена, была кабала, последнее действие взяло свое; за ложи платили до 70 р. сер., все было набито битком. Завтра дают опять, и уже мест нету, все взято», — спешит Сухово-Кобылин 29 ноября известить мать о своей первой и самой большой победе в жизни.[22]

Театральный успех «Свадьбы Кречинского» превозошел все ожидания и предсказания. До конца 1856 г. спектакль шел на сцене Малого театра 36 раз,[23] причем 18 первых представлений — при полных сборах. Даже рецензенту «Русского вестника», не увидевшему в «Свадьбе Кречинского» никаких литературных достоинств, пришлось признать, что она «на некоторое время вытеснила с нашей сцены многие другие пиесы. Представления ее повторяются то и дело и всякий раз привлекают в театр многочисленную публику. Пиеса имела несомненный успех 〈. . .〉 Общее мнение решительно в пользу новой комедии».[24]

Знаменитый комик В. И. Живокини, любитель и мастер импровизации, так обыграл популярность «Свадьбы Кречинского». Актер, исполнивший в водевиле «Подставной жених» роль отца невесты, обращался к публике:

«— Моя дочь выходит замуж! Через неделю состоится ее свадьба! Удостойте чести молодых — пожалуйте на ее свадьбу. . . Что-с? . . Вы молчите? . . Вам не угодно?

— Ах, папенька! — робко шепчет невеста.

— Не хотят! — с комической горестью произнес Живокини. — На твоей свадьбе побывать не хотят, а вот на „Свадьбу Кречинского“, посмотри-ка, так и лезут, мест не хватает. . .».[25]

Сухово-Кобылин слышит от своих знакомых, «что такого разговорного языка еще у нас на сцене не было. Что Публика в восхищении, что есть

---

[20] *Некрасов Н. А.* Поли. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 10. С. 257.

[21] Письмо из Москвы // Современник. 1855. № 11. Отд. 5. С. 114.

[22] Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным // Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина. М., 1934. Вып. 3. С. 243—244.

[23] Перечень спектаклей Малого театра, в которых исполнялась «Свадьба Кречинского», с 28 ноября 1855 г. по 8 января 1882 г. (Центральный Государственный театральный музей им А. А. Бахрушина, ф. 299, ед. хр. 1910. л. 1 об. — 2; перечень по просьбе драматурга составил главный режиссер Малого театра С. А. Черневский). По 8 января 1882 г. было дано 175 спектаклей (там же, л. 4 об.). А в Александринском театре за 25 лет «Свадьба Кречинского» выдержала 100 представлений, «т. е. более, чем лучшие произведения Островского и немного менее, чем „Горе от ума“ (105 представлений)» (*Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1855 до начала 1881 года. СПб., 1884. Ч. 3. С. 11).

[24] Театральные заметки // Рус. вестн. 1856. № 1. Современная летопись. С. 56.

[25] *Нильский А. А.* Закулисная хроника. 1856—1894. СПб., 1897. С. 302.

люди, которые обещались видеть пиэссу всякий раз, как будут ее играть. Что это явление необыкновенное в нашей Литературе, какого уже 15 лет не было с времени Ревизора» (там же, л. 47 об.); что «явление этой пиэссы называют новою Эрою в Литературе» (л. 48).

Сухово-Кобылин ждет серьезного разговора в печати о комедии и о себе самом как о писателе.

Хотя в ту пору газеты молниеносно откликались на театральные премьеры, Сухово-Кобылин десять дней дожидается первого печатного слова о спектакле. Только 8 декабря «Московские ведомости» дали несколько строк о «полном, заслуженном успехе» пьесы.[26]

Назвав эти строки забавными, автор «Свадьбы Кречинского» печально размышляет в своем дневнике: «Я так стою уединенно, у меня до такой степени нет ни друзей, ни партизанов, что не нашлось и человека, который захотел бы не только заявить громадный успех пиэссы, но даже никто не пожал мне радушно руки. — Я стою один — один» (л. 49). 11 декабря он и Шумский «много говорили о поведении литературного кружка — о непонятном поведении Корша и его Газеты» (л. 50).

20 декабря 1855 г., через три недели после премьеры, редактор «Московских ведомостей» В. Ф. Корш рецензирует наконец комедию Сухово-Кобылина. Он повторяет поприглушеннее то, что уже говорилось о «Свадьбе Кречинского» на страницах «Московских ведомостей». По его мнению, «г. Сухово-Кобылин ошибочно назвал свою пиесу комедией. 〈...〉 По своему содержанию она имеет скорее трагический характер». Так и не сказав ничего по сути разбираемой пьесы, критик замечает, «что она написана прекрасным классическим языком».[27]

Что-то очень похожее драматург уже слышал. Друживший с московскими литераторами его врач Самсон сказал 29 ноября, на другой день после премьеры, «что это не Комедия, а Трагедия — но как Трагедия не получила должной широты и развития; — что она должна быть в 5 актах — что и вероятно 〈?〉 запретят, ибо есть несколько вещей, которые идут не в бровь, а в глаз» (ед. хр. 219, л. 46). О возможном запрещении пьесы поговаривали еще в дни ее репетиций в театре (там же, л. 41 об.). Не этими ли вспыхивающими толками и слухами объясняется столь странное и долгое молчание газет о спектакле?

Среди тех, кто критиковал пьесу за трагические мотивы, недопустимые по литературным канонам в комедии, была и известная поэтесса Е. П. Ростопчина. Любопытны ее мнение и ответ Сухово-Кобылина: «Граф〈иня〉 Ростопчина говорила мне, что впечатление ее тяжелое. — Я отвечал, что может быть и что для меня это все равно» (там же, л. 50 об.).

15 декабря 1855 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована рецензия на «Свадьбу Кречинского», написанная, судя по дате в конце рецензии, еще 2 декабря. Комедия показалась критику «неудов-

---

[26] *Т.* Московская городская хроника // Литературный отдел Московских ведомостей. 1855. 8 дек. № 147. С. 608.

[27] *В. К.* [*В. Корш*]. Московская городская хроника // Там же. 20 дек. № 152. С. 630.

летворительною и по плану, и по содержанию, и по подробностям, и даже по идее».[28]

Реакция Сухово-Кобылина на эту первую петербургскую рецензию мгновенна и яростна: «. . .какая-то глупая и бестолковая рецензия — из которой видно, что цех Литературный, с одной стороны, поражен пиэссой, а с другой, никак не хочет очистить ей почетное место в литературе и дать мне право Почетного Гражданина — ничего, ничего — я его сам возьму» (ед. хр. 219, л. 51). Об этой же рецензии драматург 18 декабря толкует с С. В. Шумским: «Что это такое — путаница, бестолковщина, [вздор], беспоследовательность» (там же).

Но самый подробный каталог претензий к «Свадьбе Кречинского» был выдан в первой журнальной рецензии.[29] Схожий критический счет предъявили «Свадьбе Кречинского» и другие журналы. По мнению рецензента «Отечественных записок», Кречинский — лицо «какого-то темного происхождения: пройдоха, втершийся в знать путем мошенничества,— какая избитая тема! Притом же это лицо не типическое».[30]

Критик «Библиотеки для чтения», хотя и пытался оспорить суровый приговор своих коллег «Свадьбе Кречинского», но сам ограничился пересказом ее содержания и обширными цитатами, так и не сказав о пьесе ничего нового. Вряд ли Сухово-Кобылина могло обрадовать включение «Свадьбы Кречинского» в число «лучших пьес нашего бедного репертуара».[31]

III

Уже в декабре 1855 г. Сухово-Кобылин начинает готовить комедию к отдельному изданию. 25 декабря он отмечает в дневнике: «Вечером поправлял и уделывал пиэссу» (ед. хр. 219, л. 52).

16 января 1856 г. драматург пишет не дошедшее до нас «предисловие к пиэссе 〈. . .〉 *Пиэссу кончил для печати*» (там же, л. 52 об.). Однако работа над текстом продолжается и в феврале и в марте. 31 марта Сухово-Кобылин записал: «Метель Толстого — превосходная вещь — художественная живость типов. Меня разобрало — принялся еще пробежать Комедию и отдаю немедленно в печать» (там же, л. 65), то есть переписчику.

Еще 1 декабря 1855 г., как зафиксировано в дневнике, Сухово-Кобылин и Шумский «взяли роль Кречинского — и выкинули несколько тяжелых фраз: Всё понимаю обман, Мошенничество, кражу. И еще: не пришлось бы

---

[28] *К. К.* Фельетон. Московская летопись (Письмо в редакцию Санкт-Петербургских ведомостей) // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. 15 дек. № 275. С. 1481. Инициалы К. К., как вскоре сообщила газета, были ошибочно набраны вместо Н. Н. (Санкт-Петербургские ведомости. 1856. 10 янв. № 7. С. 33).

[29] См.: Театральные заметки // Рус. вестн. 1856. № 1. Современная летопись. С. 56—64. — Эту рецензию перепевает П. Шпилевский (Александринский театр. Бенефис г-на Бурдина // Музыкальный и театральный вестн. 1856. 13 мая. № 19. С. 359—362).

[30] Отеч. зап. 1856. № 1. Отд. 5. С. 8; см. также: Спектакли с начала театрального года по 1-е июня // Пантеон. 1856. № 4. Искусства. С. 9—10.

[31] Петербургская хроника // Библиотека для чтения. 1856. № 10. Отд. 7. С. 190.

мне с кульком за плечами улепетнуть за заставу в предупреждение вот этого... Побродяга. И еще: ну не советовал бы я этому миллиону и проч.» (там же, л. 47).

Драматург и актер сокращали монолог Кречинского в начале VII явления второго акта. Первой из этих «тяжелых фраз» нет и в издании «Свадьбы Кречинского» 1856 г. Вторая реплика сохранена в тексте 1856 г., она подчеркивала отчаянность положения Кречинского. Из последней фразы в 1856 г. убрано: «этому миллиону».

Поправляя, дополняя и сокращая текст комедии, драматург помнит не только о советах друзей, но и о критических выпадах тех, кто не понял и не принял «Свадьбу Кречинского».

«...в пьесе много повторений. Приказ свой — опустить гардины на окнах, поставить карсели, двух официантов поставить у входа — Кречинский дает Федору в конце второго действия и повторяет в начале третьего», — подметил корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей».[32]

Хотя Сухово-Кобылин окрестил его рецензию «глупой и бестолковой», однако ж некоторые конкретные замечания учел. В окончательной редакции комедии Кречинский только раз приказывает камердинеру все подготовить для приема гостей — в XIII явлении второго действия; не упоминает о двух официантах. Расплюев уже только два раза титулует своего патрона «магом и волшебником», а Нелькин больше не называет Кречинского «конем разбитным».

У нас нет возможности узнать о всех изменениях в тексте «Свадьбы Кречинского», так как не сохранился экземпляр комедии, подготовленный автором для премьеры в Малом театре. Но, бесспорно, работа была тщательная и кропотливая.

Когда Сухово-Кобылин в апреле 1856 г. приезжает в Петербург хлопотать о своем судебном деле, он знакомится с Некрасовым. Редактор «Современника» настойчиво уговаривает драматурга напечатать «Свадьбу Кречинского» в журнале. Драматург колеблется, опасаясь, что опубликование пьесы до ее премьеры в Александринском театре, назначенной на 7 мая, может помешать успеху у зрителей. Но возможность увидеть любимую комедию на страницах лучшего русского журнала слишком заманчива, и Сухово-Кобылин соглашается, только просит Некрасова, «если возможно, выпустить майский № Современника не прежде 7 числа мая».[33] Некрасов предложил драматургу за пьесу 500 экземпляров и 150 рублей серебром. «Я засмеялся: что мне делать с 150 р. сереб. Условились 1000 Экземпляров» (ед. хр. 219, л. 67 об.).

Майский номер журнала, где проза была представлена повестью Л. Толстого «Два гусара», поэзия — стихами Фета и Некрасова, драматургия — «Свадьбой Кречинского», вышел 13 мая.

А еще 12 мая цензор В. Н. Бекетов (многие годы был цензором «Современника», поддерживал добрые отношения с Некрасовым) подписал раз-

---

[32] *К. К.* Московская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. 15 дек. № 275. С. 1483.

[33] Литературное наследство. М. 1949. Т. 51—52. С. 520.

решение на выпуск отдельного издания «Свадьбы Кречинского». Его страницы (кроме заново набранного списка действующих лиц и незначительной переверстки первых 7 страниц) полностью совпадают с журнальным текстом. Очевидно, это и были 1000 экземпляров-оттисков — первый литературный гонорар Сухово-Кобылина.

Уже в шестом номере «Современника» И. И. Панаев пишет о спектакле «Свадьба Кречинского» на сцене Александринского театра. Явно отвечая рецензентам, убеждавшим зрителей в придуманности и исключительности главных героев пьесы, пришедших, мол, из французской литературы, И. И. Панаев доказывает, что комедия Сухово-Кобылина — про русскую жизнь, про великосветское общество. Кречинский — не мелкий шулер темного происхождения, а «крупный негодяй» из мира петербургской «блестящей публики»: «. . .лицо живое, типическое, прямо выхваченное из действительности. ⟨. . .⟩ лицо, которое мы не раз встречали в московских или петербургских клубах, ⟨. . .⟩ не подозревая, разумеется, его закулисной жизни. . .».

Однако критик уклонился от литературной оценки «Свадьбы Кречинского», заметив только, что «это произведение имеет большие сценические достоинства».[34]

Высоко оценивал комедию М. С. Щепкин. В своем взгляде на фигуру Кречинского он во многом близок к Панаеву.[35]

Щепкин восхищался небывалым успехом комедии, называл ее необыкновенной (ед. хр. 310, л. 1), советовал драматургу «послать пиэссу в Париж — предсказывая ей большую будущность» (ед. хр. 219, л. 46).

25 апреля 1856 г. Щепкин в Ярославском театре читал произведения Гоголя, а 27 апреля сыграл Муромского в спектакле местной труппы. «После чтения стала яснее и *Свадьба Кречинского* ⟨. . .⟩ Гоголю снова сделалось легче: ну вот и не его пиеса, а на сцене опять порок, язвы общественной жизни, да еще какой — жизни высшего общества!» — так под влиянием Щепкина писал о «Свадьбе Кречинского» ярославский корреспондент «Московских ведомостей». Когда актер исполнил роль Любима Торцова в пьесе «Бедность не порок», критик снова вспомнил о комедии Сухово-Кобылина: «Какой контраст, какая параллель возникла в потрясенной душе зрителя: Любим Торцов вызван пред нравственным чувством Кречинского! Подлость, преступление в блестящем лице высшего общества и благородство души в несчастном, грязном, потерявшемся человеке!».[36]

---

[34] Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. 1856. № 6. Отд. 6. С. 187, 188, 190.

[35] См. письмо В. Е. Ермилова Ф. А. Куманину 18 сент. 1889 г. — ЦГТМ, ф. 133, инв. № 625, л. 3—3 об.; впервые в кн.: *Алперс Б. В.* Актерское искусство в России. М.; Л., 1945. С. 468—469.

[36] Щепкин в Ярославле (Письмо в редакцию Московских ведомостей) // Литературный отдел Московских ведомостей. 1856. 22 мая. № 61. С. 211.

IV

Трудно оспорить признание Сухово-Кобылина в 40-ю годовщину «Свадьбы Кречинского»: «. . .я так мало избалован вниманием печати, что за сорок лет службы ,,Кречинского" русской сцене ни разу не встретил полного и серьезного разбора моей комедии; критика почему-то меня постоянно игнорировала, и только успех у публики вознаграждал меня за эту несправедливость прессы».[37]

Верный знак принятия публикой художественного произведения — его постоянное цитирование в разговорах, письмах, статьях, его литературные вариации.

Спектакли в Москве и Петербурге, на сценах едва ли не всех провинциальных театров мгновенно прославили Кречинского и Расплюева. Достаточно, положим, было воскликнуть: «Михайло Васильич» — и все понимали, что это, конечно, он — главный герой «Свадьбы Кречинского». Запросто, по имени-отчеству помянут Кречинский в писаревских «Цветах невинного юмора»: «Приходится присутствовать при сотворении мира в малых размерах: все творится из нечего; пустота прикидывается полнотою, и так натурально прикидывается, что остается только плечами пожимать: художник, артист, профессор белой магии, Боско и даже Михайла Васильевич!».[38]

Для разоблачения модного либерализма главного героя комедии Н. Львова «Предубеждение, или Не место красит человека, человек — место» Н. А. Добролюбов сравнивает упивающегося своей честностью пристава с Расплюевым.[39] Иван Антоныч уже в 1858 г. для критика классический персонаж, всем отлично известный и без ссылки на «Свадьбу Кречинского».

Ключевые (и не только ключевые) реплики Кречинского и Расплюева тотчас полюбились зрителям и читателям, легко вошли в разговорную речь: «Маг и волшебник», «Мальчишка и щенок», «Была игра!», «Сорвалось!!!» и др.

По популярности Иван Антоныч вскоре явно обошел своего патрона. Уже к 1862 г., свидетельствует писатель П. Д. Боборыкин, имя Расплюева стало нарицательным, а его высказывания — расхожими.[40] Корреспондент «Полярной звезды», известный собиратель и исследователь фольклора А. Н. Афанасьев весной 1862 г. записывает в дневнике: в Петербурге «много шума, много слов и мало дела. Журналисты ругаются и марают и себя и свое дело, если таковое у них есть. Слова: ,,мошенник, подлец, Расплюев, раб" etc. печатно и публично прикладываются друг к другу».[41]

---

[37] *С. К.* У автора «Свадьбы Кречинского» // Семья. 1894. № 8. 20 февр. С. 6.

[38] *Писарев Д. И.* Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 338.

[39] Современник. 1858. № 7. Отд. 2. С. 51, 52; ср.: *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 3. С. 179—180, 181.

[40] *Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 285.

[41] Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 190.

8 марта того же года профессор Петербургского университета Н. И. Костомаров грозит радикальным студентам призраком Ивана Антоныча: «Вы, господа, начинаете свое поприще Репетиловыми, а окончите его Расплюевыми».[42]

«Свадьба Кречинского» удостоилась подражаний и продолжений — высшей степени популярности художественного произведения.

В 1862 г. А. Е. Ващенко-Захарченко, рискнувший, как известно, продолжить «Мертвые души», напечатал в Москве «Смерть Кречинского. Сцены и картины в трех актах» — тень знаменитой комедии. Он ученически копирует пьесу Сухово-Кобылина, робко варьирует ее мотивы. Ващенко-Захарченко уловил обреченность Кречинского, видит в нем азартного, но честного игрока, а в Расплюеве — шулера-разбойника, впрочем, несчастного и спившегося разбойника.

Откровенная спекуляция на популярности «Свадьбы Кречинского» — примитивная комедия В. А. Базарова (Михайловского) «Кречинский в юбке» (1884). Более умело (хотя и без намека на художественные открытия) сочинена Г. Т. Северцевым-Полиловым комедия «Мост в Америку (Кречинский в старости)» (1910). Герой Сухово-Кобылина действует уже на заре нового века, когда объединяются капиталисты и авантюристы разных стран.

Известный народоволец писатель С. М. Степняк-Кравчинский, много сделавший для популяризации русской литературы в Западной Европе и Америке, перевел на английский язык «Свадьбу Кречинского» и «Грозу». В статье «А. Н. Островский» (1890) он объясняет, почему выбрал для перевода именно пьесы: «Русская литература стала довольно широко известна в Западной Европе за последние 15 лет, однако, за исключением нескольких специалистов, многочисленные читатели русских романов даже не подозревают, что в России существует своя драматургия. А между тем наша драматическая литература отнюдь не уступает нашей художественной прозе».[43]

В 1900 г., когда «интеллигентная болгарская молодежь горячо увлекается театром и драматическим искусством»,[44] «Свадьбу Кречинского» перевел лучший в Болгарии переводчик русских писателей И. Д. Иванов.[45]

На новогреческом языке «Свадьбу Кречинского» в 1901 г. напечатали в Константинополе (там же она была поставлена 3 февраля 1885 г. в русском посольстве).

А в феврале 1902 г. комедия Сухово-Кобылина сыграна в Париже, на сцене театра «Ренессанс».

В дореволюционной России после издания 1869 г. «Свадьба Кречинского» была напечатана еще один раз. Редакция московского журнала «Будильник» в 1898 г. выпустила роскошное сувенирное издание коме-

---

[42] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Л., 1955. Т. 2. С. 263. Другие варианты этого высказывания приводятся многими мемуаристами.

[43] *Степняк-Кравчинский С. М.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 511.

[44] Театр и музыка // Новое время. 1900. 6 апр. № 8660. С. 4.

[45] Там же. 18 апр. № 8670. С. 4.

дии — как премию подписчикам журнала. В книге были помещены фотография автора, копия с рисунка В. Маковского «П. М. Садовский в роли Расплюева» и семь сцен из спектакля театра Корша.

V

Когда Сухово-Кобылин готовил к печати «Свадьбу Кречинского», он уже подумывал «о новой Комедии, но решительно не навертывается Сюжет и не шевелятся в уме типы» (запись в дневнике 25 февраля 1856 г. — ед. хр. 219, л. 56).

17 марта драматург «разбирал свои бумаги и нашел всё и Старые сочинения 〈...〉 Весь вечер сидел читал. Есть вещи отличные — жару и юношескому порыву бездна» (там же, л. 62). Он смотрит, нельзя ли что взять из «старых сочинений» для новой пьесы. Но пока Сухово-Кобылин не знает ни ее темы, ни сюжета.

В июле 1856 г. драматург читает только что опубликованную в «Русском вестнике» статью прозаика и критика Н. Ф. Павлова о нашумевшей комедии В. А. Соллогуба «Чиновник». Павлов блистательно опровергает декламации Надимова, главного героя комедии, о личной честности и неподкупности чиновников как радикальной панацеи от продажного судопроизводства. Суть не в том, доказывает критик, чтобы громогласно назвать взяточников преступниками и заменить их честными судьями, а в том, чтобы изменить всю систему судопроизводства, нравственное воззрение, дающее «простор необузданности своекорыстных побуждений». У взяток «есть своя история, география и своя теория. Это не отрывок, не клочок из жизни, а целая жизнь, благообразно устроенная и приведенная в систему на известных местностях». Взятки, ставит Павлов социальный диагноз, «не причина, а следствие, не болезнь, а один из ее признаков».[46]

Для Сухово-Кобылина (в ту пору еще продолжается его судебное дело) эти первые в стране гласные диспуты о негласном судопроизводстве интересны, понятно, не только теоретически. Статья Павлова, возможно, и подсказала писателю замысел пьесы, анатомирующей всю государственную бюрократическую систему. А реальная основа будущего «Дела» — его собственная судебная Одиссея.

Первый разговор о второй части трилогии — 29 августа 1856 г. В этот день Сухово-Кобылин, очевидно, рассказывает Щепкину о новом творческом замысле. Актер проявляет живой интерес к нему, передает Сухово-Кобылину поучительную историю продажи лубков (ед. хр. 219, л. 86 об.), потом вошедшую в текст «Дела».

31 августа драматург «вечером написал *2 первых сцены из нарождающейся новой Комедии*». 3 сентября «*написал еще три сцены новой Комедии* (там же, л. 86 об., 87).

---

[46] *Павлов Н. Ф.* Чиновник. Комедия графа В. А. Соллогуба // Рус. вестн. 1856. № 14. С. 402, 406. — Н. Г. Чернышевский назвал эту статью прекрасным примером «истинной художественной критики, понятия о которой так затемнились после смерти Белинского» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 663).

Новая пьеса — она пока без названия — была сразу задумана как «продолжение» «Свадьбы Кречинского» (там же, л. 88 об.).

23 сентября Сухово-Кобылин уже читает своему знакомому «*отрывок из новой Комедии*». Начальный этап работы над новым произведением заканчивается октябрьской записью: «22-е ⟨. . .⟩ Писал рассказ Сидорова в новую Комедию» (там же, л. 91, 94 об.), — очевидно, тот самый, услышанный от Щепкина.

Только 1 марта 1857 г. Сухово-Кобылин вновь упоминает в дневнике о комедии: «Рассказывал пиэссу: Дело Сорочинскому. Сильный эффект» (там же, 101 об.). Итак, у пьесы уже есть имя? Однако, повторив запись за 1 марта в новой тетради, драматург опускает название пьесы (ед. хр. 222, л. 3).

23 июля Сухово-Кобылин дает пьесе новое имя — «Лидочка», видимо предназначая дочери Муромского главную роль в сценическом действии: «Все утро писал пиэссу: Письмо Кречинского и Последнюю Сцену Лидочки в 5-м Акте. Доволен. Мне нынче только в первый раз почудилось, что вторая пиэсса не будет краснеть пред первой» (там же, л. 5 об.).

7 августа драматург «писал Сцену Муромского с Высоким Лицом» (там же, л. 7 об.). Эту сцену, по мнению Сухово-Кобылина, «едва ли не лучшую Сцену из всего, что писал» (там же, л. 13), он «обделывал» и в день своего рождения.

В это время он считает пьесу в основном завершенной. 17 сентября 1857 г., подводя, как всегда, жизненные итоги, он записывает в дневнике: «Мои две пиэссы *Кречинский и Лидочка. Вот мой интеллектуальный результат*»; «В этом же году сложилась 2-я моя пиэсса, *Лидочка*, от которой я жду более, чем от Кречинского. Все Главные Сцены написаны урывками. Так: 1-й Акт, несколько сцен 2-го, Лидочкин Монолог 3-го, Сцены Хлестакова и Тряпичкина, Сцена Муромского с Высоким Лицом и за нею Сцена Тряпичкина с Выс⟨оким⟩ Лиц⟨ом⟩. Из Четвертого Акта Катастрофическая Сцена Мур⟨омского⟩ и Тряпичкина до конца сего Акта. Из 5-го Сцена Хлестакова, Ив. Сид⟨орова⟩ и Нелькина. Последняя Сцена Лидочки и Эпилог» (там же, л. 13—14 об.).

Из этой записи узнаем контуры окончательной редакции драмы. Но до нее еще почти 12 лет. Максимально четко наметив композиционную и сюжетную схему пьесы, Сухово-Кобылин затем многократно отрабатывает каждое явление, каждую реплику, добиваясь ее наиточнейшего звучания в конкретной ситуации. Для него главное не событийная канва, а выражение в слове явной и тайной человеческой сути.

Новые герои новой пьесы: Хлестаков — это, понятно, будущий Тарелкин, и Тряпичкин — будущий Варравин. Их путь лежит дальше — в последнюю часть трилогии.

До конца 1857 г. и в январе 1858 г. продолжается непрерывная работа над пьесой, главным образом над четвертым актом — самым небольшим по объему и самым невыигрышным для зрительского восприятия. После раскаленного до предела третьего действия этот акт мог показаться проходным, чисто служебным, мог погасить интерес к пьесе. «Написал Сцену Лидочки 4-го Акта с Атуевой и Муромским и окончил Сцену

Складчины — таким образом, почти весь 4-й Акт готов. ⟨. . .⟩ Вообще собою доволен — ибо пиэсса идет», — отмечает Сухово-Кобылин 25 декабря 1857 г. (там же, л. 25).

10 января 1858 г., готовясь прочесть драму Щепкина в Москве, Сухово-Кобылин помечает в дневнике: «*Собрал пиэссу воедино и озаглавил*». Однако многое еще не удовлетворяет автора. 11—15 января работа продолжается (там же, л. 28 об.).

Первая серьезная проверка пьесы — чтение ее Щепкину 30 января: «1-й Акт прошел порядочно, во Втором оказались длиноты в Сцене Чиновников. Третий прошел хорошо — Сцена с Высоким Лицом удалась и имела сильное действие. Четвертый прошел хорошо — из пятого читал только последнюю Сцену, ибо первые не писаны. Впечатление почти то же, как и при чтении Кречинского в 1855-м году ему же Щепкину, т. е. почти за 3 года тому назад. Это вызвало его на рассказ многих анекдотов. Лег спать очень довольный» (там же, л. 29 об.—30).

Итак, любимый актер сказал «добро» новому труду Сухово-Кобылина. Первый этап завершен и на несколько месяцев, судя по дневнику, наступает перерыв в работе над пьесой.

Только в августе 1858 г. Сухово-Кобылин снова возвращается к своему произведению. С 1 по 25 августа «переписывал пиэссу ...» (там же, л. 58). 11 сентября «принялся за пиэссу и писал ее 10 часов с ряду. Весь третий акт переписал и написал первую часть сцены Муромского с В⟨ысоким⟩ Л⟨ицом⟩» (там же, л. 63 об.). На полях дневника рядом с последней записью Сухово-Кобылин с удовольствием замечает: «*отличная работа пиэссы*».

Но творческая радость скоро сменяется беспокойством и сомнениями. 22 сентября: «Пиэсса кажется мне худою». На следующий день «решился перенести рассказ об Антихристе из 1-го Акта в 5-й, ибо 5-й Акт кажется мне пуст» (там же, л. 66).

29 сентября пьеса обретает окончательное название — «Дело». В этот день Сухово-Кобылин читает пьесу своей знакомой и слышит самый восхищенный отзыв: «Это удивительное произведение. Это не вы написали — это не надумано — Эта Сама вещь — вы были только орудие» (л. 68).

Возвращаясь на пароходе из Франции, Сухово-Кобылин знакомится с известным критиком и поэтом Аполлоном Григорьевым 6 октября: «Разговор о Кречинском. Первый Литератор, отозвавшийся о нем хорошо, как об Литературном произведении» (там же, л. 73 об.). Поэтому Сухово-Кобылин решается доверить «Дело» его суду.

7 октября «*вечером читал Григорьеву свою вторую пиэссу.* ⟨...⟩ Первое действие, отделанное почти в чистую — прошло хорошо, и ему понравилось — особенно поразил характер Ив. Сидорова. 2-ое недоделанное (в половину) скорее охладило — не понравились ему и Сцены в канцелярии. 3-е прошло отлично. Некоторые места он мне заметил, напр. при уходе Муромского слова: Прощайте, Ваше Пр⟨евосходительст⟩во, превосходит⟨ельство⟩, а потом и высокопревосход⟨ительство⟩ и проч., назвавши это декламацией. — В 4-м Акте заметил то же относительно слов

Лидочки Старый шут Закон и проч. — все это место. Катастрофическая Сцена поразила его страшно — он выразился, что произвела в нем нервную дрожь. Относительно эпилога — советовал сократить и, сделавши вводную сцену, подвести к последней. — Вообще пиэсса произвела тот эффект, который *я ожидал*. Стало, пиэсса *удалась*!!! . . . . . .» (там же, л. 74).

Замечания Сухово-Кобылин учел, хотя не мог признать «декламацией» обличительные проповеди положительных героев пьесы. Однако инвективу «Старый шут Закон» вместо Лидочки уже будет произносить Нелькин. Драматург по совету Ап. Григорьева полностью сократил эпилог.

Еще свыше двух лет продолжается доработка «Дела». Только в феврале 1861 г. Сухово-Кобылин считает драму законченной и передает ее «в печать» — переписчику.

19 февраля он подводит итоги своего труда: «Встал в 5 часов. Стал писать или лучше переписывать в печать второй акт. Пиэсса мне самому очень нравится — все уладилось и сложилось...» (ед. хр. 224, л. 32).

В этот же день драматург размышляет, как опубликовать «Дело»: «Относительно пиэссы мне пришла мысль напечатать ее вместе с Кречинским, во-первых, чтобы восстановить его в докритикующем свете, во-вторых, чтобы всунуть в рот публике одно Целое, а не две разрозненные, и в-третьих, потому что относительно пиэсс самих по себе они действительно Суть Целое. Мне хочется их обе озаглавить одним именем — только не приберу. Ясно, что это есть плачевная история нового дитяти Природы Муромского. Поэтому пришла было мысль назвать

Угнетенная невинность или

Муромский в Москве и Петербурге.

Однако к Серьозному делу нейдет Скоморошество» (там же, л. 32 об.).

Как видим, Сухово-Кобылин убежден в единстве двух пьес: «Суть Целое». Опубликование «Свадьбы Кречинского» вместе с «Делом» должно было бы прояснить истинное значение первой комедии, которую некоторые критики объявили легкой и развлекательной. Это, вероятно, и означает: «восстановить» Кречинского «в докритикующем свете».

Однако идея напечатать под общим названием две пьесы — это для будущего. Пока же, помня урок «Свадьбы Кречинского», Сухово-Кобылин придумывает хитроумный план, как провести вторую пьесу на сцену и в печать: издать «Дело» небольшим тиражом за границей и, заручившись признанием публики и прессы, штурмовать отечественные цензурные редуты.

24 апреля 1861 г. драматург приезжает в Лейпциг и договаривается в типографии Бэра и Германна об издании пьесы. 1 мая печатание было закончено. «На столе лежала Стопа новеньких 25 экземпляров *Дела*. Они смотрели как новорожденные и как из меня отвалившийся или собственно с меня свалившийся плод»; «Я принялся надписывать экземпляры» (там же, л. 13 об.).

Лейпцигское издание до сих пор считалось утерянным.[47] Но в отделе книжных фондов Государственного Литературного музея (Москва) хранится экземпляр, подаренный автором матери.

Сухово-Кобылин в мае 1861 г. передает «Дело» в цензуру, а лейпцигские экземпляры дарит своим друзьям, «партизанам», ожидая от них энергической поддержки.

Начинается вольная жизнь пьесы — в Петербурге, в Москве, в провинции. Ее читают в литературных салонах, в театрах, в драматических кружках, читают актеры, писатели, критики, помещики, деятели крестьянской реформы. По словам князя Яшвиля, родственника драматурга, «ее все читают и кажется и в Импер⟨аторской⟩ Фамилии» (ед. хр. 227, л. 18 об.).

Тот же Яшвиль 26 мая пересказывает автору «следующие петербургские суждения о Деле. — Эта вещь останется на века как Документ — Акт современного Состояния Судопроизводства, как *Горе от ума,* как *Митрофанушка*, как *Ревизор*. — Далее, говорил он, всё превосходно и верно, главное верно — особенно Сцена с Высоким Лицом и Сцена Складчины» (там же, л. 8).

«Дело» настолько известно, что о нем уже пишут в печати.[48]

Сухово-Кобылин, наслышавшийся устных похвал «Делу» и ждавший от критики энергичных демаршей в его защиту, раздосадован невнятными печатными отзвуками: «Очень странное мое Литературное современное положение: с одной стороны, Симпатия к моим пиэссам большая, популярность их огромная и говоря о пиэссах и⟨х⟩ постоянно ставят радом с Ревизором и Горе от ума, но относительно меня как Личности и Таланта совершенное равнодушие — точно эти пиэссы не мои, а так достались мне по наследству от отдаленного родственника, и будто я вор, их только напечатал» (ед. хр. 227, л. 27).

Но судьбу «Дела» опять-таки решают не читатели или критики, а в III отделении, где пьеса лежит с мая 1861 г. Только в конце декабря цензура выносит ей первый приговор. 1 января 1862 г. Сухово-Кобылин записывает в дневнике: «Дело запрещено и для Сцены и для Печати. Были журналы, которые могли бы об этом сказать слово — но и они ничего не сказали. Дело покуда кануло в воду» (там же, л. 42 об.).

Весь 1862 год проходит у драматурга в непрерывной борьбе за пьесу. 18 июня он пишет «просьбу к Министру ...» (там же, л. 68). По предположению исследователя, подразумевается министр двора В. Ф. Адлерберг, к которому Сухово-Кобылин уже обращался перед премьерой «Свадьбы Кречинского» в Александринском театре.[49]

---

[47] *Рудницкий К. Л.* А. В. Сухово-Кобылин. С. 149; *Бессараб М. Я.* Сухово-Кобылин. М., 1981. С. 208.

[48] См.: Общественные и литературные заметки // Иллюстрация. 1861. 17 авг. № 182. С. 110; Рус. речь и Моск. вестн. 1861. 31 авг. № 70. С. 284; Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // Современник. 1861. № 8. Отд. 2. С. 361.

[49] *Рудницкий К. Л.* А. В. Сухово-Кобылин. С. 152—153.

ДѢЛО.

ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

А. СУХОВО-КОБЫЛИНА.

LEIPZIG.

DRUCK VON BÄR & HERMANN

1861

Титульный лист лейпцигского издания «Дела». ГЛМ. Публикуется впервые.

А 19 июня «послал Мою пиэссу Гр. С. Г. Строганову при письме» (там же). Сергей Григорьевич Строганов — член Государственного совета, известен своими либеральными взглядами, автор книги «Дмитриевский собор во Владимире-на-Клязьме» (СПб., 1849).

Продолжаются публичные чтения и споры о «Деле». Маркевич, один из самых преданных партизан пьесы, сравнил ее «с лучшими произведениями всех Литератур и относительно Интриги, постройки и Сценического достоинства ставит выше всего, что в России писано. — Успех на сцене был бы громадный. — Трагический элемент и его исполнение превосходны ...» (там же, л. 68 об.). Он же прочел драму во дворце у великой княгини Марии Николаевны, «но без успеха, ибо кн. В. Андр. Долгор⟨укая⟩ расстроилась и уничтожила весь эффект» (там же).

24 июня в присутствии автора Маркевич читает «Дело» у известного критика П. В. Анненкова: «Решительный успех. Были вещи детальные, которые надо было поисправить» (там же, л. 69 об.).

Конечно, далеко не все принимают, а тем более понимают новую пьесу Сухово-Кобылина. Актер-любитель К. М. Ушаков, хотя и не сомневался в ее успехе и ставил выше «Свадьбы Кречинского», но, предложив множество сокращений и смягчений, посоветовал завершить ее раскаянием Тарелкина, который, «услышав о приходе Его В⟨ысоко⟩ Пр⟨евосходительст⟩ва, собирается итти к нему навстречу и открыть всю Правду, как она была, обвинив и самого себя» (там же, л. 68). Этакие советы, понятно, отметаются Сухово-Кобылиным.

В конце 1862 г. драматург добивается встречи с самим начальником III отделения А. Л. Потаповым. 13 декабря тот «обещает пиэссу в будущий Сезон пропустить» (там же, л. 98). В резолюции на рапорте цензора глава III отделения разъясняет, что «Дело» может быть пропущено, если «исключить из пьесы роли *князя и важного лица* и некоторые места, зачеркнутые красным карандашом . . .».[50]

Летом 1863 г. Сухово-Кобылин приезжает в Петербург: опять биться за свою пьесу. После встречи с А. Л. Потаповым он записывает в дневнике 8 июня: «Нежданная Надежда может быть провести пиэссу» (там же, л. 129 об.).

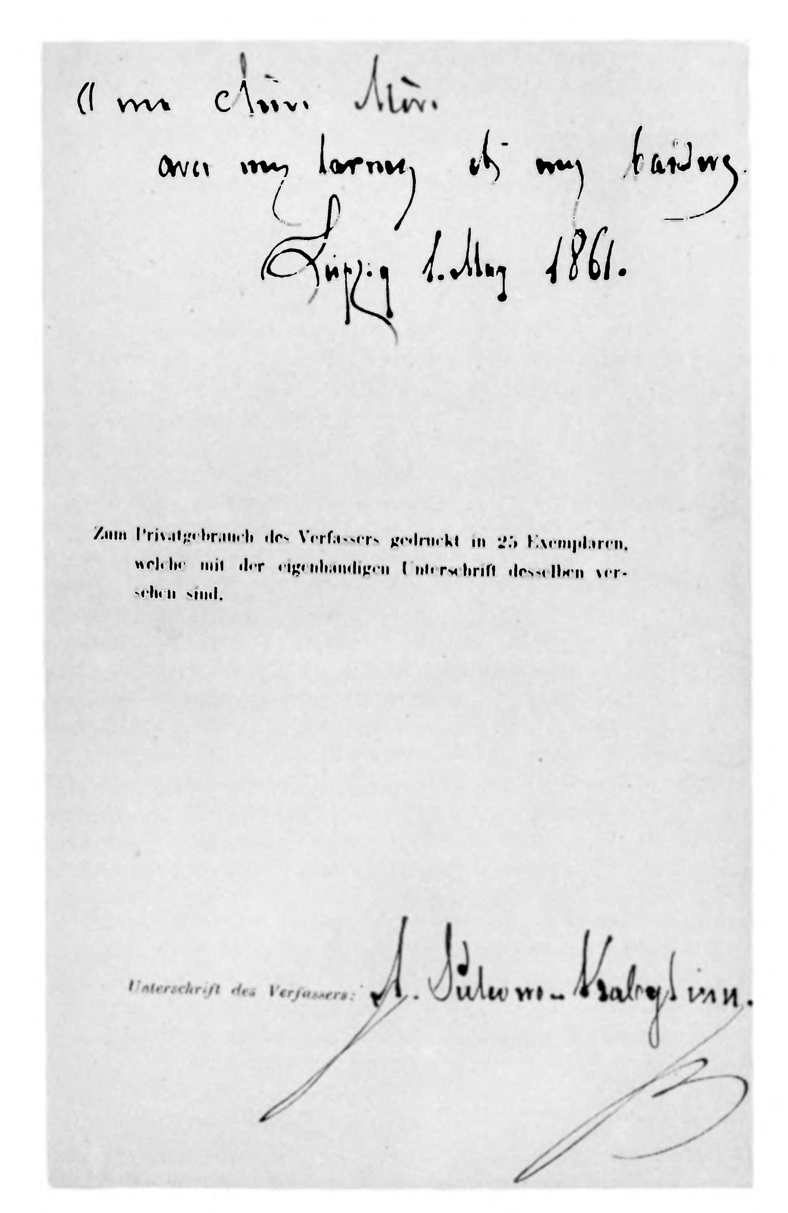
15 июня «Дело» было прочитано на заседании Театрально-литературного комитета императорских театров. В 4 часа дня к драматургу пришел чтец комитета и суфлер Сосновский: «Успех! Успех!. . все члены единогласно одобрили и в восхищении, в особенности Краевский, Редактор Журнала — Отеч. Записки. Утром я переменил название Пиэссы, она пошла под именем ⟨?⟩

Отжитое Время.

Из Архива Порешенных Дел. —

Краевский особенно хвалил ее и уверял, что, принимая в соображение, что 30 августа подписан будет Указ о Глассном Судопроизводстве, пиэсса должна пройти» (там же, л. 131).

[50] *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. [Пг., 1917] С. 199.

A ma chère Mère
avec mes larmes et mes baisers.
Leipzig 1. Mai 1861.

Zum Privatgebrauch des Verfassers gedruckt in 25 Exemplaren, welche mit der eigenhändigen Unterschrift desselben versehen sind.

Unterschrift des Verfassers: A. Suchowo-Kobylin.

Страница лейпцигского издания «Дела» с дарственной надписью автора М. И. Сухово-Кобылиной: «Моей дорогой матери с моими слезами и моими поцелуями. Лейпциг. 1. мая 1861». Публикуется впервые.

Через день Сухово-Кобылин передал начальнику репертуарной части императорских театров П. С. Федорову исправленный вариант пьесы и «говорил с ним о назначении актеров» (там же). В 2 часа драматург вместе с директором театров графом А. М. Борхом приезжает к Потапову.

Кажется, на сей раз все благоприятствует «Делу» даже высокое начальство. Воодушевленный автор уже подумывает о новых литературных трудах. Утром 25 июня Сухово-Кобылин гуляет в Летнем саду: «Первая мысль о новой Трагической пиэссе — Сюжет из истории Тулякан 〈?〉 . . .» (там же, л. 133—133 об.).

Правда, еще 23 июня драматург был у шефа жандармов и узнал, что «Дело» передано Нордштрему: «плохо, плохо» (там же, л. 132 об.).

И все-таки Сухово-Кобылин никак не ожидал, что цензор так злобно обрушится на пьесу. 25 июня «отправился к Нордштрему. Боже — что я услышал — он напросто и прямо запрещает пиэссу — его слова: Мы на себя рук поднять не можем! Здесь все осмеяно. — Сквозь Комплименты оказывается, что он сам Генерал и обиделся — думаю, его другие генералы просили 〈...〉 Явное видно раздражение за пиэссу. Да кто же не поймет, что это Министерство, Министр, его Товарищ — Правитель дел и т. д. Он заметил это с желчью. Дело мое потерянное. Я вышел разбитый — Пропало. — О Потапове и говорить нечего — он ведь мне Аскоченского Домашнюю беседу даст читать 〈...〉» (там же, л. 133 об.).

Сухово-Кобылин обвиняет первого жандарма России в солидарности с первым мракобесом-моралистом В. И. Аскоченским, редактором-издателем петербургской еженедельной газеты «Домашняя беседа для народного чтения».

Любопытен перевод устных откровенных замечаний Нордштрема на язык официального рапорта: «Настоящая пьеса изображает, как по придирчивости полицейских и судебных властей, из самого ничтожного обстоятельства, по ложному перетолкованию слов, возникают дела, доводящие до совершенной гибели целые семейства. Недальновидность и непонимание обязанностей своих в лицах высшего Управления, подкупность чиновников, от которых затем зависит направление и даже решение дел, несовершенство законов наших (сравниваемых в пьесе с капканами), безответственность судей за их мнение и решение, — все это представляет крайне грустную картину, и должно произвести на зрителя самое безотрадное впечатление, которое еще усиливается возмутительным окончанием пьесы».[51]

29 июня А. Л. Потапов сам приглашает к себе автора задушенной пьесы для уточнения идейных указаний: «В настоящем виде пиэсса запрещена. — Он просит переделать следующее: Князя и Выс〈окое〉 Лицо совершенно выбросить и все Сцены, в которых они участвуют, и оставить только Варравина и низших чиновных Лиц. — Я согласился — надо переделывать» (там же, л. 134 об.).

Однако драматург вовсе не собирался ни смириться с жандармским

[51] *Кононов Н. Н.* Сухово-Кобылин и царская цензура. С. 27.

вето, ни тем более переписывать свою пьесу по официальным рецептам, сведя весь ее пафос к дозволенному обличению.

Сухово-Кобылин продумывает новую тактику борьбы за «Дело». 16 октября 1865 г. он поверяет дневнику: «Надо сдержанность, не торопиться. — Но непременно послать свою пиэссу Императрице» (ед. хр. 230, л. 24). Он хорошо помнит, как императрица помогла ему в самый тяжкий период следствия осадить министра юстиции В. Н. Панина. Еще 26 июня 1863 г. драматург писал об этой идее: «Запала мысль, если пиэсса не пройдет у Потапова, добавить к ней Эпилог, Молитву Лидочки и послать ее к Государыне при письме, которое прежде было написано, изменив его» (ед. хр. 227, л. 134).

В октябре 1865 г., приехав в Петербург, Сухово-Кобылин узнает вроде бы обнадеживающую новость: театральной цензурой ведает уже не III отделение, а Комитет по печати. Но для его пьесы с этой либеральной реформой пока ничего не изменилось: «Везде чиновничество — все чиновничество — как может быть, чтобы они Мою пиэссу пропустили. — Никогда не пропустят — она против них» (ед. хр. 230, л. 30 об.).

Доверив пьесу своему другу С. П. Сушкову, который обещал передать ее в цензуру, драматург уезжает в Кобылинку. Мрачные предчувствия, увы, не обманули его и на сей раз. 3 декабря 1865 г. он получает письмо от Сушкова: «Сегодня (23 ноября) я удостоился иметь дружеский разговор с целым Ценз⟨урным⟩ Управлением в присутствии самого Председателя. Все объявили, что *нельзя* дозволять представление пиэссы даже при некотором смягчении разговоров, находя Характеры Лиц слишком преувеличенными и самые происшествия неестественными» (там же, л. 51 об.).

Тогда Сухово-Кобылин решает обратиться к своему старому знакомому по Московскому университету, ныне влиятельному политическому деятелю, редактору журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». 10 января 1866 г. М. Н. Катков «принял меня очень любезно, я с ним советовался, могу ли рискнуть напечатать пиэссу, и он просил прислать ее прочесть. — Я думаю, он будет просить ее для Журнала ...» (там же, л. 68 об.).

12 января Сухово-Кобылин отправил пьесу Каткову и нетерпеливо ждет ответа. 17 января: «Посылал к Каткову — еще известий о пиэссе нет» (там же. л. 71).

Не дождавшись ответа от редактора «Русского вестника», Сухово-Кобылин обращается к самой императрице. 21 марта «отправил письмо к Императрице и Мою пиэссу чрез Сушкова. — Это моя последняя попытка хотя как-нибудь смириться с Россией — очень возможно, что Императрица отклонит от себя это Дело — и тогда все минуло — я в полном Разрыве с Россией» (там же, л. 83 об.).

Но через две недели прогремел каракозовский выстрел, и у Каткова, а тем более у императрицы, нынче на первом месте не литературные заботы нашего героя. 16 апреля он записывает: «Моя пиэсса кажется совсем забыта. — Она пропала» (там же, л. 96).

Все ж М. Н. Катков не забыл о «Деле». 12 июля Сухово-Кобылин снова у него: «Хорошая встреча. ⟨...⟩ Пиэссу он печатать пока что не

советует, хотя заранее показал ее Прокурору Ровинскому» (там же, л. 116).

Очень важный, если не решающий, эпизод в цензурной судьбе «Дела». Катков безошибочно рассчитал, кого не испугает антибюрократический пафос Сухово-Кобылина, кто сможет своим авторитетом реально помочь запрещенной пьесе. Прокурор Московской Судебной палаты — Дмитрий Александрович Ровинский — один из самых просвещенных и гуманных юристов того времени, энергичный противник всех видов телесных наказаний, автор записки о введении суда присяжных. Ровинский требовал от молодых правоведов, чтобы они «служили делу, а не лицам», «были прежде всего людьми 〈. . .〉 а уже потом — чиновниками».[52]

Заручившись, вероятно, поддержкой Ровинского, Катков 25 января 1867 г. «советует печатать теперь Дело» (ед. хр. 331, л. 57 об.).

Настает черед окончательной подготовки пьесы к печати.

Текст «Дела», опубликованный в 1869 г. в книге «Картины прошедшего», существенно отличается от лейпцигского издания. Хотя ничего не изменилось в сюжете, сохранены все до единого явления, однако ж наберется немного страниц, избежавших авторской правки. О двух редакциях драмы, о поистине подвижнической устремленности Сухово-Кобылина к поискам наиточнейшего слова, наивернейшего звучания каждой реплики подробно написано в специальной литературе.[53]

В «Данностях» уточнена авторская аттестация большинства персонажей. «В отправлении своей должности — скотина», — читаем о князе в издании 1861 г. «На службе зверь», — короче и яснее сказано теперь о сановном душегубе. Снято упоминание о пряжке, заслуженной Варравиным «за XXX-летнюю беспорочную службу», так как в легенде об Антихристе, рассказанной Иваном Сидоровым, этой наградой отмечен Антихрист.

В характеристике Тарелкина сокращены фразы: «имеющий многие знаки отличия там. . . и здесь. . . . и следовательно, ленточки»; «оперу и маскерады любит» (с. VI). О наградах Тарелкина и его меломании достаточно говорится в самом тексте пьесы. Его имя Розалион заменено на Кандида. Подчеркнута дистанция между Варравиным и Тарелкиным, как и между Важным лицом и Варравиным: в новой редакции Максим Кузьмич к Тарелкину, а Важное лицо к Максиму Кузьмичу обращаются на «вы», а не на «ты» (тут драматург учел совет актера-любителя К. М. Ушакова).

Особенно много сокращений и дополнений в узловых эпизодах драмы: в сценах Муромского и Варравина, Варравина и Тарелкина (явления VI и VIII второго действия), Муромского и Важного лица, Варравина и Важного лица, Варравина и Тарелкина (явление IX, XII, XIII третьего действия), Варравина и Тарелкина (явление X пятого акта). Иногда только

[52] *Джанжиев Г. А.* Эпоха великих реформ. 9-е доп. изд. СПб., 1905. С. 692.

[53] См.: *Рудницкий К.* Труд сатирика: Из истории работы А. В. Сухово-Кобылина над пьесой «Дело» // Театр. 1954. № 12. С. 119—126; *Быкова О. Ю.* Творческая история пьесы А. В. Сухово-Кобылина «Дело» // Учен. зап. Черновицк. гос. ун-та. Сер. филол. наук. 1960. Т. 39. Вып. 10. С. 63—91.

новой расстановкой знаков препинания Сухово-Кобылин высекает большой художественный эффект: «Нет, не довольно: дочь я свою защищаю — вот мое право. . .» (с. 116), — говорит Муромский Важному лицу в первой редакции пьесы. А вот как меняется ритм этой фразы в окончательном тексте: «Нет, не довольно! Дочь я свою защищаю!!. . Вот мое право. . .».

В лейпцигском издании не было ремарки: Муромский «срывает с себя ордена и галстук и бросает ими в Варравина»; палаческой угрозы Варравина: «Ведь я из бренного-то тела таким инструментом душу выну, что и не скрипнет. . . . *(сверкнув глазами)*. Понимаете?. .» и многих других истинно художественных находок Сухово-Кобылина, без которых ныне трудно представить окончательный текст пьесы.

Однако некоторые поправки объясняются, вероятно, и автоцензурой. В 1869 г. невозможно было называть Огарева, и Николай Платонович Гарев переименовывается в Шило. Весьма важное лицо теперь титулуется «Ваше Превосходительство» вместо «Ваше Высокопревосходительство» (с. 167—173). Снято упоминание имени и отчества сенатора Лебедева — прототипа Кандида Касторовича Тарелкина. А сам Тарелкин лишен придворного камер-юнкерского чина.

Вряд ли в России прошло бы столь злое обыгрывание слова «орга̀н»:

«Варравин. . . .полицейский чиновник — ведь это орган правительства.
Муромский. Хорош орган: я на нем за десять целковых что угодно сыграю...
Варравин. Сыграете, так и ответите» (с. 74).

VI

Все эти годы, издавая «Дело» в Лейпциге и сражаясь за него в России с цензурой, Сухово-Кобылин параллельно писал последнюю часть трилогии.

Замысел будущей «Смерти Тарелкина» датируется точно — по дневниковой записи от 17 сентября 1857 г. Написав уже «главные сцены» «Дела», драматург увидел, что его новые персонажи, которых еще не было в «Свадьбе Кречинского», настолько сложны и интересны, что конфликт между ними может стать зародышем третьей пьесы: «Завязалась мысль новой Маленькой пиэски *Хлестаков* или долги» (ед. хр. 222, л. 14 об.). 5 октября драматург уже «написал две сцены *из Хлестакова* . . .» (там же, л. 17).

Но творческая история третьей пьесы начинается фактически в феврале 1861 г., когда была завершена первая редакция «Дела». 23 февраля Сухово-Кобылин «написал две сцены в Смер⟨ть⟩ Тарелкина — Сцену Допроса и свидания с Людмилой» (ед. хр. 224, л. 33 об.). 28 февраля «записал несколько Сцен из Смер⟨ти⟩ Тарелкина (Допрос и проч.) ...» (там же, л. 34).

Водевильное название «Хлестаков или долги» заменяется серьезным, даже трагическим. Пьеса для Сухово-Кобылина начинается с допроса: излюбленной формы беседы в полицейском государстве.

Драматург придумывает новую сценическую механику допроса. 1 апреля «мне пришла мысль Расплюевского допроса дворнику посредством двух солдат — вообще эти дни сделал много прибавок к 3-й пиэссе» (там же, л. 41 об.).

9 марта встречаем в дневнике новое название пьесы, подсказанное, вероятно, шулерскими махинациями Тарелкина и Варравина: «Написал несколько сцен в Превращения. . .» (там же, л.36).

Работа над пьесой то энергично возобновляется, то почти совсем прекращается. На эту творческую аритмию явно влияют перепады цензурной истории «Дела».

1 января 1862 г. Сухово-Кобылин укоряет себя за медлительность: «Вот скоро Год как набросаны Сцены для 3-й пиэссы, и я еще ничего не могу сделать» (ед. хр. 227, л. 42). А в августе он снова верит в удачу: «Думаю, она удастся. Вот что теперь написано: Начало Первой Сцены — Сцена складчины, фрагменты речи Тарелкина, Сцена Тарелкина и Расплюева — явление Расплюева — 2-й Акт, следствие, из Конца несколько Сцен с Охом» (там же, л. 77 об).

Итак, все главные герои пьесы на месте. Разрозненные эпизоды постепенно объединяются в акты, а те — в общую художественную систему.

10 сентября 1862 г. Сухово-Кобылин переписывает второе действие. 31 октября: «. . .пределка Тарелкина — усиление и обделка Сцены Расплюева, Гостя и Тарел-на» (там же, л. 90) — одной из ключевых второго акта.

23 января 1863 г. драматург пишет «последние Сцены к Тарелкину» (там же, л. 102 об.). Но до финала еще далеко. А после вторичного запрещения «Дела» в июне 1863 г. отложена до лучших времен и «Смерть Тарелкина».

Только в конце 1864 г. Сухово-Кобылин возвращается к пьесе. 24 ноября «пришла мысль Гостя заменить переодетым Варравиным» (ед. хр. 228, л. 32 об.). Трансформируется уже не только Тарелкин, но и Варравин; вводится мотив двойной игры.

После февраля 1865 г. ровно два года не находим в дневнике Сухово-Кобылина никаких упоминаний о «Смерти Тарелкина». Только услышав 25 января 1867 г. от М. Н. Каткова добрую весть о возможности напечатать «Дело», драматург снова возвращается к «Смерти Тарелкина».

23 февраля 1867 г. «начал переделывать Третью пиэссу, которая меня очень развеселила» (ед. хр. 231, л. 59 об.). А 27 февраля решает «все три пиэссы напечатать Разом» (там же, л. 60). Так три пьесы объединяются в единое художественное произведение — трилогию, названия у которой пока еще нет.

Через год, 11 февраля 1868 г., Сухово-Кобылин приходит в типографию Московского университета, «чтобы покончить дело о печатании Кречинского и Дела» (ед. хр. 232, л. 70 об.). Вскоре рукописи первых двух пьес сданы в набор, а в марте уже готовы первые корректурные оттиски. 22 марта автор «принялся за Корректуру Кречинского — хорошая, ей ей хорошая пиэсса — я поминаю ее Успех» (там же, л. 76 об.).

«Свадьба Кречинского» и «Дело» набираются, а «Смерть Тарелкина»

все пишется и переделывается. 13 мая 1868 г. «начал переправку и переписку 3-й пиэс⟨сы⟩» (там же, л. 85 об.). Запись 23 мая: «Кончил 3-ю пиэссу — она мне очень нравится» (там же, л. 86 об.).

Но закончена не пьеса, а только ее очередной вариант. 11 июня Сухово-Кобылин придумывает новое название: «*Великий День*» (там же, л. 88 об.).

6 июля драматург отдает переписчику «последнюю часть 3-й пиэссы» (там же, л. 92). Переписанный экземпляр посылает своему двоюродному дяде Николаю Дмитриевичу Шепелеву, художественному вкусу которого всегда верил.

1 августа Сухово-Кобылин получает письмо от Шепелева. Постановщик спектаклей на сцене Выксунского театра нашел пьесу «неестественной, лишенной истинного Комизма ...» (там же, л. 94 об.). Хотя Сухово-Кобылин и не согласился со столь строгим суждением своего друга, однако понял, что какие-то основания для такой оценки у Шепелева были.

В октябре 1868 г. из типографии уже приносят первые корректурные листы «Дела», а третья пьеса все еще далека от завершения. 31 октября написано к ней «введение», т. е. предисловие (ед. хр. 233, л. 12).

6 ноября Сухово-Кобылин опять переименовывает пьесу — на этот раз в «Расплюевскую механику». Продумывает, как будут смотреться все три пьесы вместе.

Во второй половине ноября писатель так захвачен творческим поиском, что иногда забывает ставить даты на полях дневника. Вероятно, 20 ноября он поверяет пьесу управляющему имениями Рудневу. Домашний критик обратил внимание «на невероятность Сюжета. Совет ее не печатать — это меня взволновало. Плохо спал» (там же, л. 15 об.).

Главная забота Сухово-Кобылина в эти дни — второе действие, где разыгрывается решающая схватка двух сановников-лицедеев. 28 ноября: «Сильное занятие пиэссой — переделал 2-й Акт и ввел переодетого Варравина. Лучше ли будет. Но живее ⟨?⟩» (там же, л. 16 об.). На следующий день — опять работа над 2 актом: «Пиэсса склеивается. Это единственный интерес, какой я имею в жизни» (там же, л. 17).

Весь декабрь продолжается доводка пьесы; основное внимание — все тому же трудному для автора второму действию. 17 декабря он читает II акт Рудневу. На этот раз «Средний успех — есть Много лишнего и утомительного. Надо пройти и поправить — сократить, сбить, устранить излишнесловия, дать более ровный и Правильный ход» (там же, л. 22).

Заканчивается 1868 г., уже январь 1869 г., а Сухово-Кобылин все правит и правит. 21 января; «Поправлял 3-ю пиэссу — хорошо — в духе» (там же, л. 30).

26 января 1869 г. драматург записывает в одну из старых дневниковых тетрадей душеспасительную беседу Антиоха с Расплюевым о деятельности и повиновении, палке и голоде (второе явление третьего действия), ставит слева фигурную скобку и отмечает: «Внес в Пиэссу 26-го Генваря 1869 Года. Тут ее окончание» (ед. хр. 224, л. 51).

Но уже 28 января у Сухово-Кобылина новые интересные находки — «некоторые Цветки для Третьей пиэссы...» (ед. хр. 233, л. 30 об.). 4 фев-

раля он опять читает пьесу Рудневу: «Читал худо — но успех большой — все Поправки и интерполляции удались» (там же, л. 31 об.).

И весь февраль драматург занят последней пьесой. «19-е. Утро лежал в постели — вдруг пришла Мысль посвятить Третью пиэссу Николаю Шепелеву — встал и тотчас ⟨?⟩ написал посвящение» (там же, л. 33).

Вероятно, в эти дни часть пьесы была передана в типографию, потому что 24 февраля получена «корректура первого Листа Тарелкина. Поправлял Посвящение Н. Шепелеву» (там же, л. 35).

26 февраля — день рождения названия и необычного титульного листа трилогии. «Я в духе — вышел на улицу, и мне пришло на Мысль такое Заглавие

Картины прошедшего
писал с Натуры
А. С. К.
Wer die Natur из Гегеля,
по-русски
Как аукнется, так и откликнется» (там же, л. 35 об.).

В этот же день получен второй лист корректуры последней пьесы, которая опять называется «Смерть Тарелкина».

В начале марта Сухово-Кобылин дописывает третье действие и чуть ли не ежедневно появляется в типографии, исправляя и дополняя текст. 6 марта вносит поправки во второй акт и пишет «стихи Варравин генерал» (там же, л. 37 об.).

7 марта «задумал переменить вход переодетого Варравина и вывести его вместе со всей Стаей Кредиторов. Хорошо уделал». 8 марта «написал Характеристики Кредиторов в действующие Лица...» (там же, л. 38). В этот же день пишет письмо Николаю Шепелеву, вероятно, извещая его о посвящении ему «Смерти Тарелкина».

9 марта «сел за П⟨е⟩ределку Конца третьего Акта и набрел на мысль последнего монолога Тарелкина-Копылова о управлении имениями» (там же, л. 38 об.).

Наконец торжественная запись 13 марта: «*Четвертого половина. Кончил переделку Финала Смерти Тарелкина и вздохнул.* Эта часть Моей Жизни совершена. Что будет далее» (л. 40 об.). Однако на другой же день стал опять «переписывать конец пиэссы» (там же).

Кто знает, сколько бы еще раз Сухово-Кобылин заканчивал и вновь возвращался к тексту, если бы типография категорически не потребовала прислать конец «Смерти Тарелкина». Наборщики, измученные бесконечными вставками и переделками, объявили драматургу, печатавшему книгу за свой счет, «будто у них труд не вознаграждается. Я доказывал противное...» (там же).

15 марта, получив уже корректуру тридцатого листа (т. е. уже набраны пять явлений третьего акта), Сухово-Кобылин снова (в который раз!) переписывает финальные страницы пьесы и отдает их в типографию.

18 марта приносят последний лист корректуры, а на другой день неудержимый автор «написал несколько прибавок к Тарелкину в 1-ю Сцену и в Предпоследнюю 1-го Акта» (там же, л. 42 об.).

Только на этом заканчиваются поправки. Впрочем, когда «Картины прошедшего» были уже изданы, автор 1 августа 1869 г. переписывает в дневнике монолог Тарелкина, которым открывается пьеса: «Да здравствует Натура!. . Да здравствует Копылов — да здравствуют Победители и — Горе Побежденным! . .» (там же, л. 91).

Теперь слово за цензурой. 26 марта 1869 г. Сухово-Кобылин с облегчением записывает в дневнике: «Из Цензуры Слухов нет. Стало, Моя пиэсса Прошла» (там же, л. 44 об.). Видимо, подразумевается «Смерть Тарелкина», за которую автор боялся пуще всего.

Но так ли легко миновали «Картины прошедшего» эту вечную для русской литературы преграду? 28 августа 1900 г., посылая А. С. Суворину поправку к началу «Смерти Тарелкина», драматург замечает: «Полагаю, что теперь Зачало будет много короче и потому лучше. В самой Комедии мною изменено по требованию Цензуры еще в давно-прошедшее время, т. е. 1869 год».[54]

В архиве писателя среди черновых отрывков к «Смерти Тарелкина» сохранилась часть тетрадной странички, на которой можно прочесть:

«Через Требование Це⟨н⟩зуры пьеса Смерть

Так врешь!! — Я такую Комбинацию сделаю, что я два раза с тебя Шкуру спущу — два раза мои деньги сгреблю. . .» (ед. хр. 192, л. 5). Возможно, эту поправку и послал Сухово-Кобылин Суворину. Но была ли она пропущена новой цензурой? Во всяком случае в тексте «Расплюевских веселых дней» (1903) этого «Зачала» нет.

Конечно, без купюр трилогия не могла быть издана. Хотя в 1869 г. уже нет предварительной цензуры (для оригинальных сочинений объемом не менее 10 печатных листов), то ли Катков, то ли Сухово-Кобылин по его совету показал, вероятно, до печати текст трилогии влиятельным лицам из цензурного ведомства. Только этим можно объяснить, почему в конце марта 1869 г. «Картины прошедшего» прошли без помех.

1 апреля из типографии принесли два экземпляра трилогии — в красной и синей обложках. «Я целый день рассматривал велленевые Экземпляры. — Это истинная роскошь. Это дело хорошо прикончено. Хоть и поздно, да хорошо» (там же, л. 46 об.).

В этот же день «красный экземпляр» автор посылает редактору «Русского вестника» и «Московских ведомостей»: «Михаилу Никифоровичу Каткову в знак особенного уважения. А. Сухово-Кобылин. Москва. 1869. Апреля 1-е».[55] Для сдержанного на признания Сухово-Кобылина это едва ли не сердечная благодарность.

13 апреля драматург покупает на Страстном бульваре № 82 «Московских ведомостей», в котором на первой странице напечатано большое рекламное объявление о «Картинах прошедшего».

Литературная критика, не признавшая художественным произведением и первую комедию Сухово-Кобылина, перечеркнула «Дело» и «Смерть Тарелкина».

---

[54] ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4139, л. 2—2 об.

[55] ЦГАЛИ, ф. 262, оп. 1, ед. хр. 17, л. 1.

Первыми выступили против трилогии «Отечественные записки».[56]

Их фельетонные оценки повторяются на страницах журнала «Дело».[57]

Даже А. С. Суворин, автор самой серьезной и доброжелательной рецензии на «Картины прошедшего», тоже не понял двух последних частей трилогии. В «Деле» «вопрос о неправосудии поставлен ⟨...⟩ так резко, что резче этого поставить его нельзя, но зато постройка драмы чисто внешняя, и вся она держится на таких случайностях, что может ежеминутно распасться. ⟨...⟩ Искусственность постройки драмы видна на каждом шагу даже самому недогадливому читателю. . .».[58]

Спокойно полемизировал с автором трилогии критик «Всемирного труда». Не разделяя симпатии драматурга к положительным героям «Дела», критик готов «отдать справедливость новой драме г. Сухово-Кобылина. В ней есть не мало живых мест, сильных сцен и драматических положений. Мы полагаем, что и эта пиеса может иметь сценический успех, и во всяком случае заслуживает внимания читателей».[59]

Вот и все критические отклики 1869 г. на «Картины прошедшего».

VII

После 1869 г. литературная критика молчит о «Деле» и «Смерти Тарелкина». Но цензура продолжает бдительно перекрывать им путь на сцену.

В 1876 г. в очередной раз запрещено «Дело». Цензор Кайзер фон Нилькгейм нашел, что заключающаяся в пьесе «возмущающая правда» при постановке на сцене непременно произведет «глубокое и потрясающее впечатление», в особенности потому, что в интриге пьесы непосредственное участие принимают «высокопоставленные лица».[60]

Однако через пять лет, когда министром внутренних дел стал граф Н. П. Игнатьев, Сухово-Кобылину удается получить разрешение на постановку «Дела». «Да почему же запрещают вашу пьесу?» — спросил автора граф Игнатьев. «Да потому, вероятно, — отвечал ему Сухово-Кобылин, — что я описываю в ней взятки наших старых судов». Пьеса, после некоторых вымарок, была разрешена под названием «Отжитое время».[61]

Эти воспоминания друга Сухово-Кобылина подтверждаются и первым вариантом автобиографии драматурга (1898): «. . .Постановка пьесы разрешена Министром внутренних Дел Графом Игнатьевым...» (ед. хр. 310, л. 1). Так как П. Н. Игнатьев был назначен министром внутренних дел в мае 1881 г., то цензурное разрешение «Дела» получено после этой даты.

[56] Отеч. зап. 1869. № 6. Отд. 2. С. 218—222.

[57] См.: Дело. 1869. № 8. Новые книги. С. 55—59.

[58] Вестн. Европы. 1869. № 9. С. 427—428. То же: *Суворин А. С.* Театральные очерки (1866—1876 гг.). СПб., 1914. С. 333.

[59] Всемирный труд. 1869. № 6. С. 212.

[60] Цит. по: *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. С. 199.

[61] *Рембелинский А.* Из воспоминаний старого театрала // Театр и искусство. 1917. № 5. С. 93.

В собрании И. С. Зильберштейна хранится экземпляр «Картин прошедшего», подаренный автором 5 декабря 1881 г. своему другу и управляющему имениями — «Николаю Васильевичу Минину в Память первого чтения Смерти Тарелкина в Кобылинке». По этому экземпляру Сухово-Кобылин начал готовить текст «Дела» для Александринского театра. В списке действующих лиц намечены исполнители ролей, почти все страницы испещрены поправками и сокращениями.

Пьеса была допущена на сцену под ретроспективным названием «Отжитое время» и после большой цензурной охоты за крамолой на ее страницах.

Ликвидировано Весьма важное лицо — для ограничения социального диапазона пьесы. В тексте пьесы чиновники, как в старину, переименованы в подьячих. Из письма Кречинского убирается фраза об уголовной взятке: «совершается она под сению и тению дремучего леса законов». Сокращаются обличительные проповеди Ивана Сидорова и Нелькина. Перечеркнуты рассказанная Иваном Сидоровым легенда об Антихристе, его ударная реплика, завершающая первое действие: «В лавках, сударь, не торгуют, а в присутственных местах ничего, торгуют». У Нелькина в первом акте вымарываются сатирические выпады против Тарелкина, а в четвертом — фразы о честных людях («Разве мало их гниет по острогам, изнывает по судам»), об официальном правосудии («. . .этот старый шут Закон, расшитый по швам, разряженный в ленты и повесивший себе на шею Иудин кошель!. .»).

В 3 акте значительно сокращена одна из ключевых в пьесе сцена Муромского с Князем. Князю, страдающему желудком, запрещено тереть желудок и пить содовую — все реплики и ремарки на эту тему перечеркнуты.[62]

В 1895 г. Сухово-Кобылин расскажет Ю. Д. Беляеву о театральной судьбе своей пьесы: «Много пришлось еще изменить по цензурным условиям 〈. . .〉 И я ничего — все стерпел и шел на всякие уступки. Но вот чего никак не измените: это тона пьесы, мстительного, как и прежде. „Дело“ — моя месть. Месть есть такое же священное чувство, как любовь. Я отомстил своим врагам!».[63]

С болью вычеркивая ударные реплики, которыми так гордился, Сухово-Кобылин не добавляет ни единого словечка, хоть как-то обеляющего его врагов.

«Дело», не понятое литературными критиками в 1869 г., теперь, когда драма в цензурном варианте идет в Александринском и Малом театрах, удостаивается щедрых похвал театральной критики. Печать не только хвалит «Дело», но и ясно говорит о художественном и общественном значении второй части трилогии.

Как доказывает критик петербургской газеты «Голос», «в репертуаре Александринского театра, запруженного бездарными произведениями, давно не было пьесы, подобной данной сегодня комедии „Дело“ г. Сухово-

---

[62] *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. С. 199—200.
[63] *Беляев Ю. Д.* Мельпомена. СПб., б. г. С. 110.

Кобылина, автора прославленной „Свадьбы Кречинского". После нелепых пьес, заполнивших русскую сцену, комедия г. Сухово-Кобылина доставляет зрителю истинное наслаждение рядом превосходных картин из жизни наших властительных сфер»; «. . .нельзя не видеть в комедии „Дело" превосходной и вполне современной сатиры на господствующую централизованную бумажную форму управления ⟨. . .⟩ Представляя ряд превосходных картин из деятельности правящих сфер, комедия „Дело" не отвечает рутинным требованиям любовной интриги и т. п., о чем зритель ни на минуту и не сожалеет. ⟨. . .⟩ Пьеса имела несомненный успех, и публика во многих местах разражалась громом рукоплесканий. . .».[64]

Серьезно и сочувственно отозвались о «Деле» и некоторые другие газеты.[65]

В 1887 г. Сухово-Кобылин издает в Москве «в пользу недостаточных студентов Московского университета» в типографии Л. и А. Снегиревых цензурно-театральный вариант второй части трилогии.

Заголовок — Дело, подзаголовок — Отжитое время. На титуле — эпиграф:

«Вот оно — чертово семя!! . .

Акт IV. явл. 3-е».

Если в тексте драмы это реплика Муромского о деньгах («Вот оне! Пропади оне, чертово семя!»), то в эпиграфе проклятие адресуется заклятым врагам Сухово-Кобылина — всему чиновному племени.

Там же, на титульном листе, читаем: «Издание второе, исправленное и сокращенное по указаниям сцены». Понятно, не столько сцены, сколько ревнителей порядка в отечественном искусстве. Весьма важное лицо Сухово-Кобылину удалось оставить только в списке действующих лиц.

Впрочем, не будем все сокращения, исправления и дополнения списывать по цензурному ведомству. Часть поправок, вероятно, была сделана по замечаниям актеров, которым несценичной казалась пьеса без закрученной интриги (традиционный упрек — мало действия!), без любовных эпизодов. Возможно, уступка этим требованиям — завершающая IV акт любовная сцена Лидочки с Нелькиным.

17 января 1898 г. Сухово-Кобылин в Болье подарил издание «Дела» сыну Герцена — Александру Александровичу: «N. В. Автор просит поперву прочесть драмму по этому сокраще⟨нно⟩му *для Сцены* тексту».[66] И еще одна авторская надпись, точно поясняющая значение издания: «По этому тексту Пиэсса „Дело" играется на Сцене русских Театров, т. е. в ее Сокращенном виде. А. С. К.».[67]

---

[64] Внутренние новости. Хроника // Голос. 1882. 1 сент. № 236. С. 2.

[65] См.: *Вл.* [*Вл. И. Немирович-Данченко*]. Малый театр. — «Отжитое время», драма, соч. Сухово-Кобылина // Рус. курьер. 1882. 6 апр. № 92. С. 3—4; *Буренин В.* Александринская сцена. «Дело» («Отжитое время»), драма в 5-ти действиях, соч. А. Сухово-Кобылина // Новое время. 1882. 2 сент. № 2339. С. 2.

[66] ЦГАЛИ, Библиотека.

[67] Отдел книжных фондов Гос. литературного музея (Москва). Впервые опубликовано: *Соколова Т.* «Картины прошедшего» // В мире книг. 1986. № 3. С. 41.

На этом не заканчиваются цензурные злоключения «Дела». В декабре 1903 г., когда после многолетнего перерыва готовилось возобновление спектакля в Александринском театре, цензор драматических сочинений С. А. Верещагин убрал (по изданию 1887 г.) многие фразы, уцелевшие при его предшественнике. Сокращены в числе прочих монолог Ивана Сидорова о трех нашествиях на русскую землю, обличения Муромского в сцене с Важным лицом («Вон у палача в руках закон-то кнут!. .»; «Пусть слышит меня курьер: пусть хоть он пойдет в трактир, — ну, в непотребный дом, и пусть там расскажет, как судейцы меня мучили до тех пор, пока не хлынула из рта правда вместе с кровью и дыхан. . . (*ему становится дурно, он качается*) дыханием»); урезаны инвективы Нелькина, финальный монолог Тарелкина. Важное лицо велено именовать только князем.[68]

А в декабре 1905 г. тот же С. А. Верещагин полагает невозможным разрешить пьесу для народных театров, так как «она заключает в себе много возмущающей правды. . .».[69]

22 мая 1907 г. цензура дозволяет ставить «Дело», но опять-таки с купюрами: без Весьма важного лица, без рассказов Ивана Сидорова об Антихристе и трех нашествиях.[70]

И в канун первой мировой войны, когда уже были позабыты многие цензурные запреты, «Дело» продолжало пугать российских властителей. На обложке одного из экземпляров издания 1887 г. читаем: «К представлению дозволено. С.-Петербург. 8 янв. 1913 г. Цензор драматических сочинений ⟨фамилия неразборчива⟩».[71] Но красный карандаш вновь прошелся по тексту пьесы. Перечеркнуто Весьма важное лицо. Важное лицо осталось, но как «Кн⟨язь⟩ Х.». Смягчена реплика Ивана Сидорова, завершающая первый акт: «В лавках не торгуют; а в судах — ничего — сударь — торгуют». Вместо точного «в судах» вставлено неопределенное «там». Под сокращение попала рассказанная Сидоровым легенда об антихристе. А в его монологе «чиновники» заменены «подьячими» и выброшена печальная сентенция: «А земля наша что? и смотреть болезно» и т. д. На две трети урезаны воспоминания Варравина о своем тиране-учителе Креке; наполовину — финальный монолог Тарелкина. Среди прочих многочисленных купюр: намек князя на возможную революцию («Его Высокопревосходительство справедливо говорят; будет драк. . .»); часть фразы Нелькина о честных людях («. . .гниет по острогам, изнывает по судам!»); опасная ремарка о Муромском («. . .*срывает с себя ордена и бросает их в Варравина*») и др.

---

[68] *Кононов Н. Н.* Сухово-Кобылин и царская цензура. С. 30.

[69] Там же. С. 31.

[70] Цензурные исправления на экземпляре «Дела» (1887). — Гос. театральная библиотека имени А. В. Луначарского (Ленинград).

[71] Библиотека гос. Центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, № 8159.

VIII

Еще горше цензурная история «Смерти Тарелкина». Свыше 30 лет шла от автора к зрителю последняя часть «Картин прошедшего».

16 марта 1883 г. «Смерть Тарелкина» была единогласно отвергнута членами Театрально-литературного комитета при дирекции императорских театров. Этот бесславный эпизод из биографии известных актеров и писателей (среди них — Д. В. Григорович и А. А. Потехин) описан в воспоминаниях П. П. Гнедича.[72]

Но главный враг Тарелкина — начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов; да, тот самый, помогавший Сухово-Кобылину в пору «Свадьбы Кречинского». «Моя третья пиэсса — исправленная и сокращенная — не удостоилась милости г. Феоктистова. Он утверждает, что это несправедливая и жестокая сатира»,[73] — 9 апреля 1888 г. извещает драматург сестру Е. В. Петрово-Соловово.

В конце 1891 г. Сухово-Кобылин приезжает в Петербург для участия в возобновлении «Дела» на сцене Александринского театра и хлопот о «Смерти Тарелкина». Добивается аудиенции у высоких особ. Трудится над запиской в Главное управление по делам печати, доказывая недоказуемое — политическую безобидность «Смерти Тарелкина», переименованной по сему случаю в «Невероятное событие!»: «. . .управление ошибается, рассматривая это сочинение как картину современного общества; напротив, она есть картины того суда и того судебного строя, которые реформою Александра II уже тридцать лет устранены и из жизни государства исчезли».[74]

23 марта 1892 г. писатель умоляет актера Александринского театра В. Н. Давыдова прочесть «Смерть Тарелкина» в редакции газеты «Гражданин», куда приглашены влиятельные лица: «Озлобление Цензуры на нее большое — она обречена на вечный запрет, т. е. для меня в е ч н ы й, ибо мне 74 года — скоро умирать. 〈. . .〉 Весь цензурный Совет против — обращение к Министру — единственный исход; — и мне надо — надо — надо успех».[75]

Не об этом ли чтении «Смерти Тарелкина» вспоминал В. Н. Рембелинский — племянник А. М. Рембелинского, друга писателя: «Слушатели высказались против возможности пропустить ее в прочитанном виде на сцену. Сухово-Кобылин волновался, говорил, что больше сокращать и изменять он отказывается».[76]

Нет, не помогли важные лица. «Смерть Тарелкина» опять не прошла.

По мнению Е. М. Феоктистова, «пиэсса не возбудит Смеха, а произведет Содрогание»[77] (Из письма драматурга Н. В. Минину 2 мая 1892 г.).

---

[72] *Гнедич П. П.* Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918. Л., 1929. С. 128—129.
[73] Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным. С. 258.
[74] Цит. по: *Клейнер И. М.* Драматургия Сухово-Кобылина. С. 261.
[75] *Никитин Н.* Два письма Сухово-Кобылина // Театр. 1938. № 5. С. 122.
[76] *Гроссман Л. П.* Рассказы современников. — ЦГАЛИ, ф. 1386, оп. 2, ед. хр. 21, л. 193.
[77] Цит. по: *Клейнер И. М.* Драматургия Сухово-Кобылина. С. 260.

Верховный цензор официально мотивировал запрещение последней части трилогии политическими соображениями. А в мемуарах, написанных в 1887 г. и опубликованных сорок лет спустя, он выносит и художественный приговор «Смерти Тарелкина» (а заодно и «Делу»): «. . .две пьесы, не обнаруживавшие ни малейшего таланта; вместо сколько-нибудь живых лиц являются в них грубо намалеванные карикатуры. . .».[78]

Спас «Смерть Тарелкина» от цензурного погребения А. С. Суворин. Журналист, писатель, издатель, начинал в 60-х годах как сторонник Чернышевского, а затем перешел в стан консерваторов, но навсегда затаил ненависть к правителям мира сего, которую он выплескивал на страницы своего дневника.

Сотрудник «Нового времени» В. С. Кривенко, один из немногих, кто был близок к Сухово-Кобылину в последние годы его жизни, 5 января 1895 г. просит А. С. Суворина: «. . .не посмейтесь над прилагаемым письмом старика Сухово-Кобылина — убежденного гегелианца».[79] Прилагаемое письмо — возможно, письмо драматурга к Кривенко (см. «Дополнения» в наст. изд.), письмо — проклятие, письмо — завещание, словно адресованное не частному лицу, а грядущим поколениям, апелляция к суду Истории.

Кривенко, видимо, и уговорил Суворина помочь драматургу в его нескончаемой битве за «Смерть Тарелкина». Суворин в это время создавал свой театр (открылся 17 сентября 1895 г.), и ему могла понравиться идея воскресить удушенную цензурой пьесу.

«Новое время» напоминает публике о печальной судьбе «Смерти Тарелкина»: «. . .гр. Салиас сообщил нам о задушевном желании престарелого дяди своего увидеть, наконец, на сцене свою „Смерть Тарелкина“, скрытую в театральных архивах с 1869 года. Пора бы исполнить это законное желание и маститого драматурга, и публики».[80]

Но и Суворину нелегко победить цензуру. Только 24 марта 1900 г. получено разрешение: «К представлению дозволено, но с тем, чтобы „кукла“ с тухлой рыбой не находилась на сцене, на глазах у зрителей и чтобы, соответственно сему, и разговор о ней слышен был за сценой».[81]

Пьесу наконец-то дозволено играть, но только в театре Литературно-художественного общества, или, как его чаще именовали, в Петербургском Малом театре, или Суворинском. 15 сентября 1900 г. зрители впервые увидели на сцене третью пьесу Сухово-Кобылина.

Название пришлось изменить — «Расплюевские веселые дни». Начальство всегда за оптимизм, даже в названиях. Поправляли, урезали, дописать заставили: мол, и полиция иногда ответствует («В ответе будешь, дурашка!» — наставляет Ох Расплюева).

---

[78] Глава из воспоминаний Е. М. Феоктистова // Атеней. Л., 1926. Кн. 3. С. 113—114.

[79] ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2096, л. 94.

[80] *Old Gentleman* [*А. В. Амфитеатров*]. Сорок лет. Москва // Новое время. 1895. 30 ноября. № 7097. С. 3. См. еще: *Беляев Юр*. У А. В. Сухово-Кобылина // Там же. 1899. 2 июня. № 8355. С. 2.

[81] Резолюция цензора на книге «Картины прошедшего» — Гос. театральная библиотека имени А. В. Луначарского (Ленинград).

Театральная критика ныне — за Сухово-Кобылина, за его спасенную пьесу. Прямо говорит о смысле и значении «Смерти Тарелкина» в русской литературе, для русской общественной жизни.

По убеждению Ю. Д. Беляева, «обличительный кнут Капниста в сравнении с бичом автора „Дела" жалкий дамский кнутик. 〈...〉 В „Смерти Тарелкина" он заглянул дальше, как бы предвидя дальнейшие ходы этой истории и боясь, чтобы из его рук не ускользнуло не наказанным хотя бы одно лицо». Беляев предрекает, что расплюевское «самодовольное „все наше" останется в памяти каждого зрителя, сделается нарицательным выражением и навек останется в летописях обличительной литературы».[82]

Первым заговорил о художественной сути «Смерти Тарелкина» критик Д. П. Голицын: «Он написал фарс, невероятный, сбивающий с толка, как самые крайние измышления Козьмы Пруткова. Здесь не рисунок, а карикатура, набросанная рукою художника. Как ни нарядил он своих действующих лиц, как ни заставляет их ломаться, а все-таки из-под их шутовских нарядов проглядывает жизнь. В этой карикатуре больше правды, чем в тщательно выполненной фотографии».[83]

Критики писали не столько о спектакле, сколько о самой пьесе. Спектакль прошел без большого успеха. Не был еще найден сценический ключ к гениальной сатире; трагический фарс играли как бытовую комедию. Но сама постановка «Смерти Тарелкина» 15 сентября 1900 г., в канун нового века, знаменательна. Близилось время трилогии Сухово-Кобылина: ее новых открытий, новых триумфов.

...Живы Сухово-Кобылины —
Их почтить давно пора!..

— воскликнул 9 мая 1900 г. на Волковских торжествах поэт Л. Н. Трефолев, приветствуя приехавшего в Ярославль на праздник почетного гостя — автора трилогии.[84]

IX

До конца жизни Сухово-Кобылин надеялся еще раз увидеть в печати всю трилогию, хотел снова обратиться к публике с рассказом о трагической судьбе своих пьес, о почти полувековой борьбе с цензурой и прессой. Короче — хотел подвести итоги.

В 1895—1900 гг. драматург многократно возвращается к своему письму, адресованному Ю. Д. Беляеву. От варианта к варианту личное (поначалу) письмо все яснее и громче читается как литературный манифест автора «Картин прошедшего». Сухово-Кобылин собирается включить

---

[82] *Беляев Юр.* Расплюевские веселые дни // Новое время. 1900. 16 сент. № 8820. С. 4.

[83] *Прозаик* [*Д. П. Голицын*]. Расплюевские веселые дни // Театр и искусство. 1900. № 39. С. 683.

[84] *Беляев Юр.* С родины русского театра. II. Ярославль, 9 мая // Новое время. 1900. 13 мая. № 8695. С. 3.

в трилогию сатиру «Квартет»; только колеблется, публиковать ли ее перед «Делом» или после пьесы.

Окрыленный долгожданным и уже нежданным воскресением «Смерти Тарелкина», Сухово-Кобылин верит, надеясь на поддержку влиятельного и доброжелательного к нему А. С. Суворина, что пробил час второго издания трилогии.

18 сентября 1900 г. — в день второго спектакля «Расплюевских веселых дней» в Суворинском театре — драматург набрасывает варианты предисловия к трилогии. Утверждает, что в пьесах отражена «прошедшая Эпоха в Жизни Российского Государства», проводит четкую грань между своим заглавием трилогии — «Картины прошедшего» и «уже по требованию Цензуры» вынужденным заглавием «Отжитое время» (вторая пьеса). Особенно опасаясь (и не зря!) за «Смерть Тарелкина», лукаво внушает, «что Цензура, а равно и мыслящая публика могут судить эту мою Картину, как Картину Прошедшего и никогда, как Картину настоящего или Будущего» (ед. хр. 196, л. 1—2).

В это же время Сухово-Кобылин посылает Н. В. Минину текст трилогии для переписки. 1 ноября (20 октября старого стиля) 1900 г. драматург пишет своему другу и управляющему из Болье: «Копию с текста получил и благодарю вас. Переписано прекрасно, так что и марать жалко — я думаю не делать перемен в Конце и оставить по печатному, т. е. по первой Редакции. Мне нравится в этом Тексте Изданий Моих Драматических Сочинений то, что это скромный, ненатянутый *Конец*» (ед. хр. 268, л. 26 об.—27). Скорее всего в этом письме говорится о подготовке к печати не только «Смерти Тарелкина», а всей трилогии.

Но издать трилогию еще раз Сухово-Кобылину не пришлось. И под занавес XIX века его сатира казалась властителям чересчур крамольной, чересчур взрывоопасной.

Тогда драматург решает напечатать отдельным изданием «Расплюевские веселые дни». В его архиве сохранились черновые наброски некоторых сцен пьесы, датированные 1901 г.

Среди этих набросков особенно примечательны 16 (!) вариантов финального победного монолога побежденного Тарелкина. На сей раз бессмертный Кандид рвется не в управляющие имением, а в Трансвааль, где русские волонтеры сражаются против английских войск: «Комиссар бурской Республики и Мыса „Доброй Надежды“ предложил мне неожиданную Услугу доставить меня [в столицу] Бурам бесплатно на их собственном корабле. ⟨...⟩ Эта бурская Барыня „Добрая Надежда“ [за] к окончани [ем]ю Войны будет одарять всех [нас] Деньгами, [золотыми] Паями и Чинами. Одним словом [сказать] Благополучие совершенно неожиданное и несказанное. ⟨...⟩ И Я *еду* в восхищении, *бегу, лечу* в это новое надеждино Царство...» (ед. хр. 195, л. 27).

Престарелый писатель зорко следит за мировыми событиями и догадывается, что могут завершиться самые искренние порывы и надежды.

В апреле 1901 г., судя по письму Сухово-Кобылина к Н. В. Минину (1 мая), закончена «Переписка набело Расплюевских веселых дней» (ед. хр. 268, л. 28 об.).

Вероятно, в это же время Сухово-Кобылин в письме к А. С. Суворину рассказывает о своих планах популяризации «Расплюевских веселых дней» «в Сфере непосредственного российского люда». «Очевидно, первый шаг в этой популяризации есть явление этой Пьесы в Печати в Самой Простой и дешевой Форме».[85] Драматург выдал своему племяннику Николаю Михайловичу Петрово-Соловово «полную доверенность относительно Моих драматических Сочинений».[86]

Но и «Расплюевские веселые дни» Сухово-Кобылин не успел издать. Пьеса была напечатана только после его смерти — в июне 1903 г. в литографии московской Театральной библиотеки С. Ф. Рассохина, вероятно, в варианте, разрешенном цензурой для театра А. С. Суворина (неизвестен точный текст, по которому ставилась пьеса).

А еще через два года — 20 сентября 1905 г. — знакомый нам цензор С. А. Верещагин запрещает «Расплюевские веселые дни» (как и «Дело») для народных театров: «Подобные пьесы, дискредитирующие власть, нельзя не признать для простолюдина безусловно вредными, и я полагал бы поэтому комедию „Расплюевские веселые дни“, разрешавшуюся до последнего времени даже для общей сцены только условно, на народных театрах вовсе не допускать». Однословная резолюция на цензорском рапорте начальника Главного управления по делам печати А. В. Бельгарда: «Согласен».[87]

В 1906 г. цензура опять запрещает «Расплюевские веселые дни»: «Фраза в этой пьесе — „Всю Россию под арест!“ — слишком современна. . .».[88]

X

Для литературной критики и академического литературоведения начала XX в. Сухово-Кобылин по-старому остается лишь автором «Свадьбы Кречинского», незаконным пришельцем в литературный Храм.

В многотомной «Истории русской литературы XIX в.», выходившей под редакцией профессора и почетного академика Д. Н. Овсянико-Куликовского, в фундаментальном томе, где видим отдельные главы о Помяловском, Решетникове, Слепцове, автор трилогии помянут одним абзацем. Принимается — как легкая и занимательная — «Свадьба Кречинского», полуосуждается «Дело» и вовсе забывается «Смерть Тарелкина».[89]

А строгий народнический критик и теоретик А. М. Скабичевский даже в седьмом (последнем) издании своей истории русской литературы второй

[85] Черновой автограф письма без даты. (РО Гос. Литературного музея (Москва), ф. 181. оф. 3665, л. 40).

[86] Там же.

[87] Народный театр и драматическая цензура. Публикация В. А. Цинкович // Театральное наследство. Сообщения. Публикации. М., 1956. С. 388.

[88] Слухи и вести // Театр и искусство. 1906. № 31. С. 369.

[89] *Ветринский Ч.* [*Вас. Е. Чешихин*]. Литературное и критическое движение шестидесятых годов // История русской литературы XIX в. М., 1909. Т. 3, ч. 3. 1855—1868 г. С. 101.

половины XIX в. не признал литературных достоинств и за «Свадьбой Кречинского».[90]

Первая брошюра о драматурге «Александр Васильевич Сухово-Кобылин (Его жизнь и литературная деятельность)» вышла в Москве уже после его смерти, в 1904 г. Студент Московского университета Дмитрий Языков собрал некоторые биографические сведения (о писателе столь мало известном, что даже дата его рождения сдвинута на год вперед), дал первую библиографию рецензий и заметок о Сухово-Кобылине. При всем почтительном отношении автора брошюры к драматургу признается опять же только «Свадьба Кречинского».

Но уже отсчитываются первые годы нового столетия. Самые проницательные современники находят в отлученных от высокой литературы сатирах Сухово-Кобылина живое и сокровенное, злободневное и вечное. Трагические предугадывания драматурга открываются новому поколению как предчувствие его судьбы.

В «Деле» новое время уловило созвучие пьесам настроения, популярным в начале века. Об этом превосходно сказал театральный критик Петр Ярцев: «Драма „Дело“ написана в необычайно мягких и тонких тонах, рядом с сочностью и выпуклостью всех фигур и напряженным действием. Эта драма во многом выше популярной (и театральной) „Свадьбы Кречинского“, и прежде всего — в поразительном соединении широких и смелых, истинно драматических штрихов с нежными деталями. Все лица зарисованы „мазками“, а в целом рисунок выходит тонким и полным подробностей. ⟨...⟩ Драма полна непрерывного движения, но внезапная пауза застает цельную картину и создается то, что теперь зовется „настроением“. ⟨...⟩ И получается „настроение“ как выражение идеи в новой драме. Необыкновенно свежими, неблекнущими красками написано „Дело“!».[91]

Пытливо разгадывает тайну сопричастности трилогии Сухово-Кобылина своим дням, своим исканиям и терзаниям великий поэт XX в. Александр Блок. В статье «О драме» (1907) поэт-филолог сопоставляет и противопоставляет Островского и Сухово-Кобылина: «Только в России могли иметь место странные случайности, вроде того, например, что огромный талант Островского, всецело сосредоточенного на драме, породил произведения менее поразительные, чем драмы Сухово-Кобылина, писателя заведомо меньше, нежели Островский. В то время как Островский часто страницами растягивает передвижнические полотна, Сухово-Кобылин приковывает внимание внезапно, одной негаданной чертой, и в сатирическом фарсе „Смерть Тарелкина“ проглядывают древние черты символической драмы».[92]

В этом сопоставлении не все, разумеется, бесспорно с историко-литературной точки зрения, но справедливо для очевидца социально-политиче-

---

[90] *Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы (1848—1908 гг.). 7-е изд., испр. и доп. 1909. С. 416.

[91] *Ярцев П.* Театральные заметки // Театр и искусство. 1903. № 39. С. 714—715.

[92] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 169.

ских смерчей: символика ближе и понятнее быта. Драматургия Сухово-Кобылина рождена для эпох крушений и возрождений: мертвые сезоны истории ей заказаны.

Глашатаями Сухово-Кобылина в новом веке стали замечательные сатирики-фельетонисты В. М. Дорошевич и А. В. Амфитеатров. Они лучше академических ученых поняли сатирика-драматурга.

В день премьеры последней части трилогии в театре А. С. Суворина Влас Дорошевич первым написал о деле Сухово-Кобылина — извлек «на свет божий эту историю, дремавшую в архивах старого сената. . .», призывая русское общество выразить свои симпатии не только к автору знаменитой трилогии, но и «к невинно страдавшему человеку».[93] А 17 сентября 1900 г. была опубликована его обстоятельная рецензия на спектакль «Расплюевские веселые дни».[94]

Герои трилогии в фельетонах Дорошевича, которыми зачитывалась вся демократическая Россия, продолжают и ныне борьбу с самодержавием полиции и с полицейским самодержавием. С Дорошевича начинается жизнь в цитатах, реминисценциях и вариациях «Смерти Тарелкина».

Его фельетон «Расплюевские веселые дни» построен на цитатах и реминисценциях из последней части трилогии. Новому Расплюеву — на сей раз он воскрес под именем Алексея Михайловича Крюковского, станового из Тамбовской губернии, — втемяшилось, что учительница М. Г. Лавровская ни больше ни меньше, как хитро замаскированный мужчина. И полицейские под водительством ошалелого Крюковского-Расплюева «освидетельствовали» свою жертву. Чудный приговор суда за полицейское безумие: «Вычесть шесть месяцев из времени его службы. . .».

«Когда Расплюев выходил из зала суда, он встретил Оха.

— Что, брат, прошло наше время? — спросил Ох.

— Нет, брат! Врешь! Не прошло еще наше время! — радостно ответил Расплюев. — Не кончились наши „веселые дни“!».

Расплюев, доказывает журналист, — «оборотень не умирающий, вечно живущий».[95]

А в фельетоне «И. Н. Дурново (Этюд)» (1906) Дорошевич демонстрирует — по «Свадьбе Кречинского» и «Смерти Тарелкина» — «таинственное превращение человека в плоть и кровь полицейского».[96]

Расплюев и Кречинский пришли и в фельетоны вечного оппозиционера А. В. Амфитеатрова, помогая ему бить по русскому абсолютизму. В фельетоне «Мистер Стыд» Расплюев «занимает в России ответственный пост сдельного сыщика по политической части, с сверхштатною должностью мобилизатора черной сотни по требующим таковой городам империи».[97] А в фельетоне «Из Курдюковки — за границу» Иван Антоныч — правитель канцелярии генерал-губернатора — «oncle Basile'я и правая рука его».[98]

---

[93] *Дорошевич В.* Дело об убийстве Симон Деманш // Россия. 1900. 15 сент. № 500. С. 3.
[94] *В. Д[орошевич].* Расплюевские веселые дни // Там. же. 17 сент. № 502. С. 3.
[95] *Дорошевич В. М.* Собр. соч. М., 1905. Т. 2. С. 98, 99.
[96] *Дорошевич В. М.* Избр. рассказы и очерки. М., 1962. С. 261.
[97] *Амфитеатров А. В.* Сказания времени. СПб., 1907. С. 10.
[98] *Амфитеатров А. В.* Издали.: Наброски эмигранта. М., б. г. С. 165.

В статье, впервые признавшей всю трилогию Сухово-Кобылина русской классикой, А. В. Амфитеатров отвергает хоровое мнение, которое прославляет «только автора ,,Свадьбы Кречинского", отказывая в крупном литературном значении остальным двум частям трилогии — ,,Делу" и ,,Смерти Тарелкина" («Веселые Расплюевские дни»)».[99]

Вся статья — разбор и апология «Смерти Тарелкина»: «Сухово-Кобылин имел смелость вывести на сцену весь следственный арсенал дореформенного застенка-квартала: пытка полотенцем, пытка бойлом городовых, пытка темною, пытка жаждою — проходят пред возмущенным зрителем в ряде быстрых, грубых картин. Гениальна уже самая основная мысль автора — сделать центром комедии, в роли судебного следователя, незабвенного Ивана Антоновича Расплюева. 〈. . .〉 Расплюев, который, при полицейском опросе, оказывался ,,без фамилии", — сам полицейский! Шулер, с тремя трепками на день, в охранителях закона у общества! И — в каких охранителях!».[100]

А. В. Амфитеатров первым сопоставил творчество Сухово-Кобылина и великих сатириков XIX в.: «Близкий к Гоголю свойствами таланта, в задачах творчества Сухово-Кобылин теснее примыкает к Салтыкову-Щедрину».[101]

Но даже А. В. Амфитеатров, так славивший «Дело» и «Смерть Тарелкина», был уверен, что их время прошло: пьесы займут почетное место в литературных летописях, но не в читательских сердцах.

И только один человек без устали пророчествовал: «. . .сатиры Сухово-Кобылина еще не поставлены на свое место: это пьесы будущего»; [102] «Что касается третьей пьесы — ,,Смерти Тарелкина", то я с полным убеждением говорю, что это пьеса будущего. Это гротеск, и его надо играть гротеском. 〈. . .〉 Ошибка постановки (1900 г. в театре А. С. Суворина. — *В. С.*) была в том, что ее играли комедией; отсюда тяжесть, неуклюжесть исполнения. Но наступит время, когда публика с таким же восторгом будет принимать ,,Смерть Тарелкина", как теперь принимает гоголевскую ,,Женитьбу". 〈. . .〉 Со временем, быть может, и энциклопедические словари изменят свой узкий взгляд на творчество одного из самых талантливых русских драматургов».[103]

Это был П. П. Гнедич — критик, драматург, прозаик, автор трехтомной «Истории искусств с древнейших времен». Он заведовал репертуарной частью в театре А. С. Суворина, когда там ставили «Расплюевские веселые дни». В то время, очевидно, и познакомился с Сухово-Кобылиным и уверовал в будущее его пьес.

Позднее в мемуарах он смог с гордостью написать: «Мое пророчество оправдалось: ,,Смерть Тарелкина", поставленная гротеском, имела большой успех в Петербурге и в Москве в XX веке».[104]

---

[99] *Амфитеатров А. В.* Литературный альбом. 2-е изд., доп. СПб., 1907. С. 80

[100] Там же. С. 83.

[101] Там же. С. 91.

[102] *Гнедич П.* Пьеса-сатира // Театр и искусство. 1914. № 5. С. 113.

[103] *Гнедич П.* Последние орлы (Силуэты конца XIX века) // Ист. вестн. 1911. № 1. С. 62—63.

[104] *Гнедич П.П.* Книга жизни. Воспоминания. С. 178.

П. П. Гнедич говорит, конечно, о спектаклях великого революционера театра Всеволода Мейерхольда.

Мейерхольд дважды ставил каждую пьесу Сухово-Кобылина. Он первым понял трагикомический стиль трилогии, искал и нашел к ней сценический ключ.[105]

Режиссер яростно отбивался от радетелей так называемого пролетарского искусства, обвинял их в том, что «они самые великие ценности нашей культуры — Пушкина, Гоголя, Островского, Сухово-Кобылина — считают вчерашним днем, от которого нужно просто рукой отмахнуться. . .».[106]

Спектакли Мейерхольда заново открыли зрителям, да и читателям современного и вечного Сухово-Кобылина.

Новое время — новые оценки, новые эпитеты: «гениальные пьесы Сухово-Кобылина»,[107] «гениальный драматург».[108] А. В. Луначарский писал в 1924 г., что только в последнее время находит «себе настоящую оценку острый и ядовитый театр Сухово-Кобылина. . .».[109] По мнению видного деятеля советской культуры, высказанному в 1926 г., поиск современной драматургии идет по путям, «параллельным не только Островскому, но и другим великим драматургам-бытописателям и реалистам, то есть Гоголю и Сухово-Кобылину, влияние которых в современной драматургии можно видеть довольно отчетливо».[110]

Продолжает свой славный сценический путь «Свадьба Кречинского», но в фокусе общественного внимания уже «Дело» и «Смерть Тарелкина».

Режиссер Н. О. Волконский, объединивший в 1924 г. в одном спектакле «Отжитое время» (театр им. В. Ф. Комиссаржевской, Москва) «Свадьбу Кречинского» и «Дело», задумал открыть в Москве постоянный театр имени А. В. Сухово-Кобылина. «Откроется театр трилогией Сухово-Кобылина, затем намечена постановка „Ябеды“ Капниста, „Банкрота“ Островского и одной современной пьесы, близкой к творчеству Сухово-Кобылина. Постановка трилогии впервые на русском театре будет осуществлена в едином, цельном художественном плане».[111]

В 1927 г. выходят первая книга о Сухово-Кобылине и первое посмертное издание «Картин прошедшего». Автором книги и редактором издания был Л. П. Гроссман, начавший научное изучение Сухово-Кобылина. Многие его наблюдения были учтены (иногда, увы, без ссылок) литературоведами позднейших десятилетий.

М. Горький в письме к Л. П. Гроссману с похвалой отозвался о его книге «Преступление Сухово-Кобылина»,[112] с карандашом в руке прочел издание трилогии 1927 г. Если в «Истории русской литературы», написан-

---

[105] См.: *Рудницкий К. Л.* Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 214—217, 273—277, 450—457.

[106] Заветы Вахтангова: Выступление В. Э. Мейерхольда // Театр. 1957. № 3. С. 114.

[107] *Марков П.* «Отжитое время» (Театр имени Комиссаржевской) // Правда. 1924. 30 дек. № 296. С. 8.

[108] *Марков П.* «Дело» // Правда. 1927. 12 февр. № 35. С. 6.

[109] *Луначарский А. В.* О театре и драматургии. М., 1958. Т. 1. С. 321.

[110] Там же. С. 389.

[111] ЦГАЛИ, ф. 1386, оп. 2, ед. хр. 21, л. 177.

[112] Литературное наследство. М., 1963. Т. 70. С. 146.

ной Горьким в 1910 г., автор трилогии не упоминался, то теперь он причислен к лучшим отечественным драматургам. Горький в широко известной статье «О пьесах» (1933), напоминая об уроках русской драматургии, называет Расплюева среди «героев наших прекрасных комедий».[113]

В середине 1950-х годов, когда пересматривались исторические и эстетические догмы, снова ясно слышно имя Сухово-Кобылина.

1954 год. Н. П. Акимов в Ленинградском театре им. Ленсовета ставит вторую часть «Картин прошедшего». Впервые на сценическую площадку выходит Автор как один из персонажей пьесы — предвестницы драматургии XX в. — и читает антибюрократический манифест «К публике», предисловие к «Делу».

После «Свадьбы Кречинского» (режиссер поставил пьесу в 1966 г. в Ленинградском театре комедии и тогда же в Париже — на сцене «Комеди Франсез») Н. П. Акимов думал обратиться к наиболее острому и сложному произведению — последней части трилогии — «Смерть Тарелкина»,[114] хотел исполнить свою «давнюю мечту — иметь в действующем репертуаре театра целиком всю трилогию».[115]

Н. П. Акимов оставил нам не только свои замечательные спектакли, но и высказывания о самой сути драматургии Сухово-Кобылина. «Пожалуй, один только Сухово-Кобылин во всей истории драматургии в ,,Деле" и ,,Смерти Тарелкина" так расширил границы сатиры, что получил никому не удававшийся сплав сатиры с трагедией и сумел остановиться на той грани, за которой смех звучал бы оскорбительно».[116]

Смерть прервала работу Н. П. Акимова над последней частью трилогии Сухово-Кобылина. Трагический фарс «Смерть Тарелкина» зрители увидели в том же 1966 г. — в Московском театре им. В. В. Маяковского (режиссер — П. Н. Фоменко). И снова успех у публики и яростные споры новаторов и догматиков, завершившиеся запрещением спектакля.

В 1971 г. режиссер Л. Е. Хейфец ставит в Малом театре «Свадьбу Кречинского». Это была серьезная попытка современного прочтения классической комедии, попытка понять истинно человеческую суть ее персонажей. Расплюева, как и в знаменитом спектакле В. Э. Мейерхольда 1933 г., играл Игорь Ильинский. В 1975 г. Центральное телевидение сняло цветной фильм-спектакль по постановке Л. Е. Хейфеца.[117]

В 50—60-х годах начинается и экранная жизнь героев Сухово-Кобылина. Двухсерийный фильм-спектакль «Свадьба Кречинского» (по спектаклю Московского драматического театра им. А. С. Пушкина; режиссер

---

[113] *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 26. С. 411. — Об этом же говорил писатель в беседе с группой советских драматургов 4 апреля 1935 г. (*Горький М.* Беседа с драматургами // Литературная газета. 1963. 24 авг. № 102. С. 2).

[114] Ленинградцы в Москве: Беседа с главным режиссером Театра им. Ленсовета Н. П. Акимовым // Сов. культура. 1955. 28 июля. № 93. С. 3.

[115] *Акимов Н.* Театры к Октябрю // Литературная газета. 1957. 7 сент. № 108. С. 3.

[116] *Акимов Н. П.* Не только о театре. Л.; М., 1966. С. 216.

[117] Эта статья, разумеется, не претендует на обзор всех спектаклей по пьесам Сухово-Кобылина: их часто играют не только в Москве и Ленинграде, но и на сценах столиц союзных республик, в периферийных театрах. Названы только некоторые из спектаклей, которые помогли по-новому понять и оценить творчество драматурга.

спектакля — В. Ванин, режиссер-постановщик фильма — А. Золотницкий, студия им. М. Горького) был снят в 1953 г. Запомнился истинный аристократ Кречинский в исполнении М. М. Названова.

«Свадьба Кречинского», впрочем, впервые была экранизирована еще в эпоху немого кино — в 1908 г. Это был второй отечественный игровой фильм и первая в России попытка «съемки на пленку театрального спектакля».[118] Расплюева играл В. Давыдов, Кречинского — А. Новинский, Федора — В. Гардин. А в 1927 г. режиссер А. В. Ивановский и драматург В. А. Трахтенберг работали над сценарием фильма «Преступление Сухово-Кобылина» (вероятно, по одноименной книге Л. П. Гроссмана). Либретто сценария было представлено на рассмотрение художественного бюро Ленинградской кинофабрики.[119]

В 1955 г. зрители увидели фильм-спектакль «Дело» (по акимовскому спектаклю, режиссер фильма Г. Казанский, Ленфильм), а в 1968 г. — широкоэкранный фильм «Веселые расплюевские дни» (авторы сценария и режиссеры-постановщики Э. Гарин, Х. Локшина, Центральная студия детских и юношеских фильмов им. М. Горького, 1966).

* * *

Выходят новые книги о жизни и творчестве Сухово-Кобылина, начинают свою сценическую жизнь новые постановки его пьес.

Кто знает, как завтра отзовется сатирическое и трагическое слово Сухово-Кобылина, как новое поколение поймет великую трилогию «Картины прошедшего».

Пока перечитаем вольный перевод гегелевского эпиграфа на титуле издания 1869 г.: «Как аукнется, так и откликнется».

---

[118] *Якубович О. В.* В. Н. Давыдов в роли Расплюева // Из истории кино: Материалы и документы. М., 1960. Вып. 3. С. 162.

[119] ЦГАЛИ, ф. 1386, оп. 2, ед. хр. 21, л. 110.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

Драматургическая трилогия «Картины прошедшего» печатается нами по изданию 1869 г. с учетом всех обоснованных поправок, внесенных в последующие издания. Впервые текст «Свадьбы Кречинского» сверен с публикациями 1856 г. (Современник. № 5. Отд. 1. С. 65—138; отд. изд.: СПб. 76 с.); текст «Дела» — с изданием 1861 г. (Лейпциг. 180 с.), его писарской копией (ЦГАЛИ, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 188, л. 1—137 об.), изданием 1887 г. (М. 78 с.), черновым автографом (ГЛМ); текст «Смерти Тарелкина» — с изданием «Расплюевских веселых дней» 1903 г. (М. 69 с.). Эта сверка позволила уточнить некоторые спорные места в тексте 1869 г.

Сравнение печатных текстов «Свадьбы Кречинского» 1856 и 1869 гг. и двух редакций «Дела» 1861 и 1869 гг. убеждает, что при публикации пьес для драматурга не было мелочей, которые он бы передоверил воле наборщика или вкусу корректора. И в Лейпциге в 1861 г. и в Москве в 1869 г. сам следил за набором, сам держал корректуру.

Книга 1869 г., материализовавшая идею Сухово-Кобылина объединить все три пьесы в единое художественное произведение, спаянное сложной «логикой мотивов», в наибольшей мере выражает авторскую волю. Рукопись набиралась под личным и энергичным наблюдением драматурга, который много раз ходил в типографию, исправляя и дописывая текст. К тому же на сей раз — небывалый случай в жизни Сухово-Кобылина! — обошлось (или почти обошлось) без цензурного вмешательства.

Издание 1869 г. озадачило современников многим; в частности, своеобразной орфографией и пунктуацией.

В нем есть и опечатки. При подготовке издания 1927 г. (*Сухово-Кобылин А. В.* Трилогия/Ред. Л. П. Гроссмана. М.; Л.) некоторые из них были устранены. Однако появились новые. Напечатано «гниль» вместо «гиль», «позируют» — вместо «козируют», «заметили» — вместо «заприметили», «властвуют» — вместо «властительствуют» и т. д. Краткие формы отчеств персонажей (Константиныч, Васильич) заменены на полные (Константинович, Васильевич). Важные для Сухово-Кобылина идейные понятия (Закон, Дело, Правда и др.) набраны со строчных букв.

Подавляющее большинство ошибок из книги 1927 г. механически повторяется во всех последующих публикациях трилогии, хотя все редакторы клянутся в верности прижизненному изданию «Картин прошедшего». Традиционные ошибки дополняются. С 1938 г. вместо «поцеловав еще руки

Лидочки» читаем: «поцеловав еще руки у Лидочки», вместо «палитический преступник» — «политический преступник»; еще больший произвол вершится со знаками препинания. Особенно много искажений текста и странных новаций в томе «Библиотеки всемирной литературы» (1974), где авторские «Примечания» к «Смерти Тарелкина» стали предисловием к этой пьесе, а послесловие ко всей трилогии перекочевало в редакторские примечания. С 1927 г. «Картины прошедшего» печатаются под заголовком «Трилогия».

Основные поправки по сравнению с изданием 1869 г.:

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

С. 7, стр. 5. 28 ноября 1855 года — *вместо опечатки:* 26 ноября.

С. 11, стр. 25. Да! — *вместо:* Да?

С. 11, стр. 9 сн. Сзывать людей? — *вместо:* Сзывать людей.

С. 20, стр. 5. Так у вас в Симбирске имение? — *вместо:* Так у вас в Симбирске имение!

С. 23, стр. 9. не во сне ли я? — *вместо:* не во сне ли я!

С. 27, стр. 20—21 сн. Если два довольно сложить вместе, в итоге нужды не выйдет?: — *вместо:* Если два довольно сложить вместе, в итоге нужды не выйдет.

С. 31, стр. 19. Как лишен? — *вместо:* Как лишен!; *исправлено по изданию 1898 г.*

С. 32, стр. 17 сн. Понял ли? . . — *вместо:* Поняли! . .

С. 33, стр. 20. Вот она действительность-то! — *вместо:* Вот она действительность-то?; *исправлено по смыслу.*

С. 35, стр. 12—13. За что же вы меня так безжалостно жмете? — *вместо:* За что же вы меня так безжалостно жмете!; *исправлено по смыслу.*

С. 38, стр. 8. Не в этаких переделах бывали. . . . — *вместо:* Не в этаких пределах бывали. . . .

С. 39, стр. 9 сн. Вот только за угол повернуть — большой белый домина, — *вместо:* Вот только за угол повернуть большой белый домина,

С. 42, стр. 9—10. Что ж, я готов — *вместо:* Что ж? я готов

С. 42, стр. 9 сн. Федор! не выпускать его — *вместо:* Федор не выпускать его

С. 44, стр. 17. Мне, сударь, нестать: — *вместо:* мне, сударь, не стать:

С. 44, стр. 11 сн. отходит к авансцене — вместо: отходит к сцене; исправлено по смыслу.

С. 47, стр. 7 сн. Вы-то? — *вместо:* Вы-то!

С. 48, стр. 10—11 сн. вот дело обделано! — *вместо:* вот дело обделано.

С. 50, стр. 4. Да черт тебя одобрит! — *вместо:* Да чорт тебя одобрит?

С. 53, стр. 4. И хороший человек? — *вместо:* И хороший человек.

С. 57, стр. 1. Именно! — *вместо:* Именно?

ДЕЛО

С. 89, стр. 26. Зато у него дом повыше второго яруса. — *вместо:* Зато у него дом повыше второго яруса?

С. 92, стр. 15. И много ведомств перешли? — *вместо:* И много ведомств перешли.

С. 120, стр. 18 сн. Вам бы о дочери-то подумать, чем такую горячку пороть. — *вместо:* Вам бы о дочери-то думать, чем такую горячку.

С. 122, стр. 5. Ведь яд-то какой! — *вместо:* Ведь яд какой?

С. 136, стр. 3. оставят в подозрении — эка штука! — *вместо:* оставят в подозрении — эка штука?

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

С. 146, стр. 11—12. Меня некому за ворот взять! — *вместо:* Меня некому за ворот взять?; *исправлено по смыслу.*

Провинциалка Анна Антоновна в «Деле» называет врача сначала «доктором», а затем — «дохтуром». Поскольку в издании 1861 г. встречается только просторечная форма, то ей и отдано предпочтение. В «Смерти Тарелкина» унифицировано в речи Расплюева характерное для него словечко «таперь». А из двух вариантов произношения («палитический преступник» и «политический преступник») для доктора Унмеглихкейта, едва объясняющегося по-русски, выбран, конечно, первый. Из двух форм обращения: «Батюшка» и «Батюшко», которые попеременно встречаются в речи старообрядца Ивана Сидорова («Дело»), предпочтение отдано второй, так как автор в письме к Ю. Д. Беляеву отмечал окающее произношение прототипа этого персонажа.

В тексте унифицированы вступительные ремарки явлений, в которых действует только один персонаж; по типу:

Тарелкин *(один)*

Тарелкин.

Сохранены орфографические и синтаксические особенности, типичные для Сухово-Кобылина:

написание некоторых слов с прописных букв, кроме тех случаев, когда это не имеет существенного значения для понимания текста;

старые формы существительных: укащик, извощик, прикащик, мущина;

отточия, как правило, с четырьмя точками, словно замедляющие темп разговора, делающие его более плавным;

многочисленные тире, то отбивающие паузу между репликами, словами, то заменяющие абзац.

Все тексты Сухово-Кобылина для настоящего издания подготовлены В. М. Селезневым, который благодарит за большую помощь в подготовке издания М. И. Бейзмана, Ю. Л. Болдырева, Н. Б. Волкову, Л. В. Гусеву, А. Ш. Гумирову, И. С. Зильберштейна, А. И. Катца, Н. А. Марченко, И. М. Николаеву, О. В. Рожкову, Т. Ю. Соболь, К. К. Таланова, А. А. Ширяеву, Р. И. Шломович.

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В «ПРИМЕЧАНИЯХ»

С.-К. — А. В. Сухово-Кобылин.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).
ЛН — Литературное наследство.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

[1] *Hegel. Logik.* — эпиграф вопреки авторскому указанию взят, очевидно, из «Философии истории»: «. . .кто разумно смотрит на мир, на *того* и мир смотрит разумно; то и другое взаимно обусловливают друг друга» (*Гегель Г.-В.-Ф.* Соч. М.; Л., 1935. Т. 8. С. 12). С.-К. считал себя учеником и последователем немецкого философа, читал и переводил его труды, создавал свое философское учение, развивающее идеи Гегеля. В день своего восьмидесятилетия С.-К. откликался на поздравление Н. В. Минина: «Сердечно благодарю вас за верную, давнюю Дружбу и поощрения меня в Сорокалетнем Труде Создания Неогегелизма» (Записка от 17 сент. 1897. — РО ИРЛИ, ф. 186, № 11).

СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО

[2] *Кречинский* — В фамилии главного героя комедии может быть отмечена звуковая и предположена смысловая связь со словом «кречет», означающим хищную птицу, разновидность сокола (См.: *Фрадкин Л. З.* Персонажи Сухово-Кобылина // Рус. речь. 1967. № 4. С. 18). Современники С.-К. и позднейшие исследователи называли различных прототипов Кречинского. По неоднократно высказанному мнению, сюжетом для своего первого произведения драматург «избрал наделавший много шума скандальный случай, сильно взволновавший петербургское общество, — о подмене драгоценной булавки некиим поляком красавцем Крысинским, выдававшим себя за графа, а потому имевшим вход в лучшее петербургское общество, но оказавшимся в конце концов лакеем князя Радзивилла. Крысинский долгое время жил в Ярославле, где с ним встречался и Сухово-Кобылин в семье местного помещика Ильина, давшей ему материал для создания Муромского и Атуевой; прототипом Расплюева для А⟨лександра⟩ В⟨асильевича⟩ послужил некий певчий Ярославского архиерейского хора, состоявший при Крысинском во время его пребывания в Ярославле, Евсей Крылов, «биллиардный» игрок и шулер, покончивший весьма печально свою жизнь в начале шестидесятых годов в Ярославле, после одной шулерской проделки с актерами местного театра на биллиарде в гостинице «Столбы» (Ежегодник имп. театров. Сезон 1902—1903 г. 1903. Кн. приложений 3. С. 66). См. также: *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1855 года до начала 1881 года. СПб., 1884. Ч. 3. С. 11; К Волковским торжествам // Северный край. [Ярославль]. 1900. 4 мая. № 117; перепеч.: Новое время. 1900. 7 мая. № 8689. В дневнике С.-К. есть подтверждение связи замысла комедии с историей Крысинского. 28 мая 1862 г. С.-К. беседует со знакомым о своих пьесах: «. . .все время разговор о Кречинском, о Крессинском — о том, что все дело было» (ЦГАЛИ, ед. хр. 227, л. 64 об.). Другой

мемуарист полагал: «Кречинский есть живой портрет Крупенского, известного шулера в картежной и биллиардной игре. Крупенский жил широко, шумел на конных ярмарках в Курске, Харькове, Кременчуге и везде, где съезжались ремонтеры кавалерийских частей» (*К.* Мелочи (Из прошлого) // Сын отечества. 1900. 17 мая. № 134). Позднейшее предположение исследователя о прямой связи между образом Кречинского и личностью Н. П. Голохвастова (*Рудницкий К. Л.* А. В. Сухово-Кобылин: Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 43—45) вряд ли основательно. Рассказ из «Былого и дум» о закладе Голохвастовым бриллиантов (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 190) был в свое время доказательно оспорен (*Голохвастов Д. Д.* Wahrheit und Dichtung // Рус. архив. 1874. Кн. 1. С. 1093—1094).

[3] *Нелькин* — Происхождение и смысл этой фамилии по-разному толковались теми исследователями, которые непременно желали увидеть в ней характеристику персонажа. Есть мнение, что уже в том, как он назван, содержится отчасти ироническое отношение к нему: «...в этой фамилии есть нечто от собачьей клички» (*Клейнер И.* Драматургия Сухово-Кобылина. М., 1961. С. 78). Другое предположение связывает фамилию со словом «неличь», которое, по словарю Даля, означает то, «что невзрачно, неказисто, некрасиво, чего нельзя показать лицом». Слово «неличь», как отмечает Даль, имеет и другое значение — «нелицеприятный, беспристрастный, правдивый». «Такое толкование слова вполне приложимо к характеру Нелькина — открытого и честного человека, который без всякого стеснения говорит правду в глаза» (*Фрадкин Л. З.* Персонажи Сухово-Кобылина. С. 18).

[4] *Колокольчик немец принес?* — В 50-х годах дверные колокольчики были в Москве «еще большой редкостью» (*Толстой Л. Н.* Юность // Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 127). А в Петербурге они зазвонили лет на десять раньше. (См.: Описание жизни Н. И. Цылова // Щукинский сб. М., 1907. Вып. 6. С. 146; *Каратыгин П. А.* Вицмундир: Водевиль // Старый русский водевиль. 1819—1849. М., 1937. С. 485).

[5] *...казачка Петрушку...* — Казачком называли мальчика-слугу, который носил казакин (верхнее платье в виде кафтана на крючках со сборками сзади) или черкеску и был подстрижен под казака.

[6] *Епанча* — верхняя одежда в виде широкого, длинного плаща.

[7] *...как бухарцы...* — Бухарцами называли странствующих торговцев, продающих восточные товары.

[8] *Гиль* — вздор, чепуха, нелепость.

[9] *Нынче все играют.* — В. И. Даль приводит пословицы середины XIX в.: «Кто не вистует, вся Москва вистует»; «На пиках вся Москва вистует» (*Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 2. С. 266).

[10] *Солитер* (от *франц.* solitaire — одинокий, отдельный) — одиночный крупный бриллиант.

[11] *Деревня летом — рай.* — В «Горе от ума» А. С. Грибоедова эти слова говорит Чацкий Наталье Дмитриевне Горич (д. III, явл. 6).

[12] ...совершенный *comme il faut.* — Атуева высказывает точку зрения светского общества. Л. Толстой в повести «Юность» (написана в 1855—1856 гг., т. е. чуть позже «Свадьбы Кречинского») посвятил целую главу этому понятию, которое в его жизни «было одним из самых пагубных, ложных понятий, привитых мне воспитанием и обществом». (Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 2. С. 172). С.-К. 30 октября 1847 г. в письме из Томска внушал своим младшим сестрам: «...если вы хотите судить о вещах по существу, то прежде всего надо проститься с обществом, которое поставило себе за правило все судить вкривь...». (Труды ГБЛ. М., 1934. Вып. 3. С. 224). 8 ноября 1848 г. в письме к Евдокии Васильевне опять предостерегает сестер от увлечения светской жизнью (там же. С. 230).

[13] *Форсировать или не форсировать — вот вопрос!* — Перефразированное начало знаменитого монолога Гамлета: «Быть или не быть — таков вопрос...». Первый исполнитель роли Кречинского С. В. Шумский в этом монологе пародировал «г. Самарина в роли Гамлета: так же, как он, кусает ногти, делает *гм*, медленно подходит к рампе» (*Н. Н.* [*Н. С. Назаров*]. Моск. летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. 15 дек. № 275. С. 1483).

[14] *Теория вероятностей — и только.* — Кречинский подсчитывает свои шансы на женитьбу, исходя из популярной математической теории своего времени. В 1846 г. в Петербурге вышла книга «Основания математической теории вероятностей» В. Я. Буняковского. С.-К., окончивший физико-математическое отделение философского факультета Московского университета, наверняка знал разноязычные труды по этой теории.

[15] *Городская птица — перед кармазинный, а зад крашенинный.* — Кармазин — тонкое ярко-алое сукно. Крашенина — грубое крашеное полотно.

[16] *...всех в изделье!* — Перевести крестьян с оброка на барщину.

[17] *Во, во, серебром!* — В комедии обыгрывается разное понимание стоимости рубля. В России царским указом 1839 г. основной денежной единицей повелено было считать серебряный рубль; для ассигнаций (бумажных денег) был соответственно установлен неизменный курс — 350 копеек за серебряный рубль. После этого «вдруг возвысились цены почти на все предметы, как это неизбежно при переходе от монетной единицы низкой ценности к монетной единице ценности высшей. Сверх того, этому много способствовало одинаковое название как ассигнационной, так и серебряной монетной единицы рублем ⟨...⟩ при одинаковом названии различие их стоимости часто позабывалось, и многие входили через это в гораздо большие расходы по сравнению с прежними. ⟨...⟩ Впрочем, счет на серебряную монету после указа установился только в делах с казной и в сделках между торговцами и частными лицами, когда они заключались формально, в прочих же случаях в Москве и вообще внутри России все продолжали лет 20 считать на ассигнации...» (*Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни: Воспоминания. 1820—1870. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 270—271).

[18] *...всю тирольскую заведем.* — Тироль — область Австрийской империи, где выращивалась особо ценная порода скота.

[19] *Была игра...* — Эта фраза стала популярной. 29 октября 1865 г. в письме к Тургеневу его друг помещик И. П. Борисов, иронизируя над суматошными выборами гласных из землевладельцев в Мценске, поминает Расплюева: «...и желал бы Вам написать голосом Садовского в Кречинск⟨ом⟩: „Была игра!!“ и то этого недостаточно» (Тургеневский сборник. Л., 1969. Вып. 5. С. 496). В 1890-х г. Чехов правит рассказ «Водобоязнь», впервые напечатанный в 1886 г. Он дает рассказу новое название «Волк» и завершает его цитатой из «Свадьбы Кречинского»: «Севши в коляску, Нилов опять стал с самого начала и с большими подробностями рассказывать о том, как он на плотине боролся с волком.

— Была игра! — кончил он, весело смеясь» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М., 1984. Т. 5. С. 45).

Расплюевским возгласом («Да, была игра!») заканчивает А. А. Стахович рассказ о том, как П. М. Садовский исполнял роль Замухрышкина в гоголевских «Игроках» (*Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 89). И опять-таки расплюевской цитатой («Да, была игра... могу сказать, была игра!») венчает мемуарист самое подробное описание коронной роли П. М. Садовского—Расплюева в «Свадьбе Кречинского» (Там же. С. 93). В 1908 г., в день празднования 40-летия сценической деятельности В. Н. Давыдова, ему подарили «серебряный цилиндр Расплюева, когда-то поднесенный П. В. Васильеву с надписью „Была игра“...» (*Брянский А. М.* Владимир Николаевич Давыдов. 1849—1925: Жизнь и творчество. Л.; М., 1939. С. 68).

[20] *Ну, он и ударь, и раз ударь, и два ударь. Ну удовольствуй себя, да и отстань!.. А это, что это такое? Ведь до бесчувствия!* — Расплюевская реплика стала ходовым выражением, многократно применявшимся в литературе и журналистике. Н. А. Добролюбов иронически подметил сходство между этими словами Расплюева и жалобами прогрессивного станового пристава Фролова, главного героя комедии Н. Львова «Предубеждение, или Не место красит человека, человек — место». «По нашему мнению, эта сцена великолепно может быть разыграна на сцене; она, может статься, затмит собою рассказ Расплюева о том, как его отделали до *бесчувствия*... С одной стороны, конечно, и жалко его: все-таки же ведь ему больно, бедняку... Но личность его так пошла, положение его так глупо, что нельзя над ним не смеяться». (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 3. С. 179—180).

[21] *...бокс... английское изобретение.* — Бокс (*англ.* box — удар) — с давних времен излюбленный национальный вид спорта в Англии.

[22] *У меня в руках тысяча пятьсот душ...* — В 1850-х годах свыше чем тысячью крепостных владели всего 1.3 % помещиков (см.: *Тройницкий А.* Крепостное поселение России по десятой народной переписи. СПб., 1861. С. 65).

[23] *Ведь об этом нынче будет знать весь клуб...* — По словам московского бытописателя, «ни одно нарушение закона так строго не преследуется, как нарушение постановлений о карточных долгах. Иногда долг, сделанный в клубе, заставляет задолжавшего прибегать к самым крайним мерам; в это-то время спекуляторы и аферисты за ссуду деньгами нередко получают рубль на рубль себе прибыли и порядочно греют руки на чужой беде» (*Вистенгоф П. Ф.* Очерки московской жизни. М., 1842. С. 113).

[24] *...не беспокойте себя, сделайте одолжение, прикажите получить.* — По рассказу В. А. Гиляровского, московский картежный шулер Василий Морозович Темный (по паспорту — мещанин Василий Морозов), «убив карту, тотчас же требовал:

— Прикажите получить.

Вот за это и прозвали его Щебневым.

На моей памяти в поездке между Козловым и Москвой они (Темный и Попов, по прозвищу Кречинский. — *Ред.*) обыграли московского богача Сергея Губонина на двенадцать тысяч рублей, и Губонин, рассказывая об этом в клубе друзьям, доказывавшим, что он попал на шулеров, уверял:

— Помилуйте, быть не может. И по одежде купец, и фамилия хорошо знакомая, купеческая фамилия, Щебнев, с ним барин в золотом пенсне, тоже проиграл и он.

Уж разуверился тогда, когда ему показали афишу ,,Свадьба Кречинского", где напечатано было в числе действующих лиц: ,,купец Щебнев"» (*Гиляровский В. А.* Ученик Расплюева // Соч.: В 4 т. М., 1967. Т. 3. С. 405).

По мотивам диалога Щебнева и Кречинского Влас Дорошевич написал фельетон о том, как народ (Россиянин) требует от правительства (Петербурга) «должок» — обещанную еще десять лет назад конституцию.

«— Так как же-с? Насчет должишка? Прикажете получить?

У Петербурга лопается терпение.

— Но ведь то долг политический! Политический! Так? А я с вами хочу поговорить о деле. Понимаете? О деле?

— Оно, действительно. Долг политический. А все-таки прикажите получить.

— У вас сапоги, кажется, того... — говорит Петербург.

Россиянин смотрит сконфуженно на свои сапоги.

— Сапоги, действительно, каши просят! Так как же? Прикажите получить!

— Послушайте, черт побери, однако! Ведь вы из политических прав себе сапог не сошьете?

Россиянин конфузливо улыбается.

— Оно, конечно... А только все-таки... Прикажите получить!» (*Дорошевич В. М.* Десятилетняя давность // Рус. слово. 1914. 5 янв. № 4. С. 4).

[25] *Старые заемные письма...* — Так назывались письменные обязательства возвратить после определенного срока взятую сумму денег или вещь. В бюро, очевидно, были уже оплаченные Кречинским заемные письма: они писались дома на установленной гербовой бумаге.

[26] *стразовую побрякушку...* — Страз — искусственный бриллиант из свинцового стекла, внешне очень похожий на подлинную драгоценность, обладает меньшей твердостью и бóльшим удельным весом, чем настоящий алмаз. Изобретен в XVIII в. ювелиром Ж. Стразом (Страсом).

[27] *Эврика!..* — Знаменитое восклицание, приписываемое величайшему математику-механику Древней Греции Архимеду (ок. 287—212 до н. э.). Сиракузский царь Гиерон, заподозрив, что его ювелир примешал в золотую корону больше серебра, чем следовало, поручил своему родственнику Архимеду проверить его. Ученый долго не мог найти решение задачи. Только сидя в ванной, он наконец-то решил ее, открыв названный его именем основной гидростатический закон. С криком «Эврика!» («Я нашел!») Архимед бросился проверить свою теорию. Ему удалось выяснить соотношение в короне золота и серебра.

[28] *...в Преображенскую...* — Расплюев говорит о Преображенской больнице, или доме умалишенных в Москве.

[29] *...сапоги всмятку...* — Возможно, реминисценция из «Мертвых душ» (т. 1, гл. 9): «...чепуха, белиберда, сапоги всмятку! Это, просто, чорт побери!..».

[30] *Карат* — мера веса драгоценных камней, равная 0.2 грамма. 20 карат — 4 грамма.

[31] *Зажги карсели, канделябров не зажигать...* — Карсель — усовершенствованная французом Карселем в 1800 г. масляная лампа. Часовой механизм приводил в движение поршень, доставлявший масло из сосуда под горелкой. Канделябр — большой украшенный шандал для свечей и ламп.

[32] *Транспарант* — натянутая на раму и освещенная с тыловой стороны прозрачная ткань или бумага с изображением, текстом.

[33] *Ливреи* — форменная одежда (обычно с галунами и шитьем) швейцаров, лакеев, кучеров.

[34] *Эх, «Волшебный стрелок»!* — Кречинский вспоминает оперу «Вольный стрелок» (1820) немецкого композитора Карла-Марии фон Вебера. Мелодии оперы сразу стали широко известны по всей Европе. В России была представлена под названием «Волшебный стрелок».

[35] *...Сократова дочь...* — Сократ (ок. 469—399 до н. э.) — великий древнегреческий философ. Цицерон назвал его «отцом философии».

[36] *Виктория* — (слово латинского происхождения) победа.

[37] *...перейден Рубикон!* — Кречинский вспоминает здесь Юлия Цезаря, с большим риском переведшего войска через Рубикон, реку в Италии, и одержавшего победу, которая способствовала восхождению его к высшей власти в Риме. Выражение вошло в пословицу и означает бесповоротный шаг, решительный поступок.

[38] *Если за нами пошлют фельдъегеря...* — Этот эпизод по-разному поняли первые исполнители роли главного героя комедии. В. В. Самойлов—Кречинский пресерьезно предлагает Расплюеву бежать, но его внезапно осеняет, что их могут и догнать. «Г. Самойлов опять начинает раздумывать и, как бы вдруг напав на новую мысль, поспешно идет к двери, приказывая Федору не выпускать Расплюева. У г. Шумского Кречинский, приглашая Расплюева бежать, хочет просто потешиться над ним. Не мог же Кречинский в самом деле рассчитывать на бегство с несколькими тысячами, взятыми у Бека, и бриллиантовой булавкой в 30 000, когда со стороны Муромского на него веяло жирным миллионом» (*Баженов А. Н.* Заметки о московском театре: Г. Самойлов на московской сцене // Моск. ведомости. 1862. 26 мая. № 114. С. 913. Ср.: *Баженов А. Н.* Соч. и переводы. М., 1869. Т. 1. С. 171). Разумеется, здесь розыгрыш, притом двойной. Кречинский и не думал бежать с солитером; а если бы он и Расплюев скрылись, то их искала бы полиция, а уж никак не фельдъегерь — военный курьер.

[39] *Нас сцапают, и по Владимирке.* — Выражение «Владимирка» возникло в среде уголовников, вероятно, в начале XIX в. Так назвали путь, по которому арестантов гнали пешком в Сибирь. Начинался он от Москвы и шел по старому торговому пути через Владимир на Нижний Новгород, Пермь и т. д. до Нерчинской каторги. Дорога считалась самой удобной и дешевой, так как большая часть ее проходила по рекам.

[40] *...серую сибирку с бубновым тузом на спине!* — Имеется в виду арестантская одежда. Сибирка — короткий кафтан.

[41] *Нижегородская дорога* — часть Владимирки, Владимирского этапного пути.

[42] *Сибирка* — здесь: просторечное наименование арестантского помещения при полиции.

[43] *...профессор натуральной магии и египетских таинств господин Боско.* — Джованни Бартоломео Боско (1793—1863) впервые побывал в России не как фокусник, а как солдат корпуса Мюрата: он был ранен и попал в плен к русским. Впоследствии Боско покорил все европейские страны, стал кумиром не только публики, но и своих коллег-иллюзионистов; ему подражали и даже присваивали его имя (См.: *Вадимов А. А., Тривас М. А.* От магов древности до иллюзионистов наших дней. М., 1966. С. 109 и др.). В Москве с фокусами Боско впервые выступал в 1842 г.

[44] *...ведь это Бразилия целая....а?.. Голконда...* — Бразилия уже в XVII в. славилась на весь мир золотом и драгоценными камнями. Голконда — феодальное государство в Индии XVI—XVII вв., известно было добычей алмазов. В конце XVII в. присоединено к государству Великих Моголов.

[45] *...завернул в Троицкой...* — Троицкий трактир, самый знаменитый в Москве середины XIX в., находился на Ильинке.

[46] *...без карамболей под носами...* — Карамболь — рикошетный удар в биллиардной игре; в просторечии — скандал, раздоры. Здесь, очевидно, в смысле: небрежность, неряшество.

[47] *Зеленый стол* — карточный стол, обтянутый зеленым сукном, предназначенным для записи мелом счета в игре.

[48] *...их два: один Ардатов Нижегородской губернии, другой Симбирской.* — Ардатов Симбирский, самый населенный уезд в губернии, известен был обилием плодородной пашни (около 200 тысяч десятин). Его нижегородскому тезке достались песок да глина; зато он славился большими чугунными заводами, в том числе Выксунскими, опекуном которых был отец С.-К. Реплика Кречинского неоднократно объявлялась выдумкой как современными критиками, так и позднейшими исследователями (см., например, *Рудницкий К. Л.* Сухово-Кобылин: Очерк жизни и творчества. С. 135).

[49] *. . .чернозем, — удивительный чернозем, то есть черный, черный. . .* — Герой рассказа Чехова «Стена» помещик Букин чистосердечно признается: «. . .сам же я в имении никогда не бываю, в дела не вмешиваюсь, и от меня, как от Расплюева, ничего не добьетесь, кроме того, что земля черная, лес зеленый». (Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М., 1976. Т. 4. С. 141). А 7 марта 1893 г. писатель уже о себе: «Я, как Расплюев, в сельском хозяйстве знаю только то, что земля черная — и больше ничего». (Там же. Письма. М., 1977. Т. 5. С. 19).

[50] *Ненавижу я, сударь, эту нацию. . .* — Англия — родина европейской парламентской демократии, центр мировой революционной эмиграции — излюбленная сатирическая мишень для рептильных писателей, публицистов, карикатуристов в николаевской России. Их нападки удесятерились после начала Крымской войны. Вот заглавия нескольких образчиков массовой литературной продукции 1854 г.: «Англичане и с русским петухом не сладили или бухта Колинги 18 июня 1854 года», «Донесение адмирала Непира о победе его над тремя чухонскими лодками», «Один из троих или Джон-Буль, Роберт-Макер и Абдул-Аба против Силы Богатырева», «Торжество Непира, или победа над салакушкой и вой чухонца», «Рассказ чухонской кошки, бывшей в плену у англичан летом 1854 года» и т. п.

[51] *. . .Подьячий* — в XIX в. обиходное название мелкого канцелярского чиновника.

[52] *Дуван* — то, что добыто, заработано, захвачено; добыча. В просторечии тем же словом именовали раздел добычи, дележ.

[53] *Сатисфакция* — удовлетворение в форме дуэли, даваемое по требованию оскорбленного лица.

[54] *Частный пристав* — чиновник, ведавший в больших городах одной из полицейских частей. «Частные приставы, — рассказывает Е. И. Козлинина, — в заведывании которых было по четыре и по пять кварталов, понятно, получали вдвое больше квартальных и, прослужив лет 10—15, составляли колоссальные состояния, хотя чаще деньги, так легко наживаемые, еще легче проигрывались в карты, так как все полицейские чины вели постоянную картежную игру на десятки тысяч». (*Козлинина Е. И.* За полвека. 1862—1912: Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 13).

[55] *Сорвалось!!!* — Кречинский признает свое поражение словом, характерным для карточного игрока. После «Свадьбы Кречинского» это восклицание стало ходовым (см.: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. 3-е изд. М., 1966. С. 629).

ДЕЛО

[1] *. . .не говорю о классе литераторов, который так же мне чужд, как и остальные четырнадцать. . .* — Российская «Табель о рангах», введенная Петром I, распределяла всех состоящих на государственной службе по 14 классам — от высшего к низшему, четырнадцатому. Класса литераторов в «Табели о рангах», разумеется, не было. В написанном от имени мифического друга-сослуживца предисловии Дениса Давыдова к собранию его стихов 1832 г. есть слова, близкие духу обращения С.-К. «К публике»: «Будут нападки, это в порядке вещей. Но пусть вволю распояшется на этот подвиг санктпетербургская и московская милиция критиков!»; «Он никогда не принадлежал ни к какому литературному цеху» (*Давыдов Д. В.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 65).

[2] *. . .какой-нибудь Добросовестный из цеха Критиков. . .* — Обыгрываются два значения слова «добросовестный». Так назывался понятой — предуказанный законом и обычно бессловесный свидетель полицейского обыска.

[3] *Пора и этому суду стать публичным.* — Когда С.-К. писал это предисловие, шла подготовка к судебной реформе. Проект закона о ней был утвержден Александром II 23 сентября 1862 г. «Если бы в николаевские времена кто-нибудь вздумал бы помечтать о подобных вещах и мечта его как-нибудь бы вылетела из его уст, — тот был бы сочтен за сумасшедшего или за государственного преступника. А тут публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобождение суда от деспотизма администрации. . .» (*Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1955. Т. 2. С. 298—299).

[4] *Г а й р о с* — поместье С.-К. во Франции, близ Бордо. 17 сентября 1861 г. С.-К. записал в дневнике: «Устроен и уплачен Гайрос, и я твердою ногою стал во Франции» (ЦГАЛИ, ф. 438, ед. хр. 227, л. 25; В дальнейшем указываются только единица хранения и лист).

[5] *К о б ы л и н к а* — родовое имение С.-К. в Чернском уезде Тульской губернии.

[6]. . .*по службе тайный советник.* — Тайные советники занимали высшие должности в правительственном аппарате, до министерских включительно. Министры юстиции Д. В. Дашков, В. Н. Панин, министр внутренних дел П. А. Валуев стали во главе министерств, когда они были чиновниками третьего класса, т. е. тайными советниками.

[7] *Варравин* — Фамилия ассоциируется с разбойником и убийцей из Евангелия Варравой, сидевшим в иерусалимской темнице во время суда над Иисусом Христом.

[8] *Правитель дел и рабочее колесо. . .* — При министерствах были канцелярии, ведавшие общими делами всех департаментов министерства и личной перепиской министра по особо важным делам. Возглавляли канцелярии директора департамента или правители, которые имели права директора департамента. Возможный прототип Варравина коллежский советник М. И. Топильский в 1843—1847 гг. был правителем министерства юстиции (Министерство юстиции за 100 лет. 1802—1902: Исторический очерк. СПб., 1902. Прил. С. 13).

[9] . . .*действительный статский советник, при звезде.* — Варравин носит гражданский чин IV класса. Звезда была знаком первых степеней орденов, т. е. самых высших наград.

[10] . . .*одарила его кувшинным рылом.* — Так в просторечии называли некрасивое лицо, вытянутое вперед (ср. в «Мертвых душах» Гоголя: «Вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, — словом, это было то лицо, которое называют в общежитьи кувшинным рылом» (гл. 7).

[11] *Коллежский советник* — гражданский чин VI класса.

[12] *Говорит как Демосфен именно тогда, когда последний клал себе в рот камни.* — Знаменитый древнегреческий оратор Демосфен (IV в. до н. э.), готовя себя в молодости к ораторскому занятию и преодолевая слабость речевого аппарата, упражнялся в декламации, набрав при этом в рот камешки.

[13] . . .*достиг обер-офицерского звания.* — Обер-офицерскими считались военные и гражданские чины VI—VIII классов.

[14] *Экзекутор* — чиновник, ведавший хозяйственными делами канцелярии и следивший за порядком в ней.

[15] *Презентабельный* — представительный, видный.

[16] . . .*люди, которые в Петербурге называются теплыми. . .* — Выражения «теплый народ», «теплые ребята», «теплая компания» и т. п. издавна применялись к группе людей, склонных к мошенничествам и обману.

[17] *Бонвиван, супер. . .* — Бонвиван — человек, живущий в свое удовольствие, легко и беспечно. Супер — в данном случае, очевидно, имеется в виду пристрастие к высшему свету и модным увлечениям, в нем принятым.

[18] *Касьян Касьянович Шило* — Касьян «в старорусских верованиях — самый сердитый и неуживчивый святой: „Касьян на что глянет, все вянет“; „Касьян на скот — скот дохнет, Касьян на траву — трава сохнет“. Связано с тем, что празднование этого святого приходится на 29 февраля, т. е. на день, который бывает лишь в високосных годах, один раз в четыре года; несправедливость испортила Касьяну характер». (*Успенский Л. В.* Ты и твое имя. Имя дома твоего. Л., 1972. С. 255). А честный Шило дважды Касьян, т. е. вдвойне неудачлив и зол на неправедно преуспевших сослуживцев. В лейпцигском издании «Дела» этот персонаж звался Николаем Платоновичем Гаревым. Так С.-К. хотел напомнить о друге своей молодости Николае Платоновиче Огареве, имя которого в то время уже было запрещено упоминать в печати. Современники отмечали честность и бескомпромиссность Огарева, его нервность («Тайна этого обаяния заключалась в какой-то апатической, ленивой нервозности характера, позволявшей О⟨гареву⟩ постоянно достигать крайних границ как в жизни, так и в мысли. . .» — *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1960. С. 268). Разумеется, в 1869 г. цензура не пропустила бы в печать имя одного из вождей революционной эмиграции.

[19] *Колеса, шкивы и шестерни бюрократии.* — В 1796 г. молодой Гегель отвергает идею государства, «ибо государство есть нечто *механическое* ⟨. . .⟩ любое государство не может не рассматривать людей как механические шестерни, а этого как раз делать нельзя, следовательно, оно должно *исчезнуть*» (*Гегель Г.-В.-Ф.* Работы разных лет: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 211, 212).

[20] *Омега* — Фамилия дана по названию последней буквы греческого алфавита.

[21] *Та же простота и непосредственность натуры, изваянная высоким резцом покойного М. С. Щепкина.* — 93 раза выходил на сцену Щепкин—Муромский. Впервые — 28 ноября 1855 г. в день премьеры «Свадьбы Кречинского». В последний раз зрители увидели Щепкина в роли Муромского 7 мая 1863 г., это было предпоследнее выступление великого актера

на сцене Малого театра. По отзыву критика А. С. Гиероглифова, Щепкин «передал роль Муромского с яркой типичностью и с легким оттенком комизма. Сколько надобно иметь художественного такта и вкуса, чтобы естественность и типичность игры одушевить комизмом так, чтобы в то же время нисколько не жертвовать комизму естественностью и типичностью! Едва ли не одному только Щепкину доступно такое гармоническое соединение двух совершенно разнородных элементов драматического искусства». (*Г-ов А.* Театральная летопись (Русские спектакли с 8-го мая) // Театральный и музыкальный вестн. 1859. 17 мая. № 19. С. 191). «Перед нашими глазами стоят, как живые, образ городничего, Фамусова, Муромского, козака Чупруса, старика Зайчикова («Мишура») — и все это исчезло, исчезло навсегда!» — говорилось в отклике на смерть великого актера (Кончина Щепкина // Библиотека для чтения. 1863. № 7. Современная летопись. С. 118).

[22] *Вояжировать* — путешествовать, обычно с целью развлечения, удовольствия. При Николае I выезд из России за границу был чрезвычайно затруднен. При Александре II, отменившем многие николаевские запреты, «началось целое паломничество на Запад. За один только год более пятидесяти тысяч человек выехало за границу. ⟨...⟩ Непрекращающийся поток поездок во Францию, в Англию, в Германию способствовал проникновению в Россию множества новых идей и сведений об общественных порядках Европы» (*Мазад Шарль де.* Россия при императоре Александре II (1862). Цит. по кн.: Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 561). С.-К. придавал очень большое значение усвоению основ западноевропейской культуры. Например, в письме к сестре Е. В. Петрово-Соловово и ее мужу 18 февраля 1858 г. С.-К. советовал: «Везите детей за границу и воспитывайте в демократическом государстве, и из них выйдут просвещенные и дельные Аристократы» (Труды ГБЛ. Вып. 3. С. 244).

[23] *...тянут да решают; мнения да разногласия...* — По дореформенному законодательству приговор суда должен был быть принят во всех инстанциях единогласно. Из-за разногласий и «особых мнений» многие дела могли тянуться долгие годы.

[24] *Он Каин! — Он Авеля убил!!* — Каин — персонаж библейского мифа, старший сын Адама и Евы. Убил из зависти брата своего Авеля за то, что дары Авеля были приняты богом Яхве, отвергшим дары Каина. Был проклят богом за братоубийство и отмечен особым знаком — «Каиновой печатью».

[25] *...пастушеская, аркадская взятка...* — Аркадия — древняя страна, находившаяся в центре греческого полуострова Пелопоннеса. Жители Аркадии, занимавшиеся скотоводством и земледелием, остались в преданиях как патриархальный и благочестивый народ. Античные авторы, а вслед за ними и поэты XVII—XVIII вв. изображали Аркадию своего рода земным пастушеским раем.

[26] *...Дело, возродившееся по рапорту квартального надзирателя...* — До полицейской реформы 1862 г. кварталом называлась третья (низшая) полицейская инстанция в городах — подразделение части во главе с квартальным надзирателем, который подчинялся частному приставу.

[27] *Стряпчий* — судебный чиновник; должность упразднена судебной реформой 1862 г. С середины XIX в. стряпчим стали называть частного поверенного — ходатая по делам.

[28] *...из присутствия в присутствие...* — В правительственных учреждениях были присутствия, которые решали дела, и канцелярии, которые готовили дела для доклада присутствию. Присутствием называлось и само заседание какого-либо правительственного учреждения.

[29] *...совершенный ком-иль-фо...* — См. примеч. 12 к «Свадьбе Кречинского» (с. 333).

[30] *Там, стало, и гризеточки...* — Гризетка — молодая женщина нестрогих правил, характерный персонаж французских романов и пьес начала—середины XIX в., обычно подруга, любовница студента, художника и т. п.

[31] *Сорбонна* — старейшее высшее учебное заведение во Франции (основано в 1253 г.), парижский университет.

[32] *...откупщику...* — Откупом называлась система сбора с населения налогов и других государственных доходов, при которой государство за определенную плату передает право сбора этих денежных средств частным лицам, именуемым откупщиками. В руках откупщиков накапливались огромные богатства, так как собранные ими с населения деньги в два-три раза превышали средства, вносимые в казну.

[33] *...поехали в Коренную.* — Коренная пустынь расположена под Курском, на берегу реки Тускор. Здесь было местоположение главной ярмарки Центральной России.

[34] *Лубок* — оторванный от дерева пласт коры. Лубками крыли торговые ряды на базарах. Рассказ о продаже лубков на ярмарке драматург услышал от М. С. Щепкина 29 августа 1856 г. и сделал соответствующую запись в дневнике (ед. хр. 219, л. 86 об.).

[35] *...праздник Богоматери Коренныя...* — По преданию. 8 сентября 1295 г. один из местных жителей нашел на корне старого дерева икону Богоматери, а под корнем — ключ целебной воды. Сюда хлынули богомольцы. В 1597 г. около места, где была найдена икона, построили большой монастырь.

[36] *Вавилонская любодеица — от своей чаши опоила вас!* — Моральные проповеди Ивана Сидорова восходят к книгам Нового Завета: «...пал, пал Вавилон, великая *блудница,* сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы». (Откровение Иоанна Богослова, 18, 2).

[37] *Кто в нашем-то свете господствует — соблазн; кто властительствует — Жены.* — М. Горький, читая трилогию в издании 1927 г. (с опечаткой в тексте — «властвует»), подчеркнул эту сентенцию красным карандашом (книга хранится в Библиотеке-музее М. Горького в Москве).

[38] *...Содом и Гомор!* — Содом и Гоморра — древние города, о которых рассказывает библейская легенда. Жители Содома и Гоморры отличались крайним развратом, противоестественными пороками. Бог разгневался на них и, покарав огненным дождем и землетрясением, уничтожил оба города (Бытие, 19, 24).

[39] *...к Ваалову-то Идолу...* — Ваал (Баал) — древнее общесемитское божество, бог плодородия, вод, войны и пр. Поклонение Ваалу вместо поклонения истинному богу издавна обозначало низменное идолопоклонство. Религиозный культ Ваала состоял в диком, разнузданном сладострастии. По библейскому сказанию, этот культ царил в городах Содом и Гоморра.

[40] *...в Писании сказано: Тамо убо море ∽ идеже гадов несть числа!..∽ корабли переплывают...* — Точно такого текста в Библии нет. Иван Сидоров дает своего рода вариацию на слова из Псалтири: «Это море — великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими» (103, 25); «Там плавают корабли...» (там же, 26).

[41] *...Ваше, мол, Превосходительство...* — «Ваше превосходительство» — обращение к чиновникам III и IV классов.

[42] *Пряжка* — так в обиходе называли знак отличия беспорочной службы. Эту награду жаловали раз в год. 22 августа, в день коронации Николая I, при котором знак отличия беспорочной службы был установлен. Знак давался за срок службы начиная с двадцати лет (с 1859 г. — не менее сорока лет со дня получения первого чина). Имел вид квадратной сквозной позолоченной пряжки. На пряжке изображен дубовый венок, в центре его — срок службы римскими цифрами. Нагрудный этот знак носили на ленте ниже орденов.

[43] *...ваше высокоблагородие...* — обращение к чинам VI—VIII классов.

[44] *Клавикорды* — старинный клавишный музыкальный инструмент четырехугольной формы.

[45] *Я бы ему прямо Станислава повесил.* — Орден святого Станислава — один из младших российских орденов, имел три степени. Все степени ордена до 1855 г. давали право на потомственное дворянство. Позже потомственными дворянами становились лишь награжденные орденом первой степени.

[46] *...Неокентаврий владеет нами...* — Кентавры в древнегреческой мифологии — горные и лесные духи Фессалии, полулюди-полулошади. Они нападали на людей, похищали женщин. Под неокентаврием в пьесе, возможно, подразумевается Николай I. Многие действия императора в последний период его царствования казались современникам лишенными какой бы то ни было разумной основы: «...наш Саул совсем сошел с ума после 1848». (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 395). «Если бы император Николай восторжествовал (во время Крымской войны. — *Ред.*), — говорил Катков, — то трудно представить, что сделалось бы с ним; он уподобился бы Навуходоносору — вышел бы в Летний сад и стал щипать траву». (*Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929. С. 90) «Мы... жадно собирали все анекдоты, слухи и рассказы, из которых прямо или косвенно следовало (или должно было следовать) что апокалипсический зверь недолго провоедствует...» (*Кавелин К. Д.* Воспоминания о В. Г. Белинском // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 174). В 1931 г. писатель А. Н. Толстой занес

в записную книжку: «47. Неокентаврий владеет нами: власть его, а не наша. Сухово-Кобылин» (ЛН. Т. 74. С. 332).

47 *...напевает арию из «Elisir».* — Тарелкин неточно вспоминает начало фразы из романса Неморино — персонажа оперы «Любовный напиток» («L'Elisire d'amore») итальянского композитора Гаэтано Доницетти (1797—1848). «Любовный напиток» (1832) впервые был исполнен в России в 1841 г., опера сразу приобрела огромную популярность.

48 *...в Итальянской-то были?* — Итальянские оперные труппы иногда гастролировали в Петербурге и Москве. В столице с середины 1830-х годов они выступали преимущественно в Большом, или Каменном, театре, находившемся на Театральной площади.

49 *Как, бывало, Сальви ∽ Марио до него далеко.* — Лоренцо Сальви (1810—1879) и Джованни Марио (1810—1883) — знаменитые итальянские певцы, выступавшие в оперных постановках в Петербурге в 1840—1850-х годах. Историки оперного искусства особо отмечают вокальное творчество Д. Марио.

50 *Губернский секретарь* — один из самых низших гражданских чинов, относящийся к XII классу.

51 *«Гугеноты»* — опера французского композитора Джакомо Мейербера (1835). В Петербурге впервые исполнена в 1850 г. Либретто оперы написано на основе повести П. Мериме «Хроника времен Карла IX», отражавшей события французской истории XVI в., религиозные войны католиков и гугенотов, Варфоломеевскую ночь — ночь массовой резни, многочисленных убийств гугенотов католиками.

52 *...на мою аттическую квартиру.* — Аттика — юго-восточная область средней Греции (главный город — Афины), где весь год тепло и потому дома не отапливаются.

53 *...крапивное племя...* — Крапивное семя (племя) — народное презрительное прозвище подьячих и приказных, а потом вообще чиновников.

54 *...обедать — все-таки у Палкина...* — Русскими обедами были знамениты в Петербурге два ресторана: «Старый Палкин» (напротив Публичной библиотеки на Невском проспекте) и «Новый Палкин» (на углу Невского и Литейного проспектов).

55 *Я только долгами и живу, от долгов и околею...* — На жалованье не могли прожить и чиновники высших классов. По мнению одного из возможных кандидатов в министры, даже министерского жалованья не хватало: «...министры занимают казенные обширные квартиры, но для жизни в них с семейством содержание министерское не достаточно: для этого требуется иметь собственное состояние, родовое или нажитое спекуляциями или сбережениями от прежней жизни. Если же этого нет, то надеющиеся попасть в министры стараются получить добавочное содержание или аренду или земли. Я же казенной квартиры не имел, а если и был бы назначен министром, то с окладом 12 000 рублей затруднился бы жить в ней». (*Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни: Воспоминания. 1820—1870. Т. 2. С. 432—433). Бедность Тарелкина, понятно, относительная — по сравнению с его загребущим начальством. Выразительно схожи сцена вымогательства Тарелкиным денег у Варравина и дневниковые сетования в 1848 г. обер-прокурора I отделения 6 департамента Правительствующего Сената К. Н. Лебедева на своего шефа — министра юстиции В. Н. Панина: «Мне приходится часто разбирать жалобы чиновников на неуплату долгов; я выговариваю, усовещаю: как это нехорошо, что лучше перетерпеть нужду, что это вредит во мнении начальства, а между тем судья хуже подсудимых: он берег деньги у своего казначея. Я не знаю только, отчего гр. Панин желает держать меня в этой нужде, предоставляя богатым богатое содержание». (Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Рус. архив. 1910. Кн. 3. С. 249).

56 *Помилуйте; он карбонарий...* — Слова Тарелкина про Шило — реминисценция реплики Фамусова о Чацком: «Ах, Боже мой! Он карбонарий! 〈...〉 Да он властей не признает!» («Горе от ума», д. II, явл. 2). Карбонарий (от *итал.* carbonari — угольщик) — член существовавшего в Италии в первой половине XIX в. тайного общества, боровшегося против чужеземного ига; организации карбонариев были также во Франции и других странах.

57 *Ракалия* — слово бранной лексики, означающее: негодяй, мерзавец, подлец.

58 *...повесил он мне на шею Анну...* — Орден св. Анны имел четыре степени. В виде креста на шее носили орден второй степени.

59 *Капитан* — военный (армейский) чин IX класса. Ему соответствовал гражданский чин — титулярный советник.

60 *...мы имеем сходство с Титанами...* —В древнегреческой мифологии титаны, дети Урана (Неба) и Геи (Земли), вели борьбу с олимпийскими богами. Зевс наслал против

титанов сторуких великанов; они отрывали от гор целые скалы и швыряли их в титанов, которые были побеждены и низвергнуты в Тартар, вековечную тьму.

[61] *...полицейский чиновник Лапа...* — Такую фамилию носил старший полицмейстер Нижнего Новгорода (см., например: *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни: Воспоминания. 1820—1870. Т. 2. С. 397). С.-К. вполне мог слышать о Лапе: Выкса, куда часто наезжал драматург, находилась в Нижегородской губернии.

[62] *Там, где сердце нараспашку, / Наголо, как в старину!..* — Источник не установлен. Возможно, что двустишие сочинено самим С.-К.

[63] *Приказные* — так называли тех, кто служил в приказах (органах центрального управления) в Московском государстве XVI—XVII вв. Позднее — презрительное прозвище чиновников.

[64] *...с тятинькой списывался.* — В лейпцигском издании «Дела» названы имя и отчество «тятиньки» — Кастор Никифорович (см. в наст. изд. раздел «Другие редакции и варианты»). Так звали крупного чиновника сенатора К. Н. Лебедева (1812—1876). В 1850-х годах он — обер-прокурор одного из департаментов Правительствующего Сената. Имел отношение к судебному делу об убийстве Л. Симон-Деманш, был настроен враждебно к С.-К. Дневник К. Н. Лебедева печатался в «Русском архиве». Упоминая в пьесе «тятиньку», С.-К. поначалу предавался язвительной игре с редким именем (Лебедев — Кастор, Тарелкин — Касторович) и метил в Лебедева как неправедного, корыстного судью. В издании 1869 г. имя и отчество «тятиньки» отсутствуют. Место это оказывается не совсем ясным для читателя.

[65] *...один, сударыня, судеец ∽ купил пятьсот душ вотчину...* — К середине XIX в. имения старинных дворянских родов все чаще переходят к новым хозяевам из чиновников.

[66] *...он их с Аннибалом переходил...* — Ганнибал (Аннибал) — выдающийся карфагенский полководец (247—183 до н. э.). Весной 218 г. совершил знаменитый пятнадцатидневный переход через Альпы и вторгся на территорию Римского государства.

[67] *...званый обед на набережной...* — Видимо, имеется в виду Зимний дворец, резиденция русских царей и их семей на набережной Невы. Ср. письмо А. С. Пушкина к А. А. Бестужеву от 24 марта 1825 г.: «Где у меня сатира? о ней и помину нет в „Евгении Онегине“. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры».

[68] *И предаст тя соперник Судии...* — Иван Сидоров вспоминает проповедь Христа: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта». (Евангелие от Матфея, 5, 25—26).

[69] *Столоначальник* — чиновник, управляющий столом (отделом в канцелярии).

[70] *Кодрант* — мелкая медная монета.

[71] *В отечестве нашем ∽ сорок девять губерний...* — Указано число губерний только в европейской части России, притом без Польши, Финляндии и Кавказа.

[72] *...или даже куньими деньгами.* — Имеются в виду меховые шкурки, предшественницы денежных знаков.

[73] *...мне временное отделение в вотчину и наслали...* — До судебной реформы 1864 г. временное отделение земского суда (полицейского учреждения в уезде) создавалось для проведения следствия по судебному делу в уездном центре или на местах. Обычно входили в него должностные лица (исправник, становой пристав и т. п.), а также представители соответствующих характеру дела казенных учреждений и той сословной группы, к которой относился обвиняемый.

[74] *Когда поступило дело в Палату...* — Гражданская и Уголовная Палаты — высшие судебные инстанции в губернии до судебной реформы.

[75] *...а Сенат опять взошел...* — Правительствующий Сенат — высшая апелляционная инстанция в России; его члены назначались императором по представлению министра юстиции из гражданских и военных лиц первых трех классов. Сенат контролировал правительственный аппарат, осуществлял общий надзор за судебной деятельностью, обсуждал приговоры с точки зрения соблюдения форм судопроизводства.

[76] *...какие же у вас ∽ патенты?* — Академический словарь в 1822 г. так объяснял значение французского слова «патент»: «Грамота, свидетельство, даемое на чины за подписанием Государя или высшего Правительства и с приложением Государевой печати» (Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. 4.

Стб. 808—810). Однако в середине XIX в. «патент» употребляется в более широком, переносном смысле. Ср. в «Былом и думах» сатирический портрет министра народного просвещения графа С. С. Уварова: «Вроде патента он носил в кармане письмо от Гете, в котором Гете ему сделал прекурьезный комплимент, говоря: ,,Напрасно извиняетесь вы в вашем слоге; вы достигли до того, до чего я не мог достигнуть, — вы забыли немецкую грамматику“» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 126). В стихотворении А. А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1883): «Вот наш патент на благородство. . .».

[77] *Суды ваши — Пилатова расправа.* — Понтий Пилат — римский прокуратор, управлявший Иудеей с 26 по 36 г. Учинял массовые избиения безоружных людей, казни без суда. Согласился на распятие Христа, хотя знал о его невиновности.

[78] *Непотребный дом* — публичный дом, дом терпимости. При Николае I «непотребство» было официально запрещено, в то же время созданы врачебно-полицейские комитеты для надзора за проститутками.

[79] *Съезжий дом* (съезжая изба, или просто «съезжая») — помещение для арестованных в каждой полицейской части.

[80] *Его Превосходительство справедливо говорит — драка будет. . .* — В начале 60-х годов угроза революции казалась вполне реальной властителям России. Так, 6 марта 1862 г. шеф жандармов — главный начальник III отделения В. А. Долгоруков во «всеподданейшем докладе» доносил Александру II: «. . .настоящее внутреннее политическое положение чрезвычайно натянуто. Оно делается некоторым образом опасным потому еще, что общее безденежье, застой в торговле и промышленности и предвидимая, по примеру истекшего года, неуспешность полевых работ, в продолжение неопределенного времени, угрожает России бедствиями пауперизма, на которые обыкновенно рассчитывают злоумышленные руководители народов» (Цит. по кн.: Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 120).

[81] *Меледá* — просторечное наименование какого-нибудь незначительного, но требующего много времени, канительного дела.

[82] *. . .смешение языков. . .* — Библейский миф повествует о попытке построить в Вавилоне башню, которая должна была достигнуть неба. Разгневанный бог «смешал языки» строителей, охваченных непомерной гордыней (Бытие 11, 9). Они перестали понимать друг друга и не могли продолжать постройку.

[83] *Насыкаться* (насыкиваться) — порываться, кидаться.

[84] *Ладанка* (ладонка) — небольшой мешочек с ладаном или каким-либо талисманом. Его носят на груди для предохранения от зла.

[85] *Ломбардные билеты.* — удостоверения о том, что названные в них вещи сданы в ломбард на хранение или под залог с указанием стоимости вещей. Билеты были именные и безымянные, срочные и бессрочные.

[86] *Гофманские капли* — лекарство, изобретенное знаменитым немецким врачом Фридрихом Гоффманом (1660—1742). Капли представляли собой смесь очищенного серного эфира с 90 %-ным винным или этиловым спиртом. Применялись как общеукрепляющее, тонизирующее средство.

[87] *Левиафан* — огромное морское чудовище из библейского мифа (Книга Иова, гл. 40 и 41).

[88] *. . .найму квартирку у Успенья на Могильцах, в Мертвом переулке. . .* — В Москве в XIX в. было два Мертвых переулка. Правда, один из них, что у Никитских ворот, ко времени сочинения «Дела» уже именовался Долгоруким (с конца века — Столовым). Другой Мертвый переулок — тот, куда собрался Тарелкин, — находился на Пречистенке, в районе нынешней Кропоткинской улицы. Здесь был погост при церкви Успенья. Хоронить на погосте запретили еще в петровские времена. Но название Могильцы закрепилось за местностью. Церковь, которая в XVIII в. была «выстроена вновь и украшена» купцом Васильевым (см.: *Добряков П. С.* Сказание о московском гражданине 1-й гильдии купце Семене Прокофьевиче Васильеве // Москвитянин. 1842. № 1. С. 325), всегда так и именовалась: церковь Успенья на Могильцах. Есть две версии происхождения названия Мертвого переулка на Пречистенке: «Название, может быть, по домовладелице начала XVIII в. вдове Мертваго; иные связывают название переулка с чумой, когда вымерло здесь все население и было похоронено невдалеке, у церкви Успенья на Могильцах» (По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительским учреждениям. М., 1917. С. 338). Мертвый переулок в 1937 г. был переименован в переулок Н. А. Островского. Та же московская топонимика (церковь Успенья на Могильцах, Мертвый переулок) — у А. П. Чехова в пародийно-юмористическом рассказе «Страшная ночь» (1884).

[89] *...как Даниил, вверженный в ров львиный...* — Жизнь Даниила, одного из четырех «великих пророков» израильского народа, описана в Библии, в «Книге пророка Даниила». Он проповедовал идею мессии, избавителя еврейского народа от рабства. За неисполнение царского указа Даниила бросили в ров, где были львы, и только чудо спасло его от неминуемой смерти.

[90] *Разбой!.. Муромские леса!..* — Эти леса, раскинувшиеся в двух губерниях — Нижегородской и Владимирской, знамениты с давних времен разбойным людом. По преданию, один из предков драматурга по материнской линии Андрей Родионович Баташов «покровительствовал открыто разбойникам, скрывавшимся в Муромских лесах, пограничных с его заводами, и получал от них свою долю грабежа. Пощады не было никому. Стоит еще и теперь на большой дороге, идущей лесом, деревушка, названная *Гибловкой,* потому что путешественники, ехавшие мимо нее, были обречены верной смерти». (*Толычева Г.* Несколько слов о семействе Баташовых // Рус. архив. 1871. Кн. 2. С. 1113—1114). С.-К. не единожды бывал в этих лесах, ибо близ них находились Выксунские чугунолитейные заводы, опекуном которых был его отец.

[91] *Слово и Дело!!..* — В XVII—XVIII вв. тот, кто узнавал о сказанных словах или задуманных делах против императора, обязан был под угрозой смертной казни произвести «Слово и дело государево», то есть донести. Правительство лишь в 1872 г. изъяло из употребления это выражение. Муромский, говоря «Слово и Дело!!», подразумевает, что сановники, попирая законы, совершают преступление против самого царя.

[92] *...Бурцов, буйный забияка...* — Князь вспоминает строку из популярного в первые десятилетия XIX в. стихотворения Дениса Давыдова «Бурцову. Приглашение на пунш» (1804): «Бурцов, ёра, забияка...». Александр Петрович Бурцов, сослуживец Д. В. Давыдова по Белорусскому гусарскому полку, прослыл величайшим гулякой. О нем писали Пушкин, П. А. Вяземский и др. Князь намекает Весьма важному лицу: Муромский — из вольной плеяды людей 1812 года, из тех, кто выходил или мог выйти 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь, кто способен был во всяком случае сочувствовать декабристам.

[93] *...и по гроб полишинель!!..* — Полишинель — популярный персонаж французской народной комедии из репертуара кукольного театра. Тарелкин, вероятно, имеет в виду простоту, наивность Полишинеля, секреты которого известны всем (отсюда выражение «секрет Полишинеля»).

[94] *...схватить чин да кавалерию...* — Тарелкин говорит о своих надеждах на повышение в чине и получение орденов (ср. «кавалер ордена»).

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

[1] *Николай Дмитриевич Шепелев* — двоюродный брат матери С.-К. (их отцы были родными братьями), один из владельцев Выксунских чугунолитейных заводов и там же построенного театра, «который с честью мог бы занять место не только в любом из наших провинциальных городов, но мог равняться с тогдашними столичными нашими сценами, по крайней мере, с московскими. В наших провинциях еще не было оперных театров, — кроме Одессы и Риги — и театр Шепелева по праву занимал единственное место во всей внутренней России» (*Афанасьев Н. Я.* Воспоминания // Ист. вестн. 1890. № 7. С. 39. См. также: *Глушковский А. П.* Воспоминания балетмейстера. М.; Л., 1940. С. 132—134; *Стрепетова П. А.* Воспоминания и письма. М.; Л., 1934. С. 72, 73). Н. Шепелев, судя по дошедшим до нас отрывочным отзывам современников, был мягким и нерешительным человеком, не любившим и не умевшим заниматься жизненной прозой, хозяйственными делами. Именно театр поглощал более всего его время и силы. На сцене Выксунского театра ставились самые разные спектакли, драматические и музыкальные. Шла там и «Свадьба Кречинского» (см.: *Комовская Н. Д.* Из истории крепостного театра на Выксе // Люди русского искусства. Горький, 1960. С. 51).

[2] *Деятельность моя перешла в другие, высшие сферы...* — После завершения трилогии С.-К. больше не писал новых художественных произведений (не считая миниатюр «Квартет» и «Торжественное соглашение батюшки с миром»). Почти до конца жизни он занят собственными трудами по философии, а также переводами сочинений Гегеля. Изданы его философские труды и переводы не были. Частично они погибли при пожаре в Кобылинке

в 1899 г. В ЦГАЛИ хранятся философские материалы из французского архива С.-К., они еще ждут своего изучения.

[3] ...*в смысле аффирмации...* — С.-К. в данном случае имеет в виду вескость, доказательность, убедительность содержания своих «драматических опытов».

[4] ...*забыть ту Злобу, которая, по словам Писания, каждому Дневи довлеет...* — С.-К. имеет в виду известный евангельский текст: «...довлеет дневи злоба его» (Евангелие от Матфея, 6, 34).

[5] *Антиох Елпидифорович Ох...* — В Туле, а затем в Новгороде был губернатором генерал Елпидифор Антиохович Зуров (1798—1871), впоследствии сенатор (см.: *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 93). Герцен, отбывавший ссылку в Новгороде в роли советника губернского правления, посвятил своему бывшему патрону несколько не очень лестных страниц в «Былом и думах» (Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 77—80, 90—92). С.-К. мог знать Зурова или, по крайней мере, слышать о нем.

[6] *Квартальный надзиратель* — полицейский чиновник, стоящий во главе квартала (подразделения части), низшей полицейской инстанции. О доходах московских квартальных рассказывает Е. И. Козлинина: «...оклад квартального надзирателя не превышал 50 руб., из которых производились еще вычеты, а его помощника — 28 рублей. ⟨...⟩ Денег же, отпускаемых квартальному надзирателю на содержание канцелярии, не хватало на необходимую бумагу и книги, не говоря уже о помещении»; «...доходы считались принадлежностью той или другой должности, которая сообразно этому и оценивалась не по окладу жалованья, а по количеству доходов, какие на том или другом месте можно было извлечь. Это особенно ярко отражалось на полицейских кварталах; в Москве их было около 70-ти, и каждый надзиратель, назначенный в тот или другой квартал, заранее знал, на что он там может рассчитывать. Это знало и начальство, назначавшее его туда, и таким образом и поощрение и кара по службе определялись переводом служащего из одного квартала в другой. Доходность каждого из кварталов была в высшей степени неравномерна и колебалась для квартального надзирателя от 2 до 40 тысяч в год». (*Козлинина Е. И.* За полвека. 1862—1912. С. 11—12, 13). В «Былом и думах»: «...*история делается* под палкой квартального и под надзором жандарма» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 392).

[7] *Крестьян Крестьянович Унмеглихкейт...* — Фамилия этого персонажа — немецкое слово, означающее «невозможность» (Unmöglichkeit). Имя и отчество — подвергшиеся народно-этимологическому преобразованию, то есть руссифицированные Христиан Христианович.

[8] ...*сальдировал долги...* — произвел сальдо, определил итог.

[9] ...*чухонский мозг...* — Чухонцы (чухны) — название (часто пренебрежительное) финнов, живших в окрестностях Петербурга.

[10] *Ведь мы люди теплые?* — См. примеч. 16 на с. 338.

[11] *Аспиды* — семейство ядовитых змей, укус некоторых из них смертелен.

[12] *Знаешь ли, что такое Генерал?* — Чиновники любили представляться военными званиями. По свидетельству современника и историка николаевского времени, «каждый действительный статский советник в душе своей воображал себя генералом». (*Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 507). Варравин в армии именовался бы генерал-майором.

[13] *Пощадите, батюшка, Ваше Сиятельство.* — Испуганная кухарка величает Варравина как князя.

[14] ...*двое хожалых, двое добросовестных...* — Хожалый — рассыльный, служитель при полиции, полицейский солдат. Добросовестный (добросовестный свидетель, или добросовестный присяжный свидетель) — понятой. Участковый добросовестный «обыкновенно избирался обывателями из своей среды на определенный срок, и на его обязанности было присутствовать в качестве добросовестного свидетеля при каждом разбирательстве в квартале как по мелким, так и по всем крупным делам, и без его подписи полицейские протоколы были не действительны». (*Козлинина Е. И.* За полвека. С. 2—3). Комически описана правовая роль добросовестного в «Былом и думах» (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 181—182). В 50—60-х годах хожалый из полиции как отпетый охранитель-запретитель — характерная фигура в публицистике. «Публика, вперед! Народ, назад! так воскликнул многозначительно один хожалый». Это концовка знаменитой статьи друга юности С.-К. К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ» (Молва. 1857. 14 дек. № 36. С. 410—411), статьи, после которой газета закончила свое существование. Сатири-

ческий портрет властительного пигмея дан в неоконченном фельетоне В. А. Слепцова «Письмо из Москвы» (1865) (ЛН. М., 1963. Т. 71. С. 346).

[15] *. . .к Его Высокопревосходительству. . .* — Так титуловали чиновников первых двух классов — канцлеров (генерал-фельдмаршалов) и действительных тайных советников (полных генералов). Варравин опасается, как бы Тарелкин не переслал его бумаги к сановнику даже поважнее Важного лица — тайного советника.

[16] *Когда пошла эмансипация женщин ∽ дабы снять кринолину. . .* — После 1855 г. в России резко усилилось стремление женщин, особенно молодого поколения, к освобождению (эмансипации) от ограничений, налагаемых на их труд и быт (см.: *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России: 50—60-е годы XIX в. Л., 1984). Власти зачастую старались остановить активизировавшийся процесс. В частности, особое попечение проявлялось о ношении кринолина (кринолины) — широкой юбки на тонких обручах. Нижегородский генерал-губернатор Н. А. Огарев в октябре 1866 г. (отношение № 140, напечатано в «Нижегородских губернских ведомостях») объявил жителям: «Замечено им, что на улицах Нижнего Новгорода встречаются иногда дамы и девицы, носящие особого рода костюм, усвоенный так называемыми ,,нигилистками", и всегда почти имеющие следующие отличия: круглые шляпы, скрывающие коротко остриженные волосы, синие очки, башлыки и отсутствие кринолина 〈. . .〉 Со дня преступления 4 апреля среда, воспитавшая злодея, заклеймена в понятии всех благомыслящих людей, а потому и ношение костюма, ей присвоенного, не может в глазах блюстителей общественного порядка не считаться дерзостью, заслуживающею не только порицания, но и преследования». (ЛН. М., 1935. Т. 22—24. С. 223). Герцен, перепечатав в «Колоколе» мудрствования Н. А. Огарева, так объяснил истоки генерал-губернаторского вдохновения: «Несмотря на известные способности генерал-адъютанта Огарева как костюмера и портного и на легкость гермафродитного перехода от рейтуз к юбкам и кринолинам, мы не думаем, чтоб эта *скотская* и позорная мера принадлежала ему. Мы ее прежде видим в Москве. Мера эта идет из Петербурга, она останется меркой бездонной глупости прогрессивного правительства». (Колокол. 1867. 1 янв. Л. 231—232. С. 1895).

[17] *. . .ломовые дроги. . .* — Ломовой извозчик, ломовая лошадь — предназначенные для перевозки тяжелых грузов. Дроги — длинная погребальная повозка без кузова.

[18] *. . .вы, стало, страдали?* — Здесь и далее Тарелкин в духе своей недавней надгробной речи говорит о душевных страданиях, но Расплюев явно имеет в виду страдания физические, побои.

[19] *Вы слыхали, у Паганини хорош был инструмент?* — Николо Паганини (1792—1840) — великий итальянский скрипач и композитор. О нем самом и его скрипке существовало множество легенд.

[20] *. . .все хляби мои, стало-мол, разверзлись. . .* — Хлябь — глубь, бездна.

[21] *По протомойству.* — Протомоя (портомоя) — прачка.

[22] *Часть* — полицейская контора.

[23] *Алтын* — старинная русская монета достоинством в три копейки.

[24] *. . .господин квартальный поручик. . .* — Варравин почтительно-насмешливо титулует Расплюева военным чином XII класса.

[25] *. . .я ∽ кавказский герой, — я Шамиля брал.* — Шамиль (ок. 1798—1871) — вождь национально-освободительного движения горских народов Кавказа, десятки лет боровшийся против захватнической политики царского правительства России. В августе 1859 г. Шамиль был вынужден сдаться русской армии. 20 сентября главнокомандующий Кавказской армией князь А. И. Барятинский оповещал ее: «Вследствие всеподданнейшего донесения моего Государю Императору о штурме Гуниба и взятии в плен Шамиля Его Императорское величество в собственноручном рескрипте ко мне от 11 сентября соизволил начертать: ,,Слава тебе, господи! И честь и слава тебе и всем нашим Кавказским молодцам!" Спешу передать эти слова и вместе с тем поздравить сим войска Кавказской армии» *(Ольшевский М. Я.* Князь А. И. Барятинский // Рус. старина. 1880. № 4. С. 804). «Кавказский герой» — привычное словосочетание для середины XIX в.

[26] *Брегет* — карманные часы-хронометр. Выпускались в мастерской знаменитого французского часовщика Бреге (1747—1823).

[27] *Вид* — вид на жительство; так официально именовался паспорт.

[28] *. . .надворный советник Сила Копылов.* — Копылов имел чин VII класса. Таким образом, Тарелкин, преобразуясь в Копылова, понизил себя на один класс.

[29] . . *.Вуйдалак? ∽ Вудкоглак? Упырь? ∽ Мцырь?* — Вовкодлак, волкулак, волколак (от церковно-славянского влъкодлак — волчья шерсть) — оборотень, принимающий вид волка; колдун или околдованный обыкновенный человек. Поверья о вовкодлаках, известные уже у скифов, в средние века бытовали у многих народов. В XIX в. сохранились только у некоторых славянских народов. Южнославянские легенды объединяют вовкодлака с упырем. Тот человек, кому суждено стать оборотнем, — злой, хитрый, удачливый, умирает мгновенно. Мцырь — выдумка Варравина, потешающегося над невежеством Расплюева; на самом деле это послушник в грузинских монастырях.

[30] *Хобот как жало скорпиона и крепости адамантовой.* — Скорпион — насекомое, ведущее ночной образ жизни, имеет ядовитое жало, орудие защиты и нападения. Укусы тропических скорпионов иногда приводят к смертельному исходу. Адамант — алмаз, бриллиант; адамантовый — в переносном смысле: крепкий, несокрушимый.

[31] *Частный Дом* — помещение полицейской части.

[32] *Выходец с того света — Оборотень. . .* — По народным поверьям, люди-оборотни могли превращаться в зверей, деревья и кусты, камни и т. д.

[33] *. . .Крррест — Георгиевский. . .* — Орден святого Георгия Победоносца был учрежден в 1769 г. Все четыре степени ордена, которым награждали за военные заслуги, давали право потомственного дворянства.

[34] *Ох (г р о з я п а л к о й).* — В 1860 г. писатель В. Ф. Одоевский в своем дневнике записывал: «Вот уж русские люди: держат над ними палку — ниже травы; немного отдохнут, — давай над всем свою власть показывать, — не для чего иного, а так, чтобы посамоуправствовать» (ЛН. Т. 22—24. С. 108).

[35] *. . .как Суворов Прагу — штурмом взял!* — В 1794 г. А. В. Суворовым было взято предместье Варшавы — Прага.

[36] *Исполать* — слава, хвала (употреблялось в восклицательных обращениях).

[37] *Дединьки* — народное: деды, прародители. В устах Расплюева смысл этого слова не вполне ясен.

[38] *Здрррр. . .ааствуй, милая, хорошая моя. . .* — Расплюев выкрикивает начало народной песни, ставшей популярным романсом в обработке композитора А. Е. Варламова. Приведенной здесь начальной строкой («Здравствуй, милая, хорошая моя!») назван рассказ Щедрина, впервые опубликованный в «Современнике» (1864, № 1), затем вошедший в состав цикла «Помпадуры и помпадурши».

[39] *. . .не прошло еще наше время! . .* — Реформы 1860-х годов не смогли оградить подданных Российской империи от полицейского произвола. Не случайно значительно более поздний по времени фельетон Власа Дорошевича назван «Расплюевские веселые дни» и весь построен на цитатах и реминисценциях из «Смерти Тарелкина». Фельетон посвящен А. М. Крюковскому, становому из Тамбовской губернии, который решил, что учительница М. Г. Лавровская — хитро замаскированный мужчина. Полицейские под водительством станового «освидетельствовали» Лавровскую. Приговор суда за полицейское бесчинство станового был мягок: «Вычесть шесть месяцев из времени его службы».

[40] *. . .святые угодники и архистратиги. . .* — Святые угодники — причисленные к лику святых. Архистратиг — военачальник, главный воевода; так именовался в Библии один из семи архангелов — Михаил.

[41] *Все наше! Всю Россию потребуем ∽ всякого подвергать аресту.* — Эти речи Расплюева, возможно, отражают историческую ситуацию, возникшую в России после предпринятой 4 апреля 1866 г. попытки Д. В. Каракозова убить Александра II. «Ночью с восьмого на девятое апреля начинается период поголовного хватания. ⟨...⟩ Брали всех и каждого, кто только был оговорен, чье имя было произнесено на допросе кем-нибудь из взятых или находилось в захваченной переписке. Брали чиновников и офицеров, учителей и учеников, студентов и юнкеров; брали женщин и девочек, нянюшек и мамушек, мировых посредников и мужиков, князей и мещан; допрашивали детей и дворников, прислугу и хозяев; брали в Москве, брали в Петербурге, брали в уездных городах, в отдаленных губерниях; брали в селах и деревнях; брали в посадах и местечках, брали, брали и брали по такой обширной программе, что никто и нигде не чувствовал себя безопасным, кроме членов комиссии и сотрудников *Московских ведомостей*. Обыски производили у всех малейше заподозренных лиц; полиция в своем холопском усердии доходила до высококомического» (*Один из сосланных под надзор полиции [Н. А. Вормс]*. Белый террор // Колокол. 1867. (1 янв. Л. 231—232. С. 1891). 1 ноября 1866 г. было обнародовано «Высочайшее повеление о пространстве и пределах власти губернаторов».

Московский обер-полицмейстер Н. У. Арапов издал циркуляр, воспрещающий в церквах петь хорам без его позволения. «Вот уж куда проникает действие полиции. ⟨. . .⟩ Распространение власти губернаторов приносит горькие плоды». — комментировал происходившие перемены В. Ф. Одоевский (ЛН. Т. 22—24. С. 223; ср.: *Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1956. Т. 3. С. 55).

[42] *Холера болезнь, и то вона какую жатву доставила. . .* — в 50—60-х годах XIX в. эпидемии холеры в России не прекращались. В 1855 г. по неполным официальным данным заболело холерой свыше 330 тысяч человек, из них умерло более 130 тысяч; в 1866 г. заболело около 209 тысяч, скончалось свыше 72 тысяч. Администрация и полиция использовали так называемые «холерные годы» для усиления взяточничества (одна из причин «холерных бунтов»).

[43] *Обер-Полицимейстер* — глава полицейского управления Петербурга.

[44] *. . .это Фрей Масон?* — Унмеглихкейт называет на немецкий лад франкмасона. Тайное религиозно-мистическое движение франкмасонов («вольных каменщиков») возникло в начале XVIII в. в Англии и затем распространилось по многим странам. Главной целью масонских лож были моральное самосовершенствование, благотворительная деятельность; масоны осуждали правительственный деспотизм, церковный фанатизм. В России причастные к масонским ложам подвергались осуждению, гонениям, а в 1822 г. масонские ложи были окончательно, безоговорочно запрещены.

[45] *Ономнясь* — недавно, намедни.

[46] *Темная* — полицейский карцер.

[47] *. . .я адрес!! . . У подножия Престола. . .* — При Александре II либерализовавшиеся верхи общества составляли по разным поводам адреса-обращения на высочайшее имя, т. е. самому императору.

[48] *Насыкивается* — См. примеч. 83 на с. 343.

[49] *. . .Вологоны проклятые, лукоперы. . .* — Возможно, эти слова — плоды словотворчества С.-К., его изобретение. «Лукопер» есть в «Словаре русских народных говоров», но ни одно значение этого слова не может прямо соответствовать реплике Расплюева. Видимо, он выражает презрительное отношение к «мушкатерам», к их невежественности.

[50] *Городовой* — низший полицейский чин. «. . .городовые получали по 3 рубля в месяц и готовое помещение, то есть будку, в которой, кроме городового и его семьи, помещался еще подпасок, или мушкатер, остававшийся на часах у будки в то время, когда городовой куда-нибудь отлучался». (*Козлинина Е. И.* За полвека. С. 12).

[51] *Ведь это для тягол, это для тягольного счета.* — Тягло было условной единицей при определении крестьянских повинностей помещику и государству.

[52] *Томбукту* (Тимбукту) — важный узел караванных путей и торговый центр Южной Сахары.

[53] *Формуляр-то* — Формулярный, или послужной, список — главный документ, удостоверявший служебное, семейное и имущественное положение чиновника.

[54] *А аттестаты-то. . .* — В аттестат записывались все сведения о личности, состоянии и службе. Он выдавался чиновнику при отставке. Этот документ, считавшийся бессрочным паспортом, был для чиновника и его семейства свидетельством о праве на дворянство.

[55] *. . .с каким угодно удобрением: Компосты ли захотите, или костяное, или жидкое. . .* — Компост — удобрение из смеси различных веществ растительного, животного, минерального происхождения. Костяное — костяная мука.

[56] *Либихов Порошок* — Речь идет об одном из изобретений знаменитого немецкого химика Юстуса Либиха (1803—1873). Либих — один из основателей агрохимии, создатель теории минерального питания растений, приведшей к широкому внедрению минеральных удобрений в земледелии.

[57] *Левассор* Пьер Тома (1808—1870) — оперный певец и исполнитель комических песенок-куплетов. Прославился искусством трансформации. В одном водевиле мог исполнять до десяти ролей. В 1857 г. актер с большим успехом выступал в Москве на сцене Малого театра и в светских салонах. По воспоминаниям актера и писателя И. Ф. Горбунова, «. . .все находились под впечатлением левассоровских куплетов. Левассор исполнял их превосходно, и грим был необыкновенный, чему немало способствовала подвижность его личных мускулов» (*Горбунов И. Ф.* Соч. СПб., б. г. Т. 2. С. 600). С.-К. наверняка видел выступления Левассора в Париже или Москве.

Дополнения

КВАРТЕТ

Впервые: *Рудницкий К. Л.* Новые материалы о Сухово-Кобылине // Ежегодник Института истории искусств. 1955. Театр. М., 1955 (в дальнейшем: *Новые мат-лы*). С. 290—291.

Автографы и писарские копии хранятся в ЦГАЛИ и РО ИРЛИ. На писарской копии, которую С.-К. в ноябре 1893 г. послал А. А. Александрову, редактору журнала «Русское обозрение», указана дата «1889 год» (ЦГАЛИ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 493). Дата на другой писарской копии — «19 марта 1900 г.» (там же, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 203) — означает, следовательно, не время создания сатиры, а только день ее переписки. Печатается по авторизованной писарской копии.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОГЛАШЕНИЕ БАТЮШКИ С МИРОМ ИЛИ ТАРИФ НА РАЗДРОБИТЕЛЬНУЮ ПРОДАЖУ ДАРОВ ДУХА СВЯТАГО (СЦЕНА ИЗ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ)

Впервые цитаты и пересказ: *Новые мат-лы.* С. 299—300.

Творческая история прослежена в статье О. Быковой «Невідомий твір О. В. Сухово-Кобилина „Сцена из сельской жизни“» (Наук. зап. Чернівецьк. ун-та. 1954. Сер. філолог. наук. Т. 5. Вып. 1. С. 27—38). Два черновых автографа и две писарские копии хранятся в ЦГАЛИ (ф. 438, оп. 1, ед. хр. 198, л. 1—6). На первом автографе дата: «1892 г. 25 Дек.». Полностью публикуется впервые.

⟨АВТОБИОГРАФИЯ⟩ (1898)

Впервые цитируется: *Новые мат-лы.* С. 297.

Два варианта автографа, датированных 1 марта 1898 г., и писарская копия от 7 июня 1899 г. хранятся в ЦГАЛИ (ф. 438, оп. 1, ед. хр. 310, л. 1—4 об.). Полностью публикуется впервые.

⟨АВТОБИОГРАФИЯ⟩ (1902)

Впервые: Théâtre de la Renaissance. [Paris, 1902].

Две цитаты приведены Л. П. Гроссманом (Преступление Сухово-Кобылина. Л., [1927]. С. 54). Автограф неизвестен. Автобиография была записана со слов С.-К. русским ученым М. М. Ковалевским 25 января 1902 г. на вилле С.-К. в Болье (ЦГАЛИ, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 253, л. 71 об.). См. неопубликованные воспоминания М. М. Ковалевского (Архив АН СССР, ф. 603, оп. 1, ед. хр. 126, л. 248). Автобиография предназначалась для парижского театра «Ренессанс», который поставил в начале 1902 г. «Свадьбу Кречинского». При публикации текста в театральной брошюре допущена явная ошибка: сказано, что пьеса «Расплюевские веселые дни» была поставлена в Петербурге под названием «Смерть Тарелкина». Полный перевод публикуется впервые.

1895 ГОД. 40-ЛЕТИЕ СВАДЬБЫ КРЕЧИНСКОГО

Впервые цитируется в кн.: *Рудницкий К.* А. В. Сухово-Кобылин: Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 40—41. Полностью печатается впервые по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. 438, оп. 1, ед. хр. 251) и представляющему собой запись, адресованную племяннику С.-К. Евгению Андреевичу Салиасу (Салиасу де Турнемиру), сыну Евгении Тур.

ПИСЬМО К Ю. Д. БЕЛЯЕВУ

Впервые цитируется: *Новые мат-лы.* С. 289—290, 291—292.

По верному наблюдению исследователя, письмо «тщательно редактировалось Сухово-Кобылиным и, вернее всего, ⟨. . .⟩ предназначалось для печати». Полностью публикуется впервые.

Автографы и писарские копии восьми вариантов письма хранятся в ЦГАЛИ (ф. 438, оп. 1, ед. хр. 256, л. 1—17 об.). Хронологическая последовательность вариантов письма:

I. (л. 11—12) — автограф без даты; очевидно, до 3 июля 1895 г.

II. (л. 1—2 об.) — автограф 3 июля 1895 г. Кобылинка.

III. (л. 3—4 об.) — писарская копия с большой правкой С.-К. 4 июля 1895 г.

IV. (л. 5—6 об.) — писарская копия с большой авторской правкой, все страницы перечеркнуты. 5 июля 1895 г. Кобылинка.

V. (л. 7—8 об.) — писарская копия с большой авторской правкой, л. 7, 7 об. и половина 8 л. зачеркнуты красным карандашом. 3 июля 1899 г. Болье.

VI. (л. 9—10 об.) — писарская копия с авторской правкой. 28 июля 1900 г. с. Александровка (имение сестры драматурга Е. В. Петрово-Соловово в Тамбовской губернии).

VII. (л. 13—14 об.) — черновой карандашный автограф без даты, вероятно, после 28 июля 1900 г.

VIII. (л. 15—15 об., 16—17 об.) — писарская копия с авторской правкой; л. 16—16 об. перечеркнуты красным карандашом, вся правка С.-К. переписана на л. 15—15 об.; письмо читается в таком порядке: л. 15, 15 об., часть л. 16 об., л. 17, 17 об. Без даты, вероятно, после 28 июля 1900 г.

Последний вариант, перенасыщенный философскими терминами, С.-К., видимо, не считал завершенным и вносил в него исправления (чернилами и карандашом). Печатается VI вариант, датированный 28 июля 1900 г.

Юрий Дмитриевич Беляев (1876—1917) — театральный критик и драматург, автор книг «Актеры и роли» (СПб., 1902), «Мельпомена» [СПб., 1904]. Летом 1895 г. начинающий девятнадцатилетний журналист Юрий Беляев был в Тульской губернии и случайно узнал, что в Кобылинке живет С.-К. «Стыдно признаться, но почему-то я считал его умершим, и желание скорее видеть автора „Свадьбы Кречинского" так сильно забродило во мне, что в ту же ночь написал я письмо и послал с нарочным в Кобылинку. Ответ пришел на другой день. На желтоватой бумаге с вытесненным фамильным гербом прочел я ласковые строки, писаные дрожащей старческой рукой. Александр Васильевич писал, что, несмотря на свое решительное намерение сделаться затворником, он свято чтит заветы деревенского соседства и приглашает меня такого-то числа к обеду» (*Беляев Юр.* А. В. Сухово-Кобылин // Новое время. 1903. 16 марта. № 9709. С. 4; перепечатано в его сборнике «Мельпомена», с. 101—102).

О своей первой встрече с С.-К. критик рассказал в очерке «У А. В. Сухово-Кобылина» (Новое время. 1899. 2 июня. № 8355. С. 2); в сборнике «Мельпомена», кроме упомянутого очерка «А. В. Сухово-Кобылин», были напечатаны воспоминания о драматурге (с. 109—115). Беляевские очерки — занимательные и достоверные — заново открыли читающей России живого, непобежденного С.-К. 5 июля 1895 г. драматург послал Беляеву экземпляр «Картин прошедшего» с дарственной надписью и тремя пометами на полях (Ленинградская театральная библиотека им. А. В. Луначарского).

В публикуемом письме, как и последующем (к В. С. Кривенко) дается обращение NN, поскольку С.-К., правя письма и, очевидно, готовя их к распространению, произвел именно такую замену в обращениях.

ПИСЬМО К В. С. КРИВЕНКО

Впервые как письмо к анонимному лицу и без даты: *Дризен Н. В.* К биографии А. В. Сухово-Кобылина // Ист. вестн. 1903. № 4. С. 220—222.

По словам Н. В. Дризена, пьесой «Смерть Тарелкина» «заинтересовалось одно лицо, имевшее влияние как в цензурном комитете, так и в театральных сферах; ему-то Сухово-Кобылин и адресовал свое послание». Беловой автограф письма неизвестен. В ЦГАЛИ

хранятся шесть его черновых автографов (ф. 438, оп. 1, ед. хр. 263, л. 1—10 об.). Писались они в такой последовательности: I вариант: л. 10—10 об.; II вариант: л. 9—9 об.; III вариант: л. 8—8 об.; IV вариант: л. 6—7; V вариант: л. 4—5 об.; VI вариант: л. 3 об., 2—2 об., 3. Место и время написания точно указаны в IV варианте: «5 сент. 92. Кобылинка».

Обращение «Многоуважаемый Василий Силович» (варианты II—VI) позволяет установить адресата. Это Василий Силович Кривенко (1854—1931) — журналист и театральный критик. Одно время был правителем канцелярии министра двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, ведавшего и императорскими театрами, председателем Русского театрального общества. А. П. Чехов в письме к В. С. Кривенко одобрительно отозвался о двух его рецензиях на спектакль «Три сестры»: «Таким образом, главные и самые важные для меня рецензии — это Ваши, и по содержанию и по тому еще, что они оставляют сильное впечатление своею приветливостью и задушевностью». (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1981. Т. 10. С. 7).

3 января 1892 г. В. С. Кривенко вместе с С.-К. был в Александринском театре — на премьере возобновленного «Дела». А 16 января под псевдонимом «Василий Сил-вич» напечатана его рецензия «„Запорожцы" Репина и „Дело" Сухово-Кобылина» (Моск. ведомости. 1892. № 16. С. 4). Критик считает выставку картин Репина и спектакль Александринского театра двумя равнозначными художественными явлениями, возмущается, почему «микроскопическими заметками, да и то далеко не все газеты, отметили возобновление *Дела* Сухово-Кобылина». Хотя, по его мнению, многое в содержании пьесы ушло в историю, «на сцене рисуются правдивые, обыденные картины, рисуются деятели, попускавшие, бравшие и дававшие „капканные, уголовные взятки"». В конце рецензии находим некоторые подробности о жизни драматурга в Кобылинке. С.-К., не избалованный вниманием прессы, был признателен Кривенко за его рецензию. «Я очень доволен статьей Кривенко. И кратко, и хорошо, и главное об волосах и об летах все сказано: Утешил!» — сообщает драматург сестре Е. В. Петрово-Соловово 4 февраля 1892 г. (Письма А. В. Сухово-Кобылина к родным // Труды ГБЛ. М., 1934. Вып. 3. С. 260). Он видел в критике своего искреннего доброжелателя, готового помочь в битве за «Смерть Тарелкина». В. С. Кривенко в 1900 г. напомнил о здравствующем замечательном писателе, о котором тогда забыли при выборах почетных академиков (*В. С. К.* Забытый // Новое время. 1900. 24 янв. № 8588. С. 3), напечатал некролог-воспоминание (*Почитатель*. А. В. Сухово-Кобылин // Новое время. 1903. 15 марта. № 9708. С. 3). В неопубликованных мемуарах «В артистической среде» (ЦГАЛИ, ф. 785, оп. 1, ед. хр. 1, л. 35—40), написанных в конце 1924—начале 1925 г., несколько содержательных страниц посвящено С.-К.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА

1817

17 сентября. Родился в «московском Доме Сухово-Кобылиных, состоящем в Приходе Харитония в Огородниках».[1]

1831

Посещает отдельные лекции в Московском университете.

1830-е гг.

Дружба с Н. П. Огаревым, А. И. Герценом, К. С. Аксаковым.

1834

Август. Принят «своекоштным студентом» физико-математического отделения философского факультета Московского университета.

1837

24 июня. Совет университета наградил золотой медалью за представленное на конкурс сочинение «О равновесии гибкой линии с приложением к цепным мостам».

1838

Весна. Заканчивает кандидатом Московский университет.

1838—1842

Путешествует по Западной Европе. Слушает лекции в Гейдельбергском и Берлинском университетах.

1842

6 октября. В Россию приезжает Л. Симон-Деманш — гражданская жена Сухово-Кобылина.

---

[1] Автобиография 1898 г. — Но при поступлении в университет Сухово-Кобылин писал в прошении: «Родом я Московской губернии, Подольского уезда ⟨. . .⟩» (*Гроссман Л. П.* Преступление Сухово-Кобылина. Л., 1928. С. 263). Поэтому нельзя считать место рождения драматурга окончательно установленным.

1843

12 июня. Получает первый приз на первой джентльменской скачке в Москве.

11 сентября. Произведен в коллежские секретари. Служит в канцелярии московского гражданского губернатора.

1846

31 января. Произведен в титулярные советники.

1847

Художник В. А. Тропинин пишет два одинаковых портрета Сухово-Кобылина.

Октябрь—декабрь. Едет в Томск. Объезд золотых приисков.

1848

Принимает от отца управление всеми имениями.

1850

8 июля. Выходит в отставку в чине титулярного советника.

8 ноября. 3-й час ночи. Произошло убийство Л. Симон-Деманш.[2]

16 ноября. Допрос и арест.

22 ноября. Освобождение из-под ареста.

1851

13 сентября. I департамент Московского Надворного суда приговаривает крепостных к каторжным работам, а Сухово-Кобылина оправдывает.

Московская Уголовная Палата с некоторыми несущественными изменениями выносит аналогичный приговор.

1852

Лето. Задумана и начата «Свадьба Кречинского».

1853

Январь—март. На Выксе пишет «Свадьбу Кречинского».

Из-за разногласия в Общем собрании Московских департаментов Правительствующего Сената дело об убийстве Л. Симон-Деманш препровождено на консультацию в Министерство юстиции.

Письмо министру юстиции графу В. Н. Панину: «. . .почему трехлетнее судопроизводство не отстранило мое имя от дела по смертоубийству? Это вопрос о чести гражданина, и я не могу допустить в себе мысли, чтобы он не был первым вопросом судебного правосудия».

27 ноября. Дело об убийстве Деманш рассматривается в департаменте гражданских и духовных дел Государственного Совета.

17 декабря. Общее собрание Государственного Совета утверждает заключение министра юстиции В. Н. Панина о переследовании дела об убийстве Деманш и принимает решение о создании особой следственной комиссии.

---

[2] См.: *Гроссман В. А.* Дело Сухово-Кобылина. М., 1936. С. 97—102.

1854

6 января. Николай I утверждает решение Государственного Совета.

27 февраля. Чрезвычайная следственная комиссия начинает переследование дела об убийстве Деманш.

20 апреля. Решение Чрезвычайной следственной комиссии об аресте Сухово-Кобылина.

7 мая. Второй арест.

15 октября. Закончена «Свадьба Кречинского».

21 октября. Чтение «Свадьбы Кречинского» П. М. Садовскому.

4 ноября. Освобождение из-под ареста.

Ноябрь. III отделение запрещает «Свадьбу Кречинского».

1855

Февраль. Московский Надворный Суд полностью оправдывает Сухово-Кобылина и присуждает крепостных к каторжным работам. Московская Уголовная Палата с незначительными изменениями принимает приговор Надворного Суда.

1 июня. Отдает «Свадьбу Кречинского» в бенефис С. В. Шумского.

30 июня. Московский военный генерал-губернатор граф А. А. Закревский признает решение Московской Уголовной Палаты правильным и передает дело в Правительствующий Сенат.

16 августа. Получено цензурное разрешение на постановку «Свадьбы Кречинского».

31 августа. Правительствующий Сенат принимает резолюцию: «Оставить Сухово-Кобылина в подозрении по участию в убийстве Деманш. . .». Сухово-Кобылин передает «Свадьбу Кречинского» в Московскую контору императорских театров.

22 сентября. Первый печатный отзыв о «Свадьбе Кречинского» (Литературный отдел Московских ведомостей. № 114. С. 468).

28 ноября. Премьера «Свадьбы Кречинского» в Малом театре.

1856

21 февраля. Правительствующий Сенат вторично принимает резолюцию: «Оставить Сухово-Кобылина в подозрении по участию в убийстве Деманш. . .».

12 апреля. Знакомство с Н. А. Некрасовым.

15 апреля. Договаривается с Некрасовым о публикации «Свадьбы Кречинского» в «Современнике».

7 мая. Премьера «Свадьбы Кречинского» в Александринском театре (бенефис актера Ф. А. Бурдина).

12 мая. Цензурное разрешение на выпуск отдельного издания «Свадьбы Кречинского».

13 мая. Выпуск «Современника» (№ 5), где опубликована «Свадьба Кречинского».

21 июня. Обер-прокурор Сената П. И. Рогович по поручению В. Н. Панина вносит в Сенат новое предложение: оправдать и крепостных и Сухово-Кобылина.

31 августа. Написаны две первые сцены «Дела».

1857

17 сентября. Задумана третья пьеса («Смерть Тарелкина»).

5 октября. Написаны две первые сцены из третьей пьесы.

25 октября. Государственный Совет большинством голосов (28 членов) принимает окончательное решение по делу об убийстве Деманш: крепостные оправданы, Сухово-Кобылин приговорен к церковному покаянию за любовную связь.

3 декабря. Александр II написал на решении Государственного Совета: «и Я».

1858

30 января. Читает «Дело» М. С. Щепкину.

15 апреля. Уезжает за границу.

7 октября. Чтение «Дела» Ап. Григорьеву.

1859

19 августа. Женитьба на баронессе Мари де Буглон.

1860

26 октября. Умирает Мари де Буглон.

1861

Февраль. Закончена первая редакция «Дела».
1 мая. В Лейпциге издано «Дело» тиражом 25 экземпляров — «для частного использования».
Декабрь. Запрещение «Дела» для сцены и для печати.

1862

24 июня. Чтение «Дела» у П. В. Анненкова.
8 июля. Умирает Мария Ивановна, мать Сухово-Кобылина.

1863

15 июня. Чтение «Дела» в Театрально-литературном комитете при дирекции императорских театров.
29 июня. Управляющий III отделением А. Л. Потапов запрещает «Дело».

1865

23 ноября. Комитет по печати запрещает «Дело».

1866

21 марта. Отправляет «Дело» с письмом императрице.

1867

До сентября. Женитьба на англичанке Эмилии Смит.
25 сентября. Умирает Софья Васильевна, сестра Сухово-Кобылина.

1868

26 января. Умирает Эмилия Смит.
11 февраля. Договаривается в типографии Московского университета о печатании «Свадьбы Кречинского» и «Дела».

1869

23 февраля. Закончена «Смерть Тарелкина».
13 марта. Переделан финал «Смерти Тарелкина».
31 марта. Закончено печатание трилогии «Картины прошедшего».

1873

11 апреля. Умирает Василий Александрович, отец Сухово-Кобылина.

1876

Запрещение «Дела» для сцены.

1881

Вторая половина. «Дело» разрешено для представления под названием «Отжитое время» и с большими цензурными купюрами.

1882

4 апреля. Премьера «Отжитого времени» в Малом театре (бенефис помощника режиссера А. М. Кондратьева).

12 апреля. Премьера «Отжитого времени» в Русском театре в Москве (труппа А. Ф. Федотова).

31 августа. Премьера «Отжитого времени» в Александринском театре.

Запрещение «Смерти Тарелкина» для сцены.

1884

Ок. 29 февраля. Министр двора граф И. И. Воронцов-Дашков отвечает отказом на просьбу Сухово-Кобылина выплатить гонорар за постановки «Свадьбы Кречинского».

1885

3 февраля. В здании русского посольства в Константинополе поставлен любительский спектакль «Свадьба Кречинского».

1887

15 января. Цензурное разрешение на издание «Дела». Пьеса напечатана в Москве в типографии Л. и А. Снегиревых с подзаголовком: «Отжитое время». Издание второе, исправленное и сокращенное по указаниям сцены.

1888

26 марта. Выступает на заседании Имп. Русского технического общества с сообщением «Способ прямого получения ректификованного спирта из бражки». Сообщение напечатано в Записках общества (1888. № 8).

До 9 апреля. Исправленный и сокращенный вариант «Смерти Тарелкина» запрещен начальником Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистовым.

1889

Ноябрь. Приезжает в Петербург хлопотать о допуске на сцену новой редакции «Смерти Тарелкина» — «Расплюевские красные дни».

Написан сатирический памфлет «Квартет».

1890

19 апреля. В петербургской газете «Свет» (№ 8) опубликована статья Сухово-Кобылина «Похороны Золотого банка».

1892

3 января. Возобновление «Дела» в Александринском театре.

15 марта. Умирает Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (Евгения Тур) — сестра Сухово-Кобылина.

Апрель. Министр внутренних дел И. Н. Дурново запрещает для сцены «Смерть Тарелкина».

25 декабря. Заканчивает сатирическую сцену «Торжественное соглашение Батюшки с Миром, или Тариф на раздробительную Продажу Даров Духа Святаго (Сцена из сельской Жизни)».

1893

Декабрь. Пытается напечатать в московском журнале «Русское обозрение» фрагмент из своих философских трудов.

1895

26 ноября. Юбилейный спектакль «Свадьба Кречинского» в театре Ф. А. Корша.

Написаны воспоминания «1895 год. 40-летие Свадьбы Кречинского».

1896

Апрель. Подготовлен для цензуры новый вариант «Смерти Тарелкина».

11 октября. Возобновление «Дела» в Александринском театре.

Умирает Евдокия Васильевна Петрово-Соловово, сестра Сухово-Кобылина.

1897

17 сентября. Поздравительная телеграмма труппы Александринского театра Сухово-Кобылину по случаю его 80-летия.

1898

21 марта. Цензурное разрешение на выпуск сувенирного издания «Свадьбы Кречинского», с портретом автора, копией с рисунка «П. М. Садовский в роли Расплюева» и семью снимками сцен из спектакля Театра Корша (художник-фотограф К. А. Фишер) (М.: Русская типолит. Премия журнала «Будильник» на 1898 г.).

18 сентября. Написана автобиография.

1899

19 декабря. Пожар в Кобылинке, уничтоживший библиотеку и рукописи Сухово-Кобылина.

1900

24 марта. Цензорское разрешение на постановку «Смерти Тарелкина» в театре Литературно-художественного общества в Петербурге.

11 мая. Как почетный гость присутствует в Ярославле на спектакле «Свадьба Кречинского», сыгранном труппой Александринского театра в честь 150-летия русского театра.

12 сентября. Генеральная репетиция «Расплюевских веселых дней» («Смерть Тарелкина») в Театре Литературно-художественного общества.

15 сентября. Премьера «Расплюевских веселых дней» в Театре Литературно-художественного общества.

18 сентября. Набрасывает вариант предисловия к трилогии.

9 ноября. Возобновление «Дела» в Малом театре (бенефис актера О. А. Правдина).

1901

8 января. В Болье посылает записку А. П. Чехову: «Мои старые Кости с удовольствием ⟨принимают⟩ приглашение ваше — вам всегда преданный А. Сухово-Кобылин» (РО ГБЛ, ф. 331, карт. 59, ед. хр. 84, л. 1).

9 января. В Болье на обеде у М. М. Ковалевского встречается с А. П. Чеховым (ЦГАЛИ, ф. 438, оп. 1, ед. хр. 253, л. 37 об.).

Апрель—май. Пишет новый финал «Смерти Тарелкина».

6—8 июля. Петербургские артисты играют трилогию в Москве на сцене театра «Аквариум».

1902

5 февраля. Генеральная репетиция «Свадьбы Кречинского» в Париже на сцене театра «Ренессанс».

25 февраля. Избран почетным академиком по разряду изящной словесности Российской Академии наук.

1903

11 марта. Умер в Болье, близ Ниццы.

6 июня. Цензурное разрешение на издание «Расплюевских веселых дней» (Литография Московской театральной библиотеки С. Ф. Рассохина).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО

Дополнения

Приложения

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУХОВО-КОБЫЛИН

КАРТИНЫ ПРОШЕДШЕГО

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор издательства *Е. А. Смирнова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Л. М. Семенова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Н. Г. Каценко* и
Э. В. Коваленко

ИБ № 21682

Сдано в набор 15.08.88. Подписано к печати 12.06.89. Формат 70×90 1/16. Бумага книжно-журнальная. Фотонабор. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.32+0.58 на меловой бумаге. Усл. кр.-от. 28.07. Уч.-изд. л. 28.54. Тираж 50 000 (1-й завод 1—25 000 экз.)
Тип. зак. № 711. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.